Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

Институт социально-экономических и энергетических
проблем Севера Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЯ, ТРУД, ОБРАЗОВАНИЕ

Ответственный редактор
доктор экономических наук В. В. Фаузер

Саратов 2024

УДК 314.122
ББК 60.7
Ч39

Ч39 **Человеческие ресурсы северных регионов России: демография, труд, образование** / В. В. Фаузер [и др.]; отв. ред. В. В. Фаузер. Вып. 24. Библиотека демографа. – Саратов : Амирит, 2024. – 320 с. : табл. 63, библиогр. назв. 323, прил. 19.
ISBN 978-5-00207-688-8

В монографии рассмотрены вопросы формирования и использования человеческих ресурсов северных регионов России. Особое внимание уделено вопросам воспроизводства человеческих ресурсов, проблемам травматизма. Подробно изучены направленность и результативность миграционных потоков, показано их влияние на количество и качество человеческих ресурсов. Впервые рассмотрен этнический потенциал статусных этносов и коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Значительное внимание отведено качественным характеристикам человеческих ресурсов.

Рекомендуется научным работникам, специалистам государственной службы и управления, преподавателям экономики народонаселения и демографии, а также учащимся вузов. Издание будет познавательным и для жителей российского Севера.

Human resources of the northern regions of Russia: demography, labour, education / V. V. Fauzer [et al.]; ed. by V. V. Fauzer. Iss. 24. Demographer's Library. – Saratov : Amirit, 2024. – 320 p. : 63 tables, 323 biblio. ref., 19 app.
ISBN 978-5-00207-688-8

The monograph considers the issues of formation and use of human resources of the northern regions of Russia. Special attention is paid to the issues of human resources reproduction and traumatism. The direction and efficiency of migration flows are considered in detail with demonstrating their influence on the quantity and quality of human resources. For the first time, the ethnic potential of status ethnic groups and indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East have been analysed. Considerable attention is paid to the qualitative characteristics of human resources.

The book is recommended to researchers, specialists in public service and management, teachers in population economics and demography, as well as to university students. The monograph will also be informative for the inhabitants of the Russian North.

Авторский коллектив: В. В. Фаузер, Л. А. Попова, Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер, И. А. Панарина, Н. Ю. Журавлев, Е. А. Чупрова

Рецензенты:
доктор экономических наук, профессор *С. А. Иванов*
доктор экономических наук, профессор *О. А. Козлова*

УДК 314.122
ББК 60.7

ISBN 978-5-00207-688-8

© Коллектив авторов, 2024
© ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Россию по праву называют северным государством. Из всей площади страны – 17 125,2 тыс. кв. км на российский Север приходится 7623,7 тыс. кв. км, или 44,5 %. Большая часть площади – это Азиатский Север – 6291,6 тыс. кв. км (82,5 %), на Европейский Север приходится 1332,1 тыс. кв. км (17,5 %). Для сравнения, площадь США составляет 9834,0 и Китая – 9597,0 тыс. кв. км.

Российский Север является высоко урбанизированным регионом, здесь расположены 117 городов и 171 поселок городского типа (далее – пгт). В число крупнейших городов на Европейском Севере входят Архангельск (301,2 тыс. человек), Мурманск (270,4), Петрозаводск (234,9) и Сыктывкар (220,6); на Азиатском Севере самыми крупными являются Сургут (396,4 тыс. человек), Якутск (355,4) и Нижневартовск (283,3). Большую часть городских поселений составляют малые и средние города, поселки городского типа.

С первых дней своего существования молодое советское государство проявило интерес к северным территориям. В известном «Наброске плана научно-технических работ» В. И. Ленин в апреле 1918 г. поставил перед Академией наук задачу составить план рационального размещения промышленности. Он предусматривал самостоятельное снабжение страны собственными ресурсами сырья и энергии. Решение этой задачи требовало в первую очередь широкого изучения природных ресурсов страны и, в частности, северных и восточных территорий, представлявших в отношении изученности в подавляющей своей части «белое пятно». В 1918 г. организованы первые гидрографические экспедиции для исследования арктических морей, экспедиции для изучения Ухтинского месторождения нефти, в Архангельске подготавливалась первая экспедиция через Карское море в Сибирь, в устья Оби и Енисея за сибирским хлебом *(Фаузер, Лыткина, Фаузер Г., 2016, с. 5).*

На Севере России расположены основные запасы углеводородного сырья, леса, рыбы, золота и алмазов. Север богат дикоросами, пушным зверем и северными оленями. Но главным богатством являются коренные

малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, статусные этносы национальных республик, старожильческое население, адаптированное к суровым условиям Севера и Арктики.

В фокусе внимания 13 регионов, территории которых отнесены к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним. На Европейском Севере это две республики – Карелия и Коми, две области –Архангельская и Мурманская и один автономный округ – Ненецкий. На Азиатском Севере – две республики – Саха (Якутия) и Тыва, один край – Камчатский, две области – Магаданская и Сахалинская, три автономных округа – Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий. Материалы третьей главы рассмотрены на примере 24 регионов, дополнительно к 13 включены 11 регионов, территории которых отнесены к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним – частично. На Европейском Севере это Пермский край, на Азиатском – две республики – Алтай и Бурятия, четыре края – Забайкальский, Красноярский, Приморский, Хабаровский, четыре области – Амурская, Иркутская, Томская и Тюменская.

Информационной базой стали переписи населения, проведенные в СССР и новой России, данные текущего учета о естественном и миграционном движении населения, материалы социологических опросов.

Первая глава монографии посвящена теоретическим и методологическим подходам к изучению человеческих ресурсов. Рассматривается трансформация категорий и характеристик, описывающих человеческие ресурсы, в советский и постсоветский периоды. Определяются основные подходы к понятию сущности человеческих ресурсов. Дается оценка ресурсам труда для экономики. Описывается переход от традиционных к новым формам занятости в условиях пандемии COVID-19.

Вторая глава книги фокусируется на изучении человеческих ресурсов российского Севера в стратегиях природопользования. Основываясь на материалах социологического исследования, предлагается анализ практик природопользования, а также даются оценки уровня и качества жизни северян, что определяет перспективы развития человеческих ресурсов на Севере. Рассмотрены территориальные особенности современного природопользования в северных регионах России.

В *третьей главе* Север России рассматривается как часть социально-экономического пространства России. Представлена история районирования и установления преференций для Севера России. Рассмотрены вызовы и противоречия, возникшие после выделения из Севера России Арктической зоны Российской Федерации. Изучены демографическая динамика и трансформация системы расселения Севера России в межпереписной

период 2010–2021 гг. на уровнях регионов, муниципальных образований и городских населенных пунктов.

Четвертая глава посвящена демографическому измерению человеческих ресурсов. Рассмотрена рождаемость населения в северных регионах России. Особое внимание уделяется проблемам подростковой рождаемости. Рассматриваются уровень и структура смертности населения на российском Севере в региональном разрезе. Исследована проблема смертности и травматизма от несчастных случаев на производстве в регионах российского Севера.

В *пятой главе* анализируется влияние миграций и образования населения на качество человеческих ресурсов. Рассмотрены теоретические аспекты миграции населения и влияние миграций на численность человеческих ресурсов северных регионов. Оценивается образовательный потенциал человеческих ресурсов российского Севера по данным переписей населения 2002–2021 гг. Выявлены пространственные диспропорции в размещении человеческих ресурсов.

В *шестой главе* рассматривается этнический потенциал человеческих ресурсов российского Севера. Приводится исторический обзор о северных национальных республиках России (Карелия, Коми, Саха и Тыва) в контексте развития человеческих ресурсов. Оценивается демографический потенциал статусных (титульных) национальностей этих республик. Описывается история формирования перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, анализируется динамика их численности за 1926–2021 гг.

В написании монографии приняли участие: В. В. Фаузер (введение, главы 1, 3, 5, 6, заключение); Л. А. Попова (разделы 4.1, 4.3); Т. С. Лыткина (глава 2); А. В. Смирнов (глава 3, разделы 1.4, 5.2, 5.3, 6.2, 6.4, заключение); Г. Н. Фаузер (главы 3, 6, разделы 1.4, 5.2, 5.3); Н. Ю. Журавлев (раздел 5.2); И. А. Панарина (раздел 4.4); Е. А. Чупрова (раздел 4.2).

Авторы выражают признательность рецензентам: доктору экономических наук, профессору А. И. Иванову и доктору экономических наук, профессору О. А. Козловой за ценные замечания и желание сделать рукопись интереснее.

Глава 1

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

1.1. Категории и характеристики ресурсов труда в советский и постсоветский периоды

Главным критерием экономического развития общества становится понимание им человеческих и интеллектуальных ресурсов с позиций их непреходящей ценности. Величайший экономист и философ XIX в. К. Маркс отмечал, что пониманию сущности резервов человеческого фактора в экономике способствует рассмотрение человека в качестве активной производительной силы, активного субъекта отношений собственности, обмена, распределения и потребления. Благодаря своему труду, своему вкладу в производство, и, в первую очередь, производство материальных благ, человек занимает центральное место в структуре производительных сил общества. Человек способен «быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам» *(Маркс, Энгельс, 1960, с. 205)*.

Развитие организаций и их успех в конкурентной борьбе невозможен без соответствующего трудового потенциала. Вступив в новое тысячелетие, ведущие страны и организации делают ставку на развитие человеческого потенциала. В настоящее время идет жесткая борьба за человека труда, его знания и умения *(Фаузер, Климашевская, 2004, с. 3)*. Однако нельзя забывать, что в основе воспроизводства ресурсов труда лежат демографические процессы *(Фаузер Вл., 2010, с. 143–160)*. Следовательно, менеджменту организаций наряду с решением чисто экономических задач необходимо должное внимание уделять демографической составляющей *(Друкер, 2001)*. Существует достаточно много категорий применительно к населению, участвующему в процессе труда: трудовые ресурсы, трудовой потенциал, демографический потенциал, человеческий потенциал, рабочая сила, человеческие ресурсы и ряд других.

Категории рыночной экономики в социально-трудовой сфере вошли в научно-практический оборот после принятия Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-I и наступления нового этапа в развитии социально-трудовых отношений. Принятый Закон определил правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе гарантии государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы.

После 1930 г., когда было объявлено о ликвидации безработицы и закрылась последняя биржа труда, в 1991 г. это явление вновь стало реальной действительностью. Поэтому законодатель должным образом на это отреагировал. Согласно закону, безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней.

Трудовые ресурсы. Это наиболее распространенная категория, используемая до настоящего времени при составлении баланса трудовых ресурсов регионов *(Юсупова, 2014)*. В России категория «трудовые ресурсы» впервые была применена в научной литературе в 1922 г. академиком С. Г. Струмилиным и рассматривалась как рабочая сила данной страны или народа в возрасте 16–59 лет *(Струмилин, 1964)*. Трудовые ресурсы первоначально трактовались как учетно-статистическая категория, необходимая для разработки баланса трудовых ресурсов. В большинстве работ отмечается, что трудовые ресурсы представляют собой часть населения страны, которая в силу психофизиологических и интеллектуальных качеств способна производить материальные блага или услуги *(Экономика труда, 1996; Эренбург, Смит, 1996)*.

Введение в 1920–1930-х гг. в научный оборот понятия «трудовые ресурсы» было не случайным и обусловлено всем ходом социально-экономического развития страны (индустриализацией и коллективизацией). При этом трудовые ресурсы рассматривались преимущественно с количественной точки зрения как один из видов естественных ресурсов, необходимых для общественного производства. Авторитарное государство стремилось через план управлять в экономике всем и вся. Понятие «трудовые ресурсы» было настоящей находкой, открывавшей широкий простор для государственного воздействия на «человеческие ресурсы» во всем объеме, а не только на какую-то их часть *(Фаузер, 2022в)*. Необходимость введения заключалась и в том, что наряду с конституционным правом на труд была законодательно закреплена обязанность каждого трудоспособного гражданина трудиться или учиться с отрывом от производства (исключение

составляли инвалиды I и II групп). К лицам, длительное время не работающим, применялась уголовная мера наказания – лишение свободы. Государство считало своей прямой обязанностью вести сплошной статистический учет трудоспособного населения – трудовых ресурсов.

Демографическим (статистическим) критерием отнесения какой-либо части населения к трудовым ресурсам является законодательно определенный для каждой страны возраст начала и окончания трудовой деятельности. В России трудоспособным возрастом считался до 2019 г. для мужчин – 16–59 лет включительно и у женщин – 16–54 года. С принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350 возраст выхода на пенсию будет постепенно увеличен у мужчин до 65 и у женщин – до 60 лет.

Следует обратить внимание, что термин «трудоспособный возраст», используемый в странах, где верхний предел устанавливается возрастом выхода на пенсию, отличается от приведенного в резолюции 19-й Международной конференции статистиков труда (далее – МКСТ) 2013 г., согласно которой для определения населения трудоспособного возраста:

а) нижний возрастной предел должен быть установлен с учетом минимального возраста приема на работу и исключений, предусмотренных национальным законодательством или нормативно-правовыми актами, либо с учетом возраста окончания обязательного школьного обучения;

б) верхний возрастной предел не должен устанавливаться для того, чтобы была возможность обеспечивать полный охват трудовой деятельности взрослого населения и оценивать переход от трудовой деятельности к пенсии по возрасту.

Представляет интерес возраст выхода на пенсию в зарубежных странах. Например, в Канаде он составляет 65 лет. Минимальный пенсионный возраст – 60 лет, при этом пенсионная выплата будет уменьшена до 36 %. Лица, выходящие на пенсию после 65 лет, получают пенсию с повышенным коэффициентом – до 42 % при выходе на пенсию в 70 лет. В Норвегии возраст выхода на пенсию составляет 67 лет. Для отдельных категорий граждан (военных, полицейских и т. д.) нижний возрастной предел может быть 65, 63 и 60 лет. Интересен опыт Чехии, где возраст выхода на пенсию зависит от года рождения, пола и количества рожденных детей (для женщин). Для лиц, рожденных до 1936 г., пенсионный возраст составляет 60 лет для мужчин, для женщин он варьируется от 53 (если она воспитала не менее пяти детей) до 57 (без детей). Для граждан, родившихся в 1936–1971 гг., возраст выхода на пенсию увеличивается ежегодно на два месяца у мужчин

и на четыре – у женщин. Для родившихся после 1971 г. возраст выхода на пенсию составляет 65 лет.

Самая сложная система выхода на пенсию в Германии. Люди, родившиеся до 1947 г., выходят на пенсию в 65 лет. У людей, родившихся в 1947–1958 гг., к пенсионному возрасту 65 лет прибавляется еще один месяц за каждый год. То есть немцы, родившиеся в 1958 г., выходят на пенсию в 66 лет. Для людей, родившихся в 1959–1963 гг., возраст выхода на пенсию определяется добавлением к 66 годам еще двух месяцев за каждый год. Таким образом, возраст выхода на пенсию постепенно повышается. Все, родившиеся с 1964 г., будут выходить на пенсию только в 67 лет.

Согласно сложившейся статистической практике, трудовые ресурсы состоят из трудоспособных граждан в трудоспособном возрасте и работающих в экономике страны граждан моложе и старше трудоспособного возраста. При этом нижняя граница возраста на разных этапах социально-экономического развития нашей страны несколько раз менялась. Так, в период первой пятилетки (1929–1933 гг.) нижняя граница трудоспособного возраста была определена как 14 лет. К концу второй пятилетки (к 1937 г.) она была повышена до 15 лет. В годы Великой Отечественной войны эта граница вновь опустилась до 14 лет. В послевоенные годы и до настоящего времени – 16 лет.

Для некоторых видов профессиональной деятельности пенсионная планка заметно ниже – на 5–10 лет, а то и более. Право на льготную пенсию имеют (кроме инвалидов) лица, проработавшие 15 календарных лет в районах Крайнего Севера или 20 лет в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера[1]. Право на пенсии на льготных условиях имеют женщины, родившие трех детей и воспитавшие их до достижения ими возраста 8 лет, достигшие возраста 57 лет, если они имеют страховой стаж не менее 15 лет.

Часть людей по ряду обстоятельств не включена в общественное производство. Среди них можно назвать тех, кто не работает по собственному желанию, тех, кто не может найти работу, и тех, кто является нетрудоспособным в связи с инвалидностью. Не занятая в экономике часть трудоспособного населения относится к потенциалу трудовых ресурсов *(Экономика труда, 1996, с. 24–25, 28)*.

Потенциалы – характеристики человеческих свойств. Прежде чем перейти к рассмотрению следующих категорий, необходимо остановиться на понятии «потенциал». Термин «потенциал» в различных трактовках получил широкое распространение в моделях биологических, социаль-

[1] О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201312300040?index=1 (дата обращения 05.06.2024).

ных и экономических наук. Начиная с середины XIX – начала XX в. в научный оборот были введены различные «потенциалы», отражающие разные аспекты демографической системы. Несмотря на множество работ, концепции *потенциальной демографии* (капитализированная стоимость У. Фарра, репродуктивный потенциал Р. Фишера, потенциал роста П. Венсана, популяционная инерция Н. Кейфитца, жизненный потенциал и трудовой потенциал Л. Херша и др.) не были обобщены на случай меняющихся во времени показателей рождаемости и смертности. Известные попытки обобщения репродуктивного потенциала (П. Самуэльсон, Я. Ким, Ш. Тулджапуркар и др.) опирались на модели специального вида, не были адекватны классической интерпретации концепции или содержали ошибки. Обобщение потенциала роста (популяционной инерции) на общий случай не было предложено, а известные оценки для специального случая асимптотически стационарного населения оказались ошибочны в условиях изменения среднего возраста деторождения. Не была также решена выдвинутая уже давно проблема разработки единого подхода к понятиям потенциальной демографии. Решение названных проблем отчасти нашло отражение в диссертации Д. М. Эдиева «Теория и приложения демографических потенциалов», определяющей вклад человека в демографические, экономические, экологические и прочие процессы с учетом последействия, реализующегося через его потомков *(Эдиев, 2008, с. 4)*.

Серьезным фактором, ограничивающим применение вышеуказанных теоретических положений, явилось то, что подходы разработаны только в рамках моделей с постоянным режимом воспроизводства. Это обуславливает необходимость дальнейших исследований оценки потенциалов населения. Актуальность работы также обусловлена большим интересом к разработке новых методов демографического анализа и моделирования. Этот интерес особенно велик в связи с последним развитием демографической ситуации в стране и ее регионах.

Трудовой потенциал. Термин «трудовой потенциал» стал широко применяться в социально-экономической и демографической литературе в конце 1970-х – начале 1980-х гг., существенно потеснив традиционную категорию «трудовые ресурсы» («трудовой потенциал» первоначально служил синонимом «трудовых ресурсов»). Одна из первых попыток разграничить указанные понятия принадлежит В. Г. Костакову. Он ввел следующее определение: «Трудовой потенциал – это запасы труда. Они зависят от общей численности трудовых ресурсов и их структуры по полу и возрасту, уровня занятости по полу и возрасту, накопленных знаний, степени соответствия демографической структуры работающих условиям повышения

эффективности труда, социальной мобильности населения (территориальной и профессиональной)» *(Трудовые ресурсы, 1976, с. 18)*.

Социологи предложили концепцию трехзвенного состава трудового потенциала. Они отмечают, что понятие «трудовой потенциал» является новым по сравнению с категориями «рабочая сила», «трудовые ресурсы». Данное понятие можно использовать для отражения всей совокупности свойств работника, влияющих на его производственную отдачу. Представляется, что в понятие «трудовой потенциал» целесообразно включать: а) психофизиологический потенциал – способности и склонности; здоровье, работоспособность, выносливость; тип нервной системы и т. п.; б) квалификационный – объем общих и специальных знаний, трудовых навыков и умений, обусловливающих способность к труду определенного качества; в) личностный потенциал – уровень гражданского сознания и социальной зрелости, степень усвоения работником норм отношения к труду, его ценностные ориентации, социальные интересы, потребности и запросы в сфере труда. Трудовой потенциал работника находится в постоянном изменении, развитии *(Стаканова, Шкаратан, 1985, с. 11–12)*.

С точки зрения демографии трудовой потенциал стали рассматривать как жизненный потенциал населения за период трудовой деятельности при данном уровне экономической активности и смертности. Было определено, что трудовой потенциал поколения определяется временем, которое в данном возрасте оно проживет в будущем, в соответствии с существующими в данное время и в данном населении уровнем экономической активности по возрастам и повозрастными показателями смертности *(Проблемы народонаселения, 1986, с. 50)*.

Демографический подход к изучению трудового потенциала обоснован еще и тем, что материальной основой трудового потенциала служит демографическое воспроизводство, обеспечивающее непрерывное возобновление поколений людей как физических носителей социальных качеств и отношений *(Пирожков, 2008, с. 416)*.

Анализ различных подходов к трудовому потенциалу показывает, что обозначились две тенденции в толковании населения: с одной стороны, категория потенциала применялась исключительно к какой-либо одной из качественных характеристик населения, тогда как другие не входили в предмет исследования, т. е. свойства как бы отсекались от их носителя, что придавало исследованию весьма абстрактный характер; с другой стороны, наметилась тенденция включить трудовой потенциал в более общие социально-экономические категории потенциальности.

Можно вычленить наиболее характерные трактовки трудового потенциала:

– трудовой потенциал как форма воплощения личного фактора производства, или человеческого фактора;

– трудовой потенциал как совокупная способность общества к труду (трудоспособное население);

– трудовой потенциал как потенциал труда.

Приведенные определения трудового потенциала свидетельствуют о неоднозначном толковании его разными авторами. Здесь следует подчеркнуть, что неверно сводить трудовой потенциал к трудоспособному населению (трудовым ресурсам) как ресурсно-личному фактору производства, поскольку человек всегда и во всех своих общественных проявлениях обнаруживает все качества своей личности. Будучи субъектом производства, человек остается гражданином, имеет те или иные воззрения на мир, является носителем определенного уровня духовной культуры, суждений об окружающей действительности и ее возможностях.

Достаточно полно трудовой потенциал исследовал В. И. Усачев *(Усачев, 2008, с. 13, 16)*. Он пишет, что «под трудовым потенциалом следует понимать развитую в данном обществе совокупность демографических, социальных и духовных характеристик и качеств трудоактивного населения, которые реализованы или могут быть реализованы в условиях достигнутого уровня развития производительных сил, научно-технического прогресса и системы отношений, связанных с участием в процессе труда и общественной деятельности. В понятие трудоактивного населения в данном случае включается не только категория дееспособных лиц в трудоспособном возрасте, но и находящиеся за его пределами люди».

«Трудовой потенциал» – как базовое понятие применимо только к населению, выступающему носителем совокупности свойств и качеств трудового потенциала. Если население рассматривать в дифференцированном виде по различным признакам (например, пол, возраст, территория и др.), в таком случае можно говорить о трудовом потенциале мужчин и женщин, населения трудоспособного и нетрудоспособного возраста, конкретного региона и т. д. Трудовой потенциал отрасли народного хозяйства в принятой методологической постановке теряет научный смысл, так как отсутствует предмет исследования. Для обозначения лиц, занятых в отраслях народного хозяйства, лучше пользоваться термином «трудовые ресурсы». Здесь также важно подчеркнуть, что трудовой потенциал общества, территории, отдельной организации реализуется в процессе труда отдельно взятого работника. Поэтому с теоретико-методологической точки зрения важно изучить трудовой потенциал работника. По нашему мнению, трудо-

вой потенциал работника представляет из себя сложную систему, возникающую в результате взаимодействия личности с предметной и человеческой средой, образуемой другими работниками (группами) с их трудовым потенциалом, созданной и используемой технико-технологической, материальной, информационной и другими базами, условиями труда, системой, обеспечивающей воспроизведение умственных и физических затрат *(Фаузер, Климашевская, 2004, с. 56, 59)*.

Трудовой потенциал имеет количественную и качественную стороны. Количественная сторона трудового потенциала образуется: численностью трудоспособного населения и количеством рабочего времени, отрабатываемым трудоспособным населением при данном уровне интенсивности труда. Качественная сторона трудового потенциала включает: степень состояния здоровья, развития физической дееспособности трудоспособных членов общества; образовательный и квалификационный уровни; уровень корпоративной культуры. Таким образом, качественная сторона трудового потенциала определяется физическим и духовным уровнями, от которых зависит трудовая активность членов общества, персонала компании. Качественная характеристика трудового потенциала не имеет единого синтетического выражения.

Демографический потенциал. Если обратиться к специальной энциклопедической литературе по демографии *(Демографический понятийный словарь, 2003; Демографический энциклопедический словарь, 1985; Народонаселение. Энциклопедический словарь, 1994)*, в ней не найти какого-либо «универсального» или устоявшегося определения «демографический потенциал». В указанных работах такое определение попросту отсутствует. В то же время в научной литературе используются категории демографического и трудового потенциалов. Большинство отечественных авторов дают совокупную оценку демографическому и трудовому потенциалам, не разделяя их на две самостоятельные дефиниции. На наш взгляд, это не совсем оправдано, несмотря на то, что в основе трудового потенциала лежит демографический.

Рассмотрим, что включает в себя демографический потенциал. В научной литературе приведены следующие определения:

– демографический потенциал региональной экономики, который включает возможности воспроизводства населения и развития человека, характеризуется показателями уровня общественного развития, качества жизни, средней продолжительностью предстоящей жизни, уровнем грамотности взрослого населения, объемом реального ВВП на душу населения;

– демографический потенциал (человеческий капитал) – совокупность знаний, навыков, способностей и мотиваций человека, имеющих экономи-

ческую ценность. Демографический потенциал увеличивается в результате своеобразного инвестирования (рождения и воспитания детей, образования людей, миграции населения и др.) и уменьшается в результате износа (физического и морального);

– демографический потенциал рассматривается в контексте идеологии человеческого потенциала народонаселения. Количественный и качественный потенциалы его воспроизводства являются условием, основой и целью развития общества и государства *(Федотовская, 2001, с. 52)*.

Из выше приведенных определений следует отождествление демографического потенциала с человеческим капиталом, или с человеческим потенциалом, что, на наш взгляд, не совсем верно.

Ближе всего к определению сущности демографического потенциала подошли А. Г. Вишневский, С. А. Васин и Ж. А. Зайончковская. Они отмечают, что демографический потенциал страны, в первом приближении, – это число ее жителей. Характеризуя демографический потенциал, авторы используют следующие показатели: численность населения и его воспроизводство (рождаемость, смертность), возрастную структуру, ожидаемую продолжительность жизни, миграционный прирост, прогнозы роста населения, жизненный потенциал населения, демографическое старение и пенсионное обеспечение *(Вишневский, Васин, Зайончковская, 1999*).

Таким образом, можно заключить, что демографический потенциал представляет собой возможности количественного изменения населения в результате взаимодействия естественного и миграционного движений. Результаты, или «скорость» изменения демографического потенциала региона, зависят от исходных (базовых) количественных и качественных характеристик населения. Необходимо подчеркнуть, что величиной демографического потенциала можно управлять посредством демографической и миграционной политики.

Жизненный потенциал. Представление о демографическом потенциале общества можно получить через понятие жизненного потенциала, который измеряется числом людей с учетом прожитого ими совокупного времени, он постоянно меняет свою величину, причем как в сторону увеличения, так и уменьшения. Число людей может становиться меньшим, а число прожитых ими лет, а значит, и возможности деятельности – большими. Понятно, что замедление, а затем и прекращение роста численности населения требует особого внимания к проблеме сохранения и увеличения понимаемого таким образом жизненного потенциала.

Долгая жизнь и длительное сохранение здоровья большинства населения – исторически новое явление. Только во второй половине XX в. нескольким десяткам промышленно развитых стран удалось достичь

ожидаемой продолжительности жизни, превышающей 70–80 лет, и за счет этого резко расширить жизненный потенциал каждого поколения, сделав его более устойчивым. Важно и то, что, достигнув более долгой жизни, люди одновременно увеличили и продолжительность здоровой жизни. Между достижением этих двух целей есть известное противоречие, ибо общее удлинение жизни часто достигается за счет того, что медицина продлевает жизнь уже больного человека, так что по мере роста ожидаемой продолжительности жизни, доля лет, прожитых в здоровом состоянии, по отношению к общей сумме прожитых лет может даже уменьшаться. И все же, несомненно, что в западных странах абсолютное среднее число лет здоровой жизни увеличивается: по имеющимся оценкам, продолжительность здоровой жизни составляет примерно 80–90 % всей ожидаемой продолжительности жизни для мужчин и 77–87 % – для женщин *(Окольский, 1993)*.

На конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. была сформулирована главная цель современной человеческой цивилизации: найти такие способы существования, которые позволили бы не только сохранять достигнутый уровень жизненного потенциала человечества, но и обеспечивали бы постоянное его увеличение на протяжении неопределенно долгого времени. В практическом плане возникает задача, как измерять уровень жизненного потенциала? Обычно жизненный потенциал отдельного человека измеряется продолжительностью его предстоящей жизни. Жизненный потенциал семьи измеряется суммарной продолжительностью предстоящей жизни членов этой семьи, т. е. количеством человеко-лет, которое могут прожить все члены семьи в ее нынешнем составе. Для оценки потенциала региона или государства в целом нужно определять суммарную продолжительность будущей жизни всего ныне живущего населения.

На упомянутой конференции также было отмечено, что уровень жизненного потенциала является интегрирующим показателем, в котором отражаются все стороны жизни общества и отдельных людей: состояние систем охраны здоровья и правопорядка, образованность и уровень культуры населения, состояние экономики, политическая стабильность, социальное спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. При этом подчеркивалось, что в качестве главной цели программы устойчивого развития региона целесообразно провозгласить цель постоянного увеличения жизненного потенциала его жителей *(Фаузер, 2010)*.

В национальном проекте «Демография» одной из целей является увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет. Однако наряду с этим необходимо «не только установить ожидаемую продолжительность жизни населения и длительность обучения, но и потребности, способности и готовности людей вести здоровый образ жизни и быть здоровыми,

а также потребности, способности и готовности людей овладевать знаниями и быть знающими, компетентными в различных областях общественной жизни. К сожалению, у многих людей и социальных общностей сегодня в полной мере не развиты потребности, способности и готовности вести здоровый образ жизни, быть здоровыми. Эти потребности, способности и готовности, как правило, возникают, когда состояние здоровья ухудшается. Но когда недуг проходит, то потребность, способность и готовность постоянно заботиться о своем здоровье исчезают» *(Иванов, 2013, с. 13)*.

Человеческий потенциал. Рассмотрение потенциалов оценки – характеристик населения было бы неполным без рассмотрения научной категории «человеческий потенциал». Комплексно заниматься проблемой развития человека был призван Институт человека РАН, существовавший в период 1992–2004 гг., среди основных направлений которого были философские и методологические основания комплексных исследований человека, проблемы детерминации развития человека, сознание как предмет междисциплинарных исследований, будущее человечества и перспективы развития личности, междисциплинарное изучение человека в труде, в экстремальных ситуациях. В конце 2004 г. Институт человека был присоединен к Институту философии РАН в форме Отдела комплексных проблем изучения человека, биоэтики и гуманитарной экспертизы.

В 2007 г. учеными Отдела была подготовлена монография «Человеческий потенциал как критический ресурс России». Характеризуя человеческий потенциал страны как ее «критический ресурс», авторы исходили из того, что в русском языке слово «критический» может употребляться в различных смыслах. Так, выражение «критический ресурс» может быть понято в том смысле, что по сравнению со всеми другими состояние именно этого ресурса вызывает наибольшее беспокойство и озабоченность. В данном случае термин «критический» несет очевидную оценочную нагрузку. Возможна и другая интерпретация: критический ресурс есть ресурс наиболее значимый, наиболее существенный, наиболее ценный – независимо от того, каким видится его текущее состояние. Здесь на передний план выступает констатация некоторого объективного положения вещей. Авторы считали, что, во-первых, перспективы нашей страны определяются прежде всего не столько запасами нефти, газа, леса и других сырьевых ресурсов, сколько состоянием ее человеческого потенциала – таковы реалии современного мира. Во-вторых, следует констатировать, что в сегодняшней России с этим ресурсом далеко не все обстоит благополучно *(Человеческий потенциал, 2007, с. 3)*, и в первую очередь, с точки зрения демографической оценки.

Понятие человеческого потенциала, конечно, не может трактоваться как некая абсолютная и однозначная мера, характеризующая его носителя –

на манер того, как понимается, скажем, коэффициент интеллекта. Фактически в физике, где родилось понятие потенциала, оперировать обычно приходится не с ним как таковым, а с понятием разности потенциалов, которая и определяет способность системы совершать некоторую работу. Это важно прежде всего в том смысле, что человеческий потенциал только отчасти представляет собой нечто данное человеку от рождения – в значительной мере он формируется, развивается в процессах социализации личности. Это важно также и в том смысле, что и актуально имеющийся, сформированный у человека потенциал может раскрываться, реализовываться в разной степени. Необходимо сказать также об одном принципиальном отличии понятия потенциала, когда оно применяется к человеку, от тех случаев, когда оно применяется к физическим системам. В последнем случае осуществление системой работы, т. е. реализация ее потенциала, всегда ведет к его уменьшению. Иначе обстоит дело с человеческим потенциалом, поскольку его продуктивная реализация во многих случаях (ближайший пример – использование человеком своих способностей для приобретения новых знаний) ведет не к уменьшению, а к развитию, обогащению его потенциала *(Человеческий потенциал России, 2002)*.

Человеческий потенциал получил дальнейшее развитие в трудах Института проблем региональной экономики Российской академии наук. В коллективной монографии О. И. Иванов определяет человеческий потенциал следующим образом: «человеческий потенциал как сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности систем универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовностей различных социальных акторов выполнять общественно-необходимые деятельности, основные социальные роли, функции, а также полученные акторами на основе использования этих систем разнообразные свойства, приобретения, заслуги, звания и т. п., которые в совокупности обеспечивают их общую дееспособность. Ядро человеческого потенциала – человеческие способности *(Человеческий потенциал, 2011, с. 19)*.

Проблемой человеческого потенциала занимались и небольшие научные коллективы и отдельные ученые. Например, А. Г. Вишневский, С. А. Васин и Ж. А. Зайончковская считали, что «человеческий потенциал – это совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей, как инструментальных, так и экзистенциональных, включая расширение самих потенций человека и возможность его самореализации» *(Вишневский, Васин, Зайончковская, 1999)*.

К числу первых работ можно отнести статью К. К. Колина. По его мнению, «человеческий потенциал – это совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в области использования людских ресурсов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения определенных задач и достижения поставленных целей» *(Колин, 2003, с. 3)*.

По мнению И. В. Соболевой, «человеческий потенциал экономики можно характеризовать как накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетенции, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей» *(Соболева, 2007, с. 12)*.

Е. Ю. Пашкова считает, что «человеческий потенциал – это фактор экономического развития, способный к совершенствованию. Это основное средство умственного труда и интеллектуализации деятельности. Носителем же человеческого потенциала в полной мере может считаться образованная и специально подготовленная часть трудоспособного населения» *(Пашкова, 2021, с. 33)*.

В энциклопедии «Социальная политика» А. Б. Докторович пишет, что «человеческий потенциал – это целостная совокупность способностей и качеств индивида, социальной группы или общества (носителей человеческого потенциала), обеспечивающих их жизнедеятельность как в нормальных, так и в экстремальных условиях» *(Докторович, 2006)*.

Воспроизводство человеческого потенциала подразумевает предоставление человеку необходимых физических, социальных и духовных условий жизнедеятельности, т. е. возможности удовлетворять объективно существующие потребности. Под воспроизводством человеческого потенциала понимается процесс постоянного создания, восстановления и дальнейшего развития физических, духовных, творческих, интеллектуальных способностей человека. При этом необходимой предпосылкой простого воспроизводства рабочей силы является, прежде всего, воспроизводство самого человека в биологическом смысле, а расширенного – воспроизводство человека как в физическом, так и в социальном плане *(Исаев, Исаева, Котоманова, 2014)*.

В России в последнее время наблюдается ряд негативных тенденций в области воспроизводства человеческого потенциала. Это касается не только количественной составляющей этого процесса (резкое снижение численности населения за счет падения рождаемости, повышение смертности во время пандемии, иммиграция), также наблюдается ухудшение качественных характеристик человеческого потенциала. Изменение системы ценностей, падение престижа профессионального образования,

неустойчивость современной жизни и неуверенность в будущем, стрессы и неудовлетворенность отражаются на здоровье людей. Растет число нервно-психических расстройств, обострений хронических заболеваний. Работа на предприятиях с вредными условиями труда, сверхурочные работы, стремление к дополнительной трудовой занятости с целью увеличения доходов приводят к физическому и эмоциональному выгоранию, вредно отражающемуся на состоянии здоровья. Сложившаяся ситуация может иметь далеко идущие социально-экономические последствия, тормозит развитие человеческого потенциала на общественно нормальном уровне и требует пристального внимания со стороны правительства, ученых и практиков *(Исаева, 2022)*.

В завершение отметим, что к человеческому потенциалу можно отнести лишь те свойства людей, которые им принадлежат, являются их внутренним достоянием и которые неотчуждаемы. Ни вода, ни воздух, ни среда обитания, ни материальные, ни духовные, ни финансовые ресурсы не принадлежат человеческому потенциалу, все они – условия его формирования, развития, реализации и использования. Словом, человеческий потенциал – то, что внутри, а не вне человека и различных социальных общностей. Необходимо проводить четкую грань между различными потенциалами общества, среди которых человеческий потенциал – один из его многих потенциалов *(Иванов, 2013, с. 11)*. Следует также подчеркнуть, что трудовой потенциал имеет и количественную и качественную оценку, доступные и хорошо проработанные методики его расчета.

Рабочая сила в классическом понимании – это способность к труду, совокупность физических и интеллектуальных способностей, которыми располагает человек и которые используются им для производства жизненных благ. Как и любой товар, рабочая сила обладает стоимостью и потребительной стоимостью. Стоимость специфического товара – рабочей силы – определяется стоимостью жизненных средств, необходимых для осуществления работником нормальной трудовой деятельности и содержания его семьи. Наряду с удовлетворением потребностей в пище, одежде, жилище, стоимость рабочей силы включает в себя духовный элемент (культурные потребности, расходы на образование, профессиональную подготовку). Большое влияние на величину и структуру стоимости рабочей силы в различных странах оказывают исторические особенности ее формирования. Стоимость рабочей силы изменяется в зависимости от уровня экономического развития страны, природно-климатических условий и ряда других факторов.

Учитывая рекомендации 19-й Международной конференции статистиков труда, Федеральная служба государственной статистики издает два приказа: «Об утверждении Официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы» от 31.12.2015 № 680[2] и «Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы» от 30.06.2017 № 445[3], вводится в действие с 3 июля 2017 г., отменяя приказы 2010, 2014 и 2016 гг. В связи с этим вносятся изменения в терминологию обследования.

Обследование рабочей силы (ранее – обследование населения по проблемам занятости) предоставляет актуальные данные об изменениях ситуации с занятостью населения, видах занятости, размерах и причинах безработицы, продолжительности периода незанятости, составе занятого населения и безработных по полу, возрасту, образованию, семейному положению. В отличие от обследований организаций, обследование рабочей силы позволяет наиболее полно характеризовать формы и сферы приложения труда занятого населения. Понятийный аппарат, используемый при выборочных обследованиях:

– *рабочая сила* – лица в возрасте 15 лет и старше, которые в рассматриваемый период (обследуемую неделю) считаются занятыми или безработными;

– *лица, не входящие в состав рабочей силы* – лица в возрасте 15 лет и старше, которые не считаются занятыми и безработными в течение рассматриваемого периода;

– *занятые* – лица в возрасте 15 лет и старше, которые в обследуемую неделю выполняли любую деятельность (хотя бы один час в неделю), связанную с производством товаров или оказанием услуг за плату или прибыль. В численность занятых включаются также лица, временно отсутствовавшие на рабочем месте в течение короткого промежутка времени и сохранившие связь с рабочим местом во время отсутствия;

– *безработные* в соответствии с определениями Международной организации труда (далее – МОТ) – лица в возрасте 15 лет и старше, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям:

[2] Об утверждении Официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда: Приказ Росстата от 31.12.2015 № 680. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192555/ (дата обращение 25.04.2024).

[3] Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы: Приказ Росстата от 30.06.2017 № 445. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219641/?ysclid=lzi2a0rc85123708456 (дата обращение 25.04.2024).

– не имели работы (доходного занятия);

– занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествующих обследуемой неделе, используя при этом любые способы;

– были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели.

К безработным относятся также лица, которые в рассматриваемый период не имели работы, но договорились о сроке начала работы (в течение 2 недель после обследуемой недели) и не продолжали дальнейшего ее поиска; не имели работы, были готовы приступить, но не искали работу, так как ожидали ответа от администрации или работодателя на сделанное ранее обращение. При этом период ожидания ответа не должен превышать один месяц.

Обучающиеся, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они не имели работы, занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

– *потенциальная рабочая сила* – незанятые лица, которые выражают заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе;

– *уровень участия в рабочей силе* – отношение численности населения, входящего в состав рабочей силы, определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, рассчитанное в процентах;

– *совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы* – отношение суммы численности безработных и потенциальной рабочей силы к расширенной концепции рабочей силы, рассчитанное в процентах. Расширенная концепция рабочей силы включает в себя занятых, безработных и потенциальную рабочую силу *(Фаузер, 2022б, с. 6–8)*.

1.2. Определения и подходы к оценке человеческих ресурсов

В фокусе исследовательского интереса находится новая категория «человеческие ресурсы», получившая широкое применение с приходом рыночных отношений и новым подходом к ресурсам труда для экономики. «Человеческие ресурсы являются интегральным понятием, включающим уже существующий человеческий капитал, так и человеческий потенциал, который способен реализоваться при создании необходимых для этого условий» *(Акъюлов, 2012, с. 35)*. По мнению виднейшего классика социологии П. Сорокина: «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет преуспе-

вающим… общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития» *(Сорокин, 1992)*.

Глобальные социально-экономические трансформации приводят не только к кардинальным колебаниям мировой экономической конъюнктуры, но и требуют быстрой и гибкой корректировки условий функционирования современных компаний. Качество человеческих ресурсов в таких обстоятельствах становится определяющим фактором конкурентоспособности, обуславливающим выживание бизнеса. Именно этим объясняется, что вместо понятий «трудовые ресурсы», «кадры» и «персонал» современный менеджмент оперирует такими категориями, как «человеческие ресурсы» и «человеческий капитал» *(Борисова, 2021; Власова, Тимохина, 2021)*.

Термин «человеческие ресурсы» вошел в оборот в развитых капиталистических странах и до конца XX в. в основном отождествлялся с трудовыми ресурсами и трактовался как «люди с их профессиональными и физическими способностями». Это определение отражало экономическую целесообразность капитальных вложений в человека как ресурс производства, развитие его компетенций, навыков и способностей согласно критерию: чем выше производительность труда работника и продолжительнее период его деятельности, тем больший доход он принесет *(Иванова, Кретова, Фучеджи, 2023, с. 6–7)*.

Впервые вопрос о важности человеческих ресурсов с научной точки зрения поднял американский инженер Ф. Тейлор в книге «Принципы научного менеджмента» 1911 г. издания. Его практика организации труда быстро облетела весь мир. На территории современной России первым наиболее известным и экспертным специалистом в сфере организации человеческих ресурсов (Научной организации труда) был А. К. Гастев – руководитель Центрального института труда (1921) *(Захаров, Щербаков, 2022, с. 6)*.

В методологическом плане развитие человеческих ресурсов начало рассматриваться как альтернатива потребительского к ним отношения. Базовые основы концепции развития человеческих ресурсов были заложены в работах Д. Макгрегора и М. Фоллет, появившихся в США в 1960-х гг., которые основывались на гуманистических научных идеях и распространяли их на все сферы человеческих отношений – политические, производственные, социальные. Наиболее значимое положение связано с содержанием понятия развитие, которое не сводится к росту объема материальных благ и услуг, не ограничивается повышением материального, или экономического, благосостояния, а представляет собой процесс расширения возможностей людей. Последнее связано как с наличием определенного уровня доходов, так и возможностью прожить здоровую и долгую жизнь, овладеть необходимыми знаниями и т. д.

П. Н. Захаров и А. С. Щербаков предложили классификацию подходов к определению сущности человеческих ресурсов и оформили в виде таблицы (табл. 1.1).

Наиболее часто человеческие ресурсы ассоциируются с наемными работниками, т. е. с персоналом организаций. Однако в отличие от персонала организаций, человеческие ресурсы включают весь управленческий персонал и особенно генеральных и исполнительных директоров. Люди в данном подходе рассматриваются как единственный наиболее важный актив, ценность организации. Концепция управления человеческими ресурсами – это стремление улучшить не только результаты деятельности компании, но также и благополучие индивида и общества в целом *(Управление человеческими ресурсами, 2002, с. 12–14)*. В российскую практику данная категория пришла из зарубежной научной литературы и стратегического менеджмента крупнейших корпораций. Категория «человеческие ресурсы» фигурирует в работах ведущих зарубежных экономистов *(Smircich, 1983; Alvesson, Melin, 1987; Ott, 1989; Frost, Moore, Louis et al, 1991; Schein, 1991; Управление человеческими ресурсами, 2002)*. Она рассматривается как экономическая категория, в определении которой они исходят из представления о том, что работающий является таким же производственным ресурсом, как земля, материалы, финансы и пр. В таком определении производится «обезличивание» работающих.

В начале 2000-х данная категория прочно вошла в российскую науку. Этому во многом способствовало издание переводной научной литературы. В числе первых фундаментальных работ можно отметить энциклопедию «Управление человеческими ресурсами» *(Управление человеческими ресурсами, 2002)*. Затем последовала череда других переводных работ *(Армстронг, 2002; 2004; 2012; Грэхем, Беннетт, 2003; Джой-Меттьюз, 2006;)*. Основное внимание в зарубежных работах уделялось управлению и развитию человеческих ресурсов как важнейшему и самому ценному активу / ресурсу компаний. Данное теоретическое направление сменило устаревшее – «управление персоналом».

В это же время начинают выходить первые работы российских исследователей *(Уткин, Сатабаев, Сатабаева, 2002)*, в том числе и ученых Республики Коми *(Стукалов, Фаузер, 2005; Фаузер, Черных, 2006; 2007; Фаузер, Новиков, Задорожный и др., 2009)*. Постепенно область исследований с уровня предприятий / организаций смещается на региональный *(Фаузер, Стукалов, 2009; Акъюлов, 2009)* и отраслевой аспекты *(Фаузер, Климашевская, 2004)*.

Таблица 1.1

Эволюция подходов к определению сущности человеческих ресурсов организации

Подходы	Научный труд	Сущность человеческого ресурса	Ключевые характеристики
Экономический	Научная организация труда 1912 г.	Фактор производства	Разделение труда, право лидера принимать решение
Административный	Общее и промышленное управление 1923 г.	Ресурс организации	Формализованные роли, процессы
Социальный	Хоторнские эксперименты 1927–1932 гг.	Главный ресурс организации	Новаторство, ответственность, меритократия
Гуманистический	Практика управления человеческими ресурсами 2002 г. Теория X и Y	Главный субъект организации, ключевой фактор успеха	Расширение полномочий; культура, основанная на разделяемых всеми сотрудниками духовных ценностях; увеличение числа заинтересованных сторон
Неогуманистический	Открывая организации будущего 2016 г., менеджмент личности 2021 г.	Самосовершенствующийся главный субъект организации, ключевой фактор успеха	Самоорганизация, эволюционная цель, целостность, высокая адаптивность
Кибернетический	–	Всеобъемлющий, самосовершенствующийся цифровой интеллект, главный субъект организации, ключевой фактор успеха	Коллективный разум

Источник: Захаров, Щербаков, 2022, с. 9.

В российской практике все чаще наравне с использованием категории «трудовые ресурсы» применяется категория «человеческие ресурсы». При этом содержание / наполнение категории «человеческие ресурсы» с количественной стороны шире категории «трудовые ресурсы». Если не вдаваться в нюансы (возраст, инвалидность, образование), то к человеческим ресурсам можно отнести население страны, региона, отдельного населенного пункта, включающие реальные и потенциальные ресурсы труда для экономики. Если взять связность категорий «Производство – Потребление», то можно отметить, что производят работающие, т. е. трудовые ресурсы, а потребляют все, т. е. человеческие ресурсы.

Постепенно сформировался новый взгляд на персонал, который стали считать не трудовыми, а человеческими ресурсами. Сегодня эта терминология применяется к планированию потребности в трудовых ресурсах, комплектованию штата (планирование человеческих ресурсов), к повышению квалификации и профессиональному развитию работников (развитие человеческих ресурсов). Человек стал рассматриваться как невозобновляемый ресурс – элемент социальной организации в единстве трех основных компонентов: трудовой функции, социальных отношений и состояния работника.

В российской практике это нашло отражение в переименовании «отдела кадров» в «отдел по управлению персоналом», «отдел по управлению и развитию человеческих ресурсов». Старое бюрократическое название «отдел кадров» сохранилось только в большинстве бюджетных организаций. Отечественная статистика использует категории «рабочая сила» и «трудовые ресурсы» для составления «баланса трудовых ресурсов».

Аналогичной точки зрения на кадровую стратегию организаций придерживаются белорусские коллеги. Они отмечают, что в «условиях растущей конкуренции (в том числе и за высококвалифицированные кадры) происходит интеграция бизнес-стратегии и кадровой стратегии организации. Речь идет о появлении стратегического уровня в управлении человеческими ресурсами. Вместо атомизированной структуры отдела кадров, как преимущественно делопроизводственной единицы, складывается система управления человеческими ресурсами организации. Происходит усиление значимости кадровой функции в современной организации, ее связей и взаимодействия с другими подразделениями организации и с внешними организациями (учреждениями образования, органами государственной службы занятости, кадровыми агентствами, пр.). Не менее важной тенденцией в управлении человеческими ресурсами на микроуровне становится формирование внутренних рынков труда организаций, предполагающих, прежде всего, выделение среди работников уникального профессиональ-

ного ядра, которое становится источником конкурентных преимуществ организации и двигателем ее инновационного развития. В свою очередь, это повышает требования к самой кадровой работе в организациях, требует профессиональной подготовки работников кадровых служб и методического сопровождения их деятельности» *(Ванкевич, 2020, с. 17)*.

Современная концепция управления человеческими ресурсами представляет собой систему теоретико-методологических положений (принципов), раскрывающих возрастающую роль человеческих ресурсов не только как экономического ресурса, приносящего прибыль, но и как социальной ценности организации и общества в целом *(Акъюлов, 2009, с. 6–7)*.

Рассмотрим, что понимается под «человеческими ресурсами» в отечественной научной литературе. По мнению Э. А. Лутохиной и В. В. Козловского, человеческие ресурсы – это «общие ресурсы трудовой активности, труда как важнейшего фактора производства, которыми располагает та или иная экономика». Среди экономических ресурсов важное место занимают именно человеческие ресурсы, без которых все остальные ресурсы ничего не значат *(Лутохина, Козловский, 2007)*.

В трудах известного российского специалиста в области управления персоналом А. Я. Кибанова утверждается, что «человеческие ресурсы – это понятие, отражающее главное богатство любого общества, процветание которого возможно при создании условий для воспроизводства, развития и использования этого ресурса с учетом интересов каждого человека». Автор также считает, что понятие «человеческие ресурсы» является более емким по сравнению с понятием «персонал», потому что содержит в себе всю «совокупность социокультурных характеристик и личностно-психологических свойств людей» *(Управление персоналом, 1998, с. 352)*.

Понятие «человеческие ресурсы» объединяет в себе такие понятия, как «трудовые ресурсы» и «персонал», так как человеческие ресурсы включают совокупность и социальных характеристик, и личностно-психологических свойств человека, как по отдельности, так и в коллективе. Специфика человеческих ресурсов заключается в следующем:

– человек наделен интеллектом, соответственно, в каждом человеке происходит психический процесс, важной составляющей которого является эмоциональная окраска. Реакция человека на внешнее воздействие эмоционально осмысленна;

– в человеке на подсознательном уровне заложено стремление к постоянному совершенствованию и развитию, что является основным и наиболее важным источником повышения эффективности любого общества или отдельной организации;

– люди выбирают определенный вид деятельности (производственный или непроизводственный, умственный или физический) осознанно, исходя из своих внутренних потребностей и желаний, ставя перед собой определенные цели, к выполнению которых они готовы приложить ряд определенных усилий *(Суринов, 2020, с. 28)*.

Более подробно специфику человеческих ресурсов рассматривает Е. Ю. Пашкова и считает, что она заключается в том, что, во-первых, люди наделены интеллектом, их реакция на внешнее воздействие эмоционально-осмысленная, а не механическая. Это значит, что процесс взаимодействия между организацией и сотрудником является двусторонним.

Во-вторых, именно люди способны к постоянному совершенствованию и развитию. Человек, устраиваясь на работу, уже обладает профессиональными навыками, полученными в образовательных учреждениях, которые затем совершенствуются на протяжении всей карьеры. В условиях научно-технического прогресса, когда технологии, а вместе с ними и профессиональные компетенции, устаревают в течение нескольких лет, способность сотрудников к постоянному обучению и развитию представляет собой наиболее важный и долговременный источник повышения эффективности деятельности организации.

В-третьих, трудовая жизнь человека продолжается 35–45 лет, соответственно, отношения человека и организации могут носить долговременный характер (впрочем, в этом аспекте человека можно сопоставить с некоторыми материальными ресурсами, срок полезного использования которых может быть достаточно длительным).

В-четвертых, в отличие от материальных и природных ресурсов, люди в большинстве случаев приходят в организацию осознано, с определенными целями и ожидают от организации помощи (предоставления возможностей) в реализации этих целей. Удовлетворенность сотрудника взаимодействием с организацией является таким же необходимым условием продолжения этого взаимодействия, как и удовлетворенность организации деятельностью сотрудника *(Пашкова, 2021, с. 34–35)*.

Как нам представляется, понятие «человеческие ресурсы» является более содержательным, чем понятия «трудовые ресурсы» и «персонал организации», поскольку включает те характеристики людей, которые могут быть уже использованы в трудовой деятельности, а понятие «человеческие ресурсы» – еще и те социально-психологические, профессиональные характеристики, которые могут быть потенциально использованы в их трудовой деятельности.

Разные авторы выделяют различные характеристики «человеческих ресурсов». Так, И. А. Максимцев и Н. А. Горелов *(Управление человеческими ресурсами, 2014)* выделяют характеристики человеческих ресурсов организации с позиции участия их в трудовой деятельности:

– образовательный и интеллектуальный уровень человека;

– уровень профессиональной подготовки (знания, понимание, умения и навыки);

– способности к творческой деятельности, самосовершенствованию в своей трудовой деятельности;

– уровень развития информационно-технологических знаний человека;

– креативность человека в процессе трудовой деятельности и др.

В. В. Щербина отмечает уникальные черты человека как ресурса по сравнению с другими видами ресурсов:

– способности к постановке личных целей;

– способности инициировать, проявлять активность, при этом не обязательно в желаемом для организации направлении деятельности;

– способность и проявление изменения своих свойств и поведения в течение времени;

– возможная демонстрация способности к сопротивлению внешним, в том числе организующим, воздействиям;

– способность человека к обучению, самопрограммированию, самоконтролю, саморазвитию, сотрудничеству с другими людьми;

– возможность выступать не только как объект, но и как субъект воздействия на другие объекты;

– человек как ресурс предопределяет возможную доступность и эффективность использования других ресурсов организации;

– способность удорожания по мере эксплуатации и т. д. *(Управление человеческими ресурсами, 2004, с. 67–68)*.

Как свидетельствует анализ исследований, ученые включают в понятие «человеческие ресурсы» множество самых разнообразных физических, социально-психологических и профессиональных характеристик человека. Однако мнения большинства авторов сходятся в том, что характеристики человека как ресурса необходимо рассматривать по отношению к их возможному потенциальному использованию в трудовой деятельности *(Николаев, 2019)*.

«Человеческие ресурсы» следует представить как потенциальный состав всех работников компании, учитывающий их совокупные возможности, направленные на повышение эффективности бизнеса. Комплексный подход к персоналу с точки зрения его оптимального использования

в бизнес-процессах позволяет создать в современных условиях эффективно управляемое предприятие, где человек является экономической ценностью и базовым ресурсом *(Сокур, Колмыкова, Мищенко, 2023, с. 193–194)*.

Научных работ о том, как измерить «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «индекс человеческого развития» – достаточно много *(Фаузер, 2022в; Смирнов, 2020)*. Другое дело, как измерить человеческие ресурсы. На уровне организации – это одна методика, на уровне страны или региона – совсем другая. Все зависит от того, что включать в состав «человеческих ресурсов».

Можно встретить «смешанный» подход к определению «человеческих ресурсов». Взяв за основу определение «трудовых ресурсов», Р. И. Акъюлов отмечает, что «человеческие ресурсы включают в себя как занятое, так и незанятое в экономике, как трудоспособное, так и с ограниченной трудоспособностью население, предполагают наличие четырех категорий ресурсов. Первая – трудоспособное население в трудоспособном возрасте. Вторая – работающее население вне пределов трудоспособного возраста. Данные группы выступают носителями *человеческого капитала*[4], приносящего конкретную и реальную пользу, прибыль работодателям и экономике в целом в виде овеществленного труда. Третья категория – неработающее по тем или иным причинам трудоспособное население. Четвертая – неработающая часть населения с ограниченной трудоспособностью. Последние две выступают в большей степени носителями *человеческого потенциала*. Человеческие ресурсы обладают количественной и качественной характеристикой, образуя в своей совокупности абсолютную меру, предопределяющую *трудовой потенциал общества*, который, в свою очередь, имеет количественный и качественный аспекты *(Акъюлов, 2009, с. 9)*. По мнению О. И. Иванова, данное утверждение – пример механистической трактовки отношений между разными понятиями *(Человеческий потенциал, 2011, с. 8)*. Выше мы отмечали, что это разные категории ресурсов труда для экономики и они выполняют разные оценочные роли.

Если придерживаться точки зрения, что «человеческие ресурсы» – это все население объекта исследования независимо от пространственной архитектуры, то количественно измерить человеческие ресурсы можно:

[4] Человеческий капитал в широком смысле – это интенсивный производительный фактор экономического развития, развития общества и семьи, включающий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности, обеспечивающие эффективное и рациональное функционирование человеческого капитала как производительного фактора развития. Человеческий капитал – главный фактор формирования и развития инновационной экономики и экономики знаний. Используют классификацию человеческого капитала: индивидуальный человеческий капитал; человеческий капитал фирмы; национальный человеческий капитал.

а) учитывая положения ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (от 19.04.1991 № 1032–1, в ред. от 12.12.2023 № 565-ФЗ) и б) в соответствии с критериями Международной организации труда (согласно резолюции 13-й и 19-й Международных конференций статистиков труда (1982 и 2013 г.) и с учетом опыта и стандартов МОТ. В соответствии с этими рекомендациями все население делится на экономически активное и экономически неактивное.

Экономически активное население включает (количественно) занятых и безработных и характеризуется по двум показателям:

– обычно активное население, которое учитывается за продолжительный отчетный период, например, год. Оно включает всех лиц старше определенного возраста, которые большее число недель или дней в течение продолжительного периода (например, предыдущих 12 месяцев или предшествующего календарного года) были заняты или были безработными;

– население активное в данный момент, или «рабочая сила», учитываемая применительно к краткому отчетному периоду, например, неделе или дню. Население активное в данный момент включает всех лиц, удовлетворяющих требованиям для отнесения их к числу занятых или безработных.

Экономически неактивное население включает всех лиц независимо от возраста, в том числе и тех, кто моложе возраста, определенного для учета экономически активного населения. Экономически неактивное население может быть условно разделено на две большие группы: население не активное в данный момент, обычно неактивное население.

– население неактивное в данный момент (или лица вне рабочей силы) включает всех индивидов, которые не были заняты или не были безработными в течение данного короткого периода, а, следовательно, не были активны в данный момент из-за: а) посещения учебных заведений; б) выполнения домашних обязанностей; в) пожилого возраста или получения пенсии по старости; г) других причин (болезнь, инвалидность и т. д.);

– обычно неактивное население включает всех лиц, чей основной статус в течение определенного продолжительного периода не позволяет отнести их ни к занятым, ни к безработным. К обычно неактивному населению относятся следующие категории лиц: а) учащиеся и студенты; б) домашние хозяйки; в) получатели доходов (пенсионеры, рантье и т. п.); г) прочие (получатели государственной или частной помощи, дети, не посещающие школу и т. п.).

Получить эти данные можно из выборочных обследований рабочей силы в возрасте 15 лет и старше, на их основе приводятся данные, характеризующие численность и состав рабочей силы, занятых и безработных, уровень участия в рабочей силе и уровень безработицы, продолжитель-

ность рабочего времени, занятость в неформальном секторе и личном подсобном хозяйстве, а также показатели, отражающие недоиспользование рабочей силы – потенциальная рабочая сила; совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы *(Фаузер, 2022б, с. 6)*.

1.3. Методология оценки ресурсов труда для экономики

В фокусе внимания – показатели рынка труда и занятости населения в новых экономических условиях. Переход российской статистики на международные стандарты видоизменил многие формы отчетности, ввел новые. С одной стороны, это позволило проводить международные сравнения, а с другой – стало сложно проводить сравнительные исследования советской и новой России. По мере изложения материала приведем основные периоды изменения статотчетности, рекомендованной МОТ и МКСТ.

Если обратиться к истории проблемы, то первые международные шаги по разработке общих стандартов в области статистики занятости, безработицы и неполной занятости берут начало со 2-й МКСТ, состоявшейся в 1925 г. С тех пор на них были рассмотрены и утверждены дополнительные международные резолюции и методологические руководства, касающиеся различных аспектов измерения рабочей силы и сбора статистических данных.

Совокупность вышеупомянутых международных стандартов содержится в следующих резолюциях и методологических руководствах: 1) Резолюция о статистике экономически активного населения, занятости, безработицы и неполной занятости, принятая на 13-й МКСТ (1982); 2) Резолюция об измерении неполной и неадекватной занятости, принятая на 16-й МКСТ (1998); 3) Методологические руководства, касающиеся учета в статистике занятости и безработицы лиц, длительное время отсутствующих на работе, одобренные 14-й МКСТ (1987); 4) Методологические руководства о влиянии программ содействия трудоустройству на измерение занятости и безработицы, одобренные 16-й МКСТ (1998); 5) Резолюция, касающаяся поправки к пункту 5 Резолюции о статистике экономически активного населения, занятости, безработицы и неполной занятости (13-я МКСТ), принятая на 18-й МКСТ (2008); 6) Резолюция об отношениях в сфере труда выделила занятое население в соответствии с классификацией статуса по типу властных полномочий (МКСЗ-18В) и типу экономического риска (МКСЗ-18Р) (внедрено с 2022 г. на основании рекомендаций

20-й МКСТ (2018)[5]. Принципиальное отличие обновленных международных стандартов в области статистики труда, принятых 19-й МКСТ (МОТ, октябрь 2013) в форме резолюции о статистике трудовой деятельности, состоит в том, что вместо концепции экономической активности введены концепция участия в трудовой деятельности и концепция недоиспользования рабочей силы[6].

Категория занятости населения в постсоветский период. С принятием Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032–1 наступил новый этап в развитии социально-трудовых отношений. Принятый Закон определил правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе гарантии государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы. Гарантии государства по реализации прав граждан Российской Федерации, проживающих за ее пределами, были определены международными договорами (соглашениями).

В законе «занятость» определяется как деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок. Было подчеркнуто, что гражданам принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному, творческому труду. Принуждение к труду в какой-либо форме не допускается.

Методологические пояснения по проведению выборочных обследований. С начала 1990-х гг. выборочные обследования населения по проблемам занятости – это единственный источник информации, позволяющий проводить одновременно измерение занятых экономической деятельностью, безработных и экономически неактивных лиц в соответствии с критериями МОТ (согласно резолюции 13-й МКСТ, 1982). С 2013 г. по результатам работы 19-й МКСТ вводится понятие «трудовая деятельность» и определены ее формы. Возраст трудовой деятельности не ограничивается. Инструментарий обследования разработан с учетом международного опыта и стандартов МОТ.

---

[5] Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 701 с. – С. 148. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2023.pdf (дата обращения: 25.07.2024).

[6] Об утверждении Официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда: Приказ Росстата от 31.12.2015 № 680. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192555/ (дата обращения: 25.04.2024).

В новой России обследование населения по проблемам занятости проводится с 1992 г. В 1992–1994 гг. и 1997–1998 гг. оно проводилось 1 раз в год по состоянию на последнюю неделю октября, в 1995 г. было проведено два обследования – на последнюю неделю марта и октября, в 1996 г. – по состоянию на последнюю неделю марта; с 1999 г. обследование проводится с квартальной периодичностью по состоянию на последнюю неделю второго месяца квартала. С сентября 2009 г. обследование проводится ежемесячно по состоянию на вторую неделю месяца. Объем ежемесячной выборки определен в размере 0,1 % численности населения в возрасте 15–72 лет, с 2017 г. – без ограничения верхней планки. Взвешивание и распространение данных производится на уровне субъекта Российской Федерации. Единицами наблюдения являлись домашние хозяйства – члены этих домашних хозяйств. Выборка для проведения обследования в 2008–2012 гг. была сформирована на основе первичного информационного массива Всероссийской переписи населения (далее – ВПН) 2002 г., содержащего сведения о постоянном населении. В 2012 г. Росстатом был проведен пересчет индивидуальных весовых коэффициентов обследования населения по проблемам занятости за 2003–2012 гг. с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. по всем субъектам РФ. С 2013 г. формирование выборочной сети домашних хозяйств проводится на информационном массиве Всероссийской переписи населения 2010 г. Обследование проходит на основе выборочного метода наблюдения с последующим распространением итогов на всю численность населения обследуемого возраста (генеральную совокупность).

Статистические бюллетени за 2006–2011 гг. содержат данные, рассчитанные без учета итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Статистические бюллетени с 2012 г. содержат данные с произведенными пересчетами с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Пересчитанные данные выборочного обследования населения по проблемам занятости за более ранние годы опубликованы в статистических сборниках «Экономическая активность населения России. 2012», «Труд и занятость в России. 2013». Начиная с I квартала 2016 г. изменено наименование публикации с «Обследование населения по проблемам занятости» на «Обследование рабочей силы».

Выборка для проведения обследования рабочей силы в 2023 г. была сформирована на основе первичного информационного массива Всероссийской переписи населения (ВПН-2020), содержащего сведения о постоянном населении, т. е. населении, постоянно проживающем на территории соответствующего района, города, населенного пункта.

Данные за 2022 г. пересчитаны с учетом итогов ВПН-2020, для пересчетов использовалась численность постоянного населения на начало соответствующего года.

Занятые в экономике. В экономике труда для оценки эффективности использования человеческих ресурсов, наряду с показателями уровня экономической активности и уровня занятости населения, используется показатель «численность занятых в экономике». Данные о среднегодовой численности занятых формируются по основной работе гражданского населения один раз в год при составлении баланса трудовых ресурсов на основе информации, полученной из различных источников – сведений организаций, материалов выборочного обследования рабочей силы, данных органов исполнительной власти[7], ранее учитывались досчеты численности занятых, невыявленной при проведении выборочного обследования населения по проблемам занятости[8]. В среднегодовую численность занятых включаются работающие иностранные граждане, как постоянно проживающие, так и временно находящиеся на территории Российской Федерации. Существуют методологические расхождения при формировании данных о численности занятого населения по материалам выборочных обследований рабочей силы и баланса трудовых ресурсов. В частности, в среднегодовой численности занятых не учитываются лица, отсутствовавшие на работе в связи с отпуском по беременности и родам и по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет и военнослужащие, но учитываются лица, находившиеся в длительном неоплачиваемом отпуске по инициативе администрации.

Виды экономической деятельности по отраслям. В качестве составной части Единой системы классификации и кодирования технико-экономической информации, используемой в автоматизированных системах управления в народном хозяйстве СССР, впервые был разработан Общесоюзный классификатор «Отрасли народного хозяйства» (далее – ОКОНХ) № 175018 (утв. Госкомстатом СССР, Госпланом СССР, Госстандартом СССР 01.01.1976). ОКОНХ представляет собой группировки *видов деятельности по отраслям*, отличающимся характером функций, выполняемых ими в общей системе общественного разделения труда. При помощи классификатора изучается структура народного хозяйства, складывающаяся в процессе расширенного воспроизводства, характеризуется уровень развития производительных сил общества, степень развития общественного разделения труда. ОКОНХ был призван обеспечить группировку пред-

[7] Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 701 с. – С. 147. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2023.pdf (дата обращения: 25.07.2024).
[8] Статистический ежегодник Республики Коми. 2008: Стат. сб. / Комистат. – 2008. – 451 с. – С. 85.

приятий и организаций по отраслям с целью проведения научного анализа межотраслевых связей и пропорций в развитии народного хозяйства, сопоставимости показателей при анализе экономической эффективности общественного производства и роста производительности общественного труда, а также увязки плановых и отчетных показателей, характеризующих развитие экономики и культуры страны.

Классификатор включал следующий перечень отраслей народного хозяйства: промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, транспорт, связь, строительство, водное хозяйство (собирательная отрасль), геология и разведка недр (собирательная отрасль), торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки, информационно-вычислительное обслуживание, прочие виды деятельности сферы материального производства, жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды бытового обслуживания населения, здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение, народное образование, культура и искусство, наука и научное обслуживание, кредитование и государственное страхование, управление, партийные и общественные организации, бытовое обслуживание населения (собирательная отрасль), общественные объединения, экстерриториальные организации и органы. Все отрасли народного хозяйства делились на: а) отрасли материального производства и б) отрасли непроизводственной сферы.

В 2003 г. ОКОНХ был упразднен, а вместо него введен «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (далее – ОКВЭД), который вступил в действие 1 января 2003 г. (постановление Госстандарта России от 06.11.2001 № 454-ст). В то же время ныне действующие в России правила отнесения отраслей (подотраслей) хозяйства к классу профессионального риска используют наименования отраслей (подотраслей) народного хозяйства в соответствии с ОКОНХ, что позволяет проводить сравнительные исследования. ОКВЭД является одним из наиболее важных для российской экономики общероссийских классификаторов, который обеспечивает адекватное описание российской экономики, позволяет характеризовать ее структуру на основе типов производственных процессов без учета ведомственной принадлежности предприятий и организаций.

Учитывая сложности одномоментного перехода с ОКОНХ на ОКВЭД, связанные с необходимостью перестройки информационно-аналитической, прогнозной и нормотворческой работы органов государственного управления, постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2003 г. № 108 был установлен переходный период введения ОКВЭД для целей прогнозирования и мониторинга социально-экономического развития страны. В этот период разработка и публикация статистической

информации осуществлялись как в отраслевом разрезе (по ОКОНХ), так и по видам экономической деятельности (по ОКВЭД). С 1 января 2005 г. разработка официальной статистической информации осуществляется на основе ОКВЭД в полном объеме.

Новый ОКВЭД-2 был принят в 2014 г. Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Приказ от 31.01.2014 № 14-ст) с датой введения в действие 1 февраля 2014 г. с правом досрочного применения в правоотношениях, возникших с 1 января 2014 г., с установлением переходного периода до 1 января 2015 г. и последующей отменой двух ОКВЭД (ОК 029–201 и ОК 029–2007). До 11 июля 2016 г. обе версии имели равную силу.

За период 2010–2016 гг. был осуществлен ретроспективный пересчет среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. Ретроспективный пересчет осуществлялся по двум направлениям: а) в соответствии с актуализированной Методикой расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда, утвержденной приказом Росстата от 29.09.2017 № 647; б) приведение данных в соответствие с ОКВЭД-2.

Занятия работающих. Классификация работающих по занятиям впервые была определена «Общероссийским классификатором занятий. ОК 010–93» (ОКЗ-93) (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 30.12.1993 № 298), введена в действие 1 января 1995 г. В ОКЗ-93 выделены укрупненные группы, подгруппы, составные и базовые группы занятий: 1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий; 2. Специалисты высшего уровня квалификации; 3. Специалисты среднего уровня квалификации; 4. Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием; 5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности; 6. Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства; 7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр; 8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики; 9. Неквалифицированные рабочие.

В 2014 г. для сближения с Международной стандартной классификацией занятий (ISCO-08) был разработан «Общероссийский классификатор занятий. ОК 010–2014» (ОКЗ-14) (утв. Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст.), введен в действие 1 июля 2015 г. Объект классификации в ОКЗ – занятие, т. е. вид трудовой деятельности, осуществляемой

на рабочем месте с относительно устойчивым составом трудовых функций (работ, обязанностей), приносящий заработок или доход.

Классификатор используется при решении следующих задач: проведение переписей населения, оценка состояния и динамики изменений структуры занятости населения, анализ и прогноз показателей в сфере занятости и профессионального образования, регулирование спроса и предложения рабочей силы на рынке труда. В качестве признаков классификации в ОКЗ приняты уровень квалификации и специализация, требуемые для определенного занятия. В то же время Классификатор не дает информацию о конкретном квалификационном разряде работника в зависимости от вида занятия. Он определяет лишь общий уровень квалификации каждой основной группы ОКЗ (например, специалист среднего уровня квалификации или неквалифицированные рабочие). В ОКЗ выделены следующие основные группы: 1. Руководители; 2. Специалисты высшего уровня квалификации; 3. Специалисты среднего уровня квалификации; 4. Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием; 5. Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; 6. Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства; 7. Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий; 8. Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители; 9. Неквалифицированные рабочие; 10. Военнослужащие. Более подробно ознакомиться с методологией оценки ресурсов труда экономики можно в работе *(Фаузер, 2022б, с. 5–13)*.

Следует отметить, что в XXI в. произойдут существенные перемены в занятости. Предполагается, что вне организаций будет работать больше людей, чем в компаниях. Труд этих работников, находящихся вне поля зрения менеджмента, трудно будет замерить. Современным организациям все больше и больше будут требоваться работники с хорошими «мозгами», а не накачанными мускулами. По разным оценкам от 30 до 50 % работников должны будут иметь высшее образование, чтобы делать умные вещи. Занятость не на постоянной основе и не полный рабочий день станут обычным явлением *(Хэнди, 2001, с. 47, 48, 54, 103)*. Появится и новый класс – «прекариат», для которого не свойственна постоянная занятость, он имеет «урезанный статус», у него иное распределение времени между работой, отдыхом и обучением *(Стэндинг, 2014, с. 29–30, 209)*.

1.4. Занятость в итогах переписей населения и выборочных обследованиях рабочей силы

Занятость в итогах переписей населения. Текущий учет и переписи населения используют разную методологическую «платформу», но единые категории учета, которые были рассмотрены в предыдущих разделах. Итоги переписи 2010 г. по занятости населения были представлены в Т. 7 – «Экономически активное и экономически неактивное население». Сведения об экономической активности населения получены на основе ответов на вопросы: «Имели ли Вы какую-либо работу, приносящую заработок или доход с 7 по 13 октября 2010 г.?» и «Искали ли Вы работу в течение последнего месяца?». Всего было разработано пять таблиц, где были рассмотрены частные домохозяйства по экономической активности и представлены данные о распределении городского и сельского населения частных домохозяйств, мужчин и женщин в возрасте 15–72 лет по экономической активности и возрастным группам, уровню образования и обучению.

В итогах переписи населения 2021 г. занятость населения была представлена в Т. 10 – «Рабочая сила». Сведения о статусе участия в составе рабочей силы населения частных домохозяйств были получены от лиц в возрасте 15 лет на основе ответов на вопросы: «Имели ли Вы какую-либо оплачиваемую работу или доходное занятие с 24 по 30 сентября 2021 г.?», «Если бы Вам предложили подходящую работу в последнюю неделю сентября, то когда Вы смогли бы приступить к ней?» и «Вы искали работу в течение сентября?» (только для лиц, ответивших «нет» на предыдущий вопрос).

Вновь были получены данные о пенсионерах на основе следующих ответов – «Укажите все имеющиеся у Вас источники средств к существованию»:

– пенсия (кроме пенсии по инвалидности) – отмечалась тем, кто получает пенсию по старости (по возрасту), социальную пенсию или пенсию по случаю потери кормильца, за выслугу лет (например, военнослужащим, федеральным государственным гражданским служащим и т. п.). Дополнительная негосударственная пенсия (из негосударственного пенсионного фонда), доплаты к пенсии от предприятия (организации) считаются частью основной пенсии и отдельным источником не отмечались. Пенсия по случаю потери кормильца, назначенная на ребенка, отмечалась ребенку, а не матери, даже если она выдается матери;

– пенсия по инвалидности – отмечалась тем, кому назначена пенсия по инвалидности (даже если ее фактически получает другое лицо). Людям, получающим две пенсии – по старости и по инвалидности – отмечались оба варианта.

В итогах переписи приведено распределение потенциальной рабочей силы по причинам неучастия в составе рабочей силы. Выделяются следующие причины неучастия в составе рабочей силы незанятых, готовых работать в случае предложения работы.

Ожидание начала сезона – для лиц, работавших ранее на сезонных работах и не занятых на обследуемой неделе в связи с окончанием сезона, но собиравшихся работать в следующем сезоне.

Учеба – для учащихся образовательных организаций (школ, колледжей, институтов, университетов и т. п.), включая организации дополнительного образования (курсы повышения квалификации, курсы изучения языков, творческие кружки и т. п.), а также обучавшихся в форме самообразования или семейного образования.

Нахождение на пенсии – для лиц, находившихся на пенсии.

Состояние здоровья – для лиц, не искавших работу по состоянию здоровья независимо от наличия или отсутствия хронических заболеваний.

Уход за больным – для лиц, не искавших работу и занимавшихся уходом за больным родственником или не родственником независимо от того, хроническое заболевание у него (нее) или нет. Лица, осуществляющие уход за больными людьми за вознаграждение (работа сиделкой) или работающие социальным работником, считаются занятыми и входят в состав рабочей силы.

Ведение домашнего хозяйства и/или воспитание детей – для лиц, не искавших работу, выполняющих домашние обязанности в собственном домашнем хозяйстве без оплаты (например, домохозяйки): уход за детьми и другими членами семьи, приготовление пищи, уборка.

Лица, выполнявшие за вознаграждение услуги по ведению домашнего хозяйства, уборке помещений, уходу, присмотру за детьми, а также их обучению (няни, сиделки, горничные, учителя и т. д.), считаются занятыми и входят в состав рабочей силы.

Отсутствие возможности найти работу – для лиц, не искавших работу из-за отсутствия возможности ее найти.

Отсутствие необходимости работать – для лиц, у которых не было необходимости поиска работы.

Иные причины, кроме перечисленных выше.

Население российского Севера по переписи населения 2021 г. составило 7455,2 тыс. человек, из них 5947 тыс. (79,8 %) – население частных домохозяйств. На вопрос «о статусе участия в составе рабочей силы» ответили 80,2 % членов домохозяйств. Из указавших статус участия в рабочей силе приходилось на рабочую силу 61,9 %, в том числе доля занятых составила 60,8 %, доля безработных – 1,1 %. Доля потенциальной рабочей силы

из лиц, не входящих в состав рабочей силы, составила всего 1,2 %. Доля пенсионеров среди занятых невелика – 7,9 %, выше она у городского населения и мужчин; в трудоспособном возрасте эти пропорции соблюдаются; в возрасте старше трудоспособного доля занятых женщин-пенсионерок выше, чем у мужчин (особенности возрастной смертности) (табл. 1.2).

Имеющих статус рабочей силы на Азиатском Севере выше (65,6 %), чем на Европейском (56,6 %). Среди регионов Европейского Севера отличаются повышенной долей рабочей силы Ненецкий АО (63,1 %) и Мурманская обл. (64,2 %); на Азиатском ниже средней величины выделяются республики Саха (Якутия) – 62,4 % и Тыва – 52,2 %, эти различия относятся и к занятому населению.

На российском Севере выше доля занятых пенсионеров (7,9 %), чем в целом по России (3,9 %), выше она и на обжитом Европейском (8,8 %), чем на растущем Азиатском (7,3 %). Среди регионов повышенная занятость пенсионеров отмечена в Ненецком АО и Мурманской обл., соответственно 10,4 и 10,3 %, а также на Востоке страны – в Магаданской обл. – 11,7 % и Чукотском АО – 12,5 %. Отмечена повышенная доля лиц, не входящих в состав рабочей силы в республиках Карелия (47,1 %), Коми (43,4 %) и Тыва (47,8 %), Архангельской обл. (46,4 %) (табл. 1.3).

Перепись населения 2021 г. содержит интересную информацию о причинах неучастия в составе рабочей силы потенциальных работников. Сразу отметим, что набор причин оставляет желать лучшего, но это первый опыт подобного опроса, есть надежда на то, что перечень будет пересмотрен. Из того, что было определено переписью, на первое место вышла причина «Нахождение на пенсии», ее отметили 39,1 % лиц, готовых приступить к работе в последнюю неделю сентября, но не искавших работу. Исключение составили два субъекта, где эта причина переместилась на второе место, а на первое вышла причина «Отсутствие возможности найти работу», – это Ненецкий и Чукотский автономные округа, соответственно 34,4 и 33,3; 50,3 и 16,6 %. Третью строчку заняла причина «Учеба», особенно значима она в Магаданской обл. – 24,8 %, Ханты-Мансийском АО – 21,2 % и Республике Саха (Якутия) – 19,0 %. В рамках национального проекта «Демография» представляет интерес причина «Ведение домашнего хозяйства и/или воспитание детей». Она занимает четвертое место – 12,3 %, выше – в пяти субъектах: Республика Тыва – 23,7 %, Мурманская обл. – 16,3 %, Ханты-Мансийский АО– 14,5 % и Ямало-Ненецкий АО – 14,4 %, Камчатский край – 14,1 %. Заслуживает внимания причина «Состояние здоровья», в целом по российскому Северу (6,8 %) ее позиция ниже, чем по России (7,8 %). Однако в отдельных субъектах она весьма значима: Камчатский край – 9,7 %, Мурманская обл. – 9,2 % и Сахалинская обл. – 8,4 %.

Таблица 1.2

Распределение населения частных домохозяйств российского Севера по статусу участия в составе рабочей силы по возрастным группам, типу поселения и полу, перепись населения 2021 года, человек

Структура частных домохозяйств	Всего	Указавшие статус участия в составе рабочей силы	В том числе					
			Рабочая сила	В том числе			Лица, не входящие в состав рабочей силы	Из них потенциальная рабочая сила
				занятые	из них пенсионеры	безработные		
Все домохозяйства	**5 947 034**	**4 769 569**	**2 950 835**	**2 899 861**	**378 940**	**50 974**	**1 818 734**	**55 975**
городское население	4 846 552	3 712 684	2 395 581	2 366 234	298 175	29 347	1 317 103	38 459
сельское население	1 100 482	1 056 885	555 254	533 627	80 765	21 627	501 631	17 516
мужчины	2 747 200	2 188 375	1 488 945	1 460 913	143 302	28 032	699 430	26 862
женщины	3 199 834	2 581 194	1 461 890	1 438 948	235 638	22 942	1 119 304	29 113
В трудоспособном возрасте	**4 368 913**	**3 474 444**	**2 681 130**	**2 633 228**	**196 312**	**47 902**	**793 314**	**43 206**
городское население	3 595 935	2 733 656	2 176 726	2 149 676	155 030	27 050	556 930	29 366
сельское население	772 978	740 788	504 404	483 552	41 282	20 852	236 384	13 840
мужчины	2 260 903	1 792 206	1 417 671	1 390 684	96 585	26 987	374 535	22 767
женщины	2 108 010	1 682 238	1 263 459	1 242 544	99 727	20 915	418 779	20 439
Старше трудоспособного возраста	**1 490 644**	**1 227 659**	**269 018**	**266 083**	**182 611**	**2935**	**958 641**	**12 211**
городское население	1 181 447	928 004	218 248	216 065	143 131	2183	709 756	8672
сельское население	309 197	299 655	50 770	50 018	39 480	752	248 885	3539
мужчины	441 568	361 474	70 912	69 962	46 713	950	290 562	3778
женщины	1 049 076	866 185	198 106	196 121	135 898	1985	668 079	8433

Источник: ВПН-2021. Т. 10, табл. 2. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila (дата обращения: 05.06.2024).

Таблица 1.3

Распределение населения частных домохозяйств регионов российского Севера по статусу участия в составе рабочей силы, перепись населения 2021 года, человек

Регион	Всего	Указавшие статус участия в составе рабочей силы	В том числе					
			Рабочая сила	В том числе			Лица, не входящие в состав рабочей силы	Из них потенциальная рабочая сила
				занятые	из них пенсионеры	безработные		
Российская Федерация (тыс. человек)	**122 941**	**102 716**	**61 491**	**60 777**	**3975**	**714**	**41 225**	**860**
Российский Север	**5 947 034**	**4 769 569**	**2 950 835**	**2 899 861**	**378 940**	**50 974**	**1 818 734**	**55 975**
Европейский Север	**2 419 380**	**1 977 557**	**1 118 965**	**1 098 500**	**174 279**	**20 465**	**858 592**	**24 168**
Республика Карелия	441 686	387 527	205 131	201 039	32 433	4092	182 396	5202
Республика Коми	599 883	459 824	260 072	254 054	39 313	6018	199 752	6782
Архангельская область	833 990	675 774	361 980	355 581	55 550	6399	313 794	7339
Ненецкий АО	32 524	26 705	16 838	16 291	2775	547	9867	369
Мурманская область	543 821	454 432	291 782	287 826	46 983	3956	162 650	4845
Азиатский Север	**3 527 654**	**2 792 012**	**1 831 870**	**1 801 361**	**204 661**	**30 509**	**960 142**	**31 807**
Республика Саха (Якутия)	766 110	638 211	397 949	388 749	50 482	9200	240 262	8079
Республика Тыва	228 707	216 049	112 806	106 929	8491	5877	103 243	4923
Камчатский край	234 761	201 027	138 141	135 918	19 969	2223	62 886	1792
Магаданская область	112 773	104 859	77 818	76 900	12 287	918	27 041	1069
Сахалинская область	389 567	360 785	241 334	238 842	28 712	2492	119 451	3116
Ханты-Мансийский АО – Югра	1 359 774	937 054	624 909	618 122	60 240	6787	312 145	9363
Чукотский АО	37 376	36 314	27 898	27 000	4539	898	8416	490
Ямало-Ненецкий АО	398 586	297 713	211 015	208 901	19 941	2114	86 698	2975

Источник: ВПН-2021. Т. 10, табл. 1–2. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila (дата обращения: 05.06.2024).

Остальные причины не столь значимы, по российскому Северу показатели следующие: «Отсутствие необходимости работать» – 4,0 %, «Уход за больными» – 1,5 % и «Ожидание начала сезона» – 1,3 % (табл. 1.4).

Выборочные обследования рабочей силы. Единственным источником информации о занятости населения в межпереписной период являются «обследования рабочей силы» (см. раздел 1.1). Проанализируем занятость по видам экономической деятельности за 2021 г., сравним распределение по Российской Федерации и российскому Северу в целом, выделяя специфику занятости по северным субъектам, некоторые сравнения сделаем с 2017 г.

В 2021 г. на первом месте по России и российскому Северу стоит занятость в «Торговле оптовой и розничной; ремонте автотранспортных средств и мотоциклов» – 18,7 и 12,8 % соответственно; на первой позиции она в республиках Карелия и Коми, Мурманской обл., Камчатском крае и Сахалинской обл. Вторую позицию на российском Севере занимает «Добыча полезных ископаемых» – 10,0 %, в России она на 12 месте – 1,6 %. В пяти субъектах – на первом: Ненецком АО– 23,5 %, Ханты-Мансийском АО – 21,7, Ямало-Ненецком АО – 21,8, Чукотском АО – 17,9 и Сахалинской обл. – 16,8 %. На третьем месте находится занятость в «Образовании» – 9,6 %, в России она на пятом месте – 7,5 %; в Республике Тыва – 22,3 % и Саха (Якутия) – 12,9 % она на первом месте, в Коми на третьем – 10,3 %. Четвертое место приходится на «Транспортировку и хранение» – 9,4 %, этот вид деятельности занимает второе место в Республике Коми – 10,7 % и Ненецком АО – 11,1 %. Пятую строчку занимает «Строительство» – 9,0 %, в России – 9,2 %; на второй позиции оно в Ямало-Ненецком АО – 16,3 %, Республике Саха (Якутия) – 11,3 % и Сахалинской обл. – 11,9 %. «Обрабатывающие производства» занимают шестую строчку – 8,4 %, наибольшее распространение они получили в Архангельской обл. – 17,5 % (первая позиция), вторую позицию они занимают в Республике Карелия – 12,3 % и Мурманской обл. – 11,6 %. На седьмом месте стоит «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» – 7,4 %, это выше российского уровня – 6,3 %, в Республике Тыва на нее приходится третья позиция – 12,2 %. На занятых в «Обеспечении электрической энергией, газом и паром; кондиционировании воздуха» приходится 4,2 % (в России – 2,2 %), наибольшая она в Чукотском АО – 13,4 %. «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» не получили должного развития – 4,1 %, исключение составил Камчатский край – 11,5 %. Другие виды деятельности составляют незначительную величину: «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» и «Деятельность по операциям с недвижимым имуществом» – по 2,4 %, «Деятельность в области информации и связи» – 1,6 %, «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора

и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» – 0,9 %, «Другие виды деятельности» – 18,0 % (табл. 1.5).

Под воздействием научно-технического прогресса, факторов внешней и внутренней среды в структуре занятости населения могут происходить изменения как позитивного, так и негативного характера. Стоит также подчеркнуть, что резкая трансформация в занятости может повлиять на устойчивое развитие северных территорий *(Демографический и трудовой факторы, 2018)*.

Сравнительный анализ 2017 и 2021 гг. показал, что в Российской Федерации не произошло существенных изменений в структуре занятости. Изменился ранг только двух отраслей. С 1917 по 2021 г. занятые в «Образовании» переместились с четвертой на пятую позицию, а в «Транспортировке и хранении», наоборот, с пятой на четвертую. На российском Севере эти отрасли также поменяли свои позиции, «Образование» увеличило долю занятых, переместившись с четвертого на третье место, а «Транспортировка и хранение» переместилась с третьего на четвертое.

Сравним структуру занятости двух северных регионов: типичного европейского – Республики Коми и Западно-Сибирского – Ханты-Мансийского АО (далее – ХМАО). В каждом субъекте структура занятости с 2017 по 2021 г. практически не изменилась, только «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» и «Деятельность по операциям с недвижимым имуществом» поменялись местами, но ранг значимости видов экономической деятельности у них отличный. В Коми, как и в России, доминирует «Торговля», а в ХМАО – «Добыча полезных ископаемых». По представленным данным хорошо видно, какие виды экономической деятельности более востребованы, а какие – менее (табл. 1.6).

Таблица 1.4

Потенциальная рабочая сила регионов российского Севера по причинам неучастия в составе рабочей силы, перепись населения 2021 года

Регион	Потенциальная рабочая сила, человек	Лица, готовые приступить к работе в последнюю неделю сентября, но не искавшие работу, человек	В том числе по причине (%)									Не указавшие причину, человек	Лица, искавшие работу, но не готовые приступить к ней в последнюю неделю сентября, человек
			нахождение на пенсии	отсутствие возможности найти работу	учеба	ведение домашнего хозяйства и/или воспитание детей	состояние здоровья	отсутствие необходимости работать	уход за больным	ожидание начала сезона	иная причина		
Российская Федерация	**860 446**	**300 849**	**34,8**	**14,2**	**17,7**	**15,2**	**7,8**	**4,0**	**2,0**	**1,6**	**2,8**	**103 524**	**559 597**
Российский Север	**55 975**	**24 037**	**39,1**	**17,0**	**14,8**	**12,3**	**6,8**	**4,0**	**1,5**	**1,3**	**3,2**	**5369**	**31 938**
Европейский Север	**24 168**	**11 743**	**44,6**	**16,8**	**11,4**	**10,3**	**7,1**	**4,0**	**1,5**	**1,2**	**3,2**	**2212**	**12 425**
Республика Карелия	5202	2604	45,3	17,6	12,9	7,1	6,7	4,7	1,9	1,3	2,5	529	2598
Республика Коми	6782	3507	45,3	20,8	9,2	8,6	7,1	3,4	1,3	1,5	2,8	842	3275
Архангельская область	7339	3632	47,2	16,8	10,6	10,6	6,2	3,0	1,8	1,1	2,9	517	3707
Ненецкий АО	369	210	33,3	34,4	12,4	8,1	3,2	3,8	1,1	2,2	1,6	24	159
Мурманская область	4845	2000	38,1	9,2	14,4	16,3	9,2	5,9	1,0	0,7	5,1	324	2845
Азиатский Север	**31 807**	**12 294**	**33,3**	**17,2**	**18,3**	**14,5**	**6,4**	**4,1**	**1,6**	**1,4**	**3,2**	**3157**	**19 513**
Республика Саха (Якутия)	8079	3393	31,5	19,9	19,0	13,4	6,0	4,0	2,0	1,5	2,7	580	4686
Республика Тыва	4923	1492	24,9	24,8	14,4	23,7	5,0	2,6	1,7	1,4	1,5	304	3431
Камчатский край	1792	836	39,6	11,0	15,9	14,1	9,7	4,2	0,3	1,8	3,4	164	956
Магаданская область	1069	729	38,6	11,9	24,8	7,6	6,3	4,6	1,3	1,3	3,6	426	340
Сахалинская область	3116	1397	43,6	13,2	15,9	9,1	8,4	4,1	1,3	1,6	2,9	706	1719
Ханты-Мансийский АО – Югра	9363	3168	34,0	12,3	21,2	14,5	6,9	4,3	1,5	1,1	4,3	636	6195
Чукотский АО	490	184	16,6	50,3	12,6	4,6	5,3	6,6	1,3	0,7	2,0	33	306
Ямало-Ненецкий АО	2975	1095	37,0	16,3	14,6	14,4	4,6	5,3	1,7	2,3	3,9	308	1880

Источник: ВПН-2021. Т. 10, табл. 5–6. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila (дата обращения: 05.06.2024).

Таблица 1.5

Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности (ОКВЭД-2) в регионах российского Севера, 2021 год, %

Регион	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Добыча полезных ископаемых	Образование	Транспортировка и хранение	Строительство	Обрабатывающие производства	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Деятельность в области информации и связи	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Другие виды деятельности
Российская Федерация	**18,7**	**1,6**	**7,5**	**8,0**	**9,2**	**14,1**	**6,3**	**2,2**	**6,3**	**2,6**	**2,7**	**2,2**	**1,0**	**17,6**
Российский Север	**12,8**	**10,0**	**9,6**	**9,4**	**9,0**	**8,4**	**7,4**	**4,2**	**4,1**	**2,4**	**2,4**	**1,6**	**0,9**	**18,0**
Республика Карелия	15,6	2,7	9,1	9,0	8,4	12,3	8,0	3,3	4,8	2,9	2,7	1,8	1,0	18,4
Республика Коми	13,9	5,9	10,3	10,7	6,9	8,7	8,8	4,2	4,3	2,1	2,6	1,4	1,2	19,1
Республика Саха (Якутия)	10,7	10,6	12,9	8,8	11,3	3,9	7,6	5,7	5,9	1,2	1,6	2,0	0,6	17,2
Республика Тыва	15,1	3,0	22,3	3,7	4,7	3,7	12,2	2,0	6,7	2,4	1,3	1,3	0,8	20,9
Камчатский край	14,3	2,2	9,2	6,9	6,6	7,8	7,1	4,8	11,5	2,1	2,3	1,2	1,3	22,5
Архангельская область	14,8	2,1	9,5	9,3	6,1	17,5	8,0	3,0	4,7	2,7	2,6	1,4	0,7	17,6
Ненецкий АО	5,4	23,5	10,0	11,1	8,2	1,9	5,9	6,7	4,0	2,5	1,1	1,9	0,5	17,2
Магаданская область	12,1	16,8	7,4	8,9	7,0	2,9	8,2	6,3	2,7	2,0	1,4	1,9	0,7	21,7
Мурманская область	11,9	4,3	8,9	9,7	6,1	11,6	8,1	5,8	2,9	2,6	2,6	1,9	1,6	21,8
Сахалинская область	15,1	3,7	8,5	9,6	11,9	6,6	7,9	3,7	5,7	2,7	3,1	1,4	1,0	18,9
Ханты-Мансийский АО	12,2	21,7	6,8	10,3	10,3	5,9	5,7	3,4	1,3	2,4	2,6	1,5	0,9	15,0
Чукотский АО	11,0	17,9	8,5	7,8	5,6	1,5	5,9	13,4	5,1	1,8	1,6	1,5	0,2	18,2
Ямало-Ненецкий АО	7,2	21,8	6,5	11,7	16,3	2,8	4,3	4,7	1,3	3,0	2,4	1,7	0,5	15,8

Примечание (здеь и табл. 1.6): значение по российскому Северу – среднее взвешенное по среднегодовой численности населения.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2022 г. / Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 05.06.2024).

Таблица 1.6

Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности (ОКВЭД-2) в регионах российского Севера, 2017 и 2021 годы, %

Вид экономической деятельности	Российская Федерация		Российский Север		Республика Коми		Ханты-Мансийский АО	
	2017	2021	2017	2021	2017	2021	2017	2021
Все виды экономической деятельности	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	19,0	18,7	13,7	12,8	13,6	13,9	12,6	12,2
Добыча полезных ископаемых	1,6	1,6	10,7	10,0	6,6	5,9	21,2	21,7
Образование	7,7	7,5	9,1	9,6	10,5	10,3	6,8	6,8
Транспортировка и хранение	7,3	8,0	9,9	9,4	11,5	10,7	10,1	10,3
Строительство	8,8	9,2	8,9	9,0	6,9	6,9	10,1	10,3
Обрабатывающие производства	14,2	14,1	7,6	8,4	7,6	8,7	5,8	5,9
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	6,2	6,3	7,0	7,4	8,6	8,8	5,6	5,7
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,3	2,2	4,2	4,2	4,3	4,2	3,5	3,4
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7,1	6,3	4,1	4,1	5,0	4,3	1,3	1,3
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,7	2,6	2,4	2,4	2,6	2,1	2,5	2,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,3	2,7	2,2	2,4	1,8	2,6	2,3	2,6
Деятельность в области информации и связи	2,0	2,2	1,7	1,6	1,5	1,4	1,7	1,5
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,0	1,0	1,0	0,9	1,3	1,2	1,0	0,9
Другие виды деятельности	17,9	17,6	17,6	18,0	18,1	19,1	15,3	15,0

*Примечание (здесь и табл. 1.7)**:** ранжировано в порядке убывания значений по российскому Северу за 2021 г.*

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2018 и 2022 гг. / Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 05.06.2024).

Характеристики структурных изменений в занятости можно эффективно оценить по методике ИКС – индекса качества структурных сдвигов *(Кашепов, 2023, с. 139)*. В соответствии с этой методикой отрасли экономики и виды экономической деятельности (далее – ВЭД) экспертным путем условно делятся на «прогрессивные», «нейтральные» и «регрессивные». Ниже приводится группировка отраслей и видов экономической деятельности согласно ОКОНХ, ОКВЭД-1, ОКВЭД-2.

Условно-прогрессивные отрасли и ВЭД: Обрабатывающие производства; Строительство; Транспортировка и хранение; Деятельность в области информации и связи; Деятельность финансовая и страховая; Деятельность профессиональная, научная и техническая; Образование; Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; Деятельность в области культуры, спорта, досуга и развлечений.

Условно-нейтральные отрасли и ВЭД: Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; Деятельность по операциям с недвижимым имуществом; Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение.

Условно-регрессивные отрасли и ВЭД: Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; Добыча полезных ископаемых; Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

В качестве комментария автор дает пояснение, что «условно-регрессивными» названы отрасли, которые не просто полезны, а необходимы экономике (в частности, добыча полезных ископаемых и сельское хозяйство). Но в большинстве исследований они относятся к «первичному» сектору, доля которого в экономике во всех развитых странах сокращается *(Кашепов, 2020, с. 25–26)*.

Рассмотрим один из видов занятости, отнесенный к условно-регрессивному – сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство. Можно отметить, что на Севере ниже среднероссийской доля растениеводства и животноводства, выше доля лесного хозяйства и значима доля рыболовства. Региональные различия в занятости определяются природными ресурсами и условиями, географическим местоположением. В Камчатском крае, Мурманской, Магаданской и Сахалинской областях преобладает рыболовство, в Архангельской обл., Республике Карелия – лесоводство и лесозаготовки, в остальных регионах – растениеводство, животноводство

и охота. Отметим, что в Республике Коми лесная отрасль лишь немного уступает сельскохозяйственной по числу занятых (рис. 1.1).

Используя предложенную классификацию, отрасли и ВЭД РФ и российского Севера были сгруппированы и проанализированы в разрезе трех групп. По Российской Федерации «условно-прогрессивные отрасли и ВЭД» увеличили свою долю на 0,7 п. п., российский Север – на 0,3 п. п. и ХМАО – на 0,1 п. п. Республика Коми, наоборот, уменьшила ее на 1,2 п. п. за счет уменьшения доли занятых на транспортировке и хранении, в строительстве, образовании и деятельности в области культуры, спорта, досуга и развлечений. «Условно-нейтральные отрасли и ВЭД» по России увеличили свою долю на 0,1 п. п., а Республика Коми – на 2,8 п. п., российский Север и ХМАО уменьшили ее долю на 0,6 и 0,1 п. п. соответственно. Третья группа – «условно-регрессивные отрасли и ВЭД» уменьшила свою долю по России и Республике Коми. РФ – за счет сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства; водоснабжения, водоотведения, организации сбора и утилизации отходов; в Республике Коми уменьшение по всем позициям (табл. 1.7).

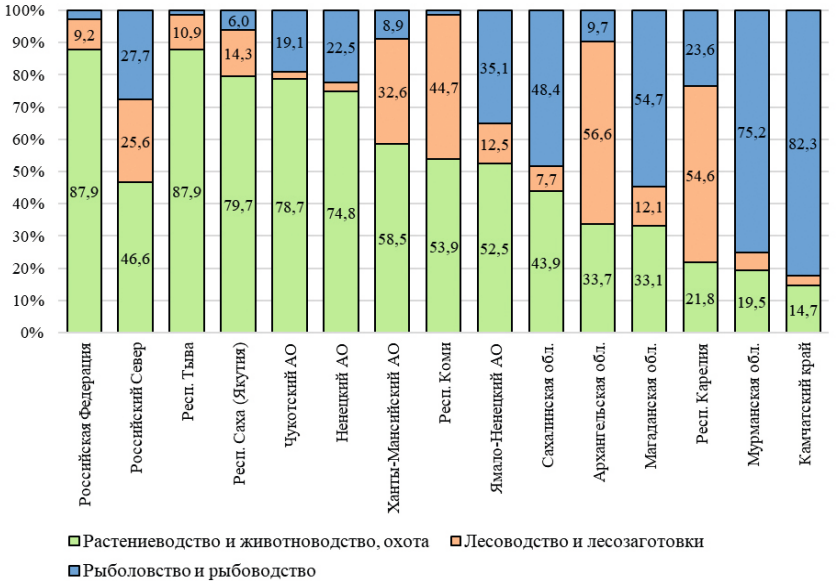

Рис. 1.1. Распределение занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве (ОКВЭД-2) по группам ВЭД в регионах российского Севера, 2021 год, %

Источник: Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интеграции данных) с 2017 г. // ЕМИСС. – URL: https://fedstat.ru/indicator/58994.

Таблица 1.7

Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности (ОКВЭД-2) в регионах российского Севера, 2017 и 2021 годы, %

Вид экономической деятельности	Российская Федерация		Российский Север		Республика Коми		Ханты-Мансийский АО	
	2017	2021	2017	2021	2017	2021	2017	2021
Все виды экономической деятельности	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**
Условно-прогрессивные отрасли и ВЭД	**55,1**	**55,8**	**51,1**	**51,4**	**54,4**	**53,2**	**47,1**	**47,2**
Транспортировка и хранение	7,5	8,1	10,1	9,8	11,7	10,9	10,3	10,5
Строительство	9,0	9,4	9,1	9,6	7,1	7,0	10,3	10,5
Образование	7,9	7,7	9,2	9,2	10,6	10,4	7,0	6,9
Обрабатывающие производства	14,5	14,4	7,8	8,0	7,8	8,9	5,9	6,1
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	6,3	6,4	7,1	7,2	8,7	8,9	5,8	5,9
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,2	3,9	3,0	2,9	3,7	3,1	3,0	2,7
- из них научные исследования и разработки	1,3	1,1	0,3	0,3	0,5	0,5	0,2	0,2
Деятельность в области культуры, спорта, досуга и развлечений	1,6	1,7	1,8	1,9	1,9	1,6	1,7	1,8
Деятельность в области информации и связи	2,1	2,2	1,7	1,6	1,6	1,4	1,7	1,6
Деятельность финансовая и страховая	2,0	1,9	1,3	1,1	1,3	1,1	1,4	1,2
Условно-нейтральные отрасли и ВЭД	**32,6**	**32,7**	**28,6**	**28,0**	**28,2**	**31,0**	**25,1**	**25,0**
Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	19,5	19,1	13,9	12,7	13,9	14,1	12,9	12,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	5,3	5,3	7,6	7,7	8,3	9,0	4,5	4,4

Окончание таблицы 1.7

Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,7	2,9	2,4	2,7	1,6	3,1	2,8	3,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,8	2,7	2,5	2,5	2,7	2,7	2,6	2,7
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,4	2,6	2,2	2,4	1,8	2,1	2,3	2,4
Условно-регрессивные отрасли и ВЭД	**12,2**	**11,5**	**20,3**	**20,6**	**17,4**	**15,8**	**27,7**	**27,8**
Добыча полезных ископаемых	1,6	1,7	10,9	11,5	6,7	6,0	21,7	22,2
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,3	2,3	4,3	4,3	4,3	4,2	3,6	3,4
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7,2	6,5	4,1	3,9	5,0	4,3	1,4	1,3
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов	1,1	1,0	1,0	0,9	1,3	1,2	1,0	1,0

Примечание: без учета других видов экономической деятельности.
Источник (здесь и табл. 1.8): Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интеграции данных) с 2017 г. // ЕМИСС. – URL: https://fedstat.ru/indicator/58994 (дата обращения: 05.06.2024).

Общероссийский классификатор видов экономической деятельности каждый год совершенствуется «прирастанием» новых видов деятельности. Число видов (подвидов) занятости в классификаторе приближается к 3 тыс. В приводимых выше таблицах мы анализировали занятость по разделам классификатора, имеющим буквенные коды (например, Раздел А. Сельское, лесное хозяйство…; Раздел В. Добыча полезных ископаемых и др.). Более подробно рассмотрим Раздел С – Обрабатывающие производства, поскольку официальная статистика предоставляет по нему наиболее детализированные сведения – 24 группы ВЭД.

Внимание к этой группе обусловлено тем, что обрабатывающие производства испытывают наибольшую потребность в кадрах, вызванную импортозамещением и высоким спросом на продукцию этих предприятий. По расчетам экспертов Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ отмечается, что максимальная потребность в работниках в абсолютном выражении зафиксирована именно в обраба-

тывающих производствах. По их расчетам на третий квартал 2023 г. экономике страны требуется 2,3 млн работников (по числу незанятых вакансий), из них 335,3 тыс. – в обрабатывающих производствах, 264,4 тыс. – в торговле, и 197,7 тыс. – на транспорте *(Рынок труда, 2024, с. 9)*.

Рассмотрим, как представлены обрабатывающие производства. В каждом регионе выделим три группы экономической деятельности в обрабатывающих производствах, в которых в 2021 г. было наибольшее число занятых. Полученная группировка демонстрирует специализацию северных регионов в обрабатывающей промышленности (табл. 1.8).

Таблица 1.8

Группировка занятых в обрабатывающих производствах (ОКВЭД-2) по регионам российского Севера, 2021 год, человек

Регион	Первая по числу работников группа ВЭД	Вторая по числу работников группа ВЭД	Третья по числу работников группа ВЭД
Российская Федерация	**1 787 603 (17,9 %) – Производство пищевых продуктов**	**907 944 (9,1 %) – Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования**	**642 069 (6,4 %) – Производство прочих транспортных средств и оборудования**
Российский Север	**58 734 (17,8 %) – Производство пищевых продуктов**	**54 882 (16,6 %) – Производство прочих транспортных средств и оборудования**	**45 677 (13,9 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования**
Республика Карелия	7689 (23,7 %) – Производство бумаги и бумажных изделий	5767 (17,7 %) – Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	4757 (14,6 %) – Производство пищевых продуктов
Республика Коми	10 274 (31,2 %) – Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки	4797 (14,6 %) – Производство бумаги и бумажных изделий	4228 (12,9 %) – Производство пищевых продуктов
Республика Саха (Якутия)	6487 (34,0 %) – Производство пищевых продуктов	2714 (14,2 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования	2126 (11,1 %) – Производство прочей неметаллической минеральной продукции
Республика Тыва	1530 (40,0 %) – Производство пищевых продуктов	751 (19,6 %) – Производство прочей неметаллической минеральной продукции	331 (8,6 %) – Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки

Окончание таблицы 1.8

Камчатский край	9293 (69,2 %) – Производство пищевых продуктов	1756 (13,1 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования	390 (2,9 %) – Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования
Архангельская область	46 341 (52,0 %) – Производство прочих транспортных средств и оборудования	13569 (15,2 %) – Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	8722 (9,8 %) – Производство бумаги и бумажных изделий
Ненецкий АО	395 (70,4 %) – Производство пищевых продуктов	62 (11,1 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования	48 (8,6 %) – Производство прочей неметаллической минеральной продукции
Магаданская область	1115 (42,4 %) – Производство пищевых продуктов	267 (10,2 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования	212 (8,1 %) – Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки
Мурманская область	11 073 (26,7 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования	9914 (23,9 %) – Производство металлургическое	7192 (17,4 %) – Производство прочих транспортных средств и оборудования
Сахалинская область	10815 (60,7 %) – Производство пищевых продуктов	1353 (7,6 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования	1325 (7,4 %) – Производство прочей неметаллической минеральной продукции
Ханты-Мансийский АО	15678 (24,3 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования	11629 (18,1 %) – Производство кокса и нефтепродуктов	6053 (9,4 %) – Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели
Чукотский АО	460 (86,0 %) – Производство пищевых продуктов	28 (5,2 %) – Производство напитков	16 (3,0 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования
Ямало-Ненецкий АО	4519 (37,7 %) – Ремонт и монтаж машин и оборудования	3229 (26,9 %) – Производство кокса и нефтепродуктов	1736 (14,5 %) – Производство пищевых продуктов

Среди регионов особо можно выделить два: Мурманскую обл. и ХМАО, где статистикой зафиксированы все 24 группы ВЭД обрабатывающей промышленности, в то же время в Чукотском АО их всего восемь, причем 86,0 % работников приходится на одну группу – производство пищевых продуктов. Еще в четырех регионах более 50 % работников обрабатываю-

щих производств сосредоточены в одном виде занятости. В Ненецком АО, Камчатском крае и Сахалинской обл. это производство пищевых продуктов, а в Архангельской обл. – производство прочих транспортных средств и оборудования. В республиках Карелия и Коми лидируют виды деятельности, связанные с лесной промышленностью (обработка древесины и производство бумаги), в Мурманской обл. и Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах – ремонт и монтаж машин и оборудования, в остальных – пищевая промышленность. Среди не ведущих, но значимых по численности вовлеченной рабочей силы, выделяются деревообработка и производство бумажных изделий в Архангельской обл., металлургия, производство транспортных средств и оборудования – в Мурманской обл., а также производство кокса и нефтепродуктов – в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Производство пищевых продуктов входит в тройку крупнейших групп ВЭД в десяти регионах, кроме ХМАО, Архангельской и Мурманской областей.

1.5. От традиционных к новым формам занятости

Прогнозы, сделанные Хэнди в 2001 г. и Стэндингом в 2014 г., были ускорены и стали реальностью под воздействием COVID-19. Сегодня во всем мире, включая Россию, занятость вне основного места работы широко распространена, и игнорировать ее уже не получится (определенные основания дает и Трудовой кодекс)[9]. Научные исследования по изучению влияния COVID-19 на общественную жизнь ученые начали в 2020 г., когда пандемия набирала силу, а правительства стран принимали экстренные меры, как уберечь свое население и в то же время как не разрушить экономику. Остановимся на понятии «дистанционная, или удаленная, работа», ее плюсах и минусах, о ее распространенности по государствам мира и ряде других вопросов.

В статье И. Г. Гуровой можно найти такое определение: «Дистанционная (удаленная) работа представляет собой особую форму организации трудового процесса, при которой штатные сотрудники компании исполняют свои обязанности за пределами рабочего пространства, а основные коммуникации в процессе работы осуществляются с помощью цифровых технологий» *(Гурова, 2020, с. 128)*. До COVID-19 удаленная работа была редким явлением, лишь небольшая часть персонала периодически работала в дистанционном режиме. В Европейском союзе распростра-

[9] Статья 102 ТК РФ устанавливает, что при работе в режиме гибкого рабочего времени начало, окончание или общая продолжительность рабочего дня (смены) определяются по соглашению сторон.

ненность регулярной или эпизодической дистанционной работы (надомной и мобильной вместе взятых) варьировала от 30 % и более – в Дании, Нидерландах и Швеции, до 10 % и менее – в Чешской Республике, Греции, Италии и Польше. По данным исследований, до 20 % рабочей силы в США регулярно или периодически работали дома или в другом альтернативном месте, в Японии – 16 %, а в Аргентине – всего 1,6 % *(Филимонова, Брострем, Кобозева, 2021, с. 659)*.

Однако разразившаяся пандемия внесла свои коррективы в ситуацию на рынке труда. Весной 2020 г. в России был реализован уникальный опыт массового внедрения дистанционного формата в деятельность множества самых различных предприятий, обусловленный беспрецедентными внешними обстоятельствами, потребовавшими экстренного применения карантинных мер. Необходимость соблюдения режима изоляции вынудила работодателей в срочном порядке выводить сотрудников на удаленную работу (полностью или частично) практически во всех отраслях и организациях, где это можно было сделать – поскольку такое решение зачастую было единственно возможным для функционирования в условиях распространения коронавирусной инфекции *(Гурова, 2020, с. 128)*. Таким образом, «согласно экспертным оценкам, к концу апреля 2020 г. количество трудящихся на дистанции в нашей стране увеличилось в восемь раз»[10].

Основные проблемы, с которыми столкнулись сотрудники при дистанционной работе, можно сгруппировать в порядке убывания их значимости следующим образом:

1) недостатки организации рабочего процесса на дистанции – отсутствие оперативной обратной связи и личного общения при решении рабочих вопросов, влияющих на эффективность труда;

2) факторы, связанные в основном с режимом изоляции, – постоянное присутствие детей и членов семьи (что является серьезным отвлекающим моментом и дает дополнительную психологическую и эмоциональную нагрузку), отсутствие движения (что также приводит к проблемам со здоровьем) и недостаток общения в целом;

3) трудности самоорганизации, проявившиеся в сложностях совмещения работы и личной жизни, а также сосредоточения на рабочих вопросах в домашней атмосфере;

4) неподходящее оснащение рабочего места в домашних условиях – отсутствие необходимой мебели и оборудования (слабый компьютер и т. п.) и плохая связь (интернет и проч.).

[10] Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии: Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Social Business Group (Москва, 15.05.2020) // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280 (дата обращения: 06.07.2024).

Если не учитывать группу проблем пункта 2 (т. е. обусловленных самоизоляцией), становится очевидно, что большинство минусов удаленной работы, отмеченных респондентами различных опросов, находится в организационной плоскости.

Также можно отметить преимущества дистанционного формата, выделенные сотрудниками. Аналогично разделим их на группы: 1) сокращение определенных видов затрат – экономия денежных средств на дорогу и питание в офисе; 2) высвобождение времени – отсутствие дороги на работу, гибкий график, возможность заниматься домашними делами и дольше спать; 3) комфорт домашней обстановки. То есть главными плюсами удаленной работы, по мнению сотрудников, являются экономическая и временная составляющие *(Гурова, 2020, с. 134–135)*.

По мнению М. П. Прохоровой и ее коллег *(Прохорова, Лебедева, Седых и др., 2020, с. 465),* для сотрудников компаний, работающих удаленно, наибольшей привлекательностью обладают следующие характеристики такого способа организации занятости: возможность самостоятельно планировать рабочее время (79 %), сокращение времени на перемещения до офиса (75 %), возможность трудоустроиться в другом регионе (64 %), совмещать несколько проектов для повышения заработка (47 %), дополнительные возможности совмещения трудовой деятельности с уходом за детьми, получением образования (45 %), отсутствие влияния на работу со стороны коллег и других отвлекающих факторов (44 %) и самостоятельное обустройство рабочего места (44 %).

Среди недостатков удаленной занятости российские респонденты указывают: отсутствие живого общения с коллегами по производственным вопросам (43 %), ограничения профессионального и карьерного роста (35 %), наличие множества факторов в быту, отвлекающих от трудовой деятельности (34 %), проблемы с принятием решений из-за недостатка обратной связи от руководства и коллег (29 %), отстраненность от корпоративной культуры и процессов компании (29 %), а также сложности с организацией рабочего времени (13 %) и рабочего места дома (5 %). Недостатков в удаленной работе не видят только 23 % респондентов.

Рост удаленной занятости – главный на сегодняшний день ответ мировой экономики на кризис, вызванный пандемией коронавируса и мерами по борьбе с ней – локдаунами, социальным дистанцированием и ограничением присутствия на рабочих местах. О стремлении увеличить возможности для удаленной работы своих сотрудников сообщили 83 % компаний, опрошенных в ходе исследования Всемирного экономического форума; в России этот показатель составил 80,6 %. До 44 % рабочей силы в мире,

согласно данному исследованию, теоретически может быть занято удаленно *(Розинская, Розинский, 2021, с. 88)*.

Увеличение количества работодателей, прибегающих к услугам фрилансеров или развивающих удаленную занятость, требует проанализировать достоинства и недостатки данного вида занятости. Достоинствами удаленной занятости для заказчиков становятся: возможность подбора специалиста в нужной сфере (25 %); возможность подбора специалиста требуемой квалификации (23 %); быстрота и легкость дистанционного поиска (21 %); относительно низкая стоимость выполнения заказа, поскольку «накладные» затраты на использование специалиста отсутствуют (18 %); быстрое выполнение задач (12 %); другие достоинства (1 %).

Риски работы с фрилансерами, отмечаемые работодателями, состоят в следующем: риски срыва сроков (66 %); риски качества выполненной работы (57 %); сложность оценки профессиональных качеств и навыков фрилансера до начала выполнения работы (56 %); денежные риски (38 %); размер комиссии сервису, который связывает заказчика с фрилансером (12 %) *(Прохорова, Лебедева, Седых и др., 2020, с. 464)*.

Между тем многие международные корпорации и ранее развивали дистанционный формат, рассматривая его не с точки зрения эпидемиологической ситуации, а как способ обеспечения эффективности и стабильности деятельности *(Гурова, 2020, с. 142)*.

Когда к лету 2020 г. прошел «первый шок» от перехода на удаленный режим, в исследованиях начали появляться предположения о том, что этот переход может оказаться не только вынужденной, но и целесообразной мерой, позволяющей увеличить производственную эффективность и/или улучшить условия труда. Похоже, бизнес и работники «распробовали» удаленную занятость. Так, в зарубежных исследованиях выяснялась разница между максимальным объемом работы, который теоретически возможно перевести в удаленный режим, и тем объемом, который можно выполнять удаленно без потери эффективности. Исследование охватывает шесть развитых стран (США, Великобританию, Германию, Францию, Испанию и Японию) и три крупные развивающиеся (Китай, Мексику и Индию).

В развитых странах без потери эффективности удаленно может выполняться работа, на которую приходится примерно 30 % общего рабочего времени (33 % в Великобритании, 30 % в Германии, 29 % в США и Японии, 28 % во Франции и 26 % в Испании). При этом теоретический максимум удаленной работы, т. е. допускающий определенную потерю эффективности, значительно больше – от 36 % в Испании до 46 % в Великобритании. Лидерство Великобритании вызвано, очевидно, высокой долей в ее эконо-

мике финансовых и бизнес-услуг. В трех развивающихся странах показатели заметно ниже: без ущерба для производительности там может выполняться работа, составляющая 12 % (Индия), 16 % (Китай) и 18 % (Мексика) общего рабочего времени.

Перспективы развития удаленной занятости в России, как и в других странах мира, особенно актуальны для жителей крупнейших городов: именно там наибольшая концентрация отраслей, технологически лучше приспособленных к удаленному режиму работы (финансы, страхование, юридические услуги и другие виды постиндустриальной занятости). В качестве альтернативы проживания предлагаются разные варианты жилья: дачи, крупные и средние города, расположенные в средней или низкой ценовой зоне покупки или аренды жилья.

Здесь речь идет не об «исходе из городов», массовом возвращении к сельской жизни и других грандиозных футурологических перспективах, а о гораздо более приземленных вещах. В силу отечественных социально-экономических реалий (сложившийся тип расселения, структура и размеры собственности на недвижимость, уровень доходов) развитие удаленной занятости с большой вероятностью приведет к тому, что соотношение времени, проводимого россиянином в «первом» (городская квартира) и «втором» (дача) домах, сместится в сторону «второго» дома. Это будет иметь серьезные последствия для территорий, на которых расположены «вторые дома». Представляется, что имеет смысл подготовиться к этим последствиям и постараться использовать формирующийся тренд для обустройства жизни на этих территориях. Вызванная карантином трансформация технологических процессов, в частности, рост удаленной занятости, может стать фактором, который усилит два важных для нашей страны демографических тренда. Один из них – постепенный сдвиг населения в зоны с более благоприятным климатом, второй – развитие характерной для России маятниковой миграции городского населения *(Розинская, Розинский, 2021, с. 87–90)*.

В России в период пандемии из-за необходимости соблюдения режима самоизоляции, а также в целях оптимизации расходов коммерческому сектору предприятий пришлось пересмотреть кадровый состав. Каждый третий работодатель отправлял работников в отпуск без сохранения заработной платы (34 %), снижал размер платы труда (32 %). В каждой пятой организации (21 %) была отменена дополнительная система мотивации. Треть предприятий (33 %) перевели сотрудников на удаленный формат работы. Микропредприятиям это удавалось реже (24 % в компаниях со штатом до 15 человек), средним и крупным предприятиям – чаще (39 %

в компаниях со штатом 16–100 человек, 67 % – со штатом более 250 человек) *(Филимонова, Брострем, Кобозева, 2021, с. 659)*.

В зарубежных странах представители бизнеса, за исключением некоторых лидеров корпоративного сектора, не стремятся развивать дистанционную организацию труда даже в отношении особых категорий работников, таких как инвалиды. В свою очередь, прогресс, достигнутый за последние пять-семь лет в сфере информационных технологий, открыл многочисленные перспективы для устойчивой организации дистанционных трудовых отношений даже для небольших компаний, с учетом доступности и безопасности тиражируемых и масштабируемых решений.

Что касается России, то здесь по-прежнему сохраняется дефицит цифровых технологий дистанционной работы *(Смирнов, 2021, с. 140)* вместе с компетенциями по ее надлежащей организации. В полной мере его так и не удалось преодолеть в условиях пандемии, в том числе и потому, что период наиболее суровых ограничительных мер был непродолжительным, а также в связи с новейшими ограничениями высокотехнологичного сотрудничества с зарубежными поставщиками платформ и иных решений для удаленной занятости ввиду масштабного введения антироссийских санкций. Кроме того, выяснилось, что далеко не все работники умеют работать дистанционно с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а у некоторых нет даже домашнего компьютера и выхода в Интернет *(Вашаломидзе, 2023, с. 123)*.

Перспективы развития удаленной работы в будущем также напрямую зависят от особенностей используемой при выполнении трудовых функций техники. Так, специалисты химической отрасли большую часть рабочего времени проводят в лабораториях, оснащенных специализированной техникой и необходимыми реактивами, и только 25 % времени они могут работать с использованием дистанционных форм занятости. Медицинские работники, выполняющие обязанности в сфере общей практики, большую часть своего рабочего времени могут трудиться удаленно, в том числе используя цифровые технологии при общении с пациентами. Однако врачи-специалисты и врачи, выполняющие специализированные исследования, которым для работы требуются оборудование, инструменты и соответствующее помещение, большую часть времени практически работают в обычном режиме и только 10 % своего времени могут работать удаленно, осуществляя консультации или заполняя истории болезни. Аналитик, специалист по обработке информации, выполняющий статистические или финансово-аналитические задачи, может трудиться удаленно, но инспектор должен осуществлять свою деятельность в контакте с клиен-

тами. Следователи и работники, которые анализируют потребительские тенденции, занимаются тем, что описывают, обрабатывают и интерпретируют полученную информацию, имея общие цели, выполняют при этом разные задачи. Первые должны побывать на месте событий, а вторые могут это сделать, сидя перед компьютером дома. Турагент может рассчитать стоимость товаров или услуг, сидя за кухонным столом, а продавец продуктового магазина должен фактически присутствовать на рабочем месте.

Говоря о дистанционной занятости, распределенной по гендерному признаку, то для женщин удаленная работа – это возможность наиболее полно реализовать себя и в профессиональной сфере, и в семье. Используя гибридную форму занятости с гибким графиком работы, можно повысить производительность, при этом затрачивая на выполнение трудовых функции меньше времени. Однако возникает риск увеличения гендерного неравенства, вызванного регрессивными последствиями COVID-19 и выразившегося в том, что в большинстве отраслей женская работа концентрируется в профессиональных кластерах, которые не могут быть в силу описанных выше особенностей переведены даже частично в формат дистанционной работы (здравоохранение, общественное питание и обслуживание клиентов) *(Лаас, 2023, с. 38–39)*.

Пандемийный опыт экстренного знакомства с дистанционным характером труда несколько развеял миф о том, что дистанционная занятость несет безусловную пользу с точки зрения возможности уделять больше времени воспитанию детей и собственным интересам. Так, социологи на основе опросов отмечают такие негативные моменты, как затрудненный карьерный рост, сложности в организации рабочего времени и места, отвлекающие бытовые факторы, нехватку очного общения и обратной связи с коллегами, отсутствие социального пакета, что может привести к прекаризации труда. Кроме того, может наблюдаться негативное влияние дистанционной занятости на внутрисемейную атмосферу, поскольку размывается время, затрачиваемое на семью и на работу, детям сложно понять, что мама, находясь дома, работает, и это потенциально может ухудшать атмосферу в семье. Однако в ходе исследования подтвердился факт, что в бытовом плане жизнь становится комфортнее (дома уютнее, питание полезнее), а в трудовой сфере открывается возможность повысить свою профессиональную квалификацию. Оценки матерей, воспитывающих детей младших возрастных групп, на 25 % чаще были положительными, чем у остальных, эта группа респондентов значимо чаще отмечает возможность выделять больше времени на развитие и обучение детей и плюсы по параметру «здоровье близких» *(Тонких, 2023, с. 82–83)*.

В целом можно заключить, что XXI в. внес существенные изменения в занятость населения. Если в XX в. работа на «удаленке» была редким исключением и воспринималась как что-то неестественное и связанное с физическими особенностями работника, то сегодня это уже правило, а не исключение. В поисках работы многие претенденты ищут условия, позволяющие им или весь рабочий период работать удаленно или большую его часть. Остается лишь открытым вопрос, кто должен организовывать рабочее место на дому: работодатель или работник?

Глава 2

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В СТРАТЕГИЯХ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

На материалах социологического исследования, выполненного в рамках качественной методологии, предлагается анализ практик природопользования и оценки уровня и качества жизни северян, определяющие перспективы развития человеческих ресурсов на российском Севере. Развиваемая концепция вытеснения предполагает системное воспроизводство окраины внутри национальных государств и характеризуется низким потенциалом местных сообществ влиять на формирование стратегий развития региона, отличающегося богатыми природными ресурсами, а также ограниченными возможностями его жителей заниматься значимой деятельностью, управлять личной жизненной ситуацией в условиях сурового климата и дорогостоящего проживания. Доказывается, что современные практики природопользования представляют собой потребительские и квази-традиционные стратегии освоения Севера. Они не способствуют формированию сберегающих стратегий развития территорий, также росту качества человеческих ресурсов. Рост критического отношения жителей региона к сложившейся ситуации и осознание лишения их права владеть и распоряжаться землей и природными ресурсами снижают стимулы к труду, социальную активность и гражданскую ответственность.

2.1. Стратегии природопользования: целеполагание и осознание проблемы

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в развитии концепции вытеснения применительно к российскому Северу, а также в конкретизации понятия вытеснения как результата институционализации исключения, в которой важное место, с одной стороны, занимает государственная политика природопользования, игнорирующая интересы

коренных жителей и не представляющая общего интереса северян, а с другой – осознание местными сообществами лишения их права владеть и распоряжаться землей и природными ресурсами, невозможности влиять на формирование стратегии развития территории. Сложившаяся ситуация не способствует росту качества человеческих ресурсов.

Ограничение прав и полномочий распоряжаться природными ресурсами явилось результатом *длительных и множественных практик социального исключения* в различные исторические периоды на российском Севере. При этом социальное неравенство формируется через создание благоприятных условий и защиты интересов одних – «успешных» (или привилегированных) – и ограничения возможностей других – «неуспешных» (непривилегированных). Первые становятся обладателями совершенных навыков, востребованных глобальным миром, вторые характеризуются недостатком личных усилий в сфере жизнеобеспечения *(Лыткина, Смирнов, 2019, с. 28)*. В итоге среди граждан растет число тех, кто в результате социального исключения лишен возможности заниматься значимой деятельностью и управлять личной жизненной ситуацией *(Сен, 2004; Сен, 2016; Лыткина, 2011; Ярошенко, 2013)* и все больше ограничивается в доступе к средствам существования *(Ярошенко, 2017)*. Постепенно утрачивается социальная чувствительность различных групп к противоречиям и конфликтам в реализации своих интересов и к барьерам на пути выстраивания солидарных отношений *(Лыткина, 2012)*.

Однако если социальное исключение скрыто во множественных политиках и практиках социального взаимодействия различных социальных групп в процессе (вос)производства и/или преодоления бедности, то вытеснение представляет собой институционально организованное исключение территориального сообщества. Иными словами, вытеснение не концентрируется на отдельных социальных группах, слоях и классах, а направлено на территории стран, регионов и областей. Оно определяется как ростом экономических и геополитических интересов государства и/или игроков крупного бизнеса, так и снижением интереса и крайне неустойчивым отношением к развитию территории. Так, с началом рыночных реформ хозяйственная деятельность на Севере подверглась резкой критике, что привело к отказу от прежней стратегии развития Севера и отсутствию четкой текущей государственной политики по отношению к северным территориям. Созданный в 1990 г. Государственный комитет РФ по вопросам развития Севера менял статус несколько раз: осенью 1998 г. его ликвидировали, в мае 1999 г. – восстановили. Разрабатываемые правительственные документы по отношению к Северу сводятся к сокращению федеральных расходов, сужению структуры хозяйства, переселению северян, переходу на вахто-

вый метод организации труда, перекладыванию финансово-экономических затрат с центра на регионы. Так, осенью 1999 г. было объявлено намерение Правительства РФ в начале 2000 г. снять с северян все льготы и привилегии. Затем поступили предложения о возможности концентрации финансовых ресурсов в агломерациях страны *(Бирюков, 2010)*, относительно малолюдный российский Север выпадал из системы распределения ресурсов *(Фаузер, Смирнов, 2018а; Фаузер, Смирнов, Лыткина и др., 2022)*. В 2014 г. из границ сформированного Севера России началось выделение Арктики как отдельной экономической территории и зоны повышенного внимания руководства страны. Потребительская политика природопользования, реализуемая на российском Севере «сверху», усугубляется отсутствием солидарности на уровне местных сообществ и формированием на уровне семьи разнонаправленных способов решения материальных проблем, которые в условиях ограниченных возможностей лишь способствуют закреплению механизма дальнейшей эксплуатации территории и социальному исключению жителей целого региона *(Лыткина, 2012; Лыткина, 2014, с. 45)*.

Рассматривая вытеснение через взаимосвязь практик текущего природопользования со снижением уровня и качества жизни жителей российского Севера, а также через осознание местными сообществами лишения их права владеть и распоряжаться землей и природными ресурсами, через признание ими отсутствия возможности участия в принятии решений, направленных на формирование стратегий развития региона, мы обращаемся к исследованию, проведенному в рамках качественной методологии. В традициях качественной методологии кейс-стади – развернутого социологического изучения «случаев» в нескольких муниципалитетах Республики Коми – были осуществлены сбор и анализ социальных фактов по отношению местных жителей к действующей политике и практике природопользования в 2004 г. В ходе исследования были выбраны пять муниципалитетов (случаев), отличающихся типом и интенсивностью использования природных ресурсов: Усинский, Печорский, Вуктыльский, Троицко-Печорский и Ижемский. Первые три района являются городскими муниципалитетами, два других – сельскими. Последний район имеет высокую долю коренного населения в республике. Районы выбраны исходя из возможностей диверсификации их экономики, например, с развитием туризма на базе национального парка «Югыд Ва». Однако ни один район не смог справиться с ресурсной зависимостью и реализовать перспективы дальнейшего экономического развития без эксплуатации природных ресурсов в рамках ресурсосберегающей стратегии использования ресурсов первой природы или формирования ресурсов второй природы. Районы представляют разную степень проявления эксплуатационной

логики и политики природопользования: от ярко выраженной потребительской в Усинском районе до квази-традиционной – в Ижемском.

В ходе исследования были взяты экспертные интервью (N=27). Экспертами являлись ключевые фигуры, влияющие на характер использования имеющихся природных ресурсов: представители властных структур (муниципальных образований), руководители промышленных предприятий – основные пользователи природных ресурсов данных территорий, руководители природоохранных учреждений и лидеры общественных организаций. Глубинные полуструктурированные интервью также проводились в семьях с разным материальным достатком. В каждом случае провели не менее 25 таких интервью, были собраны муниципальная и региональная статистики, анализировались публикации в СМИ.

Потребность в последующем анализе материалов данного социологического исследования возникла в результате осмысления процессов множественного исключения, проявленных на уровне индивидов и сообществ в 1990-х – начале 2000-х гг. До тех пор, пока новые способы и формы чрезмерной эксплуатации не сконцентрировались в едином социальном пространстве, исследование оставалось невостребованным. В 2004 г., когда проводились замеры оценки политики разумного природопользования и текущей практики взаимодействия местного населения с природой, активно обсуждались возможности внедрения инновационных технологий природопользования. Предполагалось, что они способны наладить экономическое развитие, не только не разрушая традиционные экологические ценности, но и формируя экологическое сознание, обеспечивая достойный уровень жизни местного населения. Данный посыл должен был остановить наблюдаемые нами процессы исключения. Но процесс не только не был остановлен, но и получил дальнейшее распространение.

За последние два десятилетия авторы провели ряд исследований, главным образом направленных на изучение проблем бедности, состояния гражданского общества, демографических и миграционных процессов, локальных рынков труда северных территорий. С респондентами были обсуждены злободневные проблемы региона, способы их решения и перспективы регионального развития. Иными словами, мы могли бы актуализировать результаты раннего исследования, но убедились, что это, скорее, вносит методологическую путаницу, чем усиливает наши утверждения и выводы. В то же время ни одно из них не является столь комплексным, как это. Поэтому в результате обсуждений и работы исследователей было принято решение использовать исследование 2004 г., в котором приняли участие и эксперты, и местные жители.

Вторичный анализ результатов исследования проводится через уточнение смыслов благополучной жизни в регионе, восприятие лишений и приемлемых способов их преодоления, а также через сопоставление оценочных суждений жителей районов о социальной эффективности использования природных ресурсов, о влиянии стратегий природопользования на уровень и качество жизни в республике. Следует отметить, что осознание местными сообществами лишения их права владеть и распоряжаться землей и природными ресурсами, а также ограничения возможности участия в принятии решений, направленных на формирование стратегий развития региона, исходило не столько из наших исследовательских интересов, сколько из оценки респондентами текущих проблем региона.

В фокусе внимания – Республика Коми, которая может быть названа ресурсной, поскольку зависит от наличия и характера использования природных ресурсов. Согласно данным официальной статистики на 2021 г., 48,0 % ВРП приходится на добычу полезных ископаемых, а 9,8 % – на обрабатывающие производства[11]. Российские географы Н. Замятина и А. Пилясов выделяют три этапа освоения территории: 1) пионерная; 2) пиковая добыча и стабилизация; 3) истощение *(Замятина, Пилясов, 2017)*[12]. Таким образом, обращение к Республике Коми, представленной в данной главе и находящейся на третьей стадии освоения, дает почву для размышлений о будущем всего российского Севера. Жители городов, расположенных на истощенных территориях, становятся не только более чувствительными к местным условиям, к созданной инфраструктуре, но и имеют меньше рычагов влияния для привлечения внимания общественности и власти к своим проблемам, а значит существенно ограничены в управлении своих возможностей (человеческих ресурсов), а их социальные активности остаются невостребованными. В то же время хотелось бы подчеркнуть, что даже в период активного освоения месторождений политика, обеспечивающая сверхприбыли промышленным компаниям, сосредоточена на точечных вложениях в развитие отдельных населенных пунктов (городов), на поддержку незначительной части регионального сообщества и занятых работников, не обязательно проживающих на территориях освоения, в то

[11] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 1126 с. – С. 466. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

[12] Позже один из авторов предложил другую классификацию: 1) зона пионерного освоения, 2) староосвоенные территории, 3) зоны окружного резерва *(Замятина, 2019, с. 181)*. Тем самым предполагается, что освоение территории может состояться в долгосрочной перспективе. Применительно к целям нашего исследования уместнее выделение этапа истощения, не исключающего в последствии геологических разведок и поиска новых месторождений с последующим вторичным их освоением.

время как остальная часть населения может испытывать серьезные лишения. Это, с одной стороны, способствует мистификации богатств российского Севера, а с другой – формированию механизма вторичной эксплуатации, позволяющему впоследствии расширить охват уязвимых групп[13], что и наблюдаем в настоящее время на примере Республики Коми.

От исключения к вытеснению: теоретические рамки анализа. Наши предыдущие исследования были нацелены на описание и объяснение процессов исключения, вызванных распространением рыночных отношений на ранее не охваченные ими сферы и ярко проявленных на индивидуальном уровне в сокращении возможностей заниматься значимой деятельностью. Позже процессы исключения перешли на уровень локальных сообществ и выразились уже в ограничении доступа к средствам существования. В настоящее время, по-прежнему придерживаясь основных положений социологического марксизма, в котором исключение является составной частью эксплуатации *(Буравой, Райт, 2011, с. 50)*, мы изучаем действие принципа исключения на уровне отдельно взятой территории. Для этого уточняем теоретическую рамку с учетом существующих объяснений растущего при неолиберализме социального неравенства. Особое внимание уделяем тем исследованиям и теориям, которые рассматривали специфику воздействия глобальных рыночных отношений на взаимодействие исключения и эксплуатации в выстраивании новой логики накопления капитала через ограничения доступа к условиям благополучия в разных странах и регионах.

Д. Харви, американский географ, детально рассматривает эти процессы через призму распространения неолиберального проекта *(Harvey, 2005)*. Он определил неолиберализм в качестве политэкономической практики, исходящей из убеждения, что благополучие людей может быть достигнуто путем предоставления индивидам свободы предпринимательства с помощью институтов, поддерживающих право частной собственности, свободу торговли и свободный рынок. Роль государства – обеспечить институциональные рамки, подходящие для таких принципов, в том числе создать рынки там, где они еще не действовали (рынок земли, воды, природных ресурсов, образования и заботы). В ходе реализации этих принципов с начала 1980-х гг. до сегодняшнего дня осуществлен неолиберальный поворот через дерегуляцию, приватизацию и сокращение участия государства в системе социального обеспечения и перераспределения. В результате

[13] В более ранней работе мы отмечали, что игнорирование интересов и прав одних уязвимых социальных слоев, приводит к постепенному расширению состава исключенных, укреплению структур неравенства и формированию вертикали власти *(Лыткина, Ярошенко, 2019)*.

власть переходит от производства к миру финансов, а изменения проводятся в интересах правящего класса, о чем свидетельствуют рост доходов и богатства у 1 % высокодоходных слоев, сокращение корпоративных налогов и увеличение прибыли корпораций. Таким образом запущены различные стратегии накопления капитала и происходит восстановление классовой власти капиталистов. Развивая теорию неолиберального поворота, Д. Харви критикует концепцию расширения Р. Люксембург, согласно которой накопление капитала происходит исключительно за счет докапиталистических обществ и прекращается, как только они будут включены в капиталистическую сеть *(Luxemburg, 1951)*. Он настаивает, что капиталистическая система способна создавать новые возможности для накопления другими способами *(Harvey, 2001, p. 260)*. Часть стратегий связана с внутренней интенсификацией в виде проникновения капитала в некапиталистические сферы, а часть связана с географическим расширением. В частности, в социалистическом Китае внутренние процессы накопления и трансформации происходят за счет сельских районов. Внешняя привлекательность китайского рынка обеспечивается сочетанием более низкой заработной платы и меньшего вложения капитала в средства производства, что повышает рентабельность капитала выше уровня американских заводов и способствует привлечению инвестиций *(Harvey, 2005, p. 138)*. В данном анализе четко обозначены универсальные характеристики неолиберальной политики и неизбежность мобилизации внутренних резервов накопления капитала в процессе исключения, однако специфические проявления этих процессов в конкретных странах представлены довольно схематично, что позволяет нам их уточнять на примере реализации эксплуатационного способа природопользования.

Крайние формы примитивного накопления в африканских странах, богатых природными ресурсами, анализирует Майкл Уотс, профессор в области исследований развития из Калифорнийского университета (Беркли, США). На примере Нигерии он анализирует последствия проведенного там неолиберального реформирования 1970-х гг. и на этом фоне существенного увеличения добычи нефти *(Watts, 2006)*. При этом растет бедность: с 1970 по 2000 г. доля населения с доходами менее 1$ на человека в день выросла с 36 до 70 %. Расширяется география исключения и маргинализации, которая проявляется в ограничении права этнических меньшинств, проживающих в нефтедобывающих районах, распоряжаться доходами от нефти. Угрозы голода, военные конфликты, а не только так называемая «экономическая миграция», вытесняют сотни тысяч беженцев со своих мест. Растет как насилие со стороны государства, так и сопротивление воинственно-настроенных молодежных групп, обиженных бедно-

стью, безработицей и минимальными образовательными возможностями. На этом фоне распространяются организованные хищения нефти и усиливается стремление нефтяных компаний купить согласие молодежных групп и местного населения *(Watts, 2007)*. По сути, М. Уотс развивает теорию анклавизации, предлагая концепцию организованного расхищения природных богатств. В данном подходе глубже освещаются системные особенности исключения в качестве составной части процесса эксплуатации природных ресурсов в условиях глобализации рыночных отношений и ресурсной специализации развивающегося региона. Однако не раскрываются механизмы, запускающие такую форму маргинализации. В целом концепты критических географов нам интересны тем, как в них раскрываются закономерности накопления капитала за счет эксплуатации территорий. Социальная составляющая этих процессов глубже представлена в социологических концепциях вторичной эксплуатации и вытеснения.

Растущую социальную нестабильность и рост неравенства в условиях неолиберализма стремится объяснить К. Дорре, немецкий социолог. Он уточняет концепцию «расширения» (Landnahme) и углубляет понятие эксплуатации. Вслед за Р. Люксембург, сформулировавшей понятие «расширения» как колонизации *(Luxemburg, 1951)*, он рассматривает капиталистическое развитие через два взаимосвязанных процесса. Первый – внутренний – действует в местах производства прибавочной стоимости (фабриках), где труд рабочих оплачивается исходя из его стоимости и применяется внешне ненасильственный способ присвоения прибыли. Второй – внешний – развивается в ходе выстраивания рыночного обмена между капиталом и некапиталистическими способами производства, социальными акторами и территориями, где извлечение прибыли происходит различными насильственными способами *(Dörre, 2010)*. Таким образом некапиталистические территории и разные общности вовлекаются в процесс «вторичной эксплуатации», т. е. экстенсивного использования исчерпаемых природных и человеческих ресурсов без принятия во внимание актуальных потребностей. В итоге «вторичная эксплуатация» возникает всякий раз, когда символические формы политического манипулирования и давления со стороны государства используются для сохранения различий между «внутренними» и «внешними» сферами капиталистического накопления с целью установления цены труда для определенных социальных групп ниже ее фактической стоимости или для исключения этих групп из капиталистических отношений эксплуатации. Таким образом, «внутренняя» часть социального вопроса при капитализме представляет прямое применение эксплуатации и частное присвоение производимой коллективно (на рабочих местах) прибавочной стоимости, тогда как

«внешняя» часть касается сокращения доходов и снижения условий жизни ниже принятых классовых стандартов. Процесс вторичной эксплуатации мистифицируется аналогично тому, как в терминах М. Буравого скрывается первичная эксплуатация *(Burawoy, 2012)*. Уточнение социологической концепции эксплуатации в условиях неолиберального поворота позволяет четче представить взаимосвязь исключения территориального сообщества с эксплуатацией природных ресурсов, однако остается неясным то, как запускается такое исключение и какой вклад в его оформление вносят реакции местного сообщества.

Если вышеприведенные объяснения растущего социального неравенства при неолиберализме так или иначе касаются разных форм исключения и их взаимосвязи с эксплуатацией, то С. Сассен настаивает, что промежуточные зоны, которые только формируются, становятся невидимыми при использовании понятий исключения или эксплуатации. Согласно ее концепции вытеснения, глобальный капитализм вырабатывает новую системную логику воспроизводства окраины внутри национальных государств, когда население не может придерживаться привычных жизненных проектов и оказывается оторванным от средств существования, от сообщества и социальных связей, от социального контракта, принятого в либеральном демократическом обществе *(Sassen, 2014)*. Вытеснение из экономики и общества проявляется в безработице, бедности, самоубийствах, перемещении с привычных мест проживания, а также в росте социального неравенства и сокращении среднего класса из-за ослабления перераспределения богатства. Отправной точкой для выстраивания новой логики формирования окраины Сассен считает 1980-е гг, когда складывается новая фаза развитого капитализма и когда произошли изменения, затронувшие страны как глобального Юга, так и глобального Севера, как капиталистические, так и социалистические экономики. К числу таких изменений она причисляет глобальный аутсорсинг (перенос) промышленности в регионы с меньшей заработной платой и регулированием по остаточному принципу; сокращение корпоративных налогов и увеличение налогообложения индивидов; рост правительственного внешнего долга, сокращение правительственных бюджетов и сворачивание государственных проектов, прежде ориентированных на обеспечение благополучия граждан. Эти изменения Сассен связывает с программами реструктуризации и правилами управления экономикой, продвигаемыми Всемирным банком (далее – ВБ), Международным валютным фондом (далее – МВФ) и другими международными организациями. В числе навязываемых вместе с программами реструктуризации правил, в частности, предлагаются правила контроля за уровнем инфляции даже если это угрожает экономическому росту и заня-

тости, сокращение уровня бюджетных расходов и приоритетное обслуживание внешнего долга ценой сокращения социальных программ, расходов на здравоохранение и инфраструктуру. Причем сами программы реструктуризации затратные и дестабилизируют работу правительств, вынуждая их как к сокращению социальных расходов, так и к внешним заимствованиям средств. Они (эти программы) становятся частью механизма дисциплинирования правительств, чья роль все больше сводится к выполнению рекомендаций могущественных международных организаций. Сассен делает вывод, что программы реструктуризации были направлены на переформатирование политэкономии развивающихся стран и их переустройство таким образом, чтобы они стали источником извлечения ресурсов от природных до потребительских (покупательных способностей граждан). В целом высокий внешний долг и правила его преимущественного обслуживания становятся составной частью механизма извлечения прибыли развитыми капиталистическими странами от глобального капитализма. Главные причины формирования различных форм исключения, кульминацией которых является вытеснение, Сассен связывает с «хищной формацией»: совокупностью элементов, условий и взаимно усиливающихся динамичных процессов. Различные институты обеспечивают рост корпоративных доходов: международные корпорации освобождаются от ограничений, от необходимости ориентироваться на общее благо и общие интересы. Переключение на сугубо экономическую логику, заключает Сассен, становится главной системной тенденцией, которая слабо учитывается в текущих объяснениях наблюдаемой поляризации: накопления богатства немногими и борьба за выживание остальных. Ключевую роль в продвижении этой тенденции Сассен отводит способности финансов не просто продавать деньги, а извлекать из всего ценности, а также способности разрушать среду обитания (биосферу).

Для продолжения дискуссии о вытеснении мы отталкиваемся от концепции С. Сассен, принимая основные ее положения, заключающиеся не столько в анализе взаимодействия социальных классов в процессе производства, сколько в изучении системной логики создания окраины внутри национальных государств при действующих правилах реструктуризации их экономик при включении в глобальный рынок. Мы раскрываем действие этой логики применительно к российскому Северу, через институционализацию исключения на уровне территории, через конкретизацию проявления принципа исключения в политике природопользования и эксплуатационных способах использования природных ресурсов, а главное – в реакциях территориального сообщества на социальный эффект реализации таких правил и политик. В то же самое время, вслед за Д. Харви, мы

подчеркиваем роль государства в создании институциональных оснований для распространения рыночных отношений и реализации интересов крупного бизнеса путем вытеснения. Наконец, разделяя позиции М. Уотса и К. Дорре о накоплении капитала в ходе выстраивания рыночного обмена между капиталом и некапиталистическими способами производства, мы считаем, что возможны как открыто насильственный способ присвоения прибыли – лишение собственности и прав на природные ресурсы, так и скрытый, – описываемый М. Буравым, применительно к производственным отношениям, – принимающий форму игры и видимого согласования интересов различных социальных групп, меньшая часть из которых получает выгоду от природных ресурсов, а другая – вынуждена принять действующие правила под угрозой лишения средств существования.

От вытеснения к созидательному региональному развитию? В данном разделе есть стремление внести вклад в развитие концепции вытеснения, чтобы понять и зафиксировать происходящие изменения, объяснить причины того, что происходит сегодня на российском Севере, а также предложить платформу для обсуждения стратегий развития северных территорий. Возможно, следовало бы признать исключение жителей Севера России, проявляющееся в географическом неравенстве, и тогда бы нам было достаточно воспользоваться концепцией социального исключения. Однако наш основной фокус направлен на социальное пространство, а именно на отношение разных агентов (коренные и длительно проживающие жители, мигранты, вахтовые работники, центральные и региональные власти, крупные корпорации) к территории богатой природными ресурсами, складывающееся под влиянием государственной политики в различные исторические периоды.

Промышленное освоение в прошлом сформировало особый тип отношения к территории, вытекающий из интересов разных социальных групп в ее освоении и свойственный группам, проживающим не только на данной территории, но и за ее пределами. Наша позиция сопоставима с той, что была сформулирована двумя известными учеными географами – Н. Замятиной и А. Пилясовым – на основании результатов исследования, проведенного в Санкт-Петербурге и показавшего, что мигранты с Севера России, переехавшие в Санкт-Петербург, становятся гипертрофированными местными («сверхпетербуржцами»). Авторы стремятся показать, что отношение к территории складывается через ее идеализацию и отрицание домиграционной идентификации. Так, поведение и отношение мигрантов к Санкт-Петербургу проявляется через абсолютизацию представлений о городе как культурном пространстве, привлекательном и идеальном месте, требующем повышенного внимания к его сохранению через особое

поведение. Подобное конструктивное отношение к Северу, с точки зрения авторов, связано с «созидательным трудом на новой территории» *(Замятина, Пилясов, 2018б, с. 248)*.

По нашему мнению, в России на государственном уровне в различные исторические периоды шло формирование идентичности промышленника, предполагающей отношение к территории как к месту добычи полезных ископаемых, необходимых для успешного экономического развития страны. При этом речь не шла о бережном сохранении природы и уважении традиций местных жителей. Напротив, богатства казались неисчерпаемыми, образ жизни сообществ – примитивным, а малонаселенные земли – ничейными. Идея преобразования Севера в «процветающий край» *(Коротаев, 1998)* обретает противоположное значение: он становится местом наказания и беспощадной эксплуатации, а рекламируемый советскими властями романтизм покорителей суровых территорий сочетается с технократическим отношением к территории, заработками и временным пребыванием.

Мы не утверждаем, что государственная политика полностью исключала формирование привязанности к северной территории. Напротив, для многих Север заменил дом *(Bolotova, Stammler, 2010)*, хотя, заметим, и не стал Родиной. Мы также не утверждаем, что все коренное / старожильческое население было лишено производственного прагматизма. Напротив, оно могло проявлять более циничное отношение к территории. Заинтересованность в подтверждении адаптивных способностей к новым практикам хозяйствования и стремление к интеграции в доминирующие социальные группы создавали основания для более интенсивного использования природных ресурсов и стигматизации коренных жителей по этническому признаку. И мы также не отрицаем, что для многих Север стал «пространством самореализации» *(Ильин, 2022)* и творческой деятельности. Однако мы уверены в том, что пока процессы российской колонизации Севера продолжают рассматриваться как способ развития человечества и культурного просвещения плохо приспособленных к условиям жизни народов, выстраивая аргументы вокруг отсутствия насилия по отношению к коренным жителям *(Слезкин, 2019)* осваиваемых территорий *(Рыбаковский, 2018)*, а также пока игнорируется их вклад в развитие Севера и нарушается право на участие граждан конкретного региона в формировании стратегий его развития, укрепляется механизм централизации ресурсов, направленных на добычу природных ресурсов без замещения этих видов производственной деятельности на «созидательные» формы занятости.

Иными словами, упомянутый выше феномен «гипертрофированного местного» применительно к Северу в большей степени формировал потре-

бительское, а не сберегательное поведение по отношению к природным ресурсам и территории, не предполагал уважительного отношения к коренным его жителям, признания их прав на землю и природные ресурсы. Благодаря этому удовлетворялись государственные амбиции, реализовывались крупномасштабные проекты страны, без эквивалентного товарообмена, предполагающего развитие региона за счет создания факторов «второй природы» *(Зубаревич, 2010)*. Поощрение материальных интересов покорителей Севера становилось составной частью государственной политики. В результате складывается парадоксальная ситуация: претензии на природные ресурсы – у всех граждан России, а права на их использование принадлежат крупным корпорациям, получающим одновременно огромные прибыли от добычи полезных ископаемых и щедрые государственные дотации. Учитывая систему распределения доходов от добычи природных ресурсов, наименьшие выгоды получают именно те группы населения, которые длительно проживают на этих территориях. При этом именно на них ложится вся ответственность за экологическую безопасность в районах добычи природных ресурсов, в то время как остальная часть населения продолжает развивать потребительское отношение к Северу и природным ресурсам, не осознавая всей глубины проблемы. Более того, при отсутствии долгосрочных стратегий развития даже территория богатая природными ресурсами становится зависимой и нуждающейся в дотациях из федерального бюджета, что неизменно приводит к снижению темпов экономического роста всей страны.

В ходе исследования практики природопользования основных экономических агентов в рыночных условиях рассматривались по двум важным основаниям. *Первое основание* – временные горизонты использования природных ресурсов. В зависимости от времени освоения различаются краткосрочная и долгосрочная перспективы природопользования. Основное их отличие – наличие программного видения социально-экономического развития территории с учетом не только величины запасов природных ресурсов, но и их типа – исчерпаемые (невозобновимые) и неисчерпаемые (возобновляемые). *Второе основание* отражает способы использования природных ресурсов. Здесь также возможна альтернатива, обусловленная интенсивностью использования природных ресурсов, степенью увязки с природоохранными и социальными мероприятиями, и, как следствие, нарушением или сохранением баланса между природным потенциалом и устойчивостью развития. Согласно этому основанию, на одном полюсе располагается *эксплуатационный* способ природопользования, предполагающий максимальное извлечение прибыли, ограниченный (низкий) уровень мероприятий по восстановлению природных ресурсов и охране

природы, слабую социальную эффективность. На другом – *ресурсосберегающий*, подразумевающий увязку экономических интересов с необходимостью проведения природоохранных мероприятий, ориентацию на повышение уровня и качества жизни. Оба способа могут реализовываться как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Взаимодействие указанных оснований формирует четыре стратегии природопользования. Эта аналитическая конструкция представлена в табл. 2.1.

Таблица 2.1

Стратегии природопользования

Перспективы использования ресурсов	Способы использования ресурсов		
	Эксплуатационный	Ресурсосберегающий	
	Краткосрочные	Потребительская	Природоохранная
	Долгосрочные	Квази-традиционная	Созидательная

Потребительская стратегия (краткосрочность + эксплуатация) ориентирована на максимальное извлечение прибыли, ограниченный (низкий) уровень мероприятий по восстановлению природных ресурсов и охране природы. Данная стратегия поддерживает эксплуатационную модель природопользования, характеризующуюся отсутствием долгосрочных программ социально-экономического развития, что в краткосрочной перспективе обязательно приведет к низкой социальной эффективности.

В данном случае экологическая и социальная составляющие в понимании целей использования природных ресурсов сведены к минимуму. Это проявляется в трактовке краткосрочности целей природопользования и доминировании экономического понимания проблем текущего природопользования. Отсутствие осознания последствий потребительского отношения к природе, когда эксперты – ключевые фигуры в принятии решений относительно характера природопользования – «закрывают глаза» на максимальное использование ресурсов без компенсации последствий добывающего производства для окружающей среды, местного населения и занятых на добывающих предприятиях. Признаки краткосрочности демонстрируют оценки запасов природных ресурсов на республиканском уровне. При этом запасы оцениваются как значительные настолько, что не

делает актуальной проблему их исчерпаемости. Напротив, озвучивается возможность их экстенсивного освоения за счет включения в разработку все новых месторождений.

> *И: Как бы вы оценили сейчас состояние природных ресурсов?*
> *Э: Как их можно оценить? Есть ресурсы в республике.*
> *И: Какие?*
> *Э: Самые разнообразные. Начиная от угля и нефти и кончая различными металлами.*
> *И: С точки зрения разумного природопользования?*
> *Э: Мне этот термин не совсем понятен. Ну, они используются и используются достаточно интенсивно. Другое дело, что не все месторождения сегодня могут быть вовлечены в эксплуатацию, именно по соображениям экономическим, и какие-то месторождения не могут быть вовлечены в эксплуатацию, потому что они находятся на территории особо охраняемых территорий* (эксперт 1).

В итоге республика как «ресурсный» донор[14] не только принята как данность, но и воспринимается некритически *властями разных уровней:* без осмысления сроков использования имеющихся запасов. Проявление этой позиции варьируется. В одних случаях признается исчерпаемость ресурсов, но лелеются надежды на положительные результаты геологоразведки. В других случаях отмечается наличие ресурсов, которые по экономическим причинам пока не востребованы и ждут своего часа. А самой сложной ситуацией считается скудость ресурсов.

Квази-традиционная стратегия (долгосрочность + эксплуатация) основана на историческом опыте бережного отношения к природе, сформированном хозяйственными, национальными и культурными традициями коренного и постоянного населения. Однако ее возможности по повышению уровня и качества жизни населения ограничены, зависят от долгосрочных программ социального развития. По этой причине она уязвима как в случае активного промышленного освоения, так и при распространении рыночных отношений, когда растущие материальные интересы вступают в противоречие с принципом бережного отношения к природе и усиливают эксплуатационные установки. Сегодня традиционная стратегия чаще представляет собой вынужденную практику, к ней не столько

[14] Данное понятие использовали в советское время, когда открыто учитывалось распределение средств между регионами. Об усилении политики максимального извлечения прибыли от добычи природных ресурсов за счет централизации доходов от природных ресурсов, снижения доли налогов, остающихся на уровне региона, сокращения инвестиций см. *(Юшков, Одинг, Савулькин, 2017).*

прибегают, сколько следуют в результате игнорирования запросов на промышленное развитие отдаленных от столицы поселений. Данная стратегия обусловлена исторически, поскольку промышленное освоение невозобновляемых природных ресурсов (нефть, газ, уголь) было оторвано от сельских территорий, где преимущественно проживали коренные жители. Их деятельность связана в основном с лесом – лесной промышленностью, а также с землей – сельским хозяйством. Чем выше доля коренных жителей, тем теснее связь с домашним и сельским хозяйством. Чем дольше сохранялось домашнее хозяйство, тем выше был уровень природоохранных мероприятий. В то же время следует отметить, что в период рыночных реформ вместе со сворачиванием промышленности и диверсификацией занятости в городской среде, т. е. при переносе центра тяжести с рабочего места в домашнее хозяйство, в сельской – наблюдалось сворачивание домашней экономики. Причиной послужили отсутствие рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и недостаток техники в частных домашних хозяйствах. Раньше помощь техникой оказывали лесопункты и совхозы. Следующий отрывок интервью этому подтверждение.

> *Ж: Вы знаете, раньше, в добрые времена, которые мы сейчас не особо жалуем, всегда выделяли какие-то средства, ремонтом дорог занимались. Теперь внутрихозяйственные дороги, они…*
> *М2: Проблема.*
> *Ж: Это проблема, их делать некому, средств на это нету. У администрации тоже на это средств нету. А раньше, например, совхозы, этим сами занимались. По любому вопросу можно было идти в совхоз. Тут вопрос транспорта, перевозки, знаете, это… Мы даже не считали, что это какие-то расходы* (респондент 1).

Несмотря на ресурсную специализацию региона *(Смирнов, Лыткина, 2022)* и рост доходов от добычи природных ресурсов, сокращаются вложения в развитие инфраструктуры и поддержание природоохранных мероприятий. Это противоречие критически оценивается местными жителями, но не властями и тем более не руководителями крупных корпораций.

В целом распространение рыночных отношений на природные ресурсы привело к интенсификации добычи природных ресурсов, сокращению компенсации местным жителям ущерба, наносимого как окружающей среде, так и их качеству жизни. Эксплуатационные способы добычи природных ресурсов становятся ведущими. На этом фоне усиливается осознание местными жителями несправедливости неравного доступа к природным ресурсам и контролю над их использованием. Растет осознание того, что высокая

прибыль от добычи природных ресурсов формируется за счет перенесения затрат и издержек на местные сообщества, длительно проживающих на данной территории.

2.2. Территориальные особенности современного природопользования

Выделенные стратегии природопользования имеют территориальные различия, которые зависят от специализации района и социального эффекта (достигнутого благополучия). Ярко выраженная *потребительская стратегия* проявляется в районах, зависимых от одного ресурса, но представляющего в настоящий момент экономический интерес. Например, ситуация в **Усинском районе**. Экономическое развитие данного района связано с освоением нефти в 1960-е гг. Несмотря на то, что нефть – это невозобновляемый природный ресурс, именно здесь отчетливо проявляется экологический нигилизм[15], выраженный в оправдании краткосрочной стратегии использования имеющихся природных ресурсов, а собственно экологические проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, воспринимаются как *«неудобства»* (эксперт 4). При этом экономическая выгода для территории становится сомнительной, учитывая действующую систему налоговых отчислений в местный бюджет и ограниченные возможности населения делать сбережения. Сведение отношений к формальным: уплате налогов в условиях отсутствия законодательства о ренте, централизации налоговой базы и перечислению налогов «наверх» привело к значительному сокращению доходов муниципалитета, а также к реализации социальной политики по остаточному принципу. В 2019 г. это свелось к завершению начатого ранее строительства детских садов в двух селах района. Следует также отметить, что в последнее десятилетие было уделено особое внимание обустройству города: ремонту некоторых участков городских дорог и оформлению скверов. В начале нулевых годов вахтовые работники проживали в общежитиях и спали на кроватях в два яруса, а специалисты были вынуждены арендовать жилье, сейчас последних разместили в уютных квартирах во вновь построенных домах. Тем не менее социальный эффект сомнителен, если сравнивать кому и какому количеству людей созданы комфортные условия с нанесенным ущербом здоровью человека и окружающей среде, выходящей за пределы изучаемого района. Экологическая ситуация осложняется нефтедобычей в соседнем Ненецком

[15] Нигилизм – отрицание установившихся общественных норм, ценностей и авторитетов. Общей чертой нигилизма является отсутствие четкой положительной программы решения общественно значимых вопросов *(Краткий политический словарь, 1989, с. 365)*.

автономном округе и ежегодными разливами нефти ЛУКОЙЛом. О циничном отношении к сложившемуся положению можно судить по действиям Главы Республики Коми (далее – РК) в мае 2021 г., оказывающим давление на местное население п. Мутный Материк, заинтересованное в широкой огласке проблемы.

> *У нас часто встречаются разливы нефти. Она испаряется. Этим мы дышим. Она попадает в воду, у нас весной вода очень грязной бывает. Весной, как правило, обострение заболеваний у всех. Ну, у всех какая-то аллергия, несмотря на то, что у нас почти ничего не цветет. <...> Я считаю, что да, экология у нас очень сложная. Какую воду мы пьем, что мы вдыхаем. <...> немножко отъедешь, все загажено нефтью. Как бы не старались, все равно нефть там* (эксперт 2).

Жителей сельских деревень «богатого» района регулярные разливы нефти заставляют беспокоиться по поводу экологической обстановки, когда использование в пищу даров природы и продуктов, выращенных на приусадебном участке, становится опасным, а услуги здравоохранения – недоступными: «*...до Усинска далеко и дорого добираться*» (респондент 2). Но даже в самом Усинске качество предоставляемых услуг низкое из-за нехватки профильных специалистов. В целом ситуация на селе аналогична жизни в других селах республики (к ней мы вернемся позже). Селяне проживают в состоянии застойной бедности. Однако в большей степени, чем в других сельских районах, они испытывают на себе последствия потребительского отношения к природным ресурсам. Среди них растет осознание сформированной добывающими предприятиями мертвой зоны непригодной для проживания.

В итоге в данном районе прочно сочетается неадекватное понимание временных перспектив освоения территории (срок жизни города / поселения) с реализацией потребительской стратегии. Муниципальные власти, сознавая исчерпаемость нефти («*лет на тридцать хватит*», эксперт 3), тем не менее признают, что Усинск будет жить чуть ли не вечно, так как этому городу уготована судьба перевалочной базы по мере продвижения нефтедобычи дальше на Север. Сколь крепки такие настроения свидетельствуют и противоречивые мнения о том, на сколько хватит запасов угля в соседней Воркуте: называются сроки от 40 до 300 лет. Правда, в отличие от Усинска, там практически 90 % населения стоит в очереди на переселение. В данном районе широко распространены миграционные настроения – признание временности проживания в районе и готовность уехать при ухудшении социально-экономической ситуации.

Другой район с невозобновляемым природным ресурсом, краткосрочными перспективами его использования, непоследовательными природоохранными мероприятиями при сохранении эксплуатационной логики освоения – **Вуктыльский**, с относительно высокой долей сельского населения. Его развитие также пришлось на 60-е гг. прошлого века. Ресурсную базу муниципальной экономики составляют запасы природного и попутного газа, а также сырой нефти, включая газовый конденсат. В качестве альтернативной занятости и точек роста эксперты предлагали развитие лесозаготовительной отрасли. Но разработка лесных ресурсов затруднена из-за их транспортной недоступности и отдаленности от лесоперерабатывающих предприятий. В советские годы лесная отрасль в районе была одной из ключевых. В годы экономических реформ произошло значительное сокращение объемов производства, отрасль признали нерентабельной, как и весь российский Север. Незначительные остатки лесозаготовки сохранились в сельских районах, но без дополнительных инвестиций она не может развиваться. При поддержке газовой отрасли до недавнего времени успешно развивалось сельское хозяйство[16]. Кроме того, на территории Вуктыльского района, а также Интинского и Печорского муниципальных образований располагается один из самых больших национальных парков России, площадь которого составляет около 2 млн га. С 1994 г., как и в Печорском районе, здесь есть возможности для развития туризма, но в отличие от Печоры, где население сел, пусть даже и в незначительном количестве, привлечено в качестве работников (проводников по специально разработанным маршрутам), местное население Вуктыльского района практически не задействовано. И это несмотря на территориальную близость заповедника и нахождение здесь его дирекции, куда централизованно поступают средства, заработанные Печорским филиалом. Ситуация очень схожа с той, что действует в отношении Центра и региона: несправедливое возмещение используемых ресурсов. Безусловно, поступающих денег от туризма ничтожно мало, но и они в результате используются неэффективно. В целом туризм на территории Республики Коми не приживается и никак не включается в стратегии развития.

Эксперты отмечали отсутствие экологических проблем и проявление элементов природоохранного типа стратегии, связывая это, прежде всего, со сворачиванием промышленных производств. Рост экологической сознательности вынужденный, спровоцирован ограниченными запасами

[16] Эксперты отмечали, что даже в условиях сурового северного климата сельское хозяйство может быть если не прибыльным, то вполне самоокупаемым. При этом учитывалась социальная цена сохранения сельского хозяйства в районе: качество жизни северян, выраженное в правильном питании, сохранении рабочих мест, стимулов к труду вместо ориентации на пособия.

газа и безрезультатными поисками эффективных способов использования конденсата. Более того, вместе со снижением экологической и производственной нагрузки на территорию актуальными становятся вопросы эффективного распределения денег: «*Не будет удивительным, если строительные материалы будут расхищены или сгниют, устареют, потому что все равно тех денег, что выделены, недостаточно для ремонта здания*» (респондент 4). Появляется не только осознание низкой компенсации добычи природных ресурсов, но и неэффективность использования сократившихся налоговых поступлений.

Часть населения продолжает работать в газовой отрасли, получая при этом не только высокую заработную плату, но и широкий спектр льгот. Значительная часть населения сконцентрирована в органах управления, которая, по сути, стала альтернативным видом занятости. Уровень безработицы низкий, но при этом, в отличие от Усинского района, власти не заинтересованы в регистрации безработных в отдаленных местах. Отсюда резкая дифференциация населения, испытывающего к тому же моральные издержки от сложившегося положения. «*Если в советское время все примерно жили одинаково, то теперь, если ты работаешь в Газпроме, то живешь в достатке, остальные – плохо. Неуютно себя чувствуют и те, и другие*» (респондент 5).

При явном распространении пессимистических взглядов, формировании социальной зависимости сохраняется взаимная поддержка: «*Здесь все знакомые, соседи, все друг друга знают, знаешь к кому обратиться, пойдешь в больницу – к тебе особое отношение. Девчонки работают за копейки, такие туши ворочают и ведь не жалуются. Очень хорошее обслуживание*» (респондент 6). При этом, как и в предыдущем кейсе, отмечается нехватка специалистов из-за оттока квалифицированных кадров и образовательной миграции. В целом миграционные планы зависят от уровня материального достатка семьи. Молодежь из-за отсутствия рабочих мест в большей степени ориентирована на выезд, а родители, осознавая бесперспективность территории, подталкивают детей к отъезду. Распространено мнение, что остаются только «неудачники». Старшие возрастные группы населения, напротив, связывают свою дальнейшую жизнь с проживанием в Вуктыле, но при положительной динамике доходов стремятся присоединиться к детям.

Итак, в данном районе наблюдается вынужденный рост экологической сознательности на фоне сворачивания добывающих производств. Эксперты поддерживают необходимость развития здесь альтернативных форм занятости, но реальной альтернативой для местного населения остается лишь занятость в бюджетном секторе. На этом фоне возрастает потребность в предпринимательстве как факторе социально-экономического

развития территории. Местные жители имеют перспективные идеи для развития предпринимательской активности при использовании природных ресурсов территории без ущерба экологии, однако они не включены в обсуждение вариантов развития территории, а бизнес-проекты не находят поддержки у районных и региональных руководителей. Отсутствие перспектив сбалансированного развития региона, неравное распределение выгод от добычи природных ресурсов, перенесение издержек от их добычи на всех жителей региона усиливают миграционные настроения.

Печорский район известен в республике как транспортный узел, сыгравший значительную роль в организации освоения Севера. Сначала все грузы направлялись сюда для разворачивания добычи нефти, газа и угля в республике, а затем их вывоза из региона. В отличие от всех остальных предлагаемых случаев он имеет более диверсифицированную структуру хозяйства с заметной ролью электроэнергетики (Печорская ГРЭС), присутствует добыча нефти и газа, нерудных строительных материалов. В результате ярко выраженная доминанта в сферах занятости населения отсутствует, а эксплуатационный способ природопользования содержит элементы природоохранной стратегии благодаря диверсификации экономики района.

Жители Печоры с большей критичностью относятся к деятельности промышленных предприятий, не снимают с них ответственности за просчеты в использовании природных ресурсов в обмен на материальные выгоды. Несмотря на то, что стратегии природопользования здесь содержат элементы ресурсосберегающей политики при осознании экологических проблем населением, на руководящем уровне в свое время куда активнее обсуждались перспективы альтернативной занятости в виде возможного строительства алюминиевого завода. На одну чашу весов было поставлено материальное благополучие, а на другую – здоровье и экологическая обстановка в городе. Жители ко всем заверениям о том, что предприятие не принесет вреда здоровью человека, отнеслись скептически: «*У нас в стране так не бывает*». «*Вы думаете, населению все карты раскрывают? Наоборот, у нас в стране играют краплеными картами*» (респондент 7).

В то же время некоторые граждане проявили потребительское отношение к территории. Они высказали мысль, что можно использовать строительство завода для реализации миграционных планов: «*Как только алюминиевый завод откроют, цены на жилье поднимутся в два раза. И пока цены будут высокие, надо линять отсюда*» (респондент 8). Прагматизм рядовых жителей в осознании ухудшения экологических проблем проецируется в возможность индивидуального обогащения, непривязанного к дальнейшему проживанию здесь, как стимул в реализации отложенных

миграционных планов. Как правило, в таких случаях за пределами региона остались родственники или уехавшие на обучение и работу дети. Жители не видят перспектив развития района, будущее удручающее, а ответственность за обеспечение семьи и воспитание детей лежит на самих гражданах. В такой ситуации миграция в более благополучные районы страны рассматривается как рациональное решение.

На уровне органов власти региона экологические проблемы называются в последнюю очередь или воспринимаются как естественные, проявляется явное рассогласование «социального» и «экологического» сознания, нет понимания их неразрывной связи. Чем выше уровень власти и чем «дальше» от места загрязнения окружающей среды, тем тоньше эта связь и тем естественнее кажется давление человека на окружающую среду:

> «*…где человек живет и работает, существуют проблемы, начиная от несанкционированных свалок, которыми окружены наши населенные пункты, и кончая проблемами техногенного, производственного характера. Когда у нас есть аварии на нефтепроводах, газопроводах, у нас есть загрязнение окружающей среды работающих производств. <…> Печорский бассейн – это отходы угля <…> Усинско-Печорский – это проблемы, которые возникают при добыче и транспортировке нефти. <…> Везде, где живет человек, он вредит природе*» (эксперт 5).

В то же время существует осознание зависимости благополучия территории от предприятий, ведущих там производственную деятельность, при полной ее дальнейшей поддержке, несмотря на уязвимость такого положения.

> «*Только извлекаемых запасов у нас более 100 млн т на территории. Ведь это же огромная база. Но мы опять отдали все Лукойлу, какая у них стратегия будет, я не знаю. Если цена на нефть упадет, то они не заинтересованы добывать, придумают что-нибудь. Придумать можно все что угодно, а завтра мозги всем впарить, что нельзя добывать. Найдут сотни причин <…> только я знаю, что у Лукойла [есть] пять балансов ежегодных, пять комплектов с разными цифрами, а сколько таких, о которых я не знаю*» (эксперт 6).

В данном районе наблюдается рост критики со стороны местных жителей проводимой политики природопользования, но возможности ее применения ограничены из-за низкого учета мнения граждан в формировании стратегии развития муниципалитета. Руководители муниципалитета сознают зависимость благополучия территориального сообщества от добы-

вающих производств, но не имеют рычагов влияния на этих экономических агентов. Другая очевидно осознаваемая проблема, затрагивающая вопросы разумного использования природных ресурсов в республике, – несправедливое вознаграждение живущих в республике за используемые на ее территориях ресурсы.

> «*Смотришь телевизор. Зимой в Печоре темень, наверное, потому что ГРЭС рядом. Зато вся Москва в огнях. Все тянут, все мало, а на регионы наплевать. Когда все умрут от голода, кто на них работать будет? Ресурсная республика, на нефти, газе сидим, а нищенствуем*» (респондент 8).

> «*Не надо рубить сук, на котором сидишь. Нельзя фундамент постоянно подпиливать. Не надо быть слишком умными, надо, чтобы люди были заинтересованы, чтобы территорию ковыряли, развивали, люди работали*» (эксперт 5).

В ходе исследования прослеживается явная тенденция: чем ближе представители той или иной социальной группы к добыче природных ресурсов, тем «слабее» их голоса в поддержку экологии, тем меньше размышлений о справедливости возмещения местным жителям вреда, нанесенного окружающей среде. До сих пор сохраняется позднесоветский вариант поощрения труда занятых на производстве. Он был ориентирован на привлечение трудовых мигрантов и исходил из того, что рабочее место, а не место проживания было эпицентром распределения благ. При таком подходе коренные жители выпадали из цепочки распределения или, иными словами, были исключены из-за ограничений в доступе к определенным производственным ресурсам *(Буравой, Райт, 2011)*. В рыночных условиях технократические установки специалистов (геологов, нефтяников), заточенные на промышленном освоении, сохраняются и продолжают оправдывать преимущества изъятия природных ресурсов ради экономического развития региона или страны, обвиняя неравнодушных в непонимании ситуации, считая справедливым и уместным предоставление привилегий по месту работы, однако резко критикуя разницу в зарплате между офисными сотрудниками, работающими за пределами республики, и работниками на местах производственной деятельности. Иными словами, занятые на производстве (и рабочие, и специалисты, и управленцы) заинтересованы в высоких доходах, особенно если они подкреплены широким спектром дополнительных привилегий, позволяющих выстраивать миграционные стратегии и благополучную жизнь за пределами мест добычи природных ресурсов. Ситуация усугубляется вахтовым методом органи-

зации труда, когда территория для временных работников – лишь место работы. В результате выгоду от добычи природных ресурсов получают, скорее, приезжие, нежели жители региона. Местные руководители, не имеющие поддержки «снизу» и рычагов давления на добывающие предприятия, вынуждены договариваться с их руководителями и идти на значительные уступки для реализации социальных проектов. Если раньше они могли торговаться с руководителями производств и вышестоящими инстанциями в процессе реализации плановых показателей, то теперь в рыночных условиях действует принцип максимизации прибыли, и без должного контроля со стороны власти или общественных сил руководители производств стремятся избегать дополнительных затрат и переносить их вовне.

Троицко-Печорский район по стратегиям природопользования ближе к Вуктыльскому району, хотя основным добываемым природным ресурсом в нем выступает лес. История советской индустриализации сталинского периода здесь сопоставима с историей Воркуты и Инты – угольных центров Республики Коми. До 1930-х гг. здесь проживало около 5 тыс. человек, имевших свои лесные угодья и промысловый уклад жизни, а также здесь действовал чугунолитейный завод с 2 тыс. рабочих[17]. В 1930-е гг. завод закрыли, а лесозаготовки, в том числе с привлечением труда принудительных мигрантов, получили широкое распространение. Доходы от леса в дальнейшем обеспечили проведение геологоразведывательных работ, а также строительство промышленных площадок для масштабной добычи природных ресурсов на российском Севере. Население выросло вдвое, а коренные жители утратили численное преимущество. Однако ситуация меняется: постепенно численность коренных жителей, привязанных к месту проживания, растет и сегодня составляет 26,2 % населения. Рост, прежде всего, обусловлен миграционным оттоком из района жителей других национальностей. В отличие от упомянутой Воркуты, где в связи с закрытием шахт активно работали программы переселения, жители Троицко-Печорского района проблемы переселения решают самостоятельно. С начала 1990-х гг. численность постоянного населения в Воркуте снизилась на 66,6 % – это самая высокая убыль населения в республике,

[17] С середины XIX в. начинается интенсивное транспортное освоение Печоры, связанное с началом промышленных лесозаготовок. Здешний лес очень ценился и отправлялся за границу. В 1862 г. образцы печорского леса экспонировались на Второй всемирной выставке в Лондоне и получили высокую оценку. Непосредственно Троицко-Печорский район был образован в феврале 1931 г. Район также богат лесом, минеральными ресурсами, каменными и калийными солями, полудрагоценными камнями, нефтью, газом, торфом, цветными металлами, нерудными строительными материалами и подземными водами.

в Троицко-Печорском – на 60,3 % – это самый высокий показатель сокращения численности населения среди сельских районов.

Согласно официальной статистике, 61,8 % населения (всего в районе насчитывается 9,5 тыс. человек на 01.01.2024 г.) сконцентрировано в Троицко-Печорске, административном центре, являющимся единственным в районе поселком городского типа. Его жители имеют статус городских жителей. Но их образ жизни далек от представлений о привычной городской жизни. Коренные жители в основном разбросаны по селам и деревням, зачастую не имеющим транспортную доступность[18]. Таким образом, часть населения проживает в административном центре, сохраняющем скудную инфраструктуру, обеспечивающую лишь минимальный доступ к социальным услугам; другая часть населения, как и раньше, отрезана от социальных благ, доступ к которым стал еще более проблематичным.

> *Там большинство, конечно, пенсионеры. Они там выживают. Не живут – выживают. У них нет дороги. Вот сейчас, в данный момент, распутица – им не добраться. Зимой тоже сколько раз просили, выезжали дорогу чистить – никак не смогли до них доехать. Магазина нет. Ничего нет* (респондент 9).

Данный район отличается наиболее высокой степенью осознания социальной неэффективности использования природных ресурсов. «*Как можно при таком природном богатстве и быть бедными?*» (эксперт 7).

Лес, который в советское время обеспечил стране экономический прорыв, в современный период не получает должного внимания. Тем не менее, наряду с транспортировкой леса, лесозаготовки и деревообработка остаются основными сферами занятости населения района. В настоящее время лесная промышленность представлена средними и малыми по объемам производства предприятиями. Основная производственная деятельность – лесозаготовки. Она остается ведущей, несмотря на то, что масштабы ее резко сократились, а темпы роста экономической деятельности призрачны. О данном факте свидетельствуют объемы инвестирования. Так, в 2018 г. на территории района реализовано шесть национальных проектов на общую сумму финансирования из республиканского бюджета 1 862 900 руб., размер софинансирования из местного бюджета составил 105 105 руб., денежный вклад граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей составил 191 425 руб. Проекты реализованы по направлениям: предпринимательство, этнокультурное развитие, занятость и дорожная деятельность. Представленные данные свидетельствуют об ограниченности

[18] Такая ситуация в целом характерна для отдаленных сельских населенных пунктов Республики Коми.

масштабов и зависимости от инвестиций из федерального центра. Хозяйственные лесозаготовительные практики отличаются дисбалансом между признанием необходимости разумного природопользования и стремлением получить максимальную прибыль за счет минимизации расходов на восстановление леса. Нижеприведенные цитаты демонстрируют разницу в подходах и преобладающую тенденцию:

> *Вот та база у нас вообще практически не освоена из-за отсутствия инженерных сооружений, т. е. мостовых переходов, дорог, значит, всего. У нас там перестойный лес* (эксперт 8).

> *Но у нас там два фермера сразу срубили лес на корню, продали прям на корню. Один фермер вообще взял очень большую делянку, очень большую. Если бы у нас такое правовое было государство, с него бы можно было спросить. Он тоже лес каким-то образом продал, но не знаю, может дома есть кошка, но он ничего не заводил* (респондент 10).

Для заготовки перестойного леса нужны инвестиции, а для контроля за избыточным потреблением леса и обратных вложений в его восстановление – действующие социальные институты, погружающие рынок в общество. Пока таких институтов не создано, рыночные (материальные) интересы доминируют над общественными (социальными и экологическими). Если руководитель отдела охраны природы Троицко-Печорского района жаловался на перестойный лес, а жители – на недостаток рабочих мест, то в других лесозаготовительных районах республики, близких к административному центру и лесообрабатывающим предприятиям, напротив, – на сплошную вырубку леса. Район продолжает находиться в депрессивном состоянии от последствий рыночных реформ 1990-х г., приведших к сворачиванию лесной промышленности. Удручающую картину представляют покинутые дома.

Тем самым рыночные практики усиливают, а не решают проблемы, вызванные промышленным освоением лесного края. Сельские жители во всех районах республики отмечали, что с начала промышленных лесозаготовок в республике за 100 лет нет ни одной восстановленной лесной делянки вокруг населенных пунктов, несмотря на то, что лес является восстанавливаемым природным ресурсом. Мнения жителей сельских районов подтверждаются научными исследованиями сотрудников Коми НЦ УрО РАН *(Оценка ресурсной эффективности, 2021, с. 107)*. Иными словами, активное освоение лесных ресурсов ведется экстенсивным способом, без вложений в их восстановление и без компенсации местным жителям ущерба, наносимого окружающей среде. Такой подход не только не ведет

к повышению качества жизни сельского населения, сопоставимого с городскими жителями, а с переходом к капитализму северное село и вовсе оказалось в режиме социального исключения. У сельского населения накапливается усталость от осознания противоречий между их жизненной ситуацией и ее искаженной интерпретацией в СМИ, что описывается респондентами как грусть, тоска и обман, а исследователями представляется в качестве «ментальной» деградации населения *(Лыткина, 2008)*. Неудовлетворенность местных жителей на фоне критичности к реальному капитализму усиливает романтизацию советского прошлого. Сравнительная оценка сводится к приятным воспоминаниям того времени, когда «*жили как в раю*», и настоящего, в котором «*оптимизма мало*».

Следует подчеркнуть, что ограничение прав коренных жителей на владение природными ресурсами было еще в советское время, однако лишь вместе с распространением рынка масштабы вреда, наносимого добычей природных ресурсов, увеличились настолько, что на фоне сокращения запасов природных ресурсов стали осознаваться как угроза жизнедеятельности. При сравнении ситуации в республике с другими регионами и в целом по стране оценки не в пользу республики. Отмечается, что заработная плата в регионе такая же или даже ниже, чем в других регионах России, где климат мягче, а инфраструктура значительно лучше. Проблема отсутствия газификации сельских районов Республики Коми стоит очень остро и воспринимается не только как показатель низкого качества жизни, но и как проявление несправедливости и неэффективности существующей системы распределения доходов от добычи природных ресурсов.

Немногие местные жители ориентированы на предпринимательскую активность, но и они сталкиваются с высокой конкуренцией со стороны крупных торговых сетей, высокими налогами, растущими требованиями к эксплуатации торговых или производственных помещений и, наконец, с рейдерским захватом их предприятий бизнесменами, приближенными к властным структурам периферийных и центральных регионов. «*Мы занимались немножечко лесом, но нам так сделали, чтобы мы туда, м-м-м, у меня даже преследования были. <…> У меня тут пожар, потом машина через месяц разбилась. <…> Когда супермаз разбился – в нем был сын мой. И я потом просто отступилась, отдала я этот тупик. Просто отступила. <…> Они состояние наживали большое*» (респондент 11).

По существу, очевиден механизм разворачивания эксплуатационного способа использования природных ресурсов через продвижение потребительской, а не природоохранной стратегии даже в районах с возобновляемыми природными ресурсами. Он запускается в силу экономической невыгодности затрат на восстановление леса, из-за высокой конкуренции

с монополистами или предпринимателями других районов с меньшими затратами на компенсацию территориальных условий жизнедеятельности, а также при низкой эффективности действующих институтов (государственного регулирования, гражданских структур или самоорганизации) противодействовать разрушительной способности свободного рынка извлекать прибыль из имеющихся различий и особенностей.

Ижемский район. Основной сферой занятости здесь остается сельское хозяйство. Бюджетная сфера – следующая по численности занятых. Среди местных жителей проявляется установка на получение государственной поддержки как малой народности «коми-ижемцев», способствующей сохранению традиционных видов хозяйствования (оленеводства).

В целом сельские районы придерживаются традиционной стратегии хозяйствования. В результате сохранения традиций, обычаев и инфраструктуры при минимальных финансовых вливаниях, но при рациональном подходе они могли бы выполнять рекреационные функции для всей республики. Уровень этнического самосознания в Ижемском районе настолько высок, что его население согласно поддерживать традиционный образ жизни в способах жизнеобеспечения, обрядах и жилье: «*Я бы с удовольствием что-то традиционное носила. Ну не совсем такое, как раньше, но, скажем, современные сарафаны, красная ленточка, берестяные…как их называют, ну в виде венков*» (респондент 12). Тем не менее жители отмечают, что социальные программы проводятся разрозненно, не принимая во внимание культурную специфику жизни селян, а также варианты влияния на нее рыночных форм жизнеобеспечения. Так, например, ресурсы для развития туризма было бы логично совместить с программами по строительству индивидуального жилья в селах района при сохранении архитектурного стиля, бесспорно вызывающего большой интерес. Именно ижемцы стали инициаторами возвращения традиционных праздников: например, на праздник Луд ежегодно сюда приезжают туристы, нынешние и бывшие жители района, давно уехавшие, в том числе в другие страны. Но при этом этнопарк был построен не в Ижемском районе, где с уважением относятся к традициям, а в районе, ближайшем к столице республики – Сыктывкару, но мало востребованном для туризма и в результате, простаивающем на протяжении уже нескольких лет. Иными словами, сохранившаяся традиционная культура и этническое сознание населения остаются недооцененными ресурсами даже для развития туризма, о котором много говорят, но мало делают.

Если еще в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сельские жители рассказывали о том, что молоко скармливали кошкам, собакам, телятам или просто выливали на улицу, то теперь поголовье крупного скота сведено

к минимуму. Вместе с сокращением скота сократились земельные угодья по выращиванию картофеля, так как прием сельскохозяйственных овощей у населения так и не наладили (*«дорого, трудоемко, некому сдавать»*). Излюбленная тема многих исследователей по поводу обогащения сельских жителей дарами природы не учитывает сезонность данного вида заработка и отсутствие стабильности из года в год. Рыболовство – один из важнейших некогда источников пропитания и дохода у коренных жителей перестал им быть не только в силу снижения улова в северных реках, но и по причине отсутствия возможности конкурировать в торгах с предпринимателями из других крупных городов России. У местных жителей не хватает денег: *«Скоро мы забудем, что такое рыба»* (респондент 13), *«Раньше промышленные выловы рыбы были и местным хватало, сейчас просто рыба уходит в "чужие руки"»* (респондент 14). Аналогичная ситуация в соседнем Усть-Цилемском районе, уникальном по своей природе, где до сих пор сохраняются традиции русских староверов. Как и в остальных сельских районах республики, охота здесь сопряжена с материальными трудностями в оформлении огнестрельного оружия и соблюдении правил выкупа лицензий, предполагающих для отстрела животных выезд за пределы места проживания.

В целом, на примере Ижемского района с высокой долей и сельского, и коренного населения можно проследить возможности и ограничения перспективного развития территории с учетом ожиданий местных жителей, ориентированных на длительное здесь проживание и рациональное использование ограниченных ресурсов. Фактически коми-ижемцы, жители данного района, принимают на себя роль сообщества с оформившимся этническим самосознанием и стремятся воспользоваться действующей правовой системой, предполагающей определенные привилегии малочисленным группам народов Севера. Однако борьба за права коми-ижемцев как этнической группы – это не только борьба за признание определенной этнической идентичности, но и попытка контролировать природные ресурсы, защищая свои права и получая дотации. Аналогичные попытки были и у других коми, например, проживающих в Удорском районе, также претендующих на самобытность, особые права и дотации, но ни одна из групп не получила этот исключительный статус. Мнения о приобретении особых прав и привилегий разделились. Одна часть коми претендует на особые права и привилегии, а другая – осознает, что таким образом утрачивается солидарность народа коми. Добавим, что через государственную поддержку отдельных этнических сообществ не решается проблема коренных народов, а появляется возможность сократить социальные расходы, адресуя их не всем коренным жителям, а только одной этнической

группе. При этом сами ижемцы беспокоятся, что с получением особого статуса родной язык станет обязательным для обучения, а его преподавание будет вестись за счет основных предметов (математики, русского языка), в результате чего выпускники школ района станут неконкурентоспособными с другими выпускниками школ республики при поступлении в вузы.

В свою очередь, усиливаются противоречия в отношениях с Лукойлом – бизнес-корпорацией, ведущей в районе промышленную добычу нефти. Длительное время коми-ижемцы блокировали расширение ее производственной деятельности, оценивая действующий порядок распределения ресурсов как несправедливый, сознавая реальную цену природных ресурсов и зная, как дорого обходятся разливы усинской нефти их образу жизни, доступ к которому становится все более ограниченным. Впоследствии в обмен на привилегии они уступили и разрешили вести добычу природных ресурсов в районе. Однако Лукойл стал контролировать их активность, шантажируя жителей, что при протестных настроениях помощь «уйдет» соседнему району. В итоге искусственно поддерживаемого противостояния между двумя соседними районами так и нет стабильного транспортного сообщения. В свою очередь, руководство республики настороженно относится к району, стремясь представить проживающие этнические группы в качестве «единой семьи», где их дом – Россия, не акцентируя внимания на проблемах региона и возможностях их решений.

Таким образом, в данном районе выше всего осознание исключения от прав и полномочий распоряжаться природными ресурсами. Это осознание тесно взаимосвязано с этнической идентичностью и в действующем правовом режиме распространяется лишь на одну малочисленную народность коми. При осознании исключения артикулируются не только материальные, но и экологические интересы, появляется критика потребительской политики природопользования и предлагаются альтернативы, основанные на ценности бережного отношения к природе и культуре, но их взгляды противоречат общей политике в регионе.

Возвращаясь к концепции вытеснения, предложенной С. Сассен, мы должны признать, что российский Север – в отличие от глобального Юга – не является зоной военных действий, разразившихся в борьбе за доступ к природным ресурсам. Однако он является местом добычи полезных ископаемых или мертвой землей, главным образом из-за экологических бедствий, в том числе регулярных разливов нефти, разрушенной среды обитания коренных жителей. Одновременно наблюдается массовый отток наиболее квалифицированных кадров и снижение уровня и качества жизни всего населения, включая недавних покорителей Севера и их детей. Обращаясь к российскому Северу, мы углубляем понятие вытеснения

и рассматриваем его как институционально организованное исключение территории и анализируем то, как выстраивается неравный обмен между капиталом и нерыночными способами производства в процессе добычи природных ресурсов в регионе с суровыми климатическими условиями и дорогостоящим проживанием.

Специфику концепции С. Сассен мы рассматриваем через сравнение с тремя другими интерпретациями данного процесса: через неолиберальный поворот, анклавизацию и вторичную эксплуатацию. В отличие от концепции неолиберального поворота, предполагающей наличие различных стратегий накопления капитала, мы концентрируем внимание на эксплуатационном способе использования природных ресурсов и получении прибыли за счет перенесения издержек добычи природных ресурсов на жителей региона. В отличие от концепции анклавизации, раскрывающей организационное расхищение природных ресурсов, мы делаем упор на механизмах институционализации исключения через игнорирование интересов местных жителей, поощрение миграционных установок и идентичности временщиков. В отличие от концепции вторичной эксплуатации, акцентирующей внимание на снижении жизненных стандартов ниже классовых, мы обращаем внимание на осознание местными жителями исключения их от прав и полномочий распоряжаться землей и природными ресурсами, участвуя в разработке стратегии развития региона.

На основании анализа пяти случаев с различными уровнями ресурсной специализации мы можем наблюдать как сворачивается экономика региона, усиливается ресурсная зависимость, ограничивается доступ к благам (качественному образованию, услугам здравоохранения), поддерживается экологический нигилизм. В настоящее время местные жители ностальгируют по позднесоветским временам, и тому есть ряд причин. Во-первых, несмотря на ограниченный доступ местных жителей к высокооплачиваемым рабочим местам, советское государство через развитие сельского и лесного хозяйства помогало им вести домашние хозяйства. Во-вторых, при наличии уже в советское время экологических проблем, сказывавшихся, в частности, на снижении дичи, местные жители никогда не были оторваны от даров природы (леса и воды). Наконец, на фоне более низкого уровня услуг, предоставляемых в сферах образования, культуры и здравоохранения, существовала система распределения, позволяющая повысить качество услуг и привлечь талантливых специалистов в регион. Помимо этого, независимо от материального достатка семьи, были предусмотрены каналы восходящей мобильности, которые нивелировали проблемы социального исключения и позволяли накапливать и активизиро-

вать индивидуальные (человеческие) ресурсы, в том числе на рынке труда. Всего этого сейчас северяне оказались практически лишены. Более того, в современных рыночных условиях им оказались недоступны и способы успешных достижений.

Ресурсная зависимость, совмещенная с утратой первоочередного права коренных жителей на природные ресурсы и возможности определять стратегии развития территории, распространилась и ограничила права остальных северян, не имеющих возможность влиять на экономическую, социальную и экологическую политику в регионе. Между тем конфликт интересов разных агентов к территории богатой природными ресурсами усугубился и не позволяет сформулировать общий интерес жителей региона. Напротив, общество становится разобщенным, представляющим собой множество социальных групп, слабо взаимодействующих между собой, но достаточно плотно – внутри групп *(Лыткина, 2011; Пространственные и временные, 2012, с. 256)*. Замыкаясь в себе, они формируют множество субкультурных сообществ, не имеющих общего языка для переговоров. Социальные отношения становятся основанием для (вос)производства социального неравенства, ведут к доминированию вертикальных форм взаимодействия и упрочению престижа властной позиции, обеспечивающей статус и доступ к благам. Отсутствие практик сотрудничества населения и представителей власти снижает и без того слабый уровень самоорганизаций локальных сообществ, а значит, и потенциал человеческих ресурсов региона.

На наш взгляд, теория конкурентных преимуществ, представляемая в экономической науке ведущей в объяснении природы регионального неравенства, в случае России служит оправданием наращивания ресурсов в крупных городах и игнорирования отдельных территорий, постепенно утрачивающих средства для устойчивого социально-экономического развития, и причиной этому служит политика центра, поощряющая эксплуатационный характер природопользования, минимизацию расходов на природоохранные и социальные программы, инфраструктурные проекты через концентрацию бюджетных доходов на федеральном уровне и ограничение возможностей жителей региона участвовать в формировании стратегии развития территории. В результате утрачиваются не только возможности диверсификации экономики и перспективы развития северных территорий за счет ресурсов второй природы, но и выстраиваются основания для оправдания укрепляющихся структур социального неравенства и перераспределения средств в крупные города и отдельные регионы. Там, в отличие от северных территорий, высокий уровень и качество жизни, а также доступ к благам, определяющим уровень и качество человеческих ресурсов.

Глава 3

СЕВЕР И АРКТИКА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

3.1. История районирования и установления преференций для Севера России

Прежде чем начать изложение материала этой главы сделаем небольшое пояснение. История районирования и установления преференций касается 24 субъектов РФ, которые входят в перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, 13 из них – полностью, а 11 – частично[19].

История районирования. В начале XX в. Севером называли преимущественно Арктику, или Заполярье. В 1920-е гг. распространилось экономическое понятие «Советский Север». В документах 1922–1923 гг. применялись понятия «отдаленные местности РСФСР» и «северные окраины, населенные туземными народностями». Выделение отдаленных местностей в особую зону предполагало хозяйственное освоение территории, резко отличающейся природными и экономическими условиями от других территорий Союза ССР. Отмечались географическая отдаленность от крупных промышленных центров страны, суровость климатических условий, непригодных для ведения сельского хозяйства, усложняющих процесс индустриализации и работу на Севере. Учитывались повышенные затраты на промышленное освоение и низкая плотность населения территории. Осознавались важность оказания помощи коренным народностям окра-

[19] Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР: Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400590/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=lzlbwy6hni442064167 (дата обращения: 01.08.2024).

инных территорий, необходимость приобщения аборигенного населения к социалистической культуре.

В географическом отношении Север можно представить в разных координатах. Например, С. В. Славин представил его как две подзоны – Дальний и Ближний. К Дальнему Северу были отнесены зоны тундры, лесотундры и частично тайги, отдаленные на большие расстояния от железнодорожной сети, расположенные в более высоких широтах и отличающиеся наиболее суровыми природными условиями. К Дальнему Северу отнесены также все полярные территории, расположенные к северу от Полярного круга, в том числе и связанные с железнодорожной сетью страны, так как для них характерны наиболее суровые природные условия и, в частности, такие явления, как полярная ночь.

К Ближнему Северу С. В. Славин относил территории, находящиеся в относительной близости к основной железнодорожной сети (200–400 км), к крупным промышленным центрам, которые могут служить базами освоения природных богатств Севера и где климатические условия менее суровы, чем в высоких широтах. Есть возможность проведения широкого комплекса производств, в частности, производства продуктов животноводства, овощей и зерновых культур, а производственные издержки хотя и выше, по сравнению с южными территориями страны, но ниже, чем на Дальнем Севере *(Славин, 1982)*.

В меридиональном направлении зону Севера по уровню хозяйственного освоения укрупненно можно разделить на две части – Европейский и Азиатский Север. Азиатский Север, несмотря на резко возросшую масштабность освоения его природных ресурсов, по-прежнему характеризуется очаговостью, выборочностью добычи полезных ископаемых, «усеченностью» хозяйственной структуры и недостаточно высоким уровнем развития инфраструктурных отраслей. Территория Азиатского Севера, исходя из различия перечисленных выше признаков районирования, может быть разделена на Сибирский и Дальневосточный Север *(Каратыгина, Краснопольский, 1985, с. 114–115)*. Азиатский Север имеет и другое деление, он подразделяется на Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный Север *(Обедков, 2005, с. 15)*.

Среди множества специфических «северных» признаков главными остаются климат и природные условия этих территорий. Неосвоенность и слабая заселенность территории рассматриваются как следствие экстремальных природно-климатических условий. Само слово «экстремальный» переводится с латыни на русский язык как «крайний». Крайний Север с этой точки зрения отличается своими крайними, т. е. наиболее затруд-

няющими и усложняющими существование человека, климатическими условиями *(Проблемы современного, 1987, с. 36, 39)*.

Научные подходы к районированию. Можно выделить несколько научных подходов к районированию Севера России. Каждый из этих подходов в принципе правомочен и базируется на том или ином признаке, рассматриваемом исследователем в качестве главного. Известны следующие классификации: по признаку устойчивости эксплуатационных характеристик различных видов металлов и техники при их использовании в экстремальных условиях Севера *(Бурханова, 1980, с. 3–8)*; по признаку уровня энергетических затрат человека при осуществлении трудовых процессов *(Аджиев, 1976)*; по отраслевому признаку – горнопромышленное, энергоэкономическое *(Каратыгина, Краснопольский, 1981)*, ресурсно-сырьевое *(Федосеев, 1980)*. Из географических подходов к районированию северных территорий наиболее объективными признаются те из них, которые основываются на признаке суровых природно-климатических условий, препятствующих развитию земледелия и скотоводства (кроме оленеводства), т. е. южная граница северной зоны располагается в полосе, в которой невозможно выращивание земляных культур как основы земледелия и скотоводства.

Официально районирование Севера нашло отражение в документе «Концепция социально-экономического развития районов Севера и критерии отнесения территорий к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним», где отмечается, что для оценки степени дискомфортности условий жизни населения в любом пункте, а также решения спорных вопросов по отнесению пограничных территорий к той или иной зоне дискомфортности, разработана система ее интегральной оценки. Все факторы, определяющие уровень дискомфорта территории, объединены в четыре группы: природно-климатические; экономико-географические; социально-экономические; риск проживания. В итоге было выделено пять зон по степени неблагоприятности природно-климатических условий: I зона – абсолютно дискомфортная; II зона – экстремально дискомфортная; III зона – дискомфортная; IV зона – относительно дискомфортная; V зона – комфортная. К территории Севера отнесены первые три дискомфортные по условиям проживания зоны, общей площадью 11,4 млн кв. км, или 66,7 % всей территории Российской Федерации[20].

Отнесение тех или иных районов России к отдаленным местностям, а затем к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним, происходило постепенно и в основном применительно к политической и экономической ситуации в стране. Оно не было связано с научным обос-

[20] О Концепции социально-экономического развития районов Севера: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.01.1992 № 107-р. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=222404#XocrYHUIFgpij5eu (дата обращения: 15.01.2024).

нованием дифференциации территорий по степени дискомфортности и суровости климата. Хотя следует отметить, что само по себе районирование всегда преследовало практическую цель, обусловленную необходимостью привлечения людей для работы в отдаленных и/или районах Севера и Дальнего Востока.

В период становления советской власти используется терминология «отдаленных местностей». Выделение носит скорее политический характер, поскольку к числу отдаленных местностей присоединены новые республики и области, заселение которых русскоязычным населением являлось стратегической задачей государства. В 1923 г., согласно ст. 8 Декрета[21], к числу отдаленных местностей (в более ранних документах советской власти не встречается) относились: а) автономные республики: Дагестанская, Туркестанская, Якутская и др.; б) автономные области: Коми, Ойратская; в) губернии: Архангельская, Мурманская, Тюменская и др.; г) острова Северного Ледовитого и Тихого океанов. Местности Дальнего Северо-Востока страны в списке отсутствуют. Нет дробления на отдельные населенные пункты, что характерно для нынешнего времени *(Халдеева, 2014, с. 64–65)*.

Выделение северных территорий и районирование тесно связаны с системой льгот. Так, 17 августа 1925 г. выходит Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О льготах для лиц, направляемых на работу в отдаленные местности РСФСР государственными учреждениями и предприятиями». В ст. 4 указанного Постановления приводится перечень территорий, на которые распространяется его действие. Так, отдаленными местностями, которые дают право на вышеуказанные льготы, считаются: А. Автономные советские социалистические республики: 1) Зилаирский кантон Башкирской Республики; 2) Бурято-Монгольская; 3) Карельская (кроме города Петрозаводска и Олонецкого уезда); 4) Казакская (кроме города Уральска); 5) Якутская; 6) Дагестанская; Б. Автономные области: 7) Киргизская; 8) Ойратская; 9) Коми (Зырянская); В. Губернии: 10) Алтайская; 11) Архангельская (кроме города Архангельска); 12) Мурманская; 13) Томская (кроме города Томска); 14) Тобольский округ; 15) Енисейская (кроме города Красноярска); 16) Иркутская (кроме города Иркутска); 17) Ново-Николаевская (кроме города Ново-Николаевска); 18) Забайкальская; 19) Амурская; 20) Приморская; 21) Камчатская; Г. Острова Ледовитого и Тихого океанов[22].

[21] О льготах для командируемых на работу в отдаленные местности РСФСР: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25 июля 1923 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org (дата обращения: 01.02.2024).

[22] О льготах для лиц, направляемых на работу в отдаленные местности РСФСР государственными учреждениями и предприятиями: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 17.08.1925 // Собрание указаний РСФСР. – 1925. – № 64. – Ст. 512.

В то же время одновременно с понятием «отдаленные местности» использовался термин «северные окраины, населенные туземными народностями». В 1924 г. в официальных документах появляется словосочетание «Крайний Север». Интерес к освоению Севера выразился в нормативных правовых актах 20–30-х гг. XX в., а освоение и выделение Крайнего Севера в особую зону преследовали решение ряда государственных задач – от экономических до идеологических *(Лыткина, Фаузер, 2016, с. 95; Фаузер, Лыткина, Фаузер, 2015)*.

Границы очерченной территории «Крайний Север» впервые появились в юридической и практической деятельности после принятия Советом народных комиссаров РСФСР Постановления от 26 октября 1932 г. «Об установлении территории, на которую распространяется действие Постановления ВЦИК и СНК 10 мая 1932 г. о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере»[23] (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Районы Крайнего Севера РСФСР, 1932 год

Районы Крайнего Севера	
1. Все острова Северного полярного, Охотского, Берингова и Камчатского морей. 2. Ленинградская область *(Мурманский округ полностью)*. 3. Северный край *(Ненецкий округ и районы: Мезенский и Лешуконский; в области Коми: Усть-Цилемский, Ижмо-Печорский (Ижемский), Усинский, Троицко-Печорский и Удорский районы; все острова Северного полярного моря)*. 4. Уральская область *(Ямальский (Ненецкий) и Остякско-вогульский округа)*. 5. Западно-сибирский край *(Северный округ)*. 6. Якутская АССР.	7. Восточно-сибирский край *(округа: Таймырский (Долгано-ненецкий), Эвенкийский и Витимо-олекминский, районы: Туруханский, Катангский и в Бурят-монгольской АССР – Баунтовский и Северо-байкальский районы)*. 8. Дальне-восточный край *(округа: Чукотский, Корякский, Охотский, Камчатский и Сахалинский, районы: Нижне-амурский (Нивухский), Нижне-нанайский, Верхне-нанайский, Сихотэ-алинский, Джелтулакский-эвенкийский, Верхне-зейский (Эвенский), Селемджинский-эвенкийский, Буреинский (Эвенкийский), Советский и Куроурмийский)*.

Можно констатировать, что для страны государственного социализма с централизованной системой управления Север имел не столько административно-территориальное деление, сколько планово-экономическое

[23] Об установлении территории, на которую распространяется действие Постановления ВЦИК и СНК 10 мая 1932 г. о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере: Постановление СНК РСФСР от 26.10.1932. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/ (дата обращения: 01.02.2024).

значение. Регионы Севера, входящие в утвержденный перечень, имели особые преференции в виде дополнительных мер социальной поддержки населению, более высокую заработную плату и более высокий уровень цен (выделялись 1-, 2- и 3-я ценовые зоны). Северные особенности нашли свое отражение и в нормативной базе строительства и транспорта *(Гаврильева, Архангельская, 2016, с. 67–68)*.

В 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были установлены два понятия: «Крайний Север» и «отдаленные местности, приравненные к районам Крайнего Севера». В данный исторический период районирование решает преимущественно экономические задачи. Для дальнейшего освоения Севера нужны квалифицированные кадры, поскольку возможности принудительной миграции были практически исчерпаны *(Лыткина, Фаузер, 2016, с. 104)*. Дифференциация (районирование) Севера на Крайний Север и местности, приравненные к районам Крайнего Севера, должна была не только привлечь сюда квалифицированные кадры из других районов страны через систему льгот и привилегий, но и оптимизировать фонд оплаты труда, сопоставляя его со справедливой оценкой работы в сложных природно-климатических условиях.

Непосредственное выделение двух территорий в рамках Севера делают два постановления СНК СССР:

1) Постановление СНК СССР от 2 сентября 1945 г. № 2262 «Об утверждении перечня местностей Крайнего Севера и Инструкции Наркомфина СССР и ВЦСПС по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. "О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера"»[24].

2) Постановление СНК СССР от 18 ноября 1945 г. № 2927 «О перечне отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. "О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера"»[25]. Для наглядности районы Крайнего Севера и местности, приравненные к ним, представлены на карте, где хорошо видно, что рай-

[24] Об утверждении перечня местностей Крайнего Севера и Инструкции Наркомфина СССР и ВЦСПС по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 года «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера»: Постановление СНК СССР от 02.09.1945 № 2262. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16176#t866ZHUzm8VjAReN (дата обращения: 02.02.2024).

[25] О перечне отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера»: Постановление СНК СССР от 18.11.1945 № 2927. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4724#k6O9ZHU4uVMGD4kA2 (дата обращения: 02.05.2024).

оны Крайнего Севера занимают незначительную площадь и расположены в основном на Востоке страны (рис. 3.1).

В связи с экономическим освоением новых территорий Севера и Дальнего Востока существующий Перечень территорий «запаздывал» отражать реальную практику освоения Севера, необходимо было дополнить его новыми территориями. Учитывая потребности практики, Совет Министров СССР 10 ноября 1967 г. принимает Постановление «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. "О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера"». В ст. 1 постановляет: «Утвердить прилагаемый перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967 г. о льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях»[26].

В очередной раз Перечень территорий, относимых к районам Крайнего Севера, и местностей, приравненных к ним, был определен Постановлением Совмина СССР 3 января 1983 г. № 12 «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера», утвержденным Постановлением Совета министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029»[27].

Утвержденный перечень с дополнениями (в ред. Постановлений Совмина СССР от 28.06.1985 № 593, от 23.06.1990 № 594, Постановления Правительства РФ от 27.11.1991 № 25) действовал до распада Союза ССР (8 декабря 1991 г. было подписано «Беловежское соглашение»).

Произошедшие изменения нашли отражение в Перечне районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, определенных Постановлением Совмина СССР 03 января 1983 № 12 (ред. от 27.02.2018). В последующие годы Перечень не дополнялся новыми территориями, но и не

[26] О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»: Постановление Совмина СССР от 10.11.1967 № 1029. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=425#blw9ZHUWrRxE6N9E (дата обращения: 05.02.2024).

[27] О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029 (вместе с «Перечнем районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967 г. о льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях», утв. Постановлением Совмина СССР от 10.11.1967 № 1029): Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 № 12 (ред. от 27.02.2018). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403/ (дата обращения: 05.03.2024).

было фактов их исключения. В настоящее время данное Постановление утратило силу, а действует Постановление от 16.11.2021 № 1946[28].

Перечень территорий, представленный на рис. 3.2 показывает, что по площади районы Крайнего Севера существенно превышают приравненные территории. И еще «одинокой» на карте выглядит Республика Тыва, отнесенная к северным территориям. Между ней и Севером России расположились Республика Хакасия, Красноярский край и Иркутская область.

Арктическое районирование. Началом нового этапа в районировании Севера России можно считать 2 мая 2014 г., когда выходит Указ Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (далее – АЗРФ) № 296, определивший Перечень сухопутных территорий АЗРФ. Полностью включены в Арктику: Мурманская область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Включены в Арктическую зону частично: Республика Саха (Якутия), Красноярский край и Архангельская область без Ненецкого автономного округа, городской округ Воркута (Республика Коми)[29]. Новое деление Севера на три зоны представлено на карте (рис. 3.3). На ней хорошо видно, что районы Крайнего Севера Арктика делит на две части, «накрывает арктическим одеялом».

Региональные руководители не северных территорий постоянно вели работу, чтобы попасть в Перечень северных территорий, а руководители северных – перейти в состав территорий Крайнего Севера. Аналогичные процессы начались и после образования АЗРФ. Так, О. В. Бурый и Т. Е. Дмитриева отмечают, что Республика Коми вместе с Якутией, Красноярским краем и Архангельской областью включена в Арктическую зону лишь частично. Более того, Воркута – это единственный регион, не имеющий выхода к акватории Северного Ледовитого океана и портовой инфраструктуре Северного морского пути *(Бурый, Дмитриева, 2015, с. 142)*. Существует и другая точка зрения: «сложно найти аргументы, согласно которым развитие Воркутинского района должно идти по особому пути,

[28] Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР: Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111170030 (дата обращения: 20.02.2024).

[29] О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102349446 (дата обращения: 02.02.2024).

отличающемуся, например, от соседнего Усинского района, который, не будучи формально частью АЗРФ, географически и экономически очень тесно связан с полностью арктическим Ненецким автономным округом. Во-вторых, нарушается единство ресурсно-производственных комплексов, ориентированных на транспортную систему Северного морского пути» *(Коновалов, 2012)*. Принятый в основу указа 2014 г. принцип «приморсности» не совсем корректен, поскольку границы, как оказалось, расположены, например, в Ямало-Ненецком округе или Красноярском крае, более чем за тысячу километров от побережья. А в Республике Карелия не включены Лоухский, Кемский и Беломорский районы, расположенные непосредственно на побережье Белого моря *(Селин, 2016, с. 127–128)*.

Борьба за вхождение в Арктику имела успехи. В 2017 г. в Республике Карелия в состав АЗРФ вошли территории трех муниципальных районов: Беломорский, Лоухский и Кемский, в результате чего береговая линия Арктической зоны стала непрерывной. В 2019 г. в Республике Саха (Якутия) в состав Арктики включены территории восьми улусов (районов), лежащих вблизи Северного полярного круга: Абыйского, Верхнеколымского, Верхоянского, Жиганского, Момского, Оленекского, Среднеколымского и Эвено-Бытантайского. Наконец, в 2020 г. был утвержден Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», согласно которому к арктическим причислялся еще ряд территорий: Республика Карелия – ГО Костомукша, МР Калевальский, МР Сегежский; Республика Коми – ГО Инта, ГО Усинск, МР Усть-Цилемский; Архангельская область без Ненецкого АО – МР Лешуконский, МР Мезенский, МР Онежский, МР Пинежский, МР Приморский; Красноярский край – МР Эвенкийский (частично, в составе сельских поселений поселков Суринда, Тура, Нидым, Учами, Тутончаны, Ессей, Чиринда, Эконда, Кислокан, Юкта) *(Смирнов, 2023а, с. 8)*. «Резервы» роста у Арктики еще имеются (рис. 3.4).

Казалось бы, что на этом отрезке времени «рост арктических территорий» прекратится. Однако с 3 апреля 2024 г. Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 56-ФЗ два района Ханты-Мансийского АО – Березовский и Белоярский – официально стали частью Арктической зоны России. Можно смело констатировать, что руководители субъектов России не теряют надежды увеличить как «северность», так и «арктичность» своих территорий. Спрашивается, для чего? Вот небольшой перечень преференций, что дает принадлежность к АЗРФ: налоговые льготы; возмещение части расходов по уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды до конечной ставки 7,6 %; предоставление субсидий на возмещение процентной ставки по кредитам; налоговый вычет по налогу на

добычу полезных ископаемых; предоставление земельных участков без торгов; применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны и др.

Следующим направлением в районировании стало выделение в системе расселения Арктики опорных населенных пунктов (муниципальных образований) арктической зоны Российской Федерации, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике. В перечень вошли: Кемско-Беломорская агломерация Республики Карелия; агломерация Воркуты Республики Коми; Тикси-Найба Республики Саха (Якутия); агломерация Норильск-Дудинка, Диксон и Игарка Красноярского края; Архангельская агломерация Архангельской области; Мурманская, Кировско-Апатитская и Мончегорская агломерации Мурманской области; агломерация Нарьян-Мара Ненецкого АО; Певек и агломерация Анадыря Чукотского АО; агломерация Салехард-Лабытнанги, Новый Уренгой и Ноябрьск Ямало-Ненецкого АО, с учетом входящих в них населенных пунктов (муниципальных образований)[30].

В настоящее время Север России занимает площадь в 11,9 млн кв. км, или 69,7 % площади страны, а российский Север – 7623,7 тыс. кв. км, или 44,5 % от территории России. Площадь российской Арктики составляет 5428,6 тыс. кв. км (39,2 % от Мировой Арктики), или 71,2 % от площади российского Севера. Как видим, не весь Север стал еще «арктическим». Мы уже неоднократно писали, что разная степень северности и арктичности вызывает противоречие в развитии как между регионами, так и внутри них. Например, когда часть Республики Коми стала арктической, а другая по-прежнему остается лишь северной *(Фаузер, Смирнов, Лыткина и др., 2022)*.

История законодательства в сфере установления преференций для отдаленных территорий. Первым нормативно-правовым актом страны относительно предоставления некоторых северных льгот был Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25 июля 1923 г. «О льготах для командируемых на работу в отдаленные местности РСФСР». Этим документом предусматривалась не кратковременная служебная командировка, а направление работника в отдаленную местность на постоянную работу.

Спустя два года выходит Постановление ВЦИК и СНК Р.С.Ф.С.Р. от 17 августа 1925 г. «О льготах для лиц, направляемых на работу в отдаленные местности Р.С.Ф.С.Р. государственными учреждениями и предприятиями». Это Постановление отменяет действие Декрета от 25 июля 1923 г.;

[30] Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.11.2023 № 3377-р // Соб. Законодательства РФ. – 2023. – № 50. – Ст. 9095.

устанавливает льготы для рабочих и служащих независимо от занимаемой должности и выполняемой работы.

Одним из первых общесоюзных документов, закреплявшим гарантии работникам, переезжавшим на работу в отдаленные местности, было Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 11 мая 1927 г. «О льготах для работников государственных учреждений и предприятий в отдаленных местностях Союза ССР». Этот документ стал основополагающим для будущих законодателей, разрабатывающих перечень льгот и гарантий по привлечению и закреплению населения в отдаленных местностях. Постановление не затрагивало тех местных жителей, кто проживал постоянно и не менял место жительства.

В целях определения объема предоставленных льгот все отдаленные местности, в зависимости от степени удаленности от центра, условий работы и культурного уровня населения, были разделены на два пояса. *К первому* отнесены местности с особо тяжелыми условиями сообщения и связи с центром, с тяжелыми климатическими условиями и с особо низким культурным уровнем. *Ко второму поясу* отнесены остальные отдаленные местности. Перечень льгот для первого и второго поясов был общим, однако размеры льгот для местностей первого пояса определялись выше.

10 мая 1932 г. Всероссийский ЦИК и СНК РСФСР принимают Постановление «Об утверждении Положения о льготах для лиц, работающих на Крайнем севере РСФСР». Указанным постановлением из перечня отдаленных местностей СССР впервые в отдельную группу были выделены районы Крайнего севера РСФСР. С этого момента законодательство о северных льготах стало существовать самостоятельно. Действие Положения распространяется на работников всех государственных, кооперативных, общественных учреждений, предприятий и организаций, смешанных акционерных обществ как союзного, так и республиканского и местного значения.

В связи с войной и переводом страны на военное положение выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 октября 1942 г. «О прекращении начисления процентных надбавок к заработной плате рабочим и служащим и предоставления им других льгот, связанных с работой в отдаленных местностях, вне крупных городских поселений и на Крайнем Севере».

Понимая важность восстановления народного хозяйства в послевоенный период и роль северных территорий в экономике страны Президиум Верховного Совета СССР 1 августа 1945 г. издает Указ «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера». Указ постановлял: восстановить с 1 августа 1945 г. для работников государственных, кооперативных

и общественных предприятий, учреждений и организаций, находящихся в районах Крайнего Севера, действовавшие до войны льготы.

В целях упорядочения законодательства о льготах для работников Крайнего Севера и приравненных к ним местностей был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера».

Указ от 10 февраля 1960 г. разделил северные льготы на две группы: а) основные, предоставляемые всем рабочим и служащим государственных, кооперативных и общественных предприятий, учреждений и организаций на Севере (включая лиц, прибывших по собственной инициативе, и *местных жителей*), и б) дополнительные, которые получают работники, переведенные, направленные или приглашенные на работу в районы Севера из других местностей страны. Дополнительные льготы предоставляются только при условии заключения индивидуальных письменных трудовых договоров сроком на пять лет, а на островах Северного Ледовитого океана – два года.

В соответствии с Директивами XXIII съезда КПСС выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. № 1908-VII «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера». Данный Указ значительно расширял перечень и размер льгот, определенных Указом от 10 февраля 1960 г. Он устанавливал новый порядок начисления районных коэффициентов, дифференцируя территории по степени дискомфортности. Впервые данным Указом закреплялось снижение пенсионного возраста лицам, длительное время работавшим в местностях с неблагоприятными климатическими условиями. Новым в Указе стало и то, что было обращено внимание на колхозное крестьянство, правда, лишь выборочно. Они могли начать получать льготы, если меняли род своей деятельности. Принципиально новыми стали два положения Постановления. Предлагалось ввести с 1 января 1968 г. районные коэффициенты к стипендиям аспирантов, студентов и учащихся высших и средних специальных учебных заведений, расположенных в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в размерах, установленных в соответствующих районах к заработной плате работников просвещения.

Заслуживает внимания Постановление Совета министров РСФСР от 22 октября 1990 г. № 458 «Об упорядочении компенсаций гражданам, проживающим в районах Севера», в котором была сделана попытка унификации подхода к порядку предоставления гарантий и льгот работникам

Крайнего Севера и приравненных к нему районов. Данным Постановлением уточняется порядок исчисления и сохранения непрерывного трудового стажа для получения права на надбавку за работу в неблагоприятных климатических условиях. Особый упор сделан на привлечении в районы Крайнего Севера и закрепление на предприятиях, расположенных в данных регионах, молодежи, а также семей, имеющих детей.

В современной истории наиболее значимым нормативно-правовым документом по упорядочению/расширению льгот и гарантий для северян можно считать принятый Государственной думой РФ 19 февраля 1993 г. Федеральный закон № 4520–1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях». Впервые действие принятого Закона стало распространяться на лиц, работающих по найму постоянно или временно на предприятиях, в учреждениях, организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, независимо от форм собственности, и лиц, проживающих в указанных районах и местностях.

С момента принятия Закона № 4520–1 от 19 февраля 1993 г. произошли значительные перемены в социально-экономическом развитии России. Учитывая этот факт, 22 августа 2004 г. Государственная дума принимает Федеральный Закон № 122-ФЗ, который внес существенные изменения в действующий Закон. В последующих редакциях Закона № 4520–1 часть льгот и гарантий «перенесена» в Трудовой кодекс (принят 30.12.2001 № 197-ФЗ). Последняя редакция Федерального закона – от 25.12.2023 г.

За время существования российского государства льготы для работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях неоднократно менялись, причем как в сторону увеличения, так и наоборот, в сторону их уменьшения. В настоящее время трудно, если не невозможно, установить причины, по которым от закона к закону законодатель производил изменения в системе льгот, менял распределение их по комплексам. Бесспорно, что соответствующие коррективы вносились под влиянием конкретных факторов экономического характера с учетом непосредственных задач экономической политики на данном этапе и возможностей государства, а также той роли, которая отводилась Северу в разные исторические периоды развития страны.

В предыдущих публикациях нами выделено пять периодов / этапов истории развития законодательства о льготах – вначале для отдаленных местностей, затем районов Крайнего Севера и, наконец, для местностей, приравненных к районам Крайнего Севера *(Фаузер, Лыткина, Фаузер Г. и др., 2016; Фаузер, Лыткина, Фаузер Г., 2017).*

Первым этапом можно считать досоветский – царский период, когда для отдаленных местностей были установлены льготы в «Положении об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского». В Положении прописываются сами льготы и Перечень территорий, на которые они распространяются. Большинство льгот не декларативно, а имеет стоимостное выражение. Впервые оговариваются условия льготной пенсии: «с сокращением пенсионных сроков, а в некоторых местностях – и с повышением окладов пенсий для получающих их по Общему Пенсионному Уставу». Второй период – 1923–1932 гг., третий – 1942–1945 гг., охватывает военные годы, четвертый – 1946–1967 гг. и пятый период – с 1990 г. по настоящее время.

3.2. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики

Трудно переоценить значение Севера и Арктики для экономики России, поскольку они являются основными поставщиками углеводородного и минерального сырья, металлов для зеленых технологий, природных ресурсов как для внутреннего потребления, так и для внешней торговли. Экономические интересы государства к развитию северных и арктических территорий способствовали принятию им социально-экономических преференций для привлекаемого населения, при этом интересы коренного и старожильческого населения зачастую игнорировались.

Несмотря на критику политики царского Правительства по отношению к коренным народам Севера, по ряду принципиальных положений она была нацелена на то, чтобы окраинные территории развивались наравне с остальными, составляли часть единого экономического пространства российского государства. Для сглаживания факторов удаленности и суровости климата окраинным / удаленным территориям устанавливались специальные льготы и гарантии. Одним из первых документом по предоставлению преференций для лиц гражданской службы можно считать «Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского» (1812 г.). В нем был определен перечень территорий, на которые распространялось действие Положения[31]. Недостатком данного Положения было то, что оно касалось только государственных служащих, т. е. носило выборочный, ограниченный характер *(Фаузер, Лыткина, Фаузер Г., 2017, с. 95–97)*.

[31] Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского // Свод законов Российской империи в 16-ти томах. Том 3 / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель». – 1912. – С. 330–343.

Несмотря на прогрессивность данного документа, в нем были заложены первые противоречия – коренное и старожильческое население «исключалось» из поля предоставляемых преференций, противопоставлялось пришлому / приезжему населению *(Лыткина, Смирнов, 2019, с. 31)*.

Вторым документом, где были заложены определенные условия / принципы, чтобы коренное население окраинных территорий интегрировалось в российское общество, жило и развивалось по единым законам, является Устав об управлении инородцами, утвержденный Императором Александром I в 1822 г. Он устанавливал систему управления, самоуправления и суда для коренных народов. Устав, подготовленный М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым, по праву считается первой крупной реформой, затронувшей коренных жителей Севера и Сибири. В Уставе были учтены интересы как коренного населения, так и пришлого. Согласно ему, россиянам строго запрещалось самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных; инородцы освобождались от рекрутской повинности, им разрешалось покидать место своего жительства в пределах 500 верст без особого разрешения. В то же время «на отлучку далее 500 верст обязаны они от Земской полиции иметь письменный вид, как равно и в случае наймов у Русских в годовые услуги». То есть свобода передвижения носила ограниченный характер. В места, где проживали или кочевали инородцы, строго запрещалось завозить и продавать горячие напитки *(Полное собрание законов, 1830)*. Несмотря на прогрессивность, большинство статей Устава заканчивалось словами «как с позволения Гражданских Губернаторов или областных Начальников».

К числу «заложенных» противоречий можно отнести и то, что колонизация Севера и Сибири проводилась с целью получить права на естественные богатства и прежде всего на землю. Но, как справедливо замечает Г. К. Гинс, «при заселении территорий, где проживает коренное население, проистекает необходимость примирить противоположные интересы и вести земельную политику так, чтобы не обидеть ни тех, кто хочет сохранить свою землю, ни тех, кто хочет ее приобрести» *(Гинс, 1913, с. 5, 6, 10)*. Однако это противоречие сохраняется и сегодня между коренными малочисленными народами Севера (далее – КМНС) и ресурсными компаниями *(Этнонациональные процессы, 2017)*.

Определенные противоречия были заложены при делении Севера России на отдельные составляющие: а) Крайний Север; б) местности, приравненные к районам Крайнего Севера; в) территории субъектов, вошедших в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей полностью или частично. Каждая группа территорий имела свои префе-

ренции, свою стратегию развития, что не лучшим образом сказывалось на развитии Севера России и страны в целом.

Следующий конфликт интересов был создан в 2014 г., когда из состава северных территорий были выделены сухопутные территории Арктической зоны РФ. На наш взгляд, возникли условия разных возможностей получения материальных, финансовых и человеческих ресурсов между территориями, вошедшими в Арктическую зону, и теми, кто по-прежнему оставались лишь «северными». Конфликт интересов или разные возможности возникли и внутри отдельных субъектов (республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельская и Тюменская области, Ханты-Мансийский АО), где в Арктику вошла часть их территорий. Следовательно, сохранение баланса интересов в развитии всех территорий Севера России для экономической безопасности страны и благополучия населения представляет собой как научную проблему, так и важную практическую задачу.

Противостояние Север – Юг в глобальном масштабе. Противостояние, или конфликт интересов, в развитии мировой цивилизации явление не новое. Отдельные континенты, части света, страны или даже муниципальные образования внутри субъекта довольно часто демонстрируют разный экономический и социальный эффект развития, обладают разным потенциалом роста. В глобальном масштабе это нашло отражение в противостоянии «Север – Юг». Новая концепция пришла на «смену политической поляризации "Запад – Восток"» *(Беневоленская, 2013, с. 47)*. Появление новой концепции связано с тем, что бывшие «колонии бросили вызов богатым метрополиям и заявили о своей самостоятельности в выборе собственного особого пути развития». Однако однобокое секторальное развитие, экономический диктат крупных промышленных компаний и корпораций, ненационализированных и по сей день, привели к тому, что они «отдают бывшим колониям минимальные проценты от прибыли. Таким образом, государства Юга с наименее развитой экономикой прежде всего отличает развитие одних отраслей при одновременной регрессии других». Проблема Север – Юг таит в себе «угрозу распространения террористических организаций, наркоторговли, работорговли, проституции, миграции, она подрывает устои стабильности всего мира» *(Власова, Некрасова, 2017, с. 5820, 5826)*. Жители бедного Юга считают, что в их бедах виноваты страны Севера, сначала угнетавшие их, а теперь препятствующие их развитию *(Соколова, Нечаева, 2016, с. 74)*. Исследования глобальной и макрорегиональной неоднородности хозяйственного освоения территории отмечают, «что страны и регионы, расположенные севернее, рассматриваются

как более экономически, социально, технологически и инновационно развитые» *(Михайлов, Горочная, Хвалей и др., 2020, с. 106)*. Такой подход к странам Севера позволяет южанам предъявлять свои претензии к северянам и требовать от них «дележа» ресурсов взамен на свою лояльность.

Роль северности проявляет себя и в страновом противостоянии «Север – Юг». Например, данное явление мы находим в работе Антонио Грамши, итальянского марксиста, который в 1920-х гг. назвал отношения между двумя частями своей страны – югом и севером – колониальной эксплуатацией. Экономически области Южной Италии стали «эксплуатируемыми колониями» севера, но в то же время культура юга сильно влияла на культуру севера и даже вела ее за собой *(Цит. по: Эткинд, 2022, с. 38)*. Проблема «Север – Юг» имеет место в Казахстане, и она весьма специфична. В нем существуют две «контрастные зоны», и в известной мере повторяются глобальные противоречия Севера и Юга. Проблема «Север – Юг» в Казахстане имеет внутриэтнический аспект, который обусловлен особенностями этногенеза казахов, расселения казахских родов, влиянием отдельных традиций и языковых диалектов в разных регионах *(Фаузер, Альжанова, 2022)*.

Противостояние Север – Центр – Юг в российской практике. Противостояние Север – Центр – Юг имело и имеет место и в России. Довольно критично проблему Север – Центр – Юг описал известный северовед Г. А. Агранат. Он отмечал: «Север с его просторами, несметными богатствами, суровыми географическими условиями и трудностями освоения всегда считался проблемной территорией». Во все времена у Севера были как сторонники, так и противники. От того, чей интерес преобладал, зависело сколько ресурсов и привилегий получит регион. «Отсюда – перекосы в развитии частей северной зоны: при равных объективных условиях одни районы бедствуют, другие – живут вполне прилично. Примеры тому можно найти на севере Западной Сибири, в Республике Саха (Якутия) *(Агранат, 2000, с. 49, 53)*.

После распада СССР российский Север опять стал центром повышенного внимания экономической политики новой России. В начале 1990-х гг. стали вестись дискуссии о перенаселенности Севера[32] и о том, что надо сворачивать сеть постоянных поселений и шире использовать вахтовый метод. В начале 2000-х гг. возникли обоснованные опасения что «готовый идти на Север капитал, в том числе и казенный, имеет только одну цель: взять все, что можно по максимуму с минимальными издержками на обу-

[32] В начале 1990-х гг. по разным оценкам избыточное население российского Севера составляло от 20 до 40 %.

стройство северных территорий». Другой проблемой / опасением стало то, что в активах ресурсоэксплуатирующих компаний стали преобладать иностранные инвестиции, как результат – добавленная стоимость может «уплыть» за границы РФ, что является «серьезным вызовом для сохранения Российского суверенитета» *(Малов, Тарасова, 2012, с. 142)*.

Вопросы противостояния или противопоставления интересов всегда связаны с конкуренцией за доступ к ресурсам. Не последнюю роль в распределении ресурсов и предоставлении разного рода преференций играет государство. На эту сторону конкуренции обратил внимание М. Портер: «...в современной экономической ситуации, когда конкуренция в мировых масштабах все возрастает, роль государств становится все более важной. По мере того, как основа конкурентной борьбы все больше смещается в сторону создания и освоения знаний, роль государства возрастает» *(Портер, 2000, с. 162)*. Поэтому разумным выглядит предложение, что северным и арктическим регионам не стоит вступать в конкуренцию между собой, а следует работать на общий результат, тогда в выигрыше окажутся все, а не только ресурсоэксплуатирующие компании *(Малов, Тарасова, 2012, с. 149)*.

О территориальном переустройстве России особенно активно заговорили в 2000-е гг., когда было предложено сосредоточить все ресурсы в 20 агломерациях, что автоматически привело бы «к борьбе за власть и финансовые ресурсы» *(Бирюков, 2010)*. Если бы это произошло, то Север и Арктика выпали бы из этого пространства, поскольку таких агломераций у них просто нет, исходя из численности населения городов *(Фаузер, Смирнов, 2018б)*. Никто из экспертов по территориальному развитию не отрицает, что территориальное обустройство России требует модернизации. Началось это с укрупнения регионов. На Севере потеряли статус субъектов РФ: Коми-Пермяцкий АО (вошел в Пермский край, 1 декабря 2005 г.), Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский АО (Красноярский край, 1 января 2007 г.), Корякский АО (Камчатский край, 1 июля 2007 г.).

Новые вызовы в развитии Севера России возникли с «появлением» российской Арктики, которая по ряду причин из глобальной периферии превратилась в глобальный фронтир. Придать новый импульс развитию Арктики государство вынуждено было как по факторам внутренней, так и внешней среды. Внутренние факторы – это исчерпание природных ресурсов в прилегающих к Арктике северных территорий, а внешние – это повышенный интерес мировых держав к арктическим территориям с их колоссальными запасами углеводородов. Почему это произошло именно в 2000-е гг.? – задается вопросом А. Н. Пилясов. Почему это не затронуло Север? Нет ответа. Сколько продлится действие феномена «сетевого заражения» интересом к Арктике?

В прежние годы обособление российского Севера и Арктики носило «неявный характер: по умолчанию, когда речь шла о Севере, имелись в виду вопросы социальной политики и трудового права, вопросы государственного управления и экономического развития, а когда об Арктике – вопросы обороны, морской деятельности и международного экологического сотрудничества. В этой схеме Арктика не имела самостоятельного значения, "вырастала" из Севера: специальных институтов для Арктики (норм, правил, регламентов) было существенно меньше, чем для Севера» *(Пилясов, 2015б, с. 4, 21)*.

В новых реалиях место и роль Арктики существенно изменились. И это не случайно. «В настоящее время накопилось существенное технологическое отставание России в технологической конкуренции в Арктике. Ожидается, что в ближайшие годы произойдет крупнейший в мире искусственно запрограммированный передел рынка углеводородов и полезных ископаемых. Следует опасаться беспрецедентной активности и масштаба поглощения именно российских компаний под видом партнеров из более дружественных стран, ангажированных международными корпорациями» *(Бондарева, 2018, с. 290)*. В этой связи бесспорно важны государственные программы и преференции по развитию арктических территорий, но «есть опасение, что северные территории, не вошедшие в Арктику, в очередной раз станут отдаленными, или "отделенными" от финансов, материальных ресурсов, внимания и протекционизма государства» *(Фаузер, Лыткина, Фаузер Г., 2017, с. 126)*.

Исследуя проблемы развития транспорта, Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов отмечают, что существует нерасторжимая связь хозяйства с транспортными системами – до такой степени, что можно говорить о едином промышленно-транспортном комплексе Арктики и Севера России *(Замятина, Пилясов, 2018б, с. 27–28)*.

В большинстве работ северные и арктические территории выступают единым регионом, однако, касаясь вопросов суверенитета Арктики, А. Н. Пилясов обратил внимание, что различия существуют, их суть в следующем:

– в экономике Арктики чаще представлены крупные корпорации, чем на Севере; в структуре инвестиций арктических регионов доминируют собственные средства предприятий, в районах Севера институциональная структура инвестиций более дисперсная, не такая концентрированно-корпоративная, как в Арктике;

– в системе расселения Арктики представлены крупные, средние и малые промышленные города и монопрофильные поселки, стационарные и вахтовые; на Севере более многочисленны агропромысловые села,

административные районные центры и сервисные поселки; арктическая система расселения, по сравнению с северной, в целом более городская, более концентрированная, более промышленная и менее стационарная;

– если разговоры о перенаселенности северных территорий и необходимости «разгрузить» уже созданную здесь сеть населенных мест, о необходимости тотального перехода к вахтовой модели освоения имеют под собой определенную почву, то к российской Арктике эти разговоры не состоятельны. Опустынивание этих пространств, давно и прочно заселенных, угрожает подрывом российского суверенитета *(Пилясов, 2017, с. 284, 286)*.

Еще один вид противоречий связан с тем, что, как считает Ф. Х. Соколова, «потенциальной угрозой может стать нарастание противоречий между новопоселенческим и старожильческим населением, прежде всего коренными малочисленными народами по параметрам: город (место концентрации иммигрантов) – село (территории преимущественного проживания коренных малочисленных народов); между необходимостью промышленного освоения Арктики и потребностью сохранения традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера, эффективность которого напрямую связана с экологической обстановкой, природной средой обитания, обеспечением их прав на законодательном уровне» *(Соколова, 2015, с. 163)*.

Сегодня нерешенные проблемы между ресурсными компаниями и КМНС приводят к открытому противостоянию. «Проводимые по Северу полевые исследования показывают, что промышленное освоение не только не обеспечивает роста уровня и качества жизни коренных народов, но подчас приводит к ухудшению их положения, способствует росту иждивенческих настроений» *(Хакназаров, 2018, с. 122–123)*. Идеология нефтяного общества тесно связана с верой в промышленное развитие и модернизацию, с асимметрией доступа к ресурсам и связанными с этим конфликтами, с исключением из процесса принятия решений слабых игроков, с доминированием экономических целей развития. Сложилось так, что традиционный образ жизни КМНС привязан к определенным территориям для выпаса оленей, охоты, рыбной ловли. Но зачастую именно эти территории оказываются богатыми нефтью и газом.

Развитие нефтедобычи ведет к сокращению земель для оленеводства и загрязнению рек, изменению маршрутов миграции животных. При этом коренные жители оказываются исключенными из процесса извлечения и распределения нефтяной ренты. Нефтяная экспансия делает невозможным сохранение прежнего образа жизни коренных жителей и меняет их культуру. Коренные народы вынуждены приспосабливаться к нефтяной идеологии. В восприятии местных жителей нефтяники являются «времен-

щиками» и «*варягами*», которые «*выкачают всю нефть и уйдут*», а местные жители останутся в разрушенной среде обитания. Поэтому бытует мнение о необходимости «*доить нефтяников*» и ожиданиями повсеместной помощи от них *(Тулаева, Тысячнюк, 2017, с. 71)*.

Еще один вид противоречий – это право на землю, он сродни тому, что возникал при колонизации *(Фаузер, Жеребцов, 2023, с. 9)*. Эти «наиболее острые противоречия восходят к представлениям промышленников о "ничейной" земле. Они считают, что коренные жители живут на земле компании, что компания оформила лицензию, а оказалось, что на этой территории кочуют оленеводы». Коренных жителей обвиняют в том, что они стоят на пути промышленного освоения, а сами пользуются его благами, ездят на машинах, снегоходах. Претензии КМНС сводятся к тому, что имеет место «нерациональное использование ресурсов, идет бытовое загрязнение леса и тундры, огромное количество отходов – промышленных и бытовых, которые оставляют после себя работники промышленных предприятий. В то же время они понимают "необходимость сосуществования с приезжими"» *(Новикова, 2016, с. 132–133)*. На наш взгляд, это самое сложное противоречие, которое решить без обоюдных потерь и уступок невозможно.

Смена вектора в развитии нормативно-правовых документов. С 2014 г. все программы развития и нормативно-правовые документы преимущественно касались исключительно АЗРФ. И уже через 4 года правовое пространство АЗРФ включало более 500 указов Президента РФ и федеральных законов, более сотни постановлений и распоряжений Правительства РФ *(Лексин, Порфирьев, 2018, с. 1125)*.

Чтобы понять, насколько сместился акцент с северной на арктическую проблематику в нормативно-правовых актах, проведен частотный анализ текстов опубликованных документов. Анализировались документы стратегического планирования федерального и регионального уровней (23 и 15 документов соответственно). В число федеральных документов вошли стратегии развития различных отраслей (транспорт, энергетика, наука, культура); стратегии пространственного развития, национальной, экономической и экологической безопасности, национальной политики, информационного общества, развития сельских территорий; концепции долгосрочного социально-экономического развития, демографической и миграционной политики, стратегии федеральных округов; указы о национальных целях и задачах. Региональные документы составили стратегии социально-экономического развития арктических регионов. Для сравнения анализировались также нормативно-правовые акты, направленные непосредственно на развитие российской Арктики (8 документов).

На языке программирования Julia с применением пакета анализа текстов StringAnalysis.jl реализован алгоритм, который позволил оценить частоту употребления слов «Север», «Арктика» и однокоренных с ними слов до и после 2014 г. Более подробно данная методика описана в статье об анализе социологических текстов *(Смирнов, 2023б)*. Результаты показывают, что по всем группам документов возросла частота употребления слова «Арктика» и снизилась частота слова «Север», что свидетельствует о повышении интереса к арктической проблематике (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Анализ стратегических документов федерального и регионального уровней применительно к северным и арктическим территориям

Документы	Количество анализируемых документов	Частота встречаемости на 1 млн. слов, ед.	
		«Арктика» / «арктический»	«Север» / «северный»
Федеральные стратегии 2006–2014 гг.	11	383	1467
Федеральные стратегии 2015–2021 гг.	12	447	467
Стратегии регионов Арктики 2008–2014 гг.	9	897	1748
Стратегии регионов Арктики 2015–2021 гг.	6	1135	1441
Арктическое законодательство 2008–2021 гг.	8	24 838	2967

Еще более показательно сравнение разных стратегий одних и тех же регионов, принятых до и после выделения Арктической зоны. Так, в Республике Коми стратегия до 2020 г. содержала всего пять упоминаний Арктики, а в стратегии до 2035 г. – 102 упоминания. В стратегиях ЯНАО число упоминаний возросло с 44 до 76, Карелии – с 6 до 19, Красноярского края – с 5 до 15. Это свидетельствует о том, что у руководителей региональных органов власти повысилось желание придать своим регионам арктический статус, встроить их развитие в федеральную арктическую повестку.

3.3. Численность и расселение населения Севера России

В начале XXI в. Север России столкнулся с множеством социально-экономических проблем. К их числу можно отнести: исчерпание углеводородного сырья в старообжитых территориях, что привело к сжатию городского пространства; пандемия коронавирусной инфекции COVID-19,

к распространению которой оказались особенно уязвимы северные социумы из-за концентрации населения преимущественно в городах *(Petrov, Welford, Golosov et al., 2021)*. В дальнейшем к ним могут добавиться новые проблемы. Такие как экономические и политические санкции, введенные в отношении России, диверсия на газопроводах «Северный поток», попытка ввести потолок цен на нефть и газ могут привести к снижению объема экспорта, что скажется на доходной части бюджетов и экономическом положении регионов Севера. На фоне социально-экономических проблем идет дальнейшее разрушение демографического и трудового потенциалов, что в конечном итоге может сказаться на устойчивости развития северных территорий. В этой связи актуальной является задача изучения демографической ситуации, сложившейся на Севере России к концу XX – началу XXI в. Особого внимания заслуживает динамика численности населения в последний межпереписной период (2010–2021 гг.).

Прежде чем перейти к анализу статистики, выделим основные демографические факторы, т. е. взаимосвязи, возникающие между демографическими процессами в ходе воспроизводства населения, формирования его возрастно-полового состава и численности *(Захарова, 2003, с. 315)*. Профессор Л. Л. Рыбаковский определяет их как движущуюся силу демографических изменений *(Рыбаковский, 1987, с. 139)*. Нас будут интересовать экономические и социальные факторы, которые могут оказывать прямое или косвенное воздействие на демографическую динамику.

Один из важнейших факторов – это специализация северных регионов на добыче и первичной переработке природных ресурсов. Поскольку запасы полезных ископаемых исчерпаемы, то и пгт и города, связанные с их добычей, имеют ограниченный срок жизни. Так, Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов делят нефтедобывающие территории на три группы по возрасту освоения: зоны пионерного освоения, староосвоенные зоны, зоны окружного резерва *(Замятина, Пилясов, 2017, с. 144–145; Замятина, 2019, с. 181)*. Пик численности населения и количества работников приходится на ранние стадии освоения, когда создается производственная и социальная инфраструктура. По мере освоения ресурсов стоимость их извлечения растет, и добыча может стать нерентабельной, что приводит к демографическому спаду *(Shiklomanov, Streletskiy, Suter et al., 2020)*.

Кроме того, трансформация экономической системы из плановой в рыночную *(Лыткина, 2005)* нарушила множество существовавших ранее производственных цепочек, привела к закрытию ряда добывающих населенных пунктов. Привести к сокращению рабочих мест может и повышение производительности труда за счет внедрения новых технологий добычи. Особенно сильно зависимость демографической динамики от эко-

номической ситуации на Севере проявляется в горнодобывающих населенных пунктах *(Смирнов, Лыткина, 2022, с. 23)*.

Экономика часто влияет на население посредством пространственных отношений *(Treivish, 2019)*. Удаленность от основных центров расселения усложняет социально-экономическое развитие *(Huskey, 2005; Замятина, Пилясов, 2018а)*. Если удаленные населенные пункты не поддерживаются специально из-за их геополитической важности и не обладают уникальными конкурентными преимуществами (огромные запасы ресурсов, расположение на ключевых транспортных путях), то они обречены на снижение количественных и качественных характеристик населения.

Причиной оттока населения является низкая привлекательность жизни на Севере как для старожилов, так и для трудовых мигрантов *(Ильин, 2022)*. Особенно подвержена миграционному оттоку молодежь *(Журавлев, 2021)*. Причинами оттока выступают: неблагоприятный климат, большая отдаленность от крупных городов, экологические проблемы, недостаточное разнообразие рабочих мест и образовательных учреждений, слабое развитие культуры и индустрии развлечений. В результате жители Севера переезжают в центральные и южные регионы.

Важным фактором стабильности населения является его этнический состав, поскольку миграционное, репродуктивное и самосохранительное поведение различаются у разных этнических групп *(Фаузер, Лыткина, Фаузер Г. и др., 2018)*. На миграционную подвижность и воспроизводство коренных малочисленных народов Севера оказывает влияние производственная деятельность ресурсных компаний, КМНС вынуждены приспосабливаться к ней или покидать места своего традиционного проживания *(Этнонациональные процессы, 2017)*. Миграционные установки коренных малочисленных народов Севера могут трансформироваться и под влиянием климатических изменений *(Hamilton, Saito, Loring et al., 2016)*.

Наиболее демографически устойчивыми *(Фаузер, Лыткина, Смирнов, 2018; Фаузер, Смирнов, 2023)* являются большие города и административные центры регионов *(Heleniak, Bogoyavlenskiy, 2014)*. Они имеют наиболее диверсифицированные рынки труда, высокую концентрацию населения и компаний (агломерационный эффект), сильнее насыщенны инфраструктурой, что делает их привлекательными направлениями миграций *(Karachurina, Mkrtchyan, 2022)*. Региональные столицы и их пригороды становятся «чуть ли не единственными точками позитивной динамики населения в подавляющем большинстве регионов России» *(Мкртчян, 2018, с. 35)*. В свою очередь потенциал развития региональных центров определяется наличием ресурсов на периферии – в городах и районах, которые служат для них источниками миграционного прироста *(Зубаревич, 2017,*

с. 13). При продолжающемся на протяжении многих десятилетий оттоке с периферии можно ожидать ухудшения динамики и в административных центрах северных регионов.

Таким образом, при изучении демографической динамики Севера России необходимо обращать внимание на этнический состав, пространственное расположение, экономическую специализацию и размер муниципальных образований. Поскольку социально-демографическое развитие Севера не является пространственно-однородным даже внутри одного региона *(Фаузер, Смирнов, Лыткина и др., 2022; Chaika, Mizerovskaya, 2021)*, изучать его следует на уровне муниципальных образований, населенных пунктов *(Петросян, Шевчук, Кириллов и др., 2019; Karlsdóttir, Heleniak, Kull et al, 2020)* или даже отдельных точек в географическом пространстве *(Zamyatina, Goncharov, Poturaeva et al, 2020)*.

Анализ численности населения и трансформации системы расселения производился на нескольких уровнях *(Фаузер, Смирнов, Фаузер, 2023)*. Во-первых, это макроуровень, где Север рассматривался целиком. Во-вторых, данные анализировались на уровне субъектов РФ. В-третьих, рассматривались данные на муниципальном уровне. В-четвертых, на уровне городских населенных пунктов – 141 город и 232 поселка городского типа.

Итоги переписи расходятся с данными регулярного статистического учета на конец 2021 г. Для некоторых территорий расхождение составляет более 30 %, а в целом по итогам переписи показатель численности населения Севера скорректирован в сторону уменьшения на 4,1 %. Такая ситуация возникает не впервые. После предыдущих переписей тоже оказывалось, что текущая оценка численности населения большинства северных регионов преувеличена *(Население Республики Коми, 2001)*. Люди сохраняют северную регистрацию для получения льгот или по иным причинам. Однако сильные расхождения на некоторых территориях также могут быть вызваны низким качеством проведения переписи. Определенную роль здесь сыграла пандемия коронавирусной инфекции, которая негативно отразилась на эмоциональном состоянии населения, привела к росту тревоги и снижению доверия к общественным институтам *(Нестик, 2020)*. Тем не менее итоги переписи дают ценные сведения о населении северных территорий, в особенности отдаленных.

Для пространственного анализа данных были построены карты-схемы с применением пакета VegaLite.jl и открытых геоданных проекта Natural Earth на языке программирования Julia.

Население Севера России сокращается на протяжении всего постсоветского периода, но темпы убыли снижаются, что обусловлено уменьшением демографического и трудового потенциалов. Если в 1989–2002 гг.

среднегодовой темп убыли составил 1,3 %, то в 2002–2010 гг. – уже 0,8 %, а в 2010–2021 гг. – 0,7 %. Всего с 2010 г. население сократилось на 751,9 тыс. человек, или на 7,4 %. Городское население при этом сократилось на 5,9 %, а сельское – на 12,6 % (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Население и показатели расселения на Севере России, переписи населения 1939–2021 годов

Показатель	Год							
	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Численность населения, тыс. чел.,	**4 232,0**	**6 907,3**	**8 417,1**	**10 181,0**	**12 807,8**	**10 818,9**	**10 158,4**	**9 406,5**
В том числе:								
Города	1 100,7	2 651,1	3 834,5	5 279,6	7 482,5	7 005,3	6 830,6	6 554,0
Пгт	341,9	1 563,1	1 809,2	2 138,1	2 392,5	1 385,6	1 077,1	886,2
Сельские населенные пункты	2 789,3	2 693,1	2 773,4	2 763,3	2 932,8	2 428,0	2 250,8	1 966,2
Городские населенные пункты, ед.	**104**	**411**	**487**	**544**	**588**	**494**	**404**	**373**
Города В том числе:	40	85	99	110	130	147	142	141
крупные (более 250 тыс. чел.)	1	1	2	3	8	6	7	5
большие (100–250 тыс. чел.)	1	4	9	12	9	11	10	13
средние (50–100 тыс. чел.)	3	9	6	10	21	14	12	10
малые (менее 50 тыс. чел.)	35	71	82	85	92	116	113	113
Пгт	64	326	388	434	458	347	262	232
Распределение жителей – всего, %	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**
Города в том числе:	26,0	38,4	45,6	51,9	58,4	64,8	67,2	69,7
крупные (более 250 тыс. чел.)	6,7	3,7	7,7	10,1	19,6	16,5	19,8	17,1
большие (100–250 тыс. чел.)	2,8	9,3	15,8	19,1	11,6	16,7	16,3	23,0
средние (50–100 тыс. чел.)	4,6	8,8	4,8	6,0	11,2	8,9	8,3	6,9
малые (менее 50 тыс. чел.)	11,9	16,5	17,2	16,7	16,0	22,7	22,9	22,7

Окончание таблицы 3.3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пгт	8,1	22,6	21,5	21,0	18,7	12,8	10,6	9,4
Сельские населенные пункты	65,9	39,0	32,9	27,1	22,9	22,4	22,2	20,9
Средняя людность городских населенных пунктов, чел.								
Города	27 519	31 189	38 733	47 996	57 558	47 655	48 103	46 482
Пгт	5 343	4 795	4 663	4 927	5 224	3 993	4 111	3 820

Примечание: переписи населения 1939–1979 гг. – наличное население; 1989–2021 гг. – постоянное население.

Произошли изменения и в расселении населения. Число городов сократилось со 142 до 141, так как Шахтерск в Сахалинской области получил статус пгт. Количество пгт снизилось с 262 до 232. Два города потеряли статус крупных (свыше 250 тыс. жителей) – это Комсомольск-на-Амуре и Петрозаводск. Помимо них в разряд «больших» городов с численностью от 100 до 250 тыс. жителей перешел Ханты-Мансийск, ранее относившийся к средним (от 50 до 100 тыс. человек). В результате на 6,7 п. п. возросла доля населения, проживающего в больших городах. Удельный вес всех остальных категорий городов в населении уменьшился. В целом в городах на Севере проживает уже 69,7 % населения, что говорит о крайне высокой степени урбанизации. Доля поселков городского типа в структуре населения снизилась на 1,2 п. п. и составила 9,4 %, а сельских – на 1,3 п. п. – до 20,9 %. Средняя людность как городов, так и пгт уменьшилась, на 3,4 и 7,1 % соответственно.

Пространственная дифференциация демографических изменений проявляется уже в разрезе северных регионов РФ. Население сократилось в 20 из 24 регионов. Исключениями стали Ханты-Мансийский АО и республики Тыва, Саха (Якутия) и Алтай. Все они расположены в азиатской части Севера. Эти регионы стабильно демонстрировали естественный прирост населения на протяжении всего межпереписного периода. В случае Ханты-Мансийского АО, являющегося главным центром нефтедобычи, естественный прирост сочетался с миграционным, в результате чего численность населения выросла на 11,7 %. В других трех регионах, показавших прирост численности, миграционный баланс был отрицательным. Среди 21 региона, имеющего городское население, его численность уменьшилась в 17. В то же время сельское население сократилось в 21 регионе (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Изменение численности населения по регионам Севера России, переписи населения 2010 и 2021 годов

Регион	2010 г., тыс. человек			2021 г., тыс. человек			Изменение, 2010–2021 гг., %		
	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Север России	**10 158,4**	**7 907,7**	**2 250,8**	**9 406,5**	**7 440,2**	**1 966,2**	**-7,4**	**-5,9**	**-12,6**
Европейский Север	**3 567,8**	**2 863,0**	**704,8**	**2 959,0**	**2 405,5**	**553,6**	**-17,1**	**-16,0**	**-21,5**
Республика Карелия	643,5	502,2	141,3	533,1	423,7	109,4	-17,2	-15,6	-22,6
Республика Коми	901,2	693,4	207,8	737,9	571,6	166,3	-18,1	-17,6	-20,0
Архангельская область	1 227,6	929,0	298,7	1 020,3	788,6	231,7	-16,9	-15,1	-22,4
Ненецкий АО	42,1	28,5	13,6	41,4	30,7	10,8	-1,6	7,4	-20,5
Мурманская область	795,4	738,4	57,0	667,7	621,6	46,1	-16,1	-15,8	-19,2
Азиатский Север	**4 349,2**	**3 451,2**	**898,0**	**4 496,2**	**3 631,7**	**864,5**	**3,4**	**5,2**	**-3,7**
Республика Саха (Якутия)	958,5	614,5	344,0	995,7	665,1	330,6	3,9	8,2	-3,9
Республика Тыва	307,9	163,4	144,5	336,7	183,9	152,7	9,3	12,6	5,7
Камчатский край	322,1	249,2	72,9	291,7	227,1	64,6	-9,4	-8,9	-11,4
Магаданская область	157,0	149,8	7,2	136,1	131,1	5,0	-13,3	-12,5	-31,0
Сахалинская область	498,0	397,1	100,9	466,6	384,5	82,1	-6,3	-3,2	-18,6
Ханты-Мансийский АО	1 532,2	1 401,4	130,8	1 711,5	1 575,4	136,1	11,7	12,4	4,1
Чукотский АО	50,5	32,7	17,8	47,5	32,4	15,1	-6,0	-1,1	-15,1
Ямало-Ненецкий АО	522,9	443,0	79,9	510,5	432,3	78,2	-2,4	-2,4	-2,0
Регионы, входящие в Север частично	**2 241,5**	**1 593,4**	**648,1**	**1 951,3**	**1 403,1**	**548,2**	**-12,9**	**-11,9**	**-15,4**

Окончание таблицы 3.4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Республика Алтай	29,7	0,0	29,7	30,0	0,0	30,0	1,0	–	1,0
Республика Бурятия	105,7	54,5	51,2	91,0	46,7	44,3	-13,9	-14,2	-13,6
Забайкальский край	23,2	10,3	12,9	18,8	9,2	9,6	-19,0	-10,2	-26,0
Красноярский край	455,2	333,9	121,4	412,0	306,1	105,8	-9,5	-8,3	-12,8
Пермский край	32,2	0,0	32,2	27,8	0,0	27,8	-13,6	–	-13,6
Приморский край	108,8	79,9	28,9	89,8	64,5	25,3	-17,5	-19,3	-12,5
Хабаровский край	565,0	458,0	107,0	495,0	406,1	88,8	-12,4	-11,3	-16,9
Амурская область	105,8	69,5	36,3	81,8	53,1	28,7	-22,7	-23,6	-20,9
Иркутская область	588,9	510,6	78,4	505,6	447,6	58,1	-14,1	-12,3	-25,9
Томская область	207,5	76,8	130,7	180,9	69,7	111,2	-12,8	-9,2	-15,0
Тюменская область (без АО)	19,5	0,0	19,5	18,7	0,0	18,7	-3,9	–	-3,9

Еще в трех регионах, связанных с добычей нефти и газа, убыль не превысила 5 % – Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа и Тюменская область (без учета АО). Убыль в интервале от 5 до 10 % продемонстрировали четыре региона: Чукотский АО, Сахалинская область, Камчатский и Красноярский края. Половина северных субъектов РФ вошла в группу с убылью от 10 до 20 %. Из регионов, относящихся к Северу полностью, самая высокая убыль зафиксирована в Республике Коми (18,1 %), Республике Карелия (17,2 %), Архангельской области (16,9 %) и Мурманской области (16,1 %). Эти регионы занимают четыре последние позиции по динамике численности населения не только среди северных, но и среди всех регионов России. Все они находятся на Европейском Севере. В противоположность им на Азиатском Севере в целом численность населения даже увеличилась – на 3,4 %. Среди регионов, относящихся к Северу частично, худшая динамика на северных территориях Амурской области (убыль 22,7 %), Забайкальского края (19,0 %) и Приморского края (17,5 %).

Учитывая, что внутри регионов ситуация еще более неравномерна, рассмотрим демографическую динамику на муниципальном уровне. Из 294 северных муниципальных образований первого уровня только в 57 (19,4 %) численность населения увеличилась в 2010–2021 гг. Из них в евро-

пейской части России расположены всего три: городской округ Нарьян-Мар, Приморский и Прионежский муниципальные районы. Больше всего муниципальных образований с положительной динамикой в Республике Тыва (16 из 19), Ханты-Мансийском АО (15 из 22), Республике Саха (10 из 36) и Ямало-Ненецком АО (6 из 13). Численность городского населения выросла в 38 муниципальных образованиях, а сельского – в 44. Места с лучшей демографической динамикой локализованы в пространстве – выделяются Западная Сибирь, Якутия и районы, находящиеся на юге Сибири вблизи границы с Монголией (рис. 3.5).

За исключением Кызылского и Тандинского муниципальных районов (Тыва), в число пятнадцати лучших муниципальных образований по изменению численности населения вошли только городские округа. Наибольший прирост в ГО Губкинский (42,6 %), ГО Ханты-Мансийск (34,1 %), ГО Якутск (30,3 %), Кызылском МР (29,7 %) и ГО Сургут (29,3 %). Более четверти населения потеряли 47 муниципальных образований. Самая большая убыль в ГО Северо-Эвенский (40,7 %), ГО Тенькинский (–40,7 %), МР Мамско-Чуйский (–39,1 %), МР г. Бодайбо и Бодайбинского района (–38,0 %), ГО Инта (–37,9 %), МР Удорский (–36,9 %), ГО Ягоднинский (36,6 %). Мест, где концентрируются муниципалитеты с отрицательной динамикой, на Севере больше. Это практически вся европейская часть Севера, Магаданская область, районы вблизи Байкала, Амурская область, Камчатский край и др.

В 2010 г. в 59 из 294 (20,1 %) муниципальных образований численность мужчин превосходила численность женщин. К 2021 г. соотношение полов стало еще менее сбалансированным – 42 муниципальных образования с преобладанием мужчин (14,3 % от общего числа). В целом по Северу доля мужчин в 2010 г. составляла 47,9 %, а в 2021 снизилась до 47,4 %. Только в 19 из 294 муниципальных образований доля мужчин увеличилась. В некоторых городах и районах фиксируются существенные изменения состава населения по полу. Например, в МР Удорский доля мужчин сократилась на 7,3 п. п., ГО Курильский – на 7,2 п. п., МО Приуральский – на 6,2 п. п. Самый большой прирост доли мужчин зафиксирован в ГО Ягоднинский (3,8 п. п.) и ГО Среднеколымский (3,2 п. п.) Магаданской области и в Каларском МО Забайкальского края (2,9 п. п.). В 2021 г. самая высокая доля мужчин отмечена на некоторых островных территориях: ГО Новая Земля (72,2 %), ГО Курильский (57,0 %) и ГО Южно-Курильский (54,4 %). Самая высокая доля женщин в муниципальных образованиях Карелии: ГО Петрозаводск (56,3 %), МР Питкярантский (56,0 %) и МР Беломорский (55,9 %). В про-

странстве преимущественно мужские территории расположены в основном на Дальнем Востоке и в Западной Сибири (рис. 3.6).

Проанализируем степень пространственной неравномерности расселения и размещения экономики. Для этого построим кривые Лоренца и рассчитаем коэффициенты Джини по двум показателям, отдельно для европейской и азиатской частей Севера. Первый показатель – это численность населения по муниципальным образованиям к занимаемой ими площади. Второй показатель характеризует экономическую деятельность, это объем отгруженных товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в разрезе тех же муниципальных образований. Полученные результаты демонстрируют ряд закономерностей (рис. 3.7). Коэффициенты Джини показывают, что на Европейском Севере население размещено более равномерно по площади, чем экономика, а на Азиатском – наоборот. В европейской части на 10 % самой освоенной площади приходится 71,7 % населения и 80,7 % экономики, в азиатской – 78,2 % населения и 77,4 % экономики соответственно. Более равномерное размещение населения на Европейском Севере объясняется относительно большим сельским населением в наиболее благоприятных климатических зонах – Архангельской области, на юге Карелии и Республики Коми. Если рассматривать Север России целиком, то всего на 1 % самой заселенной территории проживают 61,6 % жителей и размещены около 38 % экономики.

Лидерами по плотности населения закономерно являются городские округа, такие как Петрозаводск (2074 человека на 1 кв. км), Мурманск (1608), Сургут (1120), Нижневартовск (1044) и Архангельск (1039). Последние места занимают территории в азиатской части России: МР Аяно-Майский (0,011), МР Оленекский эвенкийский нац. (0,014), ГО Северо-Эвенский (0,015). Лучшими по объему экономической деятельности на единицу площади территории стали следующие МО: Костомукша (4312 млн руб. за год на 1 кв. км), Сургут (2691), Мурманск (1729), Нарьян-Мар (1692), Коряжма (1351), Новодвинск (1206). Помимо крупнейших по населению городских округов в число ведущих вошли городские округа с площадью менее 50 кв. км: Костомукша, Коряжма и Новодвинск. Аутсайдерами по объему товаров и услуг на единицу площади стали МР: Жиганский нац., Оленекский эвенкийский нац. и Эвено-Бытантайский нац. (все по 5 тыс. руб. на 1 кв. км). Более интересно распределение муниципальных образований по объему отгруженных товаров и услуг на одного жителя. Здесь опережают сырьевые слабозаселенные территории: МР Катангский (90 млн. руб. на человека), Ямальский (72), Пуровский (52), Туруханский (50), ГО

Ногликский (45). Одновременно с этим в 32 муниципальных образованиях показатель составил меньше 50 тыс. руб. на человека.

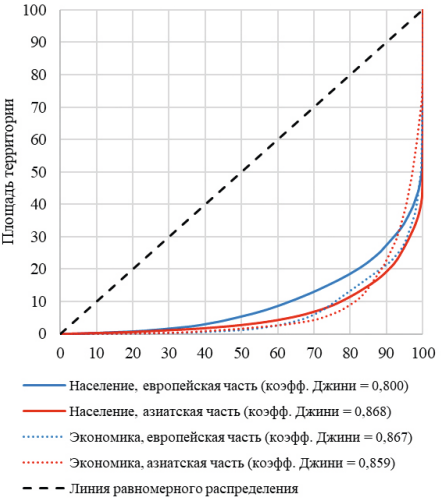

Рис. 3.7. Неравномерность размещения населения и экономики по частям Севера России, перепись населения 2021 г., %

В городах и пгт проживает 79,1 % населения Севера России. Из 141 города только в 30 (21,3 %) численность населения повысилась с 2010 г. Среди крупных городов число жителей увеличилось в 3 из 5, больших – 4 из 13, средних – 3 из 10, малых – 20 из 113. Из 232 пгт население выросло всего в 27 (11,6 %). Среди городов, продемонстрировавших лучшую динамику, выделяются в основном три группы. В первой – региональные столицы: Ханты-Мансийск (рост 34,1 %), Якутск (31,8 %), Кызыл (13,9 %), Салехард (12,6 %). Во второй – специализирующиеся на добыче и транспортировке нефти и газа: Губкинский (42,6 %, высокий прирост во многом стал результатом включения в состав города пгт Пурпе), Сургут (29,3 %), Нягань (17,5 %), Нижневартовск (12,5 %). В третьей – города, занимающие выгодное географическое положение (рис. 3.8) – форпосты на Севере или входящие в агломерации *(Фаузер, Смирнов, Лыткина и др., 2021)* столичных городов: Покровск (26,6 %), Курильск (22,2 %). Худшая динамика в основном у малых городов и некоторых добывающих городов раннего освоения, находящихся на поздних стадиях ресурсного цикла: Инта (–36,8 %), Воркута (–19,2 %). В Воркуте количество действующих угольных шахт сократилось с 13 до 5, в Инте добыча угля прекращена совсем.

Распределение городов и пгт по приросту численности населения различается. Большинство городов (62 % от общего числа) потеряли от 5 до 20 % населения. Поселки городского типа в основном сократились на величину от 10 до 35 %. Однако есть довольно большая группа из 32 поселков, потерявших свыше 40 % населения. В основном это малые населенные пункты, численность которых не превышает нескольких тысяч человек (табл. 3.5). Исключение – угледобывающий поселок Воргашор в Республике Коми, население которого сократилось с 12,0 до 6,6 тыс. человек. Поселок Северный, также относящийся к ГО Воркута, сократился еще сильнее – с 7,9 до 3,7 тыс. человек – почти на 60 % всего за 11 лет. Одна из причин – взрыв на шахте «Северная» в 2016 г.

Таблица 3.5

Группировка городов и поселков городского типа Севера России по изменению численности населения, переписи населения 2010 и 2021 годов

Границы прироста (убыли), %	Города	Поселки городского типа с численностью населения свыше 5 тыс. человек
от 35,1 до 44,9	Губкинский	Нижний Бестях
от 30,1 до 35,0	*Якутск, Ханты-Мансийск*	Каа-Хем
от 25,1 до 30,0	Сургут, Покровск	-
от 20,1 до 25,0	Курильск	Излучинск, Жатай, Барсово
от 15,1 до 20,0	Советский	Федоровский, Южно-Курильск
от 10,1 до 15,0	*Нижневартовск, Кызыл,* Нягань, Салехард, Югорск	Белый Яр
от 5,1 до 10,0	Когалым, Мегион, Лянтор, Нарьян-Мар, Шагонар, Чадан, Анива	Ноглики, Тымовское, Смирных, Искателей, Новый Ургал
от 0,0 до 5,0	*Нефтеюганск, Новый Уренгой,* Радужный, Лангепас, Урай, Корсаков, Алдан, Анадырь, Удачный, Билибино, Туран	Ванино, Пангоды, Междуреченский, Приобье
от –5,0 до –0,1	*Южно-Сахалинск, Норильск,* Надым, Пыть-Ях, Северобайкальск, Вилючинск, Вихоревка, Белоярский, Тарко-Сале, Поронайск, Долинск, Нюрба, Вилюйск, Певек	Пойковский, Айхал, Октябрьский (Архангельская обл.), Белый Яр, Октябрьский (Хабаровский край)

Окончание таблицы 3.5

от –10,0 до –5,1	*Комсомольск-на-Амуре, Братск, Сыктывкар, Петропавловск-Камчатский, Ноябрьск,* Магадан, Усть-Илимск, Котлас, Лесосибирск, Стрежевой, Елизово, Мирный (Респ. Саха), Мирный (Архангельская обл.), Костомукша, Лабытнанги, Вельск, Оленегорск, Енисейск, Покачи, Заполярный, Полярные Зори, Ак-Довурак, Невельск, Томари, Северо-Курильск	Солнечный, Чегдомын, Высокий, Ола, Нижний Куранах
от –15,0 до –10,1	*Архангельск, Мурманск, Петрозаводск,* Нерюнгри, Североморск, Мончегорск, Амурск, Коряжма, Дальнегорск, Муравленко, Кировск, Советская Гавань, Ленск, Колпашево, Оха, Дудинка, Кодинск, Киренск, Кола, Каргополь, Олекминск, Питкяранта, Макаров, Среднеколымск	Кавалерово, Эльбан, Новая Игирма, Новоаганск, Заветы Ильича, Краснозатонский, Березово, Усть-Баргузин, Северо-Енисейский
от –20,0 до –15,1	*Северодвинск,* Ухта, Воркута, Апатиты, Усть-Кут, Печора, Новодвинск, Кандалакша, Холмск, Железногорск-Илимский, Николаевск-на-Амуре, Няндома, Ковдор, Гаджиево, Александровск-Сахалинский, Олонец, Шенкурск, Мезень	Вычегодский, Коноша, Плесецк, Игрим, Жешарт, Ярега, Троицко-Печорск, Железнодорожный, Магистральный
от –25,0 до –20,1	Усинск, Тында, Кондопога, Сегежа, Сосногорск, Зея, Онега, Сортавала, Медвежьегорск, Емва, Кемь, Снежногорск, Вуктыл, Микунь, Углегорск, Пудож, Томмот, Лахденпохья, Сусуман, Сольвычегодск	Никель, Таксимо, Нижний Одес, Шахтерск, Ревда, Савинский, Хандыга, Мохсоголлох, Харп
от –30,0 до –25,1	Полярный, Кедровый	Чульман, Надвоицы
от –35,0 до –30,1	Заозерск, Беломорск, Островной	Мурмаши
от –40,0 до –35,1	Инта, Суоярви, Верхоянск	–
от –45,0 до –40,1	Бодайбо, Игарка	Уренгой, Зеленоборский
от –50,0 до –45,1	–	Воргашор

Примечания: 1. Курсивом выделены города с численностью населения на 2021 г. свыше 100 тыс. человек. 2. Населенные пункты, не имевшие населения в 2010 г., не учитывались.

Рис. 3.1. Районирование Севера России, 1945 г.

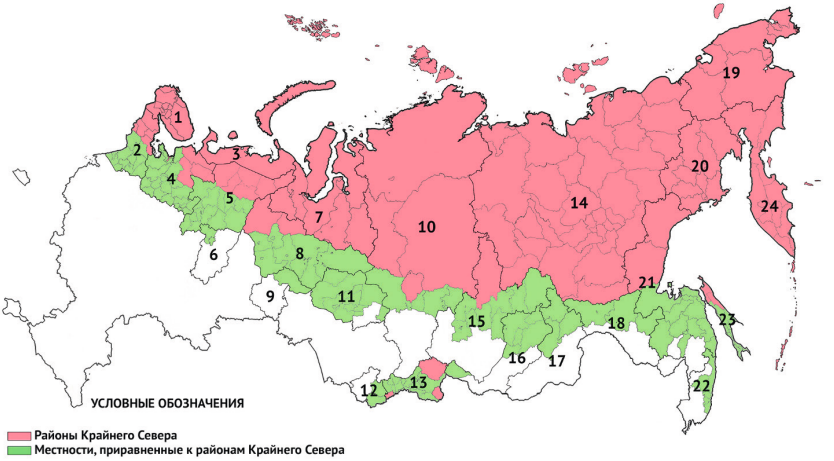

Рис. 3.2. Районирование Севера России, 1983 г.

1 – Мурманская область, 2 – Республика Карелия, 3 – Ненецкий автономный округ (АО), 4 – Архангельская область, 5 – Республика Коми, 6 – Пермский край, 7 – Ямало-Ненецкий АО, 8 – Ханты-Мансийский АО, 9 – Тюменская область, 10 – Красноярский край, 11 – Томская область, 12 – Республика Алтай, 13 – Республика Тыва, 14 – Республика Саха (Якутия), 15 – Иркутская область, 16 – Республика Бурятия, 17 – Забайкальский край, 18 – Амурская область, 19 – Чукотский АО, 20 – Магаданская область, 21 – Хабаровский край, 22 – Приморский край, 23 – Сахалинская область, 24 – Камчатский край.

Рис. 3.3. Районирование Севера России, 2014 г.

Рис. 3.4. Районирование Севера России, 2024 г.

1 – Мурманская область, 2 – Республика Карелия, 3 – Ненецкий автономный округ (АО), 4 – Архангельская область, 5 – Республика Коми, 6 – Пермский край, 7 – Ямало-Ненецкий АО, 8 – Ханты-Мансийский АО, 9 – Тюменская область, 10 – Красноярский край, 11 – Томская область, 12 – Республика Алтай, 13 – Республика Тыва, 14 – Республика Саха (Якутия), 15 – Иркутская область, 16 – Республика Бурятия, 17 – Забайкальский край, 18 – Амурская область, 19 – Чукотский АО, 20 – Магаданская область, 21 – Хабаровский край, 22 – Приморский край, 23 – Сахалинская область, 24 – Камчатский край.

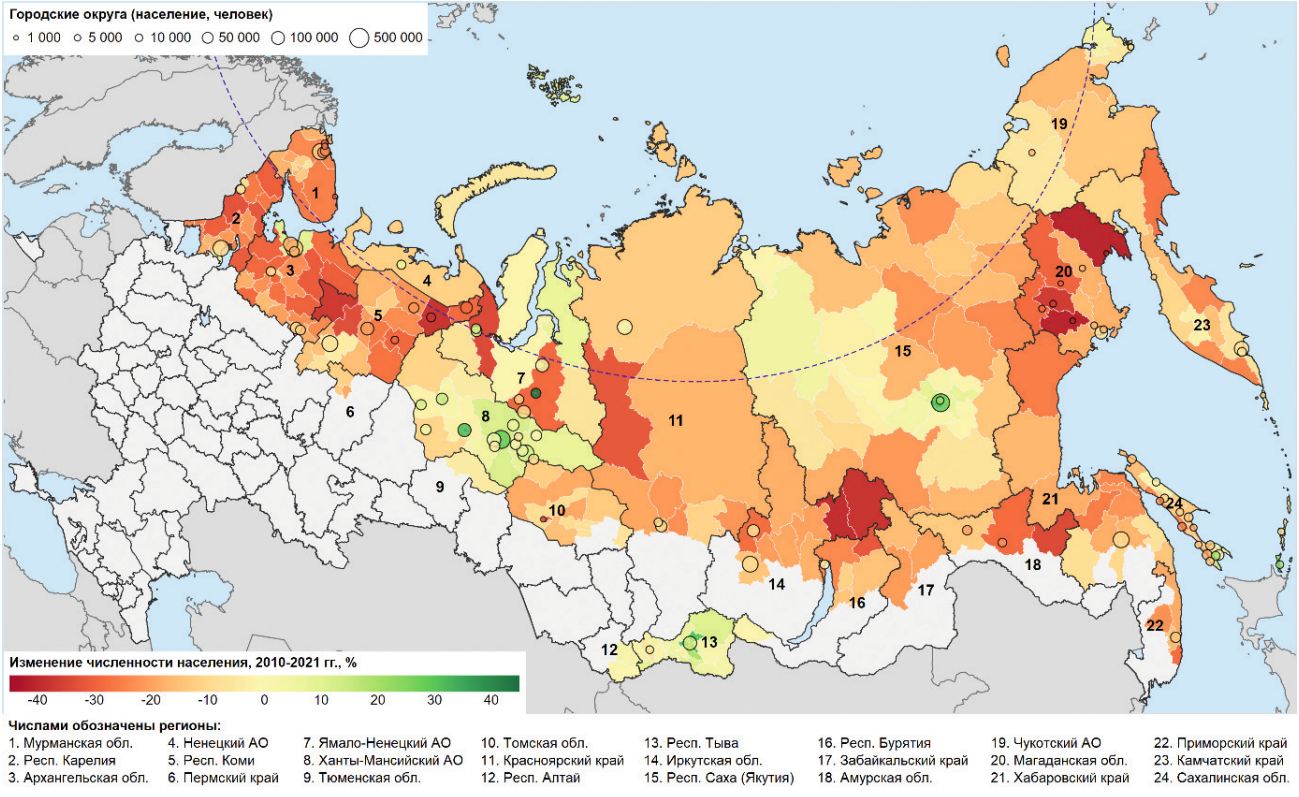

Рис. 3.5. Изменение численности населения по муниципальным образованиям Севера России, 2010 и 2021 гг.

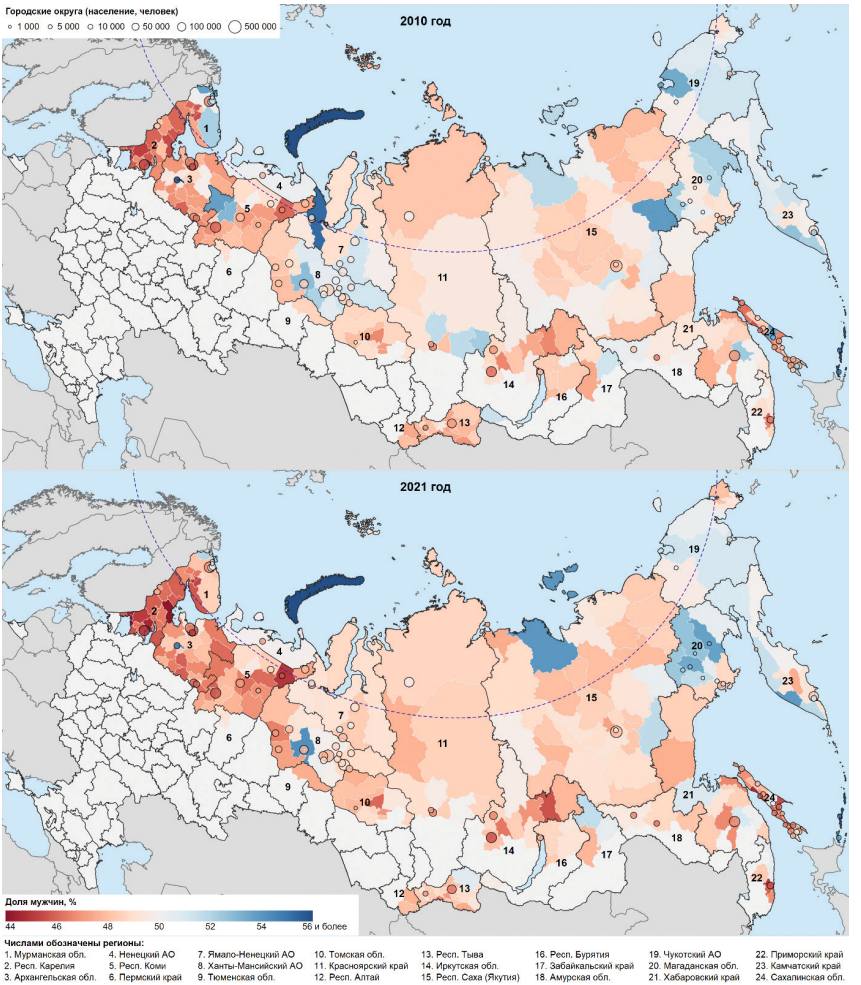

Рис. 3.6. Доля мужчин по муниципальным образованиям Севера России, 2010 и 2021 гг.

Рис. 3.8. Изменение численности населения по городским населенным пунктам Севера России, 2010 и 2021 гг.

Рассмотрим на более длительном временном отрезке – с 1989 г. – динамику численности населения городов, имеющих или имевших в отдельные периоды численность свыше 100 тыс. человек. На Севере России таких городов 22. Общая численность их населения достигала максимума в 1989 г. – 4,4 млн. Различия даже между большими городами радикальны. Если Ханты-Мансийск вырос за 1989–2021 гг. втрое, Якутск – почти вдвое, а Сургут и Кызыл – в полтора раза, то Воркута потеряла свыше половины населения, Мурманск, Магадан, Петропавловск-Камчатский и Северодвинск – около 40 %. В 1989 г. крупнейшими городами на Севере были Архангельск и Мурманск, население которых превосходило 400 тыс. человек. Сегодня крупнейшими городами стали Сургут и Якутск. Рост первого связан с экономической специализацией, а второго – с внутрирегиональной миграцией. Якутск – главный образовательный и культурный центр региона, стягивающий молодое население со всех частей Якутии (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Динамика численности населения городов Севера России, в разные годы имевших численность населения свыше 100 тыс. человек, переписи населения 1989–2021 годов

Город	Численность населения, тыс. человек				Изменение численности населения, %	
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2010–2021 гг.	1989–2021 гг.
1	2	3	4	5	6	7
Ханты-Мансийск	35,5	54,0	80,2	107,5	34,1	202,8
Якутск	187,7	210,6	269,6	355,4	31,8	89,4
Сургут	250,2	285,0	306,7	396,4	29,3	58,5
Кызыл	83,8	104,1	109,9	125,2	13,9	49,4
Нефтеюганск	94,6	107,8	122,9	124,7	1,5	31,9
Южно-Сахалинск	156,3	175,1	181,7	181,6	-0,1	16,1
Нижневартовск	244,8	239,0	251,7	283,3	12,5	15,7
Ноябрьск	87,1	96,4	110,6	100,2	-9,4	15,0
Новый Уренгой	95,3	94,5	104,1	107,3	3,0	12,6
Норильск	179,8	134,8	175,4	174,5	-0,5	-3,0
Сыктывкар	231,7	230,0	235,0	220,6	-6,1	-4,8
Петрозаводск	269,6	266,2	262,0	234,9	-10,3	-12,9
Братск	257,6	259,3	246,3	224,1	-9,0	-13,0
Комсомольск-на-Амуре	316,2	281,0	263,9	238,5	-9,6	-24,6
Архангельск	416,8	356,1	348,8	301,2	-13,6	-27,7
Усть-Илимск	110,3	100,6	86,6	79,6	-8,1	-27,9

Окончание таблицы 3.6

1	2	3	4	5	6	7
Ухта	112,9	103,3	99,6	79,9	-19,8	-29,2
Северодвинск	253,9	201,6	192,4	157,2	-18,3	-38,1
Петропавловск-Камчатский	273,4	198,0	179,8	164,9	-8,3	-39,7
Магадан	151,5	99,4	96,0	90,8	-5,4	-40,1
Мурманск	472,3	336,1	307,3	270,4	-12,0	-42,7
Воркута	115,3	84,9	70,5	57,0	-19,2	-50,6

Примечание: ранжировано в порядке убывания по последнему столбцу.

Женщины преобладают в 288 городах и пгт, включая все средние, большие и крупные города, а мужчины – в 77. Из городов с населением свыше 100 тыс. жителей самая высокая доля мужчин в Норильске (49,8 %) и Нижневартовске (49,3 %). В Петрозаводске, Архангельске, Братске и Сыктывкаре она не достигает даже 45 %. Если исключить пгт с населением менее 1 тыс. человек, то самая высокая доля мужчин в пгт Белушья Губа (67,7 %) на Новой Земле, пгт Уптар (64,7 %) и пгт Харп (62,8 %). Самая высокая доля женщин в карельских населенных пунктах: пгт Вяртсиля (57,2 %), городах Питкяранта и Сортавала (по 57,0 %).

Результаты анализа раскрывают изменения демографического ландшафта на Севере России. Исследование вносит вклад в понимание пространственных закономерностей демографических процессов в межпереписной период 2010–2021 гг., классифицирует все городские населенные пункты Севера России по изменению численности населения.

Глава 4

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

4.1. Рождаемость населения в северных регионах России

В 2016 г. уровень рождаемости населения России вновь опустился ниже уровня смертности – в стране начался второй этап естественной убыли населения. В отличие от первого этапа (1992–2012 гг.), начало которого было обусловлено пересечением встречных негативных динамик рождаемости и смертности: снижающимся с 1988 г. уровнем рождаемости и увеличивающимся с 1990 г. уровнем смертности, второй этап, зафиксированный после всего лишь трехлетнего периода положительного естественного прироста, первые четыре года наблюдался в условиях сокращения смертности, т. е. детерминировался только снижением рождаемости. Начавшись в 2016 г., оно в тот же год имело следствием переход режима воспроизводства населения страны к отрицательному естественному приросту. Возобновление с началом современного этапа снижения рождаемости естественной убыли населения и реализация в России просемейной демографической политики, имеющей региональную специфику, определяют значительную актуальность региональных исследований в области рождаемости.

Наиболее адекватно уровень рождаемости отражает величина суммарного коэффициента рождаемости (далее – СКР). Для условного поколения года наблюдения суммарный коэффициент означает число детей, которые могут быть рождены в среднем одной женщиной на протяжении всей жизни при условии сохранения неизменными возрастных показателей рождаемости, наблюдающихся в год расчета. Это достаточно точная характеристика текущего уровня рождаемости, поскольку в отличие от общего коэффициента не зависит от особенностей половозрастной структуры *(Демографическая энциклопедия, 2013, с. 819)*, т. е. дает возможность делать

не только динамический анализ процессов рождаемости, но и межрегиональные сравнения.

После 12-летнего периода снижения рождаемости населения России в 1987–1999 гг., в течение которого суммарный коэффициент сократился с 2,190 детей на одну женщину до абсолютного минимума для страны – 1,157 детей[33], в России был довольно продолжительный период повышения рождаемости, охвативший 2000–2015 гг. За 16 лет роста величина суммарного коэффициента увеличилась до 1,762 детей в 2015 г. В 2016 г. начался новый этап сокращения рождаемости – к 2023 г. СКР уменьшился в стране до 1,410 детей (рис. 4.1).

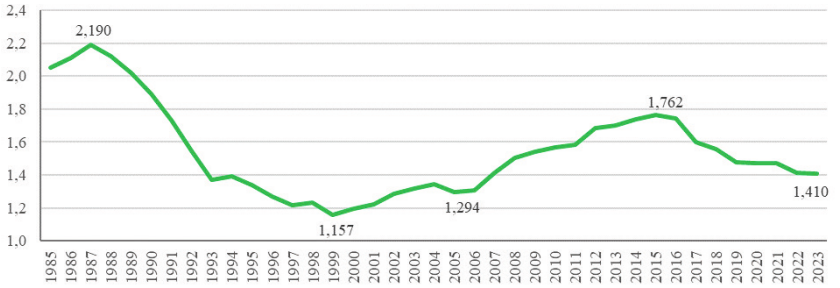

Рис. 4.1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения Российской Федерации, 1985–2023 гг., детей на одну женщину в течение всего репродуктивного периода

С одной стороны, современное снижение рождаемости определяется ухудшением возрастной структуры женщин детородного возраста, начавшимся еще в 2010–2011 гг., когда малочисленные поколения 1990-х гг. рождения стали достигать активных репродуктивных возрастов. Запаздывание начала снижения по срокам было обусловлено принципиально новыми мерами демографической политики: учреждением в 2007 г. федерального материнского капитала на второго (последующего) ребенка[34] и введением в 2011 г. в субъектах федерации региональных семейных капиталов на третьих (последующих) детей. Реализация этих мер не только восстановила растущий тренд рождаемости после сокращения в 2005 г. (с 1,344 детей в 2004 г. до 1,294), но и позволила продлить позитивные тенденции уже в условиях негативного действия структурного

[33] Здесь и далее: Официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.07.2024).

[34] О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=356864 (дата обращения: 20.07.2024).

фактора *(Римашевская, Доброхлеб, Янчук, 2012; Зверева, 2013; Синельников, 2013; Архангельский, 2014).*

С другой стороны, рост рождаемости после введения материнских капиталов во многом определялся изменением календаря рождений: их уплотнением в стремлении успеть воспользоваться новыми мерами, действие которых несколько раз продлевалось, но до сих пор осталось ограниченным по срокам. Досрочное исчерпание итоговой плодовитости поколений, наиболее репродуктивные возрасты которых пришлись на период учреждения материнских капиталов, является фактором, усиливающим структурное понижение рождаемости.

Кроме того, оба крупномасштабных мероприятия демографической политики оказались адресованными в основном многочисленным когортам 1980-х гг. рождения, а также более старшим поколениям, которые в момент начала их реализации были в возрастах вторых, третьих и более рождений и смогли максимально реализовать существовавшие у них установки детности и даже пересмотреть их в сторону повышения. Малочисленные поколения 1990-х гг. рождения и последующие, также немногочисленные когорты 2000-х гг., получили стимулирующее воздействие материнских капиталов на уровень своих репродуктивных установок в значительно меньшей степени. В то же время модели репродуктивного поведения (уровень установок детности, характер и степень их реализации) именно этих поколений определяют уровень рождаемости в настоящее время и в ближайшей перспективе. Таким образом, современное снижение рождаемости определяется как минимум тремя сильнодействующими факторами.

Уровень рождаемости в целом по стране определяется особенностями рождаемости населения ее регионов. В России существует заметная региональная дифференциация рождаемости, определяемая прежде всего сохранившимися этническими особенностями репродуктивного поведения коренных этносов тех или иных территорий. В 2023 г. самые высокие уровни рождаемости зафиксированы в Чеченской Республике (2,660 детей) и Тыве (2,442), самые низкие – в Ленинградской (0,880 детей) и Смоленской (1,033) областях. В условиях реализации в стране просемейной демографической политики, имеющей свою специфику в каждом регионе, определенное влияние на уровень рождаемости оказывают также различия в уровне социально-экономического развития регионов и весомость в них мер демографической политики.

В большинстве северных регионов России (рассматриваются 13 субъектов федерации, вся территория которых относится к районам Крайнего Севера или приравненным к ним местностям) уровень суммарного коэффициента рождаемости выше среднего по стране (рис. 4.2).

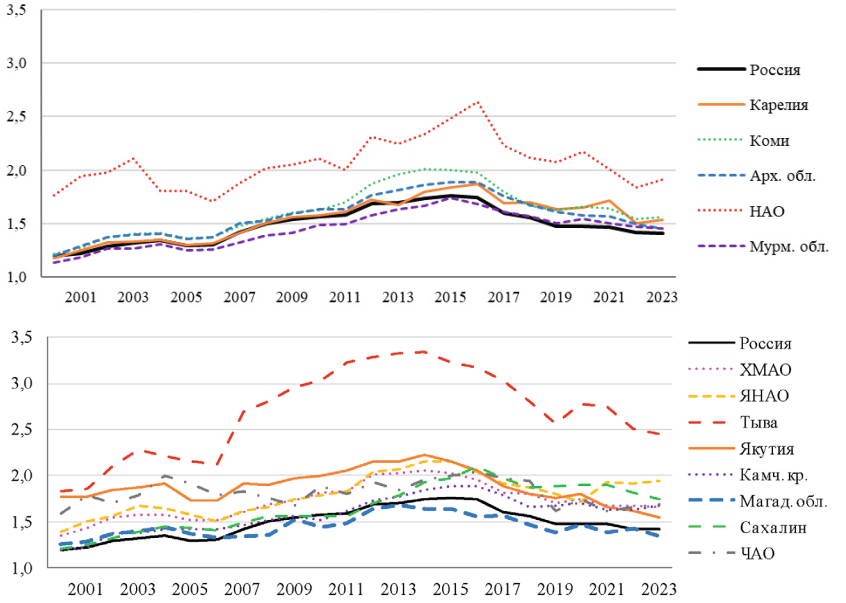

Рис. 4.2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения на Европейском и Азиатском Севере России, 2000–2023 гг., детей на одну женщину в течение всего репродуктивного периода

Особенно заметное превышение характерно для Республики Тыва, где величина суммарного коэффициента рождаемости достигала в 2014 г. 3,341 детей на одну женщину, и для Ненецкого автономного округа, где в 2016 г. уровень составлял 2,635 детей. Традиционные исключения – Мурманская и Магаданская области, в которых уровень рождаемости, как правило, ниже общероссийского. В отдельные годы рождаемость опускалась ниже среднего по стране в Республике Карелия, Камчатском крае и Сахалинской области. Однако с 2011 г. в Камчатском крае, с 2012 г. в Сахалинской области, с 2014 г. в Республике Карелия, а с 2017 г. и в Мурманской области величина суммарного коэффициента рождаемости стабильно выше уровня по России. В последние годы среди северных регионов лишь Магаданская область характеризуется уровнем рождаемости ниже среднероссийского. Но и здесь в отдельные годы величина суммарного коэффициента рождаемости превышает средний по стране показатель (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Различия суммарного коэффициента рождаемости в северных регионах России со среднероссийским уровнем, 2000–2023 годы, детей на одну женщину

Регион	Год							
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Карелия	-0,017	0,010	0,010	0,080	0,174	0,246	0,089	0,124
Республика Коми	0,024	0,070	0,058	0,241	0,188	0,174	0,128	0,154
Республика Саха (Якутия)	0,576	0,438	0,431	0,390	0,320	0,189	0,202	0,138
Республика Тыва	0,637	0,856	1,460	1,460	1,301	1,280	1,094	1,032
Камчатский край	0,000	0,117	-0,055	0,120	0,232	0,164	0,210	0,256
Архангельская область	0,011	0,063	0,065	0,124	0,103	0,100	0,077	0,049
Ненецкий АО	0,571	0,515	0,542	0,720	0,700	0,537	0,421	0,503
Магаданская область	0,055	0,067	-0,129	-0,133	-0,006	-0,090	0,010	-0,070
Мурманская область	-0,055	-0,041	-0,081	-0,024	0,069	0,034	0,054	0,041
Сахалинская область	0,016	0,132	-0,006	0,209	0,425	0,421	0,391	0,326
Ханты-Мансийский АО	0,144	0,220	0,247	0,256	0,270	0,197	0,253	0,249
Чукотский АО	0,386	0,616	0,321	0,231	0,273	0,144	0,239	0,270
Ямало-Ненецкий АО	0,189	0,277	0,218	0,384	0,239	0,452	0,500	0,536

Рассчитано по: официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.06.2024).

Тенденции рождаемости в северных регионах в целом повторяют общероссийские. Конечно, точки перегиба траекторий в разных регионах (особенно в регионах с малочисленным населением) могут на год-два отличаться от точек перегиба в среднем по России, но в период 2000–2015 гг. северные регионы также характеризовались возрастающим трендом рождаемости, после 2016 г. – убывающим. Небольшой отрицательный прирост в 2000–2005 гг. в Республике Саха (Якутия) объясняется довольно значительным понижением уровня суммарного коэффициента в регионе в 2005 г. (когда и в среднем по стране было зафиксировано снижение рождаемости), но в предшествующие четыре года и в дальнейшем в республике наблюдался устойчивый рост. Отрицательный прирост в 2005–2010 гг. в Чукотском АО можно объяснить малым количеством рождений в малочисленном населении региона – основные тенденции рождаемости, как и в Ненецком АО, проявляются в округе только в виде трендов (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Темпы прироста (снижения) суммарного коэффициента рождаемости в северных регионах России, 2000–2023 годы, %

Регион	2000–2005	2005–2010	2010–2015	В целом за 2000–2015	2015–2020	2020–2023	В целом за 2015–2023
Российская Федерация	8,3	21,1	12,4	47,4	-16,3	-4,3	-20,0
Республика Карелия	10,7	20,9	16,8	56,4	-10,5	-6,9	-16,7
Республика Коми	11,9	19,1	23,3	64,3	-17,0	-5,9	-21,9
Республика Саха (Якутия)	-2,2	15,4	7,7	21,5	-16,6	-13,7	-28,1
Республика Тыва	17,4	40,8	6,4	75,9	-13,9	-12,0	-24,2
Камчатский край	18,1	7,2	24,5	57,5	-9,4	-2,3	-11,5
Архангельская область	12,5	20,3	15,6	56,4	-16,4	-7,5	-22,6
Ненецкий АО	2,4	16,6	17,7	40,5	-12,4	-12,0	-22,9
Магаданская область	8,9	5,7	13,3	30,3	-9,9	-8,7	-17,7
Мурманская область	9,9	18,6	17,0	52,5	-11,2	-6,0	-16,5
Сахалинская область	17,8	9,5	26,3	62,8	-3,7	-8,6	-11,9
Ханты-Мансийский АО	13,1	19,8	11,2	50,7	-13,6	-4,9	-17,8
Чукотский АО	20,8	-1,2	5,6	26,1	-12,3	-3,8	-15,7
Ямало-Ненецкий АО	13,5	13,6	20,2	55,1	-20,2	13,6	-9,3

Рассчитано по: официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.07.2024).

Как уже отмечалось, в 2007 г. в рамках проводимой в России демографической политики в области рождаемости была введена совершенно новая мера: государственный сертификат на материнский (семейный) капитал на второго (последующего) ребенка. Это позволило восстановить позитивный тренд рождаемости, которая в 2005–2006 гг. испытала снижение и стагнацию. Однако новые мероприятия просемейной политики довольно быстро становятся привычными для населения и перестают оказывать стимулирующее воздействие – уже в 2009–2011 гг. темпы прироста показателей рождаемости в стране заметно сократились. В этих условиях требовалась активизация демографической политики, которая воплотилась в государственных инициативах 2011 г.: в региональных законах о бесплатном предоставлении земельных участков при рождении третьего (последующего) ребенка и учреждении региональных материнских (семейных) капиталов.

Северные территории страны объединяют экстремальные природно-климатические условия, которые оказывают большое влияние на жизнедеятельность человека. Но, с другой стороны, они достаточно сильно отличаются друг от друга по уровню социально-экономического развития, который накладывает ограничения на возможности региональных бюджетов в финансировании демографической политики. Кроме того, некоторые из северных субъектов федерации характеризуются статистически значимым процентом в населении представителей этносов с незавершенным переходом к малодетности и, соответственно, повышенным уровнем рождаемости, что снижает актуальность проведения активной политики по ее стимулированию. Поэтому реализация региональной просемейной политики на Севере заметно различается.

Сумма федерального материнского капитала на второго (последующего) ребенка первоначально составляла в России 250 тыс. руб. До 2015 г. сумма индексировалась, достигнув 453 026 руб. С 1 января 2020 г. стал применяться новый механизм назначения материнского капитала: частично при рождении первенца, частично при рождении второго ребенка. К 2024 г. полная сумма материнского капитала за двоих детей достигла 833 024,74 руб. (630 380,78 руб. – на первого ребенка, 202 643,96 руб. – доплата при рождении второго ребенка).

Размер регионального материнского капитала, составляя в большинстве северных регионов России индексируемые 100 тыс. руб., изначально варьировал от 50 тыс. в Тыве и Архангельской области до 300 тыс. в Ненецком АО и 350 тыс. в Ямало-Ненецком АО. Право на его получение семья имеет после рождения (усыновления) третьего либо последующего ребенка. Но есть и исключения. На Сахалине региональный капитал назначается при рождении (усыновлении) второго (последующего) ребенка – в дополнение к федеральному капиталу. В Коми усыновители третьего (последующего) ребенка получают другой вид пособия, региональный капитал им не полагается. В Тыве выплата производится лишь после рождения (усыновления) пятого (последующего) ребенка. В Камчатском крае семейный капитал назначается при рождении (усыновлении) третьего (последующего) ребенка, но его размер дифференцирован по очередности рождения – нарастает по мере ее увеличения (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Региональный материнский (семейный) капитал в северных регионах России

Регион	Особенности назначения и размер регионального материнского (семейного) капитала
Ямало-Ненецкий АО	Изначально назначался за третьего (последующего) ребенка, 350 тыс. руб., не индексируется. В настоящее время маткапитал за второго ребенка – 150 тыс. руб., за третьего и последующих детей – 500 тыс. руб.
Ненецкий АО	За третьего (последующего) ребенка, 300 тыс. руб., ежегодно индексируется, достиг 398 527 руб.
Сахалинская область	За второго (последующего) ребенка, 150 тыс. руб., ежегодно индексируется, с 1 января 2020 г. – 250 тыс. руб. С 1 января 2018 г. по 31 декабря 2019 г. включительно вводится капитал за первого ребенка, рожденного женщиной в возрасте от 19 до 25 лет – 150 тыс. руб. С 1 января 2020 г. маткапитал за первого ребенка – 150 тыс. руб.
Республика Коми	За третьего (последующего) ребенка и за первого, рожденного после 1 января 2020 г., 150 тыс. руб., не индексируется. С 1 января 2024 г.: – в случае рождения первого ребенка – 300 тыс. руб.; – первого ребенка женщиной, которой нет 25 лет, – 500 тыс. руб.; – третьего и последующего ребенка – 300 тыс. руб.
Республика Саха (Якутия)	Изначально назначался за третьего (последующего) ребенка, 100 тыс. руб., ежегодно индексируется, достиг 139 716 руб. В настоящее время 30 % от размера федерального материнского капитала – за второго ребенка, рожденного после 1 января 2019 г., 300 тыс. руб. – за третьего ребенка или последующих детей, 110 тыс. руб. – целевой капитал «Дети столетия» за ребенка, родившегося с 1 января 2022 г. по 31 декабря 2027 г.
Чукотский АО	Изначально назначался за третьего (последующего) ребенка, 100 тыс. руб., индексировался до 2016 г., достиг 131 557 руб. В настоящее время 30 % от размера федерального материнского капитала – маткапитал за второго ребенка, рожденного с 1 января 2019 г. 174 513 руб. – маткапитал за третьего ребенка или последующих детей.
Магаданская область	За третьего (последующего) ребенка, изначально 100 тыс. руб., ежегодно индексируется, достиг 172 509 руб. С 1 января 2015 г. введен капитал за первого ребенка, рожденного женщиной в возрасте до 25 лет, – размер соответствует размеру капитала за третьего (последующего) ребенка. 30 % от размера федерального материнского капитала – маткапитал за второго ребенка, рожденного после 1 января 2019 г.
Мурманская область	За третьего (последующего) ребенка, 100 тыс. руб., ежегодно индексируется, достиг 149 373,16 руб.

Окончание таблицы 4.3

Камчатский край	Изначально назначался за третьего (последующего) ребенка, размер дифференцирован по очередности: за третьего ребенка – 119 тыс. руб., четвертого – 179 тыс. руб., пятого – 238 тыс. руб.; шестого и последующего ребенка – 298 тыс. руб. Размеры ежегодно индексируются – достигли 175 249 руб. за третьего ребенка, 263 608 руб. – за четвертого, 350 495 руб. – за пятого и 438 854 руб. – за шестого и последующего. С 1 января 2015 г. введен капитал за первого ребенка, 100 тыс. руб., ежегодно индексируется, достиг 147 268 руб. С 1 января 2019 г. введен капитал за второго ребенка, рожденного в 2019 г., в размере 189 114,23 руб., или 249 907,42 руб. за ребенка, рожденного с 1 января 2020 г.
Ханты-Мансийский АО – Югра	Изначально назначался за третьего (последующего) ребенка, 100 тыс. руб., индексировался до 2015 г., достиг 116 092 руб. С 1 января 2024 г. назначается за второго (последующего) ребенка, составляет 177 тыс. руб.
Республика Карелия	За третьего (последующего) ребенка, 100 тыс. руб., индексируется нерегулярно, достиг 105 500 руб.
Архангельская область	За третьего (последующего) ребенка, 50 тыс. руб., не индексируется. В настоящее время составляет 124 606,81 руб.
Республика Тыва	За пятого (последующего) ребенка, 50 тыс. руб., не индексируется. В настоящее время составляет 60 909 руб.

Составлено по: Материнский капитал. – URL: http://materinskiy-kapital.molodaja-semja.ru/regiony/ (дата обращения: 20.07.2024).

В последние годы в ряде северных регионов региональный капитал назначается уже при рождении первенца. С 1 января 2015 г. в целях предотвращения откладывания первенцев региональный капитал начал назначаться на первого ребенка в Камчатском крае и Магаданской области. На Камчатке женщинам, состоящим в браке и родившим первенца в возрасте 19–24 лет, назначается пособие в размере 100 тыс. руб. Сумма индексируемая – к настоящему времени размер достиг 147 268 руб. Если рождается двойня, пособие в таком размере выплачивается на каждого. Если тройня – выделяется два пособия по 147 268 руб. и третье в размере регионального капитала на третьего ребенка (175 249 руб.). В Магаданской области женщины, родившие (усыновившие) первого ребенка в возрасте до 25 лет включительно, и мужчины в любом возрасте, являющиеся единственным усыновителем первого ребенка, также имеют право на региональный материнский (семейный) капитал. По величине он соответствует капиталу на третьего (последующего) ребенка. С 1 января 2018 г. семейный капитал на первого ребенка, рожденного женщиной в воз-

расте 19–25 лет, введен на Сахалине, с 2020 г. возрастные ограничения для матери первенца отменены. В Республике Коми в 2024 г. также введен материнский капитал за первого ребенка, размер которого дифференцирован в зависимости от возраста матери. С 2019 г. в Ямало-Ненецком АО, Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и Магаданской области, а с 2024 г. в Ханты-Мансийском АО в дополнение к федеральному материнскому капиталу введен региональный капитал на второго ребенка. Все региональные капиталы могут использоваться однократно. В субъектах федерации, где существуют материнские капиталы на детей разной очередности, семья должна будет выбрать, когда реализовать свое право на региональный семейный капитал.

Имеются различия по периоду реализации регионального материнского капитала. В шести северных субъектах (республиках Коми и Саха (Якутия), Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, Камчатском крае и Сахалинской области) программы регионального материнского капитала стартовали с 1 января 2011 г. На некоторых территориях региональный капитал был введен позже: с начала 2012 г. (республики Карелия и Тыва, Архангельская и Мурманская области, Ханты-Мансийский АО). Но есть также и регионы, в которых действие программы распространяется на правоотношения, возникшие раньше: с 1 января 2009 г. (Ненецкий АО) и даже с начала 2007 г. (Магаданская область).

На большинстве северных территорий сроком окончания действия программы регионального капитала в момент ее введения было назначено 31 декабря 2016 г., в дальнейшем произошла пролонгация до конца 2018 г. В некоторых регионах Севера капитал изначально предполагал более длительный срок реализации: в Сахалинской области – до конца 2019 г., Магаданской – 2020 г., Мурманской – 2021 г., на Камчатке – до конца 2025 г. В Ненецком АО и Якутии срок окончания программы законодательно не был установлен. В последующем сроки реализации региональных семейных капиталов продлевались вслед за пролонгацией срока действия программы федерального материнского капитала. По последним законодательным поправкам, она действует до 31 декабря 2026 г., но уже прозвучало предложение Президента страны о продлении срока реализации программы материнского капитала до конца 2030 г.

С 1 января 2013 г. для регионов, характеризующихся уровнем рождаемости ниже среднего по стране, на федеральном уровне была установлена ежемесячная выплата нуждающимся семьям после рождения третьего и последующего ребенка до достижения им трех лет в размере регионального прожиточного минимума на детей. Эта выплата производится из федерального бюджета в регионах с низкой рождаемостью с целью ее

стимулирования и поддержки семей с тремя и более детьми. В их число входят и семь северных субъектов: республики Карелия и Коми, Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области и Камчатский край. В Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах указанное пособие выплачивается на тех же основаниях, что и федеральное, но из средств региональных бюджетов. В республиках Тыва и Саха (Якутия) и Чукотском АО пособие на третьего ребенка в малоимущих семьях не выплачивается[35]. Данный вид пособия из-за его адресного характера нельзя отнести к мероприятиям демографической политики, но, с другой стороны, его роль в повышении уровня рождаемости последних лет, особенно в сельской местности регионов его назначения, несомненна.

Сельский уровень рождаемости в России традиционно выше, чем городской (рис. 4.3). Постепенно сократившись к 2005–2006 гг., с началом введения в стране программы материнского капитала межпоселенческая дифференциация вновь стала нарастать.

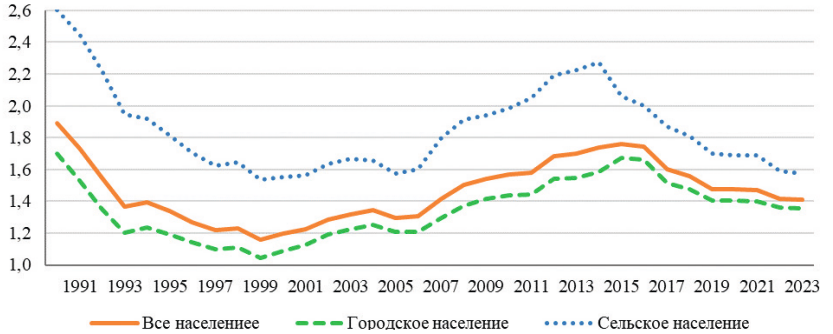

Рис. 4.3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения Российской Федерации, 1990–2023 гг., детей на одну женщину в течение всего репродуктивного периода

Особенно значительное превышение сельского суммарного коэффициента рождаемости (0,610–0,690 детей) зафиксировано в первые годы реализации региональных семейных капиталов и назначения ежемесячной выплаты нуждающимся семьям после рождения третьего и последующего ребенка. С 2015 г. прослеживается тренд к сокращению разницы в уровне рождаемости между городом и селом. В 2023 г. сельское превышение составляет 0,217 детей (1,575 детей на одну женщину в сельской местности и 1,358 – в городской) против 0,689 в 2014 г. (соответственно 2,272 и 1,583 детей).

[35] Сведения о ежемесячном пособии на третьего ребенка до трех лет. – URL: http://www.assessor.ru/notebook/posobija/ejemesyachnoe_posobie_na_tretego_rebenka_do_3_let/ (дата обращения: 20.07.2024).

В северных регионах России максимальное превышение сельского уровня рождаемости над городским также наблюдалось в первые годы реализации программы регионального материнского капитала и введения ежемесячной выплаты нуждающимся семьям после рождения третьего и последующего ребенка (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Разница между уровнями сельского и городского суммарного коэффициента рождаемости в северных регионах России, 2011–2023 годы, детей на одну женщину

Регион	Год							
	2011	2012	2013	2015	2017	2019	2021	2023
Российская Федерация	0,607	0,652	0,680	0,391	0,350	0,291	0,285	0,217
Республика Карелия	1,224	1,527	1,604	0,817	0,671	0,406	0,233	0,236
Республика Коми	1,624	2,247	2,311	1,864	1,601	1,249	1,018	0,820
Республика Саха (Якутия)	0,896	0,815	1,285	1,097	0,806	0,719	0,575	0,591
Республика Тыва	2,429	3,206	3,488	2,006	2,036	0,358	-0,206	0,701
Камчатский край	0,449	0,127	0,413	0,194	0,096	0,187	0,642	0,007
Архангельская область	1,339	1,639	1,708	1,355	1,445	1,064	0,897	0,714
Ненецкий АО	1,622	2,571	2,014	2,377	1,525	1,274	1,304	1,266
Магаданская область	0,841	1,140	1,995	0,735	1,700	0,881	0,253	0,064
Мурманская область	0,602	0,418	0,365	-0,089	0,069	0,183	0,486	-0,079
Сахалинская область	0,561	0,611	0,885	0,237	0,084	-0,208	-0,306	-0,195
Ханты-Мансийский АО	0,341	0,341	0,261	0,194	0,007	-0,067	-0,145	-0,201
Чукотский АО	0,716	0,792	0,828	1,211	1,350	1,280	0,620	0,469
Ямало-Ненецкий АО	0,994	1,107	1,509	1,348	1,145	1,186	1,073	0,785

Рассчитано по: официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.07.2024).

Особенно значительная межпоселенческая дифференциация суммарного коэффициента рождаемости в эти годы была в республиках Тыва, Коми и Карелия, Ненецком автономном округе и Архангельской области. В Республике Тыва в 2012–2017 гг. суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности составлял от 4,3 до 5,8 детей на одну женщину, в Ненецком АО – от 3,4 до 4,6, в Республике Коми – 3,2–4,0, в Архангельской области – 3,0–3,5, в Карелии – 2,3–3,4 детей. При этом в большинстве северных регионов превышение сельского показателя было более значительным, чем в среднем по России. За исключением Мурманской области и Ханты-Мансийского автономного округа, отличающихся очень незначительным процентом сельского населения (на начало 2023 г. соответственно 7,0 и 7,8 % против 25,1 % в среднем по стране), а также Камчатского края,

характеризующегося менее значительным процентом сельского населения (22,0 %)[36], в которых разница между сельским и городским показателями была не существенной.

Безусловно, столь значительные суммарные коэффициенты рождаемости сельского населения северных регионов, рассчитанные для условных поколений этих лет, во многом обусловлены особенностями календаря рождений разных реальных поколений: концентрацией их в указанные временные периоды из-за встречного тайминга рождений молодых и старших когорт. У молодых когорт большее значение имело стремление успеть воспользоваться федеральным материнским капиталом, имеющим ограниченный срок действия (как уже отмечалось, он до сих пор не является бессрочным), у старших, реализующих третьи и более рождения, значительную роль играл региональный материнский капитал и ежемесячные пособия на третьего (последующего) ребенка в малообеспеченных семьях.

В дальнейшем экономические меры демографической политики, сыгравшие в сельской местности в условиях низкого уровня жизни населения очень большую роль в первые годы реализации, сократили свое стимулирующее значение. В северных субъектах, как и в целом по стране, произошло сокращение межпоселенческой разницы в уровне суммарного коэффициента рождаемости. В отдельные годы в некоторых северных субъектах в городской местности фиксируется суммарный коэффициент рождаемости выше сельского. А в Ханты-Мансийском АО и Сахалинской области превышение городского уровня рождаемости в последние годы стало правилом. В основе, на наш взгляд, тайминг рождений: досрочное исчерпание итоговой плодовитости сельских женщин в предшествующие годы.

Как уже отмечалось, наращивание федеральной просемейной демографической политики региональными мерами дало возможность продлить тенденцию роста рождаемости уже в условиях начавшегося в стране ухудшения возрастной структуры детородных контингентов. Оно способствовало повышению интенсивности рождаемости не только вследствие изменения календаря рождений, но и более полного осуществления репродуктивных ожиданий населения и даже реализации установок детности сверх первоначальных планов в результате их пересмотра в условиях государственной помощи семьям с детьми, вне зависимости от ее размера. В то же время реализация просемейной политики привела к уплотнению календаря рождений и досрочному выполнению репродуктивных планов поколений, которые в момент учреждения новых мероприятий были в самых фертильных возрастах. В последние годы это усиливало действие

[36] Демографический ежегодник Республики Коми. 2023: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2023. – 156 с. – С. 122–123.

структурного фактора сокращения рождаемости, и это будет тормозить предстоящее структурное повышение уровня рождаемости.

В целом по России в 2023 г. пока продолжается снижение уровня рождаемости. Но оно близко к завершению: показатели 2022 и 2023 г. почти не отличаются (1,416 и 1,410 детей). В некоторых регионах, в том числе и ряде северных субъектов, в 2023 г. уже зафиксирован небольшой рост показателя. В частности, в Карелии с 1,505 детей на одну женщину в 2022 г. до 1,534 детей в 2023 г., в Коми – с 1,544 до 1,564 детей, в Ненецком АО – с 1,837 до 1,913, в Ямало-Ненецком АО – с 1,916 до 1,946 детей, Камчатском крае – с 1,626 до 1,666, Чукотском АО – с 1,655 до 1,680 детей. Учитывая, что в 2023 г. в стране начинается увеличение численности населения наиболее фертильной возрастной группы 20–29 лет *(Попова, Шишкина, 2017, с. 104)*, в ближайшие годы можно рассчитывать на относительно устойчивое и продолжительное повышение уровня рождаемости.

Таким образом, тенденции рождаемости в северных субъектах федерации в целом повторяют общероссийские. При этом уровень рождаемости в большинстве из них выше уровня в целом по стране. Особенно заметное превышение характерно для Республики Тыва и Ненецкого автономного округа, в основе которого значимый процент в населении представителей коренных этносов с незавершенным переходом к малодетности. В последние годы среди северных регионов лишь Магаданская область характеризуется уровнем рождаемости ниже среднероссийского. Но и здесь в отдельные годы величина суммарного коэффициента превышает средний по стране показатель.

Как и в целом по России, на Севере уровень рождаемости традиционно выше в сельской местности. Наиболее значительная межпоселенческая дифференциация характерна для республик Тыва, Коми и Карелия, Ненецкого автономного округа и Архангельской области. Особенно существенное превышение наблюдалось в 2012–2017 гг. – за счет очень высоких суммарных коэффициентов рождаемости в сельской местности, которые явились следствием реализации программ региональных материнских капиталов на третьего ребенка и введения ежемесячного пособия на третьего и последующего ребенка малообеспеченным семьям. Досрочное исчерпание итоговой плодовитости женщин, особенно сельских, в последние годы усиливало действие структурного фактора сокращения рождаемости, и оно будет тормозить предстоящее в ближайшие годы структурное повышение уровня рождаемости, уже наметившееся в 2023 г. в некоторых регионах страны, в том числе и ряде северных субъектов.

4.2. Проблемы подростковой рождаемости на российском Севере

Согласно Конституции Российской Федерации, совершеннолетие наступает в стране по достижению 18-летнего возраста[37]. Следовательно, беременность, начавшаяся до этого возраста, считается подростковой или ранней. С точки зрения медицины, подростковый период (до 18 лет) представляет собой время пубертата, во время которого половая система девочек находится в стадии развития. Это подчеркивает риск как для самой подростковой матери, так и для ее будущего потомства, если она решит выносить и родить ребенка.

К подростковой беременности в обществе в основном негативное отношение. В ранних беременностях нет ничего хорошего, она ограничивает будущие возможности девушки, мешает получить образование и профессию, что часто приводит к бедности. Одним словом, подростковая беременность – это большое давление со стороны родственников, сверстников и общества в целом *(Антонов, Шамаева, Слепцова, 2023)*. Для того, чтобы определить причины такого явления, как подростковая рождаемость, необходимо обратиться к психологии самих действий. Данная потребность, приводящая к наступлению беременности, заключается в бессознательном стремлении подростка к рождению детей для защиты и заботы, которую он сам не получает от окружения *(Ларюшева, Баранов, Лебедева, 2014)*.

Каждый год в России сотни девочек-подростков до наступления совершеннолетия становятся матерями, правда, таких случаев становится все меньше. Подростковая рождаемость в России с 2004 по 2022 г. плавно, но уверенно снижалась с 41 159 до 9674 рождений, разница составила 31 485 рождений, или снижение в 4,3 раза, при том, что количество всех рождений в стране сократилось в 1,2 раза. Доля подростковой рождаемости от общего числа рождений в 2022 г. составила 0,7 %.

Наибольшее число рождений выпадает на возраст 17 лет – крайний год перед совершеннолетием, когда организм уже условно готов к взрослой жизни, а наименьшее число – до 12 лет, которое колеблется ежегодно в пределах от 2 до 10 рождений. Рассматривая каждый возраст отдельно, можно заметить отсутствие рождений в возрасте 11 лет в период с 2016 по 2022 г.[38] и стабильное значение рождений в 2006–2007 гг., а также за четыре года (2019–2022 гг.) у матерей 12 лет. В возрасте 13 лет не замечены особенные изменения за весь исследуемый период, динамика очень волнообразна,

[37] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Рос. газета. – 1993. – 25 декабря.
[38] Данные о рождении в возрасте 11 лет в период 2004–2015 гг. отсутствуют.

и вскоре после плавного снижения следует новый скачок, лишь небольшое снижение количества рождений в 1,3 раза, чего не скажешь и о рождениях у 14-летних подростков. Снижение рождаемости у них произошло в 1,8 раза, для которых наиболее стабильным в снижении показателей является отрезок в период с 2011 по 2019 г. Число рождений у матерей, чей возраст составил 15 лет, все года стремительно падало с 2719 в 2004 г. до 775 рождений в 2022 г. Динамика рождаемости в 16 лет отличается своим значительным снижением – в 4,5 раза, с 10 580 до 2327 случаев. Рождаемость у 17-летних остается самой высокой среди несовершеннолетних (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Число рождений в России матерями в возрасте 11–17 лет, 2004–2022 годы

Показатель	Год						
	2004	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Всего рождений	1 502 477	1 457 376	1 788 948	1 940 579	1 436 514	1 398 253	1 304 087
Всего рождений матерями в возрасте до 17 лет,	41 159	37 374	23 595	17 987	11 190	10 554	9 674
В том числе: 11	2	7	8	296	0	0	0
12					3	3	3
13	33	43	35		34	34	26
14	382	364	272		203	226	207
15	2 719	2 452	1 717	17 691	842	796	775
16	10 580	9 472	5 814		2 878	2 630	2 327
17	27 443	25 036	15 749		7 230	6 865	6 336
Доля подростковой рождаемости от всех рождений, %	2,7	2,6	1,3	0,9	0,8	0,8	0,7

Примечание: данные за 2004–2010 гг. представлены в возрасте 12 и моложе; данные за 2015 г. представлены в группе возрастов до 14 лет и 15–17 лет.
Источник: 2004–2010 гг. – Демографический ежегодник России 2005–2013 гг. – Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 28.06.2024); 2013–2022 гг. – Естественное движение населения. – Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269 (дата обращения: 28.06.2024).

Статистика дает возможность проанализировать рождаемость в возрасте 15–19 лет начиная с 1960 г. С 1960 по 1979 г. количество рождений стабильно увеличивалось в среднем на 9 тыс. и составляло 4,1–11,4 % от всех рождений. С 1980 по 1985 г. шло заметное снижение, затем последовал новый рост с 1986 г., а с 1994 г. начинается стабильное и плавное снижение числа рождений. Можно отметить, что пик рождений пришелся на 1994 г. –

18,2 %, а минимальное значение доли рождений – на 2018 г., после которого начался рост по настоящее время.

В 2022 г. количество родившихся в возрасте 15–19 лет составило на 63 803 ребенка меньше, чем в 1960 г., в то время как удельный вес особенно не отличается, уменьшение составило 0,26 п. п. Это говорит о том, что произошло снижение и общего числа рождений, с 2 782 353 в 1960 г. до 1 304 087 в 2022 г., что составляет разницу почти 1,5 млн, или в 2,3 раза меньше (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Число рождений в России матерями в возрасте 15–19 лет, 1960–2022 годы

Год	Число родившихся			Год	Число родившихся		
	Всего	Родившиеся матерями в возрасте 15–19 лет, человек	Доля родившихся матерями в возрасте 15–19 лет, %		Всего	Родившиеся матерями в возрасте 15–19 лет, человек	Доля родившихся матерями в возрасте 15–19 лет, %
1	2	3	4	5	6	7	8
1960	2 782 353	113 593	4,08	1994	1 408 159	256 540	18,22
1965	1 990 520	123 428	6,20	1995	1 363 806	238 019	17,45
1966	1 957 763	144 426	7,38	1996	1 304 638	209 531	16,06
1967	1 851 041	142 125	7,68	1997	1 259 943	195 959	15,55
1968	1 816 509	161 664	8,90	1998	1 283 292	189 012	14,73
1969	1 847 592	163 285	8,84	1999	1 214 689	167 765	13,81
1970	1 903 713	175 562	9,22	2000	1 266 800	162 997	12,87
1971	1 974 637	187 192	9,48	2001	1 311 604	165 600	12,63
1972	2 014 638	193 902	9,62	2002	1 396 967	169 919	12,16
1973	1 994 621	202 519	10,15	2003	1 477 301	170 308	11,53
1974	2 079 812	216 986	10,43	2004	1 502 477	171 940	11,44
1975	2 106 147	219 434	10,42	2005	1 457 376	162 053	11,12
1976	2 146 711	228 560	10,65	2006	1 479 637	160 424	10,84
1977	2 156 724	236 055	10,95	2007	1 610 122	151 837	9,43
1978	2 179 030	242 208	11,12	2008	1 713 947	145 459	8,49
1979	2 178 542	247 785	11,37	2009	1 761 687	131 442	7,46
1980	2 202 779	247 354	11,23	2010	1 788 948	113 849	6,36
1981	2 236 608	232 451	10,39	2011	1 796 629	103 884	5,78
1982	2 328 044	223 010	9,58	2012	1 902 084	98 924	5,20
1983	2 478 322	218 930	8,83	2013	1 895 822	91 832	4,84
1984	2 409 614	216 467	8,98	2014	1 942 683	88 370	4,55
1985	2 375 147	215 894	9,09	2015	1 940 579	79 603	4,10
1986	2 485 915	216 320	8,70	2016	1 888 729	70 652	3,74
1987	2 499 974	227 920	9,12	2017	1 690 307	61 076	3,61

Окончание таблицы 4.6

1	2	3	4	5	6	7	8
1988	2 348 494	236 067	10,05	2018	1 604 344	54 447	3,39
1989	2 160 559	255 766	11,84	2019	1 481 074	50 646	3,42
1990	1 988 858	275 547	13,85	2020	1 436 514	50 143	3,49
1991	1 794 626	275 912	15,37	2021	1 398 253	48 944	3,50
1992	1 587 644	261 206	16,45	2022	1 304 087	49 790	3,82
1993	1 378 983	243 527	17,66				

Источник: Демографический ежегодник России. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 397 с.; Демографический ежегодник России. 2023: стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 256 с.

В чем феномен подростковой рождаемости? По мнению С. А. Панова и И. Г. Синьковской, «снижение возрастной планки начала половой жизни среди подростков неразрывно связано с уровнем сексуальной активности в подростковой среде. Этот тревожный феномен неизменно ведет к возрастанию числа случаев беременности. Подростки, стремящиеся к половой активности раньше совершеннолетия, мотивированы желанием «быть как взрослые», попробовать что-то новое, отличиться от сверстников, доказать свою важность или обратить на себя внимание» *(Панова, Синьковская, 2022)*.

Можно отметить, что за последние десятилетия подростковых рождений становится все меньше. С 2004 по 2022 г. количество рождений матерями-подростками до 17 лет на российском Севере демонстрирует те же тенденции, что и по стране в целом. Наибольшее число рождений отмечается в 2004 г. – 2878 рождений, а затем наблюдается постепенное и плавное снижение до 543 в 2022 г., уменьшение в 5,3 раза.

В каждом регионе Европейского Севера наблюдаются свои особенности в уменьшении числа рождений среди подростков, при этом на первое место за весь исследуемый период с 2004 по 2022 г. выходит Архангельская область с разницей 320, затем Республика Коми – 307, Республика Карелия – 189, Мурманская область – 153 и Ненецкий АО – с разницей всего 15 рождений. На Азиатском Севере регионы по наибольшей убыли в рождениях выстроились в следующем порядке: Ханты-Мансийский АО – 427, Республика Саха (Якутия) – 327, Сахалинская область – 164, Ямало-Ненецкий АО – 143, Республика Тыва – 109, Камчатский край – 107, Магаданская область – 58 и Чукотский АО – 31 (табл. 4.7).

Таблица 4.7

Число рожденных на российском Севере матерями в возрасте до 17 лет включительно, 2004–2022 годы

Регион	Год						
	2004	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Российская Федерация	41 159	37 374	23 595	17 987	11 190	10 554	9 674
Российский Север	**2 878**	**2 631**	**1 611**	**1 293**	**675**	**674**	**543**
Европейский Север	**1 107**	**1 044**	**573**	**427**	**209**	**205**	**138**
Республика Карелия	212	195	98	70	42	34	23
Республика Коми	354	319	191	137	66	68	47
Архангельская область	359	346	178	153	67	58	39
Ненецкий АО	20	23	19	11	7	6	5
Мурманская область	182	184	106	67	34	45	29
Азиатский Север	**1 771**	**1 587**	**1 038**	**866**	**466**	**469**	**405**
Республика Саха (Якутия)	418	397	260	222	98	115	91
Республика Тыва	207	183	193	150	103	103	98
Камчатский край	133	110	53	61	35	32	26
Магаданская область	77	65	34	21	16	16	19
Сахалинская область	211	214	111	82	53	67	47
Ханты-Мансийский АО	503	429	286	218	98	79	76
Чукотский АО	45	44	21	15	21	11	14
Ямало-Ненецкий АО	177	145	80	97	42	46	34

Источник: Демографический ежегодник России 2006; 2012; 2017; 2021; 2023 гг. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 01.07.2024); ЕМИСС. – URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31606 (дата обращения: 06.07.2024).

С 2004 по 2022 г. наблюдается значительное снижение удельного веса рожденных на российском Севере в возрасте до 17 лет. В целом по России данный показатель уменьшался с 2,74 % в 2004 г. до 0,74 % в 2022 г. В то же время на российском Севере произошло такое же существенное снижение – с 2,78 до 0,70 %.

Важно отметить различия между Европейским и Азиатским Севером России. На Европейском Севере снижение началось с 2,63 % в 2004 г. до 0,57 % в 2022 г. – уменьшение на 2,06 п. п. Снижение наиболее заметно было в республиках Карелия и Коми, где показатели к 2022 г. уменьшились на 2,37 и 2,34 п. п. соответственно.

На Азиатском Севере сокращение составило 2,13 п. п. – с 2,89 % в 2004 г. до 0,76 % в 2022 г., в ряде регионов, таких как Республика Тыва, наблюдаются стабильно высокие значения, достигшие всего лишь 1,64 % в 2022 г., что составляет сокращение на 1,74 п. п. Стремительное изменение показателей фиксируется в таких регионах, как Ханты-Мансийский АО, где снижение видно значительней – с 2,47 до 0,40 % в 2022 г. Примечательно также, что в Чукотском АО наблюдаются самые высокие показатели среди всех регионов на протяжении всего периода исследования, достигнув в 2022 г. 2,76 % с уменьшением на 2,96 п. п. На Азиатском Севере фиксируются более высокие показатели, по сравнению с Европейским, как абсолютные, так и относительные (табл. 4.8).

Таблица 4.8

Удельный вес рожденных на российском Севере матерями в возрасте до 17 лет включительно, 2004–2022 годы, %

Регион	Год						
	2004	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Российская Федерация	**2,74**	**2,56**	**1,32**	**0,93**	**0,78**	**0,75**	**0,74**
Российский Север	**2,78**	**2,64**	**1,41**	**1,11**	**0,78**	**0,81**	**0,70**
Европейский Север	**2,63**	**2,59**	**1,30**	**0,99**	**0,74**	**0,75**	**0,57**
Республика Карелия	2,90	2,80	1,26	0,91	0,81	0,66	0,53
Республика Коми	3,08	2,91	1,64	1,16	0,87	0,94	0,74
Архангельская область	2,50	2,49	1,15	1,04	0,71	0,64	0,48
Ненецкий АО	3,36	3,79	2,72	1,43	1,17	1,10	1,04
Мурманская область	2,04	2,16	1,14	0,74	0,52	0,75	0,51
Азиатский Север	**2,89**	**2,68**	**1,48**	**1,19**	**0,80**	**0,84**	**0,76**
Республика Саха (Якутия)	2,84	2,92	1,61	1,36	0,75	0,94	0,77
Республика Тыва	3,38	3,06	2,34	2,00	1,55	1,56	1,64
Камчатский край	3,38	2,84	1,37	1,47	1,08	1,04	0,88
Магаданская область	3,79	3,41	1,88	1,20	1,22	1,34	1,62
Сахалинская область	3,45	3,56	1,85	1,23	0,95	1,23	0,95
Ханты-Мансийский АО	2,47	2,15	1,14	0,81	0,48	0,40	0,40
Чукотский АО	5,72	5,53	2,82	2,19	3,85	2,19	2,76
Ямало-Ненецкий АО	2,44	2,03	0,97	1,09	0,60	0,66	0,50

Общий тренд на снижение возрастных коэффициентов рождаемости в группе 15–17 лет в России очевиден: с начала 1990-х гг. этот показатель уменьшился более чем в 4 раза, достигнув минимального уровня в 2022 г. (4,3 рождений на 1 тыс. женщин). В некоторых регионах Европейского Севера показатели в 2022 г. достигли минимальных значений: в Архангель-

ской области – 2,3 и Мурманской области – 2,6. На территории Азиатского Севера такими регионами стали: Ханты-Мансийский АО – 2,5 и Ямало-Ненецкий АО – 3,5 рождений на 1 тыс. женщин в возрасте 15–17 лет. Максимальные значения отмечены в Чукотском АО – 12,2, Республике Тыва – 12,0 и Магаданской области – 7,8. Наибольшее сокращение показателя возрастного коэффициента у подростков 15–17 лет произошло в Магаданской и Сахалинской областях с изменением на 15,8 рождений и Республике Саха (Якутия) – 15,4 рождений. Таким образом, наибольшую разницу в показателях смогли достичь регионы Азиатского Севера, но наименьшее значение данного коэффициента остается за Европейским. Возрастные коэффициенты подтверждают абсолютные данные числа рождений матерями в возрасте до 17 лет по регионам российского Севера (табл. 4.9).

В регионах российского Севера повторные рождения несовершеннолетними не являются исключением. Изучая данные последних трех переписей, во-первых, необходимо отметить, что в России среднее число рожденных детей на 1 тыс. женщин в возрасте 15–17 лет значительно снизилось – с 17 в 2002 г. до восьми в 2021 г. Лидирующую тройку по данному показателю среди северных регионов России в 2002 г. занимают: Республика Саха (Якутия) – 39 детей, Чукотский АО – 31, Магаданская область – 28. В 2010 г. ситуация изменилась: первое место занял Чукотский АО – 27 детей, поднявшись со второго места в 2002 г., но при этом снизив свой показатель на четыре ребенка; второе – Ненецкий АО – 25, и третью позицию разделили Республика Тыва и Сахалинская область – по 16 детей. В 2021 г. Магаданская область вновь входит в список трех регионов с наибольшим показателем и даже занимает первую строчку со значением 23 ребенка, затем Камчатский край – 16 и Чукотский АО, появляющийся во всех предыдущих тройках переписи 2002 и 2010 г., – 15 детей.

Во-вторых, рассматривая данные переписей по России о количестве девушек, родивших одного и более детей до 17 лет включительно, нельзя не отметить, что их число с каждым разом, от переписи к переписи, значительно снижалось. Количество матерей с одним ребенком за период с 2002 по 2021 г. снизилось на 41 861, или в 7,0 раз; количество матерей с двумя детьми уменьшилось на 3322, или в 3,6 раза, а число девушек с тремя детьми практически стало отсутствовать, и в 2021 г. они составили шесть человек, что на 116 матерей меньше, чем в 2002 г.

Необходимо выделить отдельные северные регионы, для которых отсутствие некоторых показателей может быть преимуществом в демографическом развитии. Например, это касается Ненецкого АО, в котором в 2010 и 2021 г. не насчитывалось матерей до 17 лет с двумя детьми, в то время как Чукотский АО справился с этим лишь к 2021 г., в Республике

Коми в 2002 г. зафиксировано четыре девушки с тремя детьми, чего не было больше в последующих переписях. Есть регионы, в которых с 2010 по 2021 г. наблюдался рост числа женщин с двумя детьми: Республика Тыва – с 1 до 8, Камчатский край – с 0 до 3, Магаданская область – с 1 до 5, Сахалинская область – с 4 до 6, Ханты-Мансийский АО – с 10 до 19 и Ямало-Ненецкий АО – с 4 до 8 (табл. 4.10).

Анализируя сведения трех последних переписей, можно отметить отрицательную динамику в снижении доли женщин, родивших детей в браке в возрасте 15–17 лет, с 0,06 % в 2002 г. до 0,01 % в 2021 г. по России. Такая тенденция прослеживается как на Европейском Севере – со снижением на 0,04 п. п., так и на Азиатском – с большим уменьшением показателя на 0,07 п. п. В отдельных регионах российского Севера отмечены различные темпы изменений. Например, наибольшее снижение доли девушек, родивших в браке, произошло в Ненецком и Чукотском автономных округах с сокращением на 0,14 и 0,13 п. п. соответственно. Более стабильными в заключении браков остались Архангельская и Мурманская области с изменениями всего на 0,03 п. п. При этом разница за исследуемый период самих женщин, заключивших брак и родивших детей в возрасте 15–17 лет, оказалась максимальной в Архангельской области – 108 человек, Ханты-Мансийском АО – 169 и Республике Саха (Якутия) – 173 девушки. Таким образом, по переписи 2021 г. наибольшая доля девушек, родивших в браке до наступления совершеннолетия, находится в Республике Тыва со значением 0,03 %, при том, что весь Азиатский Север имеет наибольшие темпы в снижении доли девушек, родивших своих детей в браке (табл. 4.11).

В завершение следует обратить внимание на то, что не все подростковые беременности заканчиваются родами – подростки делают аборты. По мнению Г. Б. Дикке, «процесс аборта в раннем возрасте может повысить риски бесплодия и невынашивания, а также негативно повлиять на психологическое здоровье девочки-подростка. Частота осложнений при медикаментозном аборте составляет 2,7–7,2 %» *(Дикке, 2017)*. Одно утешает, что количество абортов в России снизилось с 1385,6 тыс. в 2008 г. до 503,8 тыс. в 2022 г., разница составила 881,8 тыс. Доля абортов у девушек- подростков во всех возрастных группах также уменьшилась (табл. 4.12).

Таблица 4.9

Возрастные коэффициенты рождаемости в регионах российского Севера, 1990–2022 годы, на 1 тыс. женщин в возрасте 15–17 и 15–49 лет

Регион	Возраст																	
	15–17									15–49								
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Российская Федерация	**17,8**	**16,7**	**10,0**	**10,9**	**10,4**	**9,1**	**5,0**	**4,7**	**4,3**	**55,2**	**35,9**	**32,1**	**36,8**	**47,8**	**54,6**	**41,8**	**41,0**	**37,8**
Европейский Север																		
Республика Карелия	15,1	14,5	8,3	11,5	10,6	8,5	4,5	3,5	2,8	–	–	30,1	35,1	47,2	52,5	37,8	38,0	37,1
Республика Коми	17,0	16,5	12,1	13,3	12,9	10,7	4,6	4,9	3,9	–	–	31,0	37,6	48,0	56,9	40,5	39,1	37,6
Архангельская область	15,5	13,7	9,6	10,8	9,8	9,6	3,7	3,1	2,3	–	–	30,9	38,7	49,7	54,5	38,0	36,6	36,3
Ненецкий АО	–	14,3	12,2	19,3	26,3	14,3	7,9	6,7	5,9	–	–	…	51,8	63,4	73,1	58,7	53,5	47,4
Мурманская область	13,9	13,5	9,1	9,2	9,7	6,7	2,9	3,8	2,6	–	–	27,7	34,2	44,3	49,6	38,1	35,8	36,4
Азиатский Север																		
Республика Саха (Якутия)	19,9	20,9	13,4	13,7	12,0	12,1	5,0	5,9	4,5	–	–	47,0	49,1	60,8	67,2	54,6	50,4	46,8
Республика Тыва	23,7	20,1	10,9	16,5	24,1	22,5	13,3	12,7	12,0	–	–	57,5	63,6	92,8	93,1	82,6	81,7	70,1
Камчатский край	20,4	20,3	14,2	13,6	11,3	13,9	7,3	6,7	5,6	–	–	31,3	39,9	45,6	54,1	44,3	42,2	42,3
Магаданская область	23,6	18,7	13,7	16,0	14,3	10,2	6,5	7,0	7,8	–	–	28,0	38,2	42,9	47,9	38,7	35,9	35,2
Сахалинская область	22,9	20,5	12,8	17,2	15,9	12,3	6,7	8,4	7,1	–	–	31,2	40,9	47,0	57,3	50,0	49,2	45,3
Ханты-Мансийский АО	–	17,2	11,8	10,8	11,1	8,4	3,1	2,6	2,5	–	–	…	42,7	55,7	61,9	48,0	45,9	43,2
Чукотский АО	23,6	24,1	32,7	32,5	21,6	15,0	20,0	9,3	12,2	–	–	31,4	55,8	52,9	53,8	44,5	41,1	41,2
Ямало-Ненецкий АО	–	17,1	10,7	10,1	8,1	9,8	3,9	4,0	3,5	–	–	…	40,1	52,5	59,9	48,5	47,7	49,0

Примечание: «…» – явление было, но сведения отсутствуют.

Источник: Демографический ежегодник России. 2023: стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 256 с.; ЕМИСС. – URL: https://www.fedstat.ru/indicator/30973 (дата обращения: 05.07.2024).

Таблица 4.10

Численность женщин в возрасте 15–17 лет регионов российского Севера по числу рожденных детей, переписи населения 2002–2021 годов

Регион	Численность женщин с числом рожденных детей											
	1	2	3	Среднее число рожденных детей (на 1 тыс. женщин)	1	2	3	Среднее число рожденных детей (на 1 тыс. женщин)	1	2	3	Среднее число рожденных детей (на 1 тыс. женщин)
	2002 г.				2010 г.				2021 г.			
Российская Федерация	**48784**	**4597**	**122**	**17**	**19862**	**1118**	**36**	**11**	**6923**	**1275**	**6**	**8**
Республика Карелия	199	8	-	11	75	2	-	9	22	3	-	6
Республика Коми	422	12	4	17	157	3	-	12	46	2	-	9
Республика Саха (Якутия)	767	135	-	39	205	8	-	10	88	10	-	10
Республика Тыва	149	7	-	15	125	1	-	16	65	8	-	13
Камчатский край	110	5	-	14	43	-	-	10	30	3	-	16
Архангельская область	347	21	-	11	150	4	-	9	51	8	-	8
Ненецкий АО	22	1	-	22	17	-	-	25	4	-	-	10
Магаданская область	111	7	-	28	25	1	-	12	11	5	-	23
Мурманская область	239	36	-	15	89	1	-	9	38	6	-	11
Сахалинская область	220	23	-	21	100	4	-	16	38	6	-	14
Ханты-Мансийский АО	404	29	-	14	243	10	1	11	87	19	-	10
Чукотский АО	29	2	-	31	19	1	-	27	7	-	-	15
Ямало-Ненецкий АО	159	5	-	14	67	4	-	8	31	8	-	11

Источники: ВПН-2002. Т. 12, табл. 1. – URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30 (дата обращения: 06.07.2024); ВПН-2010. Т. 10, табл. 1. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 06.07.2024); ВПН-2021. Т. 9, табл. 1. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 06.07.2024).

Таблица 4.11

Численность женщин на российском Севере в возрасте 15–17 лет, родивших детей в браке, переписи населения 2002–2021 годов

Регион	Женщины, родившие в браке в возрасте 15–17 лет, чел.			Доля женщин, родивших в браке в возрасте 15–17 лет, от всех указавших, %		
	2002 г.	2010 г.	2021 г.*	2002 г.	2010 г.	2021 г.*
Российская Федерация	**18 829**	**11 826**	**3 131**	**0,06**	**0,04**	**0,01**
Европейский Север	**379**	**254**	**49**	**0,05**	**0,03**	**0,01**
Республика Карелия	88	46	5	0,06	0,03	0,01
Республика Коми	97	91	15	0,05	0,05	0,01
Архангельская область	126	73	18	0,04	0,03	0,01
Ненецкий АО	12	8	1	0,15	0,09	0,01
Мурманская обл.	68	44	11	0,04	0,03	0,01
Азиатский Север	**691**	**398**	**100**	**0,08**	**0,04**	**0,01**
Республика Саха (Якутия)	200	95	27	0,11	0,05	0,02
Республика Тыва	39	52	20	0,07	0,09	0,03
Камчатский край	49	19	11	0,07	0,03	0,02
Магаданская область	34	14	3	0,09	0,04	0,01
Сахалинская область	71	42	7	0,06	0,04	0,01
Ханты-Мансийский АО	187	143	18	0,06	0,04	0,01
Чукотский АО	14	5	1	0,14	0,05	0,01
Ямало-Ненецкий АО	97	28	13	0,09	0,02	0,02

*Примечание: * – женщины, состоящие в зарегистрированном браке или в незарегистрированном супружеском союзе.*
Источники: ВПН-2002. Т. 12, табл. 2. – URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30 (дата обращения: 08.07.2024); ВПН-2010. Т. 10, табл. 3. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.07.2024); ВПН-2021. Т. 9, табл. 3. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 08.07.2024).

Таблица 4.12

Прерывание беременности (аборты) в возрасте до 17 лет в России, 2008–2022 годы

Показатель	Год										
	2008	2009	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Всего абортов, тыс.	**1385,6**	**1292,4**	**1186,1**	**848,2**	**836,6**	**779,8**	**661,0**	**621,7**	**553,5**	**517,7**	**503,8**
Число абортов в возрасте 14 лет и моложе, тыс.	0,9	0,7	0,6	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,4	0,4	0,2

Окончание таблицы 4.12

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Доля абортов в возрасте 14 лет и моложе, %	0,06	0,05	0,05	0,04	0,04	0,05	0,05	0,06	0,07	0,08	0,04
Число абортов в возрасте 15–17 лет, тыс.	35,1	26,8	20,6	8,0	7,2	5,5	5,0	5,1	3,9	4,2	3,5
Доля абортов в возрасте 15–17 лет, %	2,53	2,07	1,74	0,94	0,86	0,71	0,76	0,82	0,70	0,81	0,69

Примечание: данные в возрастном периоде 15–17 лет представлены Росстатом только с 2008 г.
Источник (здесь и табл. 4.13): Демографический ежегодник России 2013–2023 гг. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 09.07.2024).

В настоящее время отсутствует полная информация по абортам в 13 регионах российского Севера (далее – РС), но в качестве иллюстрации можно рассмотреть Республику Коми, «отражающую особенности старообжитых регионов Европейского Севера и перспективы демографического развития Азиатского Севера» *(Фаузер, 1996)*. В Республике Коми с 2008 по 2020 г. произошли позитивные изменения в возрастной структуре прерывания беременности: в группе 10–14 лет число абортов сократилось в 2,0 раза, а в группе 15–17 лет – в 6,5 раза. На фоне снижения частоты абортов у молодых контингентов она имела разнонаправленную динамику у женщин 45–49 лет – с 1,3 случев в 2008 г. в расчете на 1 тыс. женщин до 5,4 случев в 2018 г., затем вновь снижение до 1,3 случаев *(Фаузер, 2022а, с. 408)*. Положительная динамика была отмечена и в период с 2013 по 2022 г. В возрасте до 14 лет сокращение составило 4,0 раза, а в возрасте 15–17 лет – 3,8 раза. В то время как доля абортов в 2013 г. составляла 2,2 %, к 2022 г. произошло ее снижение до 1,2 % от общего числа, что составило разницу в 1,0 п. п. (табл. 4.13).

Таблица 4.13

Прерывание беременности (аборты) в возрасте до 17 лет в Республике Коми, 2013–2022 годы

Показатель	Год									
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Всего абортов	**7836**	**7037**	**6507**	**6217**	**6468**	**5209**	**4929**	**4501**	**4328**	**3902**
Число абортов в возрасте до 17 лет включительно, в том числе	173	121	127	111	68	70	51	52	54	46

Окончание таблицы 4.13

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
14 и моложе	8	2	3	4	6	5	7	4	6	2
15–17	165	119	124	107	62	65	44	48	48	44
Доля абортов в возрасте до 17 лет включительно, %	2,2	1,7	2,0	1,8	1,1	1,3	1,0	1,2	1,2	1,2

20 февраля 2024 г. в Общественной приемной Главы Республики Коми состоялась очередная тематическая прямая линия, одним из гостей которой была врач-гинеколог г. Сыктывкар Светлана Невская. Она отметила, что «аборты негативно сказываются на женском организме, особенно в молодом возрасте, и могут привести к бесплодию в будущем», «в современной медицине преимущественно делаются медикаментозные аборты на ранних сроках. Однако в 4,0 % случаев могут возникнуть серьезные осложнения»[39].

Таким образом, можно сделать вывод «о существенной трансформации динамики рождаемости среди матерей-подростков за последние несколько десятилетий. Эти изменения отражают комплексное влияние образовательных, социально-экономических и культурных факторов, которые потенциально могут обеспечить устойчивое снижение числа подростковых беременностей в будущем. Важно продолжать исследование и внедрение политик, поддерживающих образование и доступ к медицинским услугам, чтобы далее способствовать улучшению здоровья и благополучия молодых матерей и их детей» *(Вартанова, 2022)*. Также предлагается пересмотреть существующее законодательство, формирующее социальные нормы сексуального, репродуктивного и абортивного поведения несовершеннолетних с целью «создания условий для достойного воспитания детей в семье, охраны репродуктивного здоровья будущих отцов и матерей» *(Сигарева, 2020, с. 140)*.

4.3. Уровень и структура смертности населения на российском Севере

Уровень смертности населения наиболее адекватно отражает показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Для условного поколения года наблюдения он показывает, до какого возраста в среднем доживут лица, родившиеся в данном календарном году, если на протяжении их жизни сохранятся неизменными возрастные коэффициенты

[39] Новости Коми: официальный сайт. Сыктывкар. – URL: https://news-komi.ru/news/vrach-iz-komi-rasskazala-o-podrostkovoj-beremennosti/ (дата обращения: 25.04.2024).

смертности, наблюдаемые в указанном году. Этот показатель служит важнейшей интегральной характеристикой смертности, измеряющей уровень преждевременной смертности и позволяющей судить об изменениях во времени и пространстве *(Демографическая энциклопедия, 2013, с. 615)*, т. е. делать динамические и межрегиональные сравнения. Ожидаемая продолжительность жизни рассчитывается отдельно для мужчин и женщин, для городской и сельской местности, т. е. дает возможность корректно оценивать гендерную и межпоселенческую дифференциацию уровня смертности. Продолжительность жизни рассматривается как один из главных индикаторов качества жизни населения, уровня развития системы здравоохранения и благополучия общества в целом, т. е. может использоваться для межстрановых транзитологических исследований уровня и качества жизни населения.

После сложного периода 1990-х – начала 2000-х гг., характеризовавшегося в России разнонаправленными тенденциями продолжительности жизни с фиксацией в 1994 и 2003 г. минимальных после завершения первого этапа эпидемиологической революции уровней, на протяжении 16 лет в стране наблюдался устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни населения (рис. 4.4). За 2003–2019 гг. показатель увеличился на 8,5 года с достижением исторического максимума, составившего 73,3 года для всего населения России, 68,3 года для мужчин и 78,1 года для женщин[40].

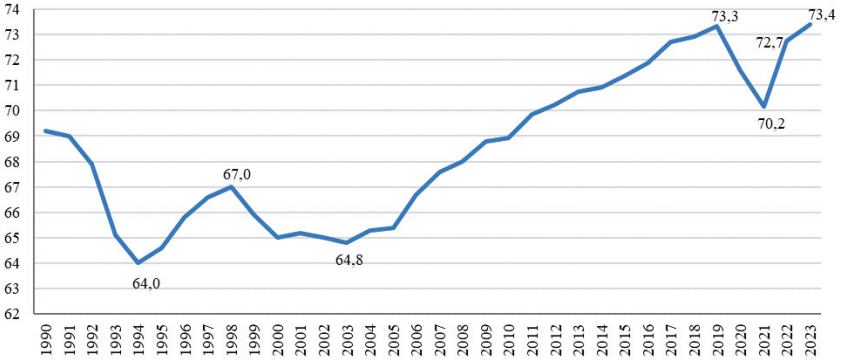

Рис. 4.4. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения России, 1990–2023 гг., лет

В условиях пандемии COVID-19 произошло значительное ухудшение ситуации со смертностью. В 2020 г. продолжительность жизни россиян

[40] Здесь и далее: Официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.07.2024).

уменьшилась на 1,7 года (до 71,6 лет), в 2021 г. – еще на 1,4 года (до 70,2 лет). По результатам 2022–2023 гг. в стране фиксируется восстановление позитивной динамики показателя. В 2023 г. его уровень составил 73,4 года, что немного выше, чем в допандемийном 2019 г., т. е. является новым российским максимумом ожидаемой продолжительности жизни населения.

Для России – с ее огромной территорией с разными природно-климатическими и заметно различающимися социально-экономическими условиями, с многонациональным населением с сохранившимися этническими особенностями самосохранительного поведения и исторически сложившимися устойчивыми региональными различиями в возрастной структуре – характерна существенная региональная дифференциация в величине продолжительности жизни населения. Рост начала 2000-х гг. сопровождался региональной конвергенцией показателя: уплотнением регионов к среднему уровню и сверху, и снизу *(Попова, Зорина, 2019)*. Тем не менее дифференциация остается очень значительной: разница между лучшим и худшим показателями составляет в 2023 г. 13,3 лет (79,9 лет в Республике Дагестан и 66,6 года в Республике Тыва и Чукотском автономном округе). В 60 из 85 субъектов федерации продолжительность жизни ниже среднероссийского уровня, отставание варьирует от 0,1 до 6,8 лет.

Большая часть из 13 северных субъектов Российской Федерации характеризуется уровнем ожидаемой продолжительности жизни населения ниже среднего по стране. В том числе и два признанных российских аутсайдера по этому показателю: Республика Тыва и Чукотский автономный округ, традиционно занимающие последние места в рейтинге регионов России по продолжительности жизни. Лишь в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах величина продолжительности жизни населения стабильно превышает общероссийский уровень (рис. 4.5).

Поэтому вопросы здоровья и продолжительности жизни населения на Севере являются предметом пристального внимания органов здравоохранения и академических институтов *(Нечаева, 2002; Ткачев, Добродеева, Бичкаева, 2005; Скавронская, Леус, Федосеева, 2005; Нужная, Нужный, Шмаков, 2008; Parshukova, Potolitsyna, Shadrina et al., 2014; Markov, Solonin, Bojko, 2016)*. Данные медицинской статистики свидетельствуют о том, что состояние здоровья в северных регионах хуже, чем в средней полосе. Заболеваемость как взрослого, так и детского населения в среднем в полтора раза выше, чем в средних широтах *(Нужная, Нужный, Шмаков, 2008)*. Для зоны Севера характерны своеобразный микро- и макроэлементный состав воды и почвы и, как правило, недостаток или нарушенный баланс биологически активных компонентов; жесткие климатические условия; контрастная динамика светового дня (от полярного дня до полярной ночи);

интенсивный режим, более напряженные гелио-геомагнитные связи и другие моменты. Влияние перечисленных факторов и в комплексе, и по отдельности, безусловно, не безразлично для эндокринной и иммунной систем, метаболической реализации физиологических процессов *(Ткачев, Добродеева, Бичкаева, 2005)*. Болезни в условиях Севера возникают и развиваются в более раннем возрасте, протекают в более тяжелой форме и летальность по причине заболевания наступает раньше, чем в средних широтах *(Нечаева, 2002)*. Географические и климатические факторы северных широт оказывают неблагоприятное влияние на механизмы регуляции артериального давления (Скавронская, Леус, Федосеева, 2005). В результате на Севере выше заболеваемость, выше смертность, меньше продолжительность жизни населения.

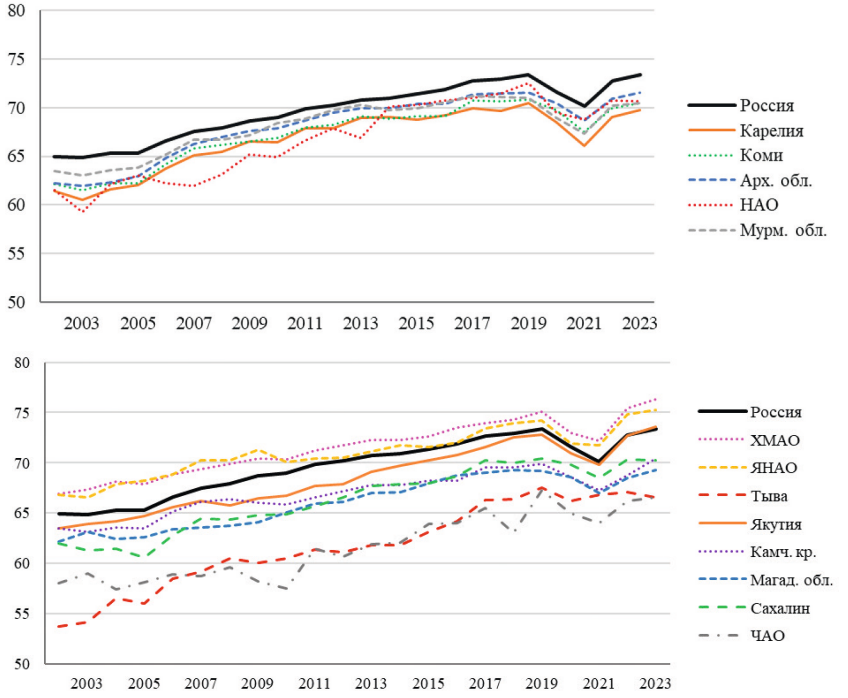

Рис. 4.5. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения на Европейском и Азиатском Севере России, 2002–2023 гг., лет

Превышающая общероссийский уровень продолжительность жизни населения в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах во многом обусловлена «вывозом смертности» в южные регионы, характерным для добывающих северных территорий со значительным процентом населения, проживающего в городах и рабочих поселках (на начало 2023 г. в Ханты-Мансийском АО 92,2 % городского населения, в Ямало-Ненецком АО – 84,7 % против 74,9 % в среднем по стране)[41]. Об этом убедительно свидетельствует очень незначительная в округах доля населения старше трудоспособного возраста: 13,0 % в ЯНАО и 16,6 % в ХМАО, в сравнении с 24,5 % в среднем по России[42]. К пенсионному возрасту работники нефтяной и газовой отраслей, многие из которых являются мигрантами первого и второго поколений, имеют достаточные накопления и хорошие возможности для переезда в регионы с благоприятным климатом. В то время как невысокий удельный вес пенсионных контингентов в Республике Тыва (10,6 %) и Чукотском АО (13,6 %), характеризующихся повышенной долей сельских жителей (соответственно 44,7 и 30,9 % против 25,1 % в целом по стране) – это, наоборот, следствие высокой преждевременной смертности и низкой продолжительности жизни коренного населения этих регионов.

Так же, как и в целом по стране, на Севере с 2004 по 2019 г. в основном прослеживалась тенденция роста продолжительности жизни. В некоторых регионах, особенно с очень малочисленным населением, как, например, в Ненецком и Чукотском автономных округах, увеличение показателя было не вполне последовательным, но растущий тренд в 2003–2019 гг. зафиксирован везде. Особенно значительным он оказался в Ненецком автономном округе и Республике Тыва. В результате Ненецкий АО из регионов-аутсайдеров перешел в группу регионов со среднероссийским уровнем продолжительности жизни населения. В то же время Тыва, несмотря на столь же существенный рост показателя, осталась среди абсолютных аутсайдеров (табл. 4.14).

[41] Демографический ежегодник Республики Коми. 2023: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2023. – 156 с. – С. 122–123.

[42] Там же. С. 126–127.

Таблица 4.14

Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения северных регионов России, 2003–2023 годы, лет

Регион	2003	2019	Прирост за 2003–2019 годы	2021	Снижение за 2019–2021 годы	2023	Прирост за 2021–2023 годы
Ханты-Мансийский АО	67,3	75,1	7,8	72,2	-3,0	76,3	4,2
Ямало-Ненецкий АО	66,6	74,2	7,6	71,8	-2,4	75,3	3,5
Республика Саха (Якутия)	64,0	72,8	8,9	69,8	-3,0	73,6	3,7
Российская Федерация	**64,9**	**73,3**	**8,5**	**70,2**	**-3,2**	**73,4**	**3,3**
Архангельская область	61,9	71,6	9,6	68,7	-2,9	71,5	2,8
Ненецкий АО	59,3	72,6	13,3	68,8	-3,8	70,7	1,9
Республика Коми	61,5	70,8	9,2	67,6	-3,2	70,4	2,9
Мурманская область	63,0	71,0	8,0	67,4	-3,7	70,4	3,1
Камчатский край	63,1	69,9	6,8	67,3	-2,6	70,4	3,1
Сахалинская область	61,3	70,4	9,1	68,5	-1,9	70,2	1,7
Республика Карелия	60,6	70,4	9,9	66,1	-4,4	69,8	3,7
Магаданская область	63,1	69,2	6,1	67,0	-2,3	69,3	2,3
Республика Тыва	54,2	67,5	13,3	66,8	-0,7	66,6	-0,2
Чукотский АО	59,0	67,3	8,2	64,0	-3,3	66,6	2,6

Примечание: ранжировано по убыванию уровня продолжительности жизни населения в 2023 г.
Источник (здесь и табл. 4.15–4.17): официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.07.2024).

Так же повсеместно на Севере в 2020–2021 гг. произошло снижение величины продолжительности жизни населения. В большинстве из северных субъектов, отличающихся низкой плотностью населения, уменьшение продолжительности жизни в период пандемии COVID-19 было меньше среднероссийского. Лишь в некоторых регионах Европейского Севера – в Карелии, Мурманской области и Ненецком АО – снижение продолжительности жизни населения за 2019–2021 гг. оказалось более существенным, чем в целом по стране.

В результате последующего двухлетнего роста допандемийный уровень ожидаемой продолжительности жизни был достигнут и превзойден в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, а также в Республике Саха (Якутия), величина показателя в которой по данным

2023 г. превысила уровень в среднем по России. Таким образом, теперь это третий северный регион с продолжительностью жизни населения выше среднероссийского. Значительный прирост продолжительности жизни за 2021–2023 гг. характерен также для Республики Карелия, но допандемийный уровень в регионе, как и в большинстве остальных северных субъектов (кроме Камчатского края и Магаданской области), к 2023 г. пока не достигнут.

На фоне роста продолжительности жизни период 2003–2019 гг. в целом характеризовался в России региональной конвергенцией продолжительности жизни населения – сближением региональных показателей со среднероссийским уровнем *(Попова, 2022)*. Для северных субъектов федерации в этот период также в основном было характерно уплотнение к уровню в целом по стране: и сверху, и снизу (табл. 4.15). За исключением Чукотского АО, Мурманской области, Камчатского края и Магаданской области, в которых за 2003–2019 гг. отставание от среднероссийского уровня увеличилось.

Таблица 4.15

Изменение разницы с общероссийским уровнем продолжительности жизни населения северных регионов, 2003–2023 годы, лет

Регион	Разница региональной продолжительности жизни с общероссийским уровнем				Изменение разницы продолжительности жизни с общероссийским уровнем за 2003–2023 гг.
	2003	2019	2021	2023	
Увеличение превышения региональным показателем среднероссийского уровня					
Ханты-Мансийский АО	2,5	1,8	2,0	2,9	0,4
Ямало-Ненецкий АО	1,7	0,9	1,6	1,9	0,2
Достижение превышения региональным показателем среднероссийского уровня					
Республика Саха (Якутия)	-0,8	-0,5	-0,4	0,1	0,9
Уменьшение отставания регионального показателя от среднероссийского уровня					
Республика Тыва	-10,6	-5,8	-3,4	-6,8	3,8
Ненецкий АО	-5,5	-0,8	-1,4	-2,7	2,8
Архангельская область	-2,8	-1,7	-1,5	-1,9	0,9
Республика Карелия	-4,3	-2,9	-4,1	-3,7	0,6
Республика Коми	-3,3	-2,5	-2,7	-3,0	0,3
Сахалинская область	-3,5	-2,9	-1,7	-3,2	0,3
Рост отставания регионального показателя от среднероссийского уровня					
Чукотский АО	-5,7	-6,0	-6,2	-6,8	-1,0
Мурманская область	-1,8	-2,3	-2,8	-3,0	-1,1
Камчатский край	-1,8	-3,4	-2,9	-3,0	-1,2
Магаданская область	-1,7	-4,1	-3,2	-4,1	-2,4

В условиях пандемии и последующего восстановления в России позитивного тренда продолжительности жизни в большинстве северных регионов произошел процесс дивергенции продолжительности жизни со среднероссийским уровнем. С одной стороны, за 2019–2023 гг. увеличилось превышение показателей в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. С другой – увеличилось отставание показателя в восьми из 11 регионов с продолжительностью жизни ниже средней по стране. Лишь в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и Магаданской области за 2019–2023 гг. произошло небольшое сближение со среднероссийским уровнем продолжительности жизни населения. При этом Якутия, ранее характеризовавшаяся отставанием показателя от среднероссийского уровня, в 2023 г. с минимальным отрывом превысила его. Для продолжительности жизни населения Камчатского края характерно небольшое уменьшение отставания, в Магаданской области разница осталась на том же уровне.

В целом за период 2003–2023 гг. более чем для половины северных регионов характерен процесс конвергенции к среднероссийскому уровню. Якутия, сближаясь снизу с уровнем в целом по стране, в 2023 г. немного превысила его. Подтянулись снизу еще шесть регионов. Особенно значительной положительной динамикой отличаются Республика Тыва (сокращение разницы с показателем по России на 3,8 лет) и Ненецкий АО (на 2,8 лет). Сближение регионального показателя продолжительности жизни со среднероссийским уровнем произошло также в Архангельской области, республиках Карелия и Коми, Сахалинской области.

Для шести северных регионов за рассматриваемый период характерно увеличение разницы со среднероссийским уровнем продолжительности жизни. Показатели в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах немного увеличили превышение уровня в целом по стране. В то же время в Чукотском АО, Мурманской области, Камчатском крае и Магаданской области за период 2003–2023 гг. произошел рост отставания регионального показателя продолжительности жизни от уровня в среднем по России. Таким образом, кроме четырех вышеуказанных регионов, остальные девять северных субъектов за 2003–2023 гг. в целом улучшили свое положение по уровню продолжительности жизни населения относительно общероссийского уровня.

Как известно, величина женской ожидаемой продолжительности жизни заметно больше мужского показателя, что связано с целым рядом обстоятельств, в том числе и объективных. Однако в России гендерная дифференциация в продолжительности жизни существенно превосходит не только различия, обусловленные биолого-генетическими особенностями женского и мужского организмов, составляющие 3–4 года, но и характерную для промышленно развитых стран разницу в 5–8 лет *(Харченко, Акопян, Михайлова и др., 2002)*. Поскольку внешние условия жизни у мужчин и женщин в целом одинаковы, очевидно, что значительное превышение биолого-генетических межполовых различий в продолжительности жизни определяется разным образом жизни, подразумевающим не только распространенность вредных привычек, но и другие поведенческие особенности: склонность к риску, различия в профессиональном выборе в совокупности с условиями труда традиционно мужских и женских профессий, отличающиеся способы преодоления эмоционального напряжения и стрессовых ситуаций, разное отношение к своему здоровью, к жизни вообще и многое другое.

Наиболее значительные уровни отставания мужского показателя, превышающие 13 лет, были характерны в России для периодов минимальной продолжительности жизни населения середины 1990-х гг. и начала 2000-х (рис. 4.6). В 2005 г. гендерная дифференциация составила в России 13,6 лет, после чего постепенно сокращалась, достигнув в 2019 г. 11,3 лет.

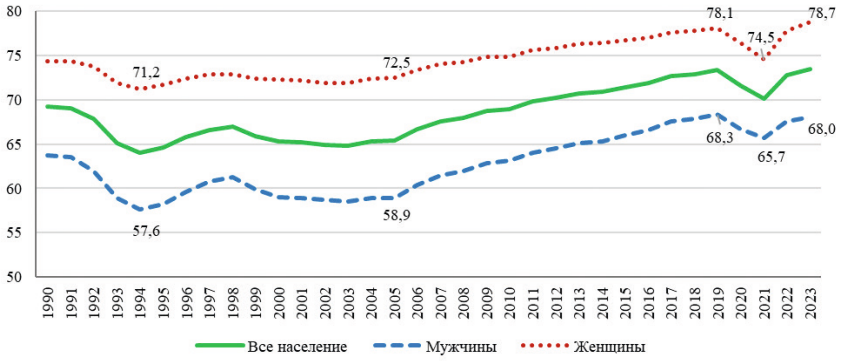

Рис. 4.6. Динамика ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в Российской Федерации, 1990–2023 гг., лет

В условиях пандемии COVID-19 существенно уменьшился показатель ожидаемой продолжительности жизни женщин: на 3,6 лет против 2,6 лет у мужчин. Вероятно, определенную роль сыграла заметно более старая возрастная структура женщин: в 2020–2021 гг. в возрастах от 60 до 70 лет женщин в России было в полтора раза больше, чем мужчин, в возрасте старше 70 лет – в 2,3 раза. При этом еще в первые месяцы эпидемии на основе статистики заболеваемости и смертности от коронавируса SARS-CoV-2 было установлено, что в группу людей с самым высоким риском тяжелого течения болезни и смерти входят лица старше 60 лет и с хроническими (гипертония, диабет, сердечно-сосудистые заболевания, заболевания респираторного тракта) и онкологическими заболеваниями. Смертность от коронавируса увеличивается с возрастом, самая высокая – среди людей старше 80 лет (коэффициент летальности – 21,9 %)[43]. В результате произошло дальнейшее сокращение гендерной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни – до достаточно приемлемого уровня 8,8 лет. Однако в последние два года опять фиксируется нарастание отставания мужского показателя – до 10,7 лет в 2023 г. После двух лет восстановления в России позитивной динамики продолжительности жизни у женщин, как и в целом по населению, зафиксирован максимальный уровень ожидаемой продолжительности жизни 78,7 лет, у мужчин максимум 2019 г. в 2023 г. пока не достигнут.

В северных регионах России тенденции величины межполовых различий в основном повторяют общероссийские, однако уровень различий в большинстве из них заметно превышает среднее по стране отставание мужского показателя. Лишь в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах гендерные различия традиционно меньше. В 2023 г. они составляют соответственно 9,3 и 9,8 года против 10,7 лет в целом по России. Менее значительное отставание мужского показателя хорошо коррелирует с высоким уровнем продолжительности жизни населения этих регионов.

Наиболее существенное превышение женского показателя в 2023 г. зафиксировано в Чукотском (17,7 лет) и Ненецком (14,2 года) автономных округах. Разница более 13 лет – в республиках Карелия и Тыва и Сахалинской области. Более 12 лет – в Архангельской области и Республике Коми. В Мурманской и Магаданской областях, Республике Саха (Якутия) и Камчатском крае гендерная дифференциация продолжительности жизни в 2023 г. превышает 11 лет.

Продолжительность жизни городского населения России традиционно выше сельского показателя (рис. 4.7). Это обусловлено низким уров-

[43] Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. – URL: https://www.rosminzdrav.ru/ (дата обращения 20.12.2020).

нем жизни сельского населения, более тяжелыми в среднем условиями труда, недостаточной комфортностью проживания на селе, доступностью коммунально-бытовых удобств и высококвалифицированной медицинской помощи и другими факторами. При этом более чем в половине российских регионов отставание сельского показателя больше, чем в целом по стране, а в ряде субъектов – значительно *(Попова, Зорина, 2019)*.

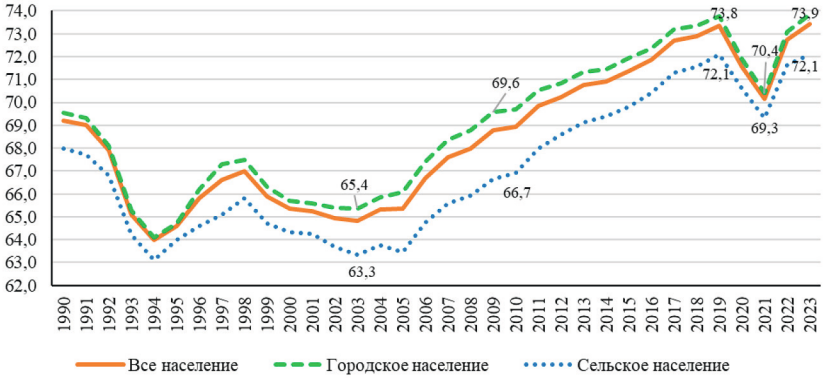

Рис. 4.7. Динамика ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения России, 1990–2023 гг., лет

Увеличение продолжительности жизни россиян начала 2000-х гг. сопровождалось неоднозначной динамикой межпоселенческих различий. До 2009 г. рост городского показателя в России был заметно существенней – разница между городом и селом за 2003–2009 гг. увеличилась с 2,0 до 2,9 лет. Затем опережающими темпами повышалась продолжительность жизни сельского населения – за 2009–2019 гг. межпоселенческие различия уменьшились до 1,7 лет.

В период пандемии было зафиксировано более значительное уменьшение продолжительности жизни населения в городской местности, поскольку лидерами по скорости распространения коронавирусной инфекции, обусловленной COVID-19, были сверхкрупные и крупные города с прилегающими урбанизированными территориями с высокой плотностью населения, что сопровождалось соответствующим ростом смертности за счет новой причины. В целом по России непосредственно диагноз «коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19» в 2020 г. стал причиной 6,8 % всех смертных случаев (7,6 % в городской местности, 4,4 % – в сельской), а в 2021 г. – причиной почти пятой части смер-

тей: 19,1 % (в городе и селе соответственно 20,7 и 14,6 %)[44]. В результате межпоселенческие различия в продолжительности жизни населения, нараставшие практически до конца нулевых годов, достигнув в 2009 г. 2,9 лет, и сократившиеся за последующее десятилетие более чем на 40 %, до 1,7 года, за 2020–2021 гг. уменьшились в России еще на 0,6 года, составив в 2021 г. 1,1 года. Однако в 2022–2023 гг., в условиях восстановления позитивной динамики продолжительности жизни, вновь произошел рост отставания уровня сельского показателя – до 1,7 года в 2023 г. Тем не менее максимальный уровень продолжительности жизни населения в 2023 г. был достигнут как в городской, так и сельской местности страны.

В северных регионах тенденции межпоселенческой дифференциации продолжительности жизни в целом повторяют общероссийские. В то же время разница в величине продолжительности жизни между городом и селом (кроме Мурманской области) намного больше, чем в среднем по России. Очевидно, что в суровых природно-климатических условиях факторы отставания сельского показателя играют более существенную роль. В 2023 г. самое значительное на Севере отставание продолжительности жизни сельского населения было зафиксировано в Чукотском автономном округе (12,8 лет против 1,7 года в целом по стране), в Магаданской области (11,2 года), Ненецком (10,6 лет) и Ямало-Ненецком (9,3 года) автономных округах. Почти достигают семи лет межпоселенческие различия в Республике Тыва. В Архангельской области и Республике Коми отставание в сельской местности превышает пять лет, в Карелии и Сахалинской области разница более четырех лет, в Якутии и Камчатском крае превышает три года, в Ханты-Мансийском автономном округе отставание сельского показателя в 2023 г. свыше двух лет. Лишь в Мурманской области, которая отличается очень незначительным процентом сельского населения (7,0 % на начало 2023 г., по сравнению с 25,1 % в целом по России[45]), межпоселенческая разница в уровне продолжительности жизни населения традиционно обратная: отставание городского показателя составляет в 2023 г. 0,4 года.

Основные группы причин смертности современного населения – это болезни системы кровообращения; новообразования; внешние причины (подразумевающие не болезни, а несчастные случаи, отравления, травмы, убийства, самоубийства и прочие неестественные причины); болезни органов пищеварения; болезни органов дыхания; инфекционные и паразитарные болезни (группы перечислены по убыванию их доли в последние

[44] Официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.07.2024).

[45] Демографический ежегодник Республики Коми. 2023: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2023. – С. 122.

годы). На эти шесть классов причин до 2012 г. в России приходилось свыше 90 % случаев смерти, в последние годы до пандемии – более 80 %. То есть, несмотря на уменьшение их удельного веса, они по-прежнему определяли уровень смертности и продолжительности жизни населения.

За 2003–2019 гг. на фоне снижения общей смертности в России произошло сокращение уровня смертности от четырех из шести основных групп причин, особенно значительно от внешних причин и болезней органов дыхания. Немного увеличилась в этот период смертность от новообразований и достаточно заметно – от болезней органов пищеварения. В 2006 г. в стране произошла двойная перегруппировка основных причин смерти: внешние причины уступили новообразованиям второе место в структуре смертности, переместившись на третью позицию, болезни органов дыхания были потеснены с четвертого места болезнями органов пищеварения (табл. 4.16).

Таблица 4.16

Темпы прироста (убыли) коэффициентов смертности населения от основных групп причин смерти в Российской Федерации, %

Период, годы	Все причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования
2003–2019	-25,4	-42,8	18,0	-38,2	-59,8	-13,5	0,5
2019–2021	36,6	95,3	11,2	11,7	1,6	-15,2	-4,6
2021–2023	-27,9	-32,7	-0,7	-13,1	12,4	-3,2	1,7

Значительно, почти в 2,5 раза, за 2003–2019 гг. в России увеличилась доля остальных причин смерти. В 2003–2012 гг. они составляли 8–9 % в структуре смертности, а к 2018–2019 гг. их удельный вес достиг порядка 18,5 % – главным образом вследствие роста смертности от нейродегенеративных болезней в условиях активного старения населения страны. С включением в состав прочих причин смерти коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, обозначенной в Краткой номенклатуре причин смерти под номером 320[46], в первый год пандемии процент остальных причин смерти увеличился до 24,8 %, в 2021 г. – до 34,2 %. Соответственно,

[46] Краткая номенклатура причин смерти 2010 г., основанная на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781# (дата обращения: 20.07.2024).

доля шести основных причин уменьшилась в 2020 г. до 75,2 %, в 2021 г. – до 65,8 % (табл. 4.17).

Таблица 4.17

Динамика доли смертности населения Российской Федерации от основных групп причин смерти, 1990–2023 годы, %

Год	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Остальные причины
1990	5,3	2,6	55,3	12,0	1,1	17,4	6,4
1991	4,9	2,5	54,5	12,5	1,1	17,4	7,1
1992	4,8	2,7	53,1	14,2	1,1	16,6	7,5
1993	5,1	2,6	53,2	15,8	1,2	14,3	7,8
1994	5,2	2,8	53,5	16,0	1,3	13,2	8,1
1995	4,9	3,1	52,8	15,8	1,4	13,6	8,4
1996	4,8	3,0	53,5	14,8	1,5	14,1	8,4
1997	4,6	2,9	54,6	13,6	1,5	14,7	8,1
1998	4,2	2,8	55,0	13,8	1,4	14,9	7,9
1999	4,4	2,8	55,4	14,0	1,7	13,9	7,8
2000	4,6	2,9	55,3	14,3	1,6	13,4	7,8
2001	4,2	3,1	55,6	14,7	1,6	13,0	7,8
2002	4,3	3,2	56,1	14,5	1,6	12,6	7,7
2003	4,3	3,5	56,4	14,2	1,6	12,3	7,7
2004	4,0	3,7	56,1	14,3	1,6	12,6	7,6
2005	4,1	4,1	56,4	13,7	1,7	12,5	7,5
2006	3,8	4,1	56,9	13,1	1,7	13,2	7,3
2007	3,7	4,2	57,0	12,5	1,7	13,9	7,1
2008	3,8	4,4	57,1	11,8	1,7	13,9	7,3
2009	4,0	4,4	56,5	11,2	1,7	14,6	7,6
2010	3,7	4,5	56,8	10,7	1,7	14,5	8,2
2011	3,9	4,6	55,9	10,3	1,8	15,2	8,3
2012	3,7	4,7	55,4	10,2	1,7	15,3	9,1
2013	4,0	4,7	53,5	9,9	1,7	15,6	10,6
2014	4,2	5,1	50,1	9,9	1,7	15,5	13,5
2015	4,0	5,3	48,7	9,3	1,8	15,7	15,1
2016	3,7	5,2	47,8	8,9	1,9	15,8	16,7
2017	3,4	5,1	47,2	8,4	1,9	16,1	17,9
2018	3,3	5,2	46,8	7,9	1,9	16,3	18,5

Окончание таблицы 4.17

2019	3,3	5,5	46,8	7,7	1,8	16,6	18,4
2020	4,5	5,0	43,9	6,5	1,4	13,8	24,8
2021	4,7	4,5	38,3	5,7	1,1	11,6	34,2
2022	4,3	5,4	43,8	7,7	1,4	14,8	22,6
2023	4,4	6,1	46,2	8,9	1,5	16,4	16,5

Как уже отмечалось, в 2020 г. коронавирусная инфекция, вызываемая COVID-19, стала причиной 6,8 % всех смертных случаев в России (7,6 % в городской местности, 4,4 % – в сельской), в 2021 г. – почти пятой части смертей: 19,1 % (в городе и селе соответственно 20,7 и 14,6 %). Если рассматривать смертность от коронавирусной инфекции как отдельную группу причин смерти, то в 2020–2021 гг. она попала бы в России в число основных причин смертности населения, характеризующихся статистически значимым уровнем. В 2020 г. коронавирусная инфекция заняла бы третье место в структуре основных групп причин смерти после болезней системы кровообращения и новообразований, в 2021 г. уровень смертности от COVID-19 уступил бы лишь смертности от болезней системы кровообращения.

Параллельно с ростом смертности от прочих причин за 2019–2021 гг. в России увеличился уровень смертности от четырех из шести основных групп причин – кроме новообразований и инфекционных и паразитарных болезней, смертность от которых сократилась. В последние два года на фоне снижения общего уровня смертности произошло сокращение доли прочих причин смерти ниже допандемийного уровня. Возрастание удельных весов практически всех основных групп причин смерти (кроме болезней органов дыхания) сопровождается в стране снижением уровня смертности от большинства этих групп. Увеличился в России за 2021–2023 гг. уровень смертности от внешних причин (по понятным причинам) и от новообразований.

В зоне Севера структура смертности по причинам соответствует общероссийской (за исключением Республики Тыва и Чукотского автономного округа). Каких-либо выраженных закономерностей в целом для группы северных регионов нет, кроме традиционно высокой доли смертей от внешних причин, в основе чего лежат как поведенческие, так и средовые факторы риска: неблагополучная нравственно-психологическая и криминогенная обстановка, низкий уровень и неблагоприятный образ жизни населения, недостаточный уровень безопасности условий труда, отдыха и передвижений.

Во всех северных регионах, в которых переход к современной структуре смертности по причинам смерти уже произошел, внешние причины уступили новообразованиям второе место в структуре смертности по причинам позже, чем в целом по России (в 2006 г.). В Мурманской области неестественные причины смерти опустились на третью позицию в 2007 г., в Карелии – в 2008 г., в Архангельской области и Камчатском крае – в 2009 г., в Республике Коми, Ханты-Мансийском АО и Магаданской области – в 2011 г., в Сахалинской области – в 2012 г., в Республике Саха (Якутия) – в 2017 г., Ненецком АО – в 2018 г., Ямало-Ненецком АО – в 2019 г. В Республике Тыва и Чукотском АО эта группа причин по-прежнему занимает второе место в структуре смертности по причинам. Более того, уровень смертности от внешних причин в этих регионах в два раза превосходит смертность от новообразований. В то же время в Карелии, Мурманской и Архангельской областях удельный вес внешних причин смерти в последние годы опустился ниже общероссийского уровня (табл. 4.18).

Таблица 4.18

Доля смертности населения северных регионов от основных групп причин смерти, 2022 год, %

Регион	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Остальные причины
Российская Федерация	**4,3**	**5,4**	**43,8**	**7,7**	**1,4**	**14,8**	**22,6**
Республика Карелия	5,2	5,5	47,9	6,8	0,7	14,0	20,0
Республика Коми	4,0	7,6	44,8	10,0	0,9	16,1	16,5
Республика Саха (Якутия)	5,0	4,6	43,4	13,4	1,3	14,8	17,4
Республика Тыва	5,9	7,5	35,2	26,9	3,7	13,2	7,7
Камчатский край	3,5	5,7	52,1	9,0	0,8	12,8	16,1
Архангельская область	4,5	4,8	46,1	7,6	0,5	16,0	20,5
Магаданская область	7,8	9,5	42,4	12,5	1,0	15,2	11,6
Мурманская область	3,1	6,4	47,3	7,3	0,8	15,7	19,4
Сахалинская область	7,9	10,5	23,5	11,7	0,8	16,3	29,3
Ненецкий АО	8,8	10,2	35,2	14,7	0,0	19,0	12,2
Ханты-Мансийский АО	3,5	6,0	38,2	9,3	3,2	19,4	20,3

Окончание таблицы 4.18

Чукотский АО	4,7	5,9	45,5	22,1	2,0	10,0	9,7
Ямало-Ненецкий АО	4,3	6,4	38,8	16,5	1,9	18,1	14,0

Рассчитано по: Демографический ежегодник Республики Коми. 2023: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2023. – 156 с. – С. 136–137.

Таким образом, тенденции смертности в зоне Севера в целом повторяют общероссийские. Большая часть северных субъектов, как и раньше, характеризуется показателем ожидаемой продолжительности жизни населения ниже среднероссийского. Однако за 2003–2023 гг. девять северных регионов улучшили свое положение по этому показателю относительно общероссийского уровня (за исключением Чукотского АО, Мурманской области, Камчатского края и Магаданской области). При этом количество северных субъектов с уровнем продолжительности жизни выше среднероссийского в 2023 г. увеличилось: к Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам добавилась Республика Саха (Якутия).

Возможности дальнейшего роста продолжительности жизни населения на Севере определяются прежде всего средовыми и поведенческими факторами риска, отраженными в значительных межпоселенческих различиях продолжительности жизни, существенной гендерной дифференциации и высокой доле смертности от внешних причин. Преодоление значительного отставания показателя в сельской местности предполагает усиление акцента в социально-демографической политике регионов на совершенствовании санитарно-бытовых условий на селе, повышении уровня жизни сельских жителей, улучшении им доступа к квалифицированным услугам здравоохранения и высокотехнологичной медицине. Сокращение отставания мужского показателя предусматривает более пристальное внимание в социально-демографической политике к вопросам, связанным с неблагоприятным образом жизни мужчин, особенно в трудоспособном возрасте, с гендерными различиями в поведенческих факторах риска производственного, бытового и дорожного травматизма, с профилактикой рискового поведения.

Несмотря на самые значительные темпы снижения, практически повсеместно на Севере высоки уровень смертности от внешних причин и ее доля в структуре смертности по причинам, в основе чего лежат как поведенческие, так и средовые факторы риска: неблагополучная нравственно-психологическая и криминогенная обстановка, низкий уровень и неблаго-

приятный образ жизни населения, недостаточный уровень безопасности условий труда, отдыха и передвижений. Снижение поведенческих и средовых факторов риска в значительной степени будет содействовать также сокращению смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний, уменьшению гендерной дифференциации продолжительности жизни и преодолению отставания сельского показателя, во многом обусловленных неблагоприятным образом жизни.

4.4. Смертность и травматизм от несчастных случаев на производстве в регионах российского Севера

В научной литературе под «смертностью от внешних причин», «насильственной смертностью», «смертностью от повреждений» или «травматической смертностью» понимается смертность от причин, вызванных не болезнями, а различными внешними воздействиями – умышленными (убийства и самоубийства) или неумышленными (всякого рода несчастные случаи) *(Богоявленский, 2001)*. Причины травматической смертности достаточно разнообразны, в основе их лежат различные факторы и условия *(Дубровина, 2004, с. 8)*.

Смертность – это только верхушка клинического айсберга; на каждый случай смерти в результате воздействия внешних причин приходится множество случаев травм и повреждений, которые имеют многообразные последствия для здоровья и во многих случаях сопровождаются частичной или полной утратой трудоспособности *(Рамонов, Васин, 2012)*.

Одной из глобальных проблем является производственный травматизм[47]. Первый совместный доклад ВОЗ и МОТ предваряет утверждение о том, что никто не должен заболеть или умереть, выполняя свою работу. Однако от воздействия опасных факторов на рабочем месте во всем мире ежегодно умирает огромное число людей. Так, в 2016 г. заболевания и травмы, связанные с трудовой деятельностью, в совокупности стали причиной смерти 1,88 млн человек, из которых 363 тыс. человек (19 %) погибли в результате несчастного случая на производстве *(WHO/ILO joint estimates, 2021, p. 47)*. Еще более 350 млн человек ежегодно страдают от производственных травм, не приводящих к смертельному исходу *(Охрана труда, 2019, с. 1)*. В России, как и во многих других странах мира, производственный травматизм является актуальной проблемой, сокращение уровня смертности и травматизма от несчастных случаев на производстве было

[47] Statistics on safety and health indicators at work // ILOSTAT. – URL: https://ilostat.ilo.org/es/topics/safety-and-health-at-work/ (дата обращения: 22.04.2024).

закреплено в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.[48]

Источники данных о несчастных случаях на производстве. В настоящее время в России отсутствует единая система государственного учета и расследования несчастных случаев на производстве. Основным источником данных о травматизме и смертности от несчастных случаев на производстве являются документы, размещенные в *Единой общероссийской справочно-информационной системе по охране труда* (далее – ЕИСОТ), объединяющие в себе сведения различных организаций, фиксирующих такие случаи. Этими документами являются ежегодно публикуемые Доклады о результатах мониторинга условий и охраны труда в РФ (до 2015 г. – Доклады о реализации государственной политики в области условий и охраны труда в РФ) и Приложения к ним, подготавливаемые Министерством труда и социальной защиты РФ при участии ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России[49].

Следует отметить, что ввиду учета и регистрации происшествий каждой из организаций на основе различных методологических подходов, продиктованных разными целями, их данные значительно отличаются друг от друга. Так, *Росстат* учитывает пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом. Сведения о травматизме на производстве для федерального статистического наблюдения в настоящее время предоставляют юридические лица (кроме микропредприятий), осуществляющие только определенные виды экономической деятельности (подробнее в документе)[50]. Согласно методологическим пояснениям, их исключение из статистического наблюдения связано с малым числом случаев производственного травматизма[51]. Кроме того, по крупным и средним предприятиям проводится сплошное наблюдение, а по малым –

[48] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351) // Гарант: справочно-правовая система. – URL: https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=loqwvzn0ob549444828 (дата обращения: 16.04.2023).

[49] Единая общероссийская справочно-информационная система по охране труда (ЕИСОТ). – URL: https://eisot.rosmintrud.ru/monitoring-uslovij-i-okhrany-truda (дата обращения: 26.09.2023).

[50] Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за травматизмом на производстве и профессиональными заболеваниями: Приказ Росстата от 01.07.2022 № 485 // КонтурНорматив: справочно-правовая система. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=426707&ysclid=loxym05xhu515553981#l21 (дата обращения: 30.10. 2023).

[51] Методологические пояснения / Условия труда // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MET_travma_338299.pdf (дата обращения: 26.09.2023).

выборочное. При этом, согласно данным Росстата, как общая численность пострадавших, так и численность пострадавших со смертельным исходом в расчете на 1 тыс. работающих на малых предприятиях по некоторым группам видов экономической деятельности значительно превосходит средние значения по РФ[52]. *Федеральная служба по труду и занятости* (далее – Роструд) регистрирует несчастные случаи на производстве, произошедшие на всех предприятиях, но только групповые, тяжелые и со смертельным исходом. *Социальный фонд России* (далее – СФР) ведет учет только тех пострадавших, несчастные случаи, произошедшие с которыми, признаны страховыми, для чего получивший травму работник должен быть застрахован от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а само происшествие должно быть в установленном порядке и в установленный срок расследовано комиссией и подтверждено соответствующими документами.

Были рассмотрены данные об общем производственном травматизме (все несчастные случаи на производстве), а также травматизме с тяжелым и смертельным исходами. Анализ показателей производственного травматизма для сопоставимости данных проводился за 2011–2022 гг., так как информация о несчастных случаях на производстве по России в целом и в ее регионах, приведенная в крайнем опубликованном отчете, ограничена 2022 г., а необходимые данные СФР представлены с 2011 г.

Некоторое представление *об общем количестве несчастных случаев* в абсолютном выражении мы можем получить по данным Росстата и СФР. На протяжении 2011–2022 гг. количество страховых несчастных случаев на производстве по своему значению ежегодно превышало численность пострадавших, учтенных выборочным обследованием Росстата[53], и, таким образом, является максимумом количества несчастных случаев, о котором известно из официальных источников. Согласно сведениям СФР, количество страховых несчастных случаев на производстве в стране за указанный период снизилось в 1,9 раза – с 61 047 до 32 288[54]. На фоне длительного снижения 2021–2022 гг. выделяются ростом значений анализируемого показателя, однако оно оставалось ниже, чем в «допандемийном» 2019 г. При анализе этого и других показателей производственного травматизма сле-

[52] Результаты мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2020 году // ЕИСОТ. – URL: https://eisot.rosmintrud.ru/monitoring-uslovij-i-okhrany-truda (дата обращения: 26.09.2023).

[53] ЕИСОТ. – URL: https://eisot.rosmintrud.ru/monitoring-uslovij-i-okhrany-truda (дата обращения: 26.09.2023).

[54] Росстатом в указанный период также зафиксировано планомерное снижение численности пострадавших при несчастных случаях на производстве – в 2,3 раза (с 43 594 до 20 326 человек).

дует учитывать, что значительный вклад в их рост в 2021 г., по сравнению с 2020 г., внесло возобновление работы большинства предприятий после ограничений, связанных со вспышкой и стремительным распространением коронавирусной инфекции. Косвенно могло повлиять и сокращение количества проверок хозяйствующих субъектов, предусмотренных мораторием на их проведение в период пандемии[55].

В 2011–2022 гг. на долю 13 северных регионов России ежегодно приходилось от 8,1 до 8,8 % общего количества страховых несчастных случаев на производстве в стране (при доле занятых в этой группе регионов от 5,4 до 5,8 % числа всех занятых в стране[56]). В анализируемом периоде динамика изменения количества несчастных случаев на российском Севере повторяла общероссийскую, с тенденцией к его уменьшению и увеличением в 2021–2022 гг. К концу периода в северных регионах в целом показатель сократился практически в той же степени, что и в целом по стране – в 1,8 раза (с 5131 до 2774 человек). При этом непрерывное ежегодное уменьшение количества несчастных случаев на производстве было отмечено только в одном регионе, в Республике Карелия, где в 2022 г. оно стало меньше, чем было в 2011 г. в 2,7 раза. Чукотский АО стал единственным регионом, где в 2022 г. по сравнению с 2011 г. показатель вырос – в 1,3 раза, не имея при этом на протяжении периода тенденции к уменьшению. Во всех остальных регионах количество страховых несчастных случаев на производстве в 2022 г., по сравнению с 2011 г., уменьшилось, но его динамика была неустойчивой, при этом в Магаданской и Мурманской областях, Ненецком АО и Республике Тыва максимальные значения показателя за период зафиксированы позднее 2011 г. (табл. 4.19).

Следует учитывать, что в России значительное число людей заняты в неформальном секторе экономики (только по официальным данным, в 2022 г. – 13 385 тыс. человек, или 18,6 % общей численности занятого населения)[57]. В регионах российского Севера доля работников этой категории от числа всех занятых в регионе находилась в диапазоне от 1,5 % в Чукотском АО до 28,4 % – в Республике Тыва *(Терентьева, 2023, с. 211)*. Значит, некоторая часть от числа работающих таким образом выпадает из системы обязательного социального страхования и, вероятно, из статистики про-

[55] Результаты мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2021 году // ЕИСОТ – URL: https://eisot.rosmintrud.ru/monitoring-uslovij-i-okhrany-truda (дата обращения: 26.09.2023).

[56] Труд и занятость в России. 2023 (стат. сб.) // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 19.05.2024).

[57] Рабочая сила, занятость и безработица в России 2022 // Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211 (дата обращения: 25.09.2023).

изводственного травматизма. И, конечно, в эту статистику не попадают несчастные случаи на производстве с работниками, не имеющими официального трудоустройства (работающими нелегально).

В одном из докладов МОТ отмечено, что при анализе производственного травматизма, как правило, сложно и не особенно информативно анализировать количество производственных травм в абсолютном выражении, поскольку это не дает никакой информации, выходящей за рамки численных масштабов явления. Основываясь исключительно на общем количестве полученных производственных травм, трудно сказать, насколько часты эти случаи, насколько работники подвержены риску и какова вероятность повторения инцидентов в будущем *(Decent Work, 2018, p. 41)*. Однако с демографических позиций, если учесть, что за каждым числом пострадавших на производстве стоят судьбы отдельных людей, потеря ими здоровья, трудоспособности, и тем более жизни, любое число, не равное нулю, становится важным и значимым.

Уровень производственного травматизма заметно различается по регионам России, что во многом связано с различиями в структуре экономики и экономической деятельности *(Щербакова, 2019)*. Для анализа будем использовать коэффициенты, рассчитанные Росстатом – Кч (численность пострадавших с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом в расчете на 1 тыс. работающих).

В 2022 г. значения показателя почти во всех регионах российского Севера были выше, чем в целом по стране (в Ямало-Ненецком АО равнялись ему). Относительно среднероссийского уровня к числу наиболее благополучных можно отнести одни из главных нефте- и газодобывающих регионов страны – Ханты-Мансийский АО (на протяжении одиннадцати лет до 2022 г. коэффициент частоты производственного травматизма был ниже, чем по стране в целом) и Ямало-Ненецкий АО (в 2011–2022 гг. показатель был ниже, равнялся или незначительно превышал среднее значение по РФ). За анализируемый период уровень производственного травматизма в этих регионах снизился в 1,3 и 1,8 раза соответственно. В целом по стране в результате устойчивого снижения (исключение – 2021 г.) показатель уменьшился в 1,9 раза. В северных регионах столь стабильной динамики не наблюдалось, но среди них наиболее уверенным и значительным за период было снижение уровня производственного травматизма в Архангельской области без НАО и в Республике Карелия, где он снизился в 2,3 и 2,1 раза соответственно. В Республике Саха в 2022 г. относительно 2011 г. отмечен рост показателя (с 1,8 до 2,2 пострадавших на 1 тыс. работающих) (табл. 4.20).

Таблица 4.19

Количество страховых несчастных случаев на производстве в регионах российского Севера, 2011–2022 годы, человек (по данным СФР)

Регион	Год											
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	**61047**	**56116**	**49939**	**47453**	**42811**	**39781**	**37560**	**35227**	**35492**	**28700**	**32151**	**32288**
Российский Север	**5131**	**4570**	**4076**	**3853**	**3476**	**3390**	**3107**	**2894**	**2864**	**2512**	**2763**	**2774**
Республика Карелия	506	457	371	337	302	275	262	223	214	192	188	186
Республика Коми	659	497	506	516	501	515	455	356	329	328	321	306
Республика Саха (Якутия)	371	309	261	244	271	315	322	296	311	283	312	311
Республика Тыва	91	93	76	81	83	70	105	74	115	63	88	87
Камчатский край	227	177	158	178	145	135	159	169	157	113	188	144
Архангельская обл. без НАО	1018	887	745	702	591	564	461	460	476	422	416	366
Магаданская область	97	106	79	86	69	88	36	83	92	72	60	75
Мурманская область	459	505	391	385	291	280	250	202	255	256	200	221
Сахалинская область	281	273	258	187	268	178	164	215	95	146	151	145
Ненецкий АО	17	20	27	20	17	14	17	16	10	12	13	15
Ханты-Мансийский АО	886	773	764	720	618	659	620	571	572	424	553	648
Чукотский АО	35	31	31	41	38	35	36	41	45	38	56	47
Ямало-Ненецкий АО	490	446	409	356	282	262	220	188	193	163	217	223

Источник (здесь и табл. 4.20–4.22, 4.24, рис. 4.8): ЕИСОТ. – URL: https://eisot.rosmintrud.ru/monitoring-uslovij-i-okhrany-truda (дата обращения: 26.09.2023).

Таблица 4.20

Численность пострадавших при нечастных случаях на производстве в регионах российского Севера, 2011–2022 годы, на 1 тыс. работающих

Регион	Год											
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	**2,1**	**1,9**	**1,7**	**1,4**	**1,3**	**1,3**	**1,3**	**1,2**	**1,2**	**1,0**	**1,1**	**1,0**
Ямало-Ненецкий АО	1,8	1,7	1,5	1,1	1,0	1,3	1,2	1,1	1,2	1,3	1,2	1,0
Ханты-Мансийский АО	1,4	1,1	1,2	0,9	0,8	0,8	0,9	0,9	0,8	0,5	0,8	1,1
Магаданская область	2,4	1,8	1,6	1,9	1,7	2,4	1,5	1,5	1,4	1,3	1,8	1,2
Сахалинская область	1,8	1,7	1,8	1,4	2,1	1,7	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,4
Мурманская область	2,2	2,1	1,7	1,7	1,8	1,6	1,4	1,3	1,8	1,6	1,3	1,5
Республика Коми	2,5	2,3	2,2	2,0	1,9	2,3	2,0	1,7	1,4	1,6	1,6	1,5
Архангельская обл. без НАО	3,4	3,2	2,6	2,5	2,3	2,0	1,8	1,9	1,9	1,7	1,8	1,5
Республика Карелия	3,5	3,1	2,6	2,4	2,3	2,2	1,9	1,8	2,0	2,0	2,1	1,7
Чукотский АО	1,7	1,6	0,8	1,7	1,3	1,5	2,0	2,0	2,3	1,4	3,0	1,7
Ненецкий АО	2,0	2,6	2,3	1,7	1,6	1,2	1,2	0,9	1,5	1,5	1,4	1,8
Республика Тыва	2,1	3,5	1,9	1,8	2,0	1,7	2,7	1,9	2,7	1,7	2,8	2,0
Камчатский край	2,8	2,3	2,3	2,2	1,9	2,1	2,4	2,6	2,5	1,4	2,3	2,1
Республика Саха (Якутия)	1,8	1,8	1,5	1,2	1,4	1,3	1,5	1,6	2,0	1,5	1,8	2,2

Примечание: ранжировано по уровню 2022 г. в порядке возрастания.

Эксперты из НИИ медицины труда им. академика Н. Ф. Измерова полагают, что в России значительная часть несчастных случаев на производстве (в большей мере это касается травм легкой и средней степени) скрывается от регистрации и учета. По их сведениям, при легких производственных травмах широко распространена практика, когда при обращении в медучреждение по поводу произошедшей на производстве травмы пострадавший работник, по договоренности с работодателем, сообщает о ней как о бытовой *(Бухтияров, Измеров, Тихонова и др., 2017, с. 142; Измеров, Тихонова, Чуранова и др., 2013, с. 4; Тихонова, Чуранова, 2019, с. 148)*. Прямым подтверждением сокрытия производственных травм является тот факт, что только в 2022 г. должностными лицами федеральной инспекции труда было выявлено и расследовано 727 сокрытых несчастных случаев на производстве, в том числе 253 тяжелых и 182 – со смертельным исходом[58].

Серьезными последствиями для здоровья травмированных работников грозят полученные на производстве повреждения, в результате которых несчастный случай относят *к несчастному случаю на производстве с тяжелым исходом*. Тяжесть полученных травм определяется не произвольно, а согласно Схеме определения степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве, установленной Министерством здравоохранения и социального развития РФ[59]. Перечень повреждений, которые относятся к тяжелым, позволяет даже на первый взгляд оценить их как таковые. Зачастую такие травмы приводят к значительным ограничениям возможностей здоровья и трудоспособности работающих. По данным за 2019 г. в России последствия производственных травм стали причиной впервые установленной инвалидности у 1308 взрослых человек[60].

Согласно данным Роструда, общее количество тяжелых несчастных случаев на производстве в северных регионах за 2011–2022 гг. составило 4850 (8,1 % от зарегистрированных в целом по РФ – 60 156 случаев). На протяжении указанных лет ежегодно число таких случаев последовательно уменьшалось как по России в целом, так и на российском Севере, сократившись в 1,8 и 2,0 раза соответственно к концу периода. Исключением для страны в целом стали 2021–2022 гг., когда наблюдался рост показателя, однако его значение за 2022 г. не превысило «допандемийное».

[58] Результаты мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2022 году // ЕИСОТ. – URL: https://eisot.rosmintrud.ru/attachment/result_22 (дата обращения: 26.04.2023).

[59] Об определении степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.02.2005 № 160. – URL: https://base.garant.ru/12139628/ (дата обращения: 14.10.2023).

[60] Основные показатели инвалидности взрослого населения в Российской Федерации в 2019 году (стат. сб.) // Федеральное бюро медико-социальной экспертизы. – URL: https://fbmse.ru/printprod/statcom/?ysclid=loohbqmfzd953109688 (дата обращения: 23.04.2024).

На российском Севере в 2021 г. количество тяжелых несчастных случаев на производстве так же увеличилось, а в 2022 г. – уменьшилось, но было немного больше, чем в 2019 г. На протяжении анализируемого периода ни в одном регионе не наблюдалось устойчивого сокращения количества таких несчастных случаев, однако в четырех из них тенденция к его уменьшению прослеживается. В результате неустойчивой динамики в 2022 г. по сравнению с 2011 г. количество несчастных случаев на производстве с тяжелым исходом сократилось в Ямало-Ненецком АО – в 4,2 раза, Мурманской области – 2,9, республиках Карелия и Коми – 2,6 и 2,0 раза соответственно. В Ненецком АО в 2016, 2021 и 2022 г. не было зарегистрировано ни одного случая (табл. 4.21).

Несчастные случаи на производстве со смертельным исходом учитываются всеми тремя организациями. В 2022 г. в России наибольшее число погибших в результате несчастных случаев на производстве было зарегистрировано СФР – 1643 чел., до 2022 г. ежегодно фиксировалось Роструд (в 2022 г. – 1626 чел.). По сведениям последней организации, численность пострадавших на производстве со смертельным исходом на протяжении анализируемого периода постепенно снижалась, повысившись лишь в 2021 г. на 12,1 % относительно 2020 г. (1655 против 1476 чел.), и в 2022 г. практически вернулась к значению 2019 г. (1626 и 1613 чел. соответственно) (рис. 4.8).

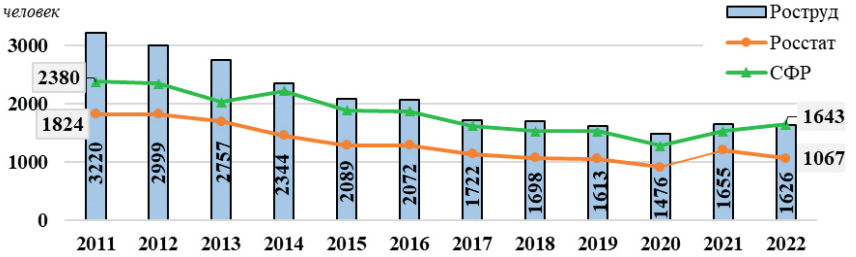

Рис. 4.8. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом в России, 2011–2022 гг., человек (по данным Росстата, Роструда и СФР)

Таблица 4.21

Количество тяжелых несчастных случаев на производстве в северных регионах, 2011–2022 годы (по данным Роструда)

Регион	Год											
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	**7440**	**6730**	**6174**	**5686**	**4948**	**4796**	**4437**	**4351**	**4161**	**3594**	**3807**	**4032**
Российский Север	**633**	**574**	**510**	**474**	**378**	**360**	**342**	**329**	**310**	**303**	**324**	**313**
Республика Карелия	42	36	34	29	16	10	15	17	15	12	14	16
Республика Коми	60	60	53	57	41	42	32	33	25	33	21	30
Республика Саха (Якутия)	66	53	57	68	31	52	46	42	39	33	55	56
Республика Тыва	14	15	6	8	8	11	7	11	10	6	10	12
Камчатский край	26	26	20	19	24	22	19	32	21	20	19	12
Архангельская область без НАО	87	66	48	58	42	34	39	33	26	38	41	25
Ненецкий АО			4	2	2	0	5	2	1	3	0	0
Магаданская область	10	17	11	3	12	7	14	14	13	14	7	16
Мурманская область	57	49	39	42	41	33	32	22	28	24	19	20
Сахалинская область	44	48	37	29	24	23	35	27	30	24	32	32
Ханты-Мансийский АО	125	112	115	91	72	74	76	66	70	76	72	88
Чукотский АО	5	6	6	4	6	2	2	4	7	2	9	6
Ямало-Ненецкий АО	97	86	80	64	59	50	20	26	25	18	25	23

На российском Севере в 2011–2022 гг. число погибших в результате несчастных случаев на производстве так же, как и в целом по стране, снижалось, но не столь устойчиво, в отдельные годы показывая рост, наиболее значительно – в 2016 и 2018 г. (на 7,1 и 10,7 % к предыдущему году соответственно). В 2022 г. по сравнению с 2011 г. оно уменьшилось в 2,6 раза – с 322 до 123 человек (в целом по РФ – в 2,0 раза), при этом ни в одном отдельно взятом регионе на протяжении анализируемого периода непрерывного снижения не наблюдалось. За значительно выбивающимися из общего ряда значений числами погибших на производстве в северных регионах, как правило, стоят крупные аварии и катастрофы на предприятиях, освещаемые средствами массовой информации. Так, например, в 2011 г. у берегов Камчатки затонул траулер «Аметист», принадлежавший Камчатскому НИИ рыбного хозяйства и океанографии, никого из 23 членов экипажа спасти не удалось. В конце того же года произошла огромная трагедия, которую прозвали нефтегазовым «Курском» – в Охотском море затонула плавучая буровая платформа «Кольская», имевшая портом приписки Мурманск, которую буксировали с Камчатки на Сахалин. В результате происшествия из 67 находившихся на ней человек спасти удалось только 14. В 2013 г. в Республике Коми на угольной шахте «Воркутинская» произошел взрыв метана, в результате чего погибли 19 человек, а в 2016 г. на угольной шахте «Северная» вследствие трех взрывов погибли 31 шахтер и 5 горноспасателей. В 2015 г. в Охотском море потерпел крушение рыболовецкий траулер «Дальний Восток», место приписки – остров Сахалин, из 132 человек, находившихся на борту, спаслись только 63 моряка. В 2016 г. в результате крушения вертолета на Ямале, перевозившего рабочих-нефтяников, трудящихся вахтовым методом, погибло 19 человек[61]. Этот список трагедий далеко не полный, но показывает, насколько одно происшествие изменяет статистику производственного травматизма в каждом конкретном регионе.

Всего в результате несчастных случаев на производстве за 12 лет на российском Севере погибли 2276 человек (9,0 % от числа погибших на производстве за этот же период в России в целом – 25 271 человек). Что касается трагедий с большим числом погибших и пострадавших на Севере страны, то зачастую, как становится известно, нарушения требований охраны труда, которые в конечном счете к ним и привели, носят системный характер, продолжаются длительно и являются следствием преступной халатности, помноженной на стремление к экономической выгоде со стороны руководства и собственников предприятий. Так, например,

[61] РИА новости. – URL: https://ria.ru/ (дата обращения: 27.04.2024); ТАСС. – URL: https://tass.ru/ (дата обращения: 27.04.2023).

расследование аварии на шахте «Северная» в Республике Коми выявило, что произошедшее стало следствием желания руководства предприятия выполнить план по добыче угля и избежать тем самым штрафных санкций со стороны вышестоящих руководителей. Нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, ставшие причиной трагедии, носили системный характер и продолжались на протяжении нескольких лет[62]. Теми же причинами обусловлено попадание в печальную статистику так точно и емко названную в одной из публикаций СМИ «страшной "жатвой" северных морей»[63] многих происшествий с промысловыми и торговыми судами на Дальнем Востоке по вине недобросовестных компаний (табл. 4.22).

Отметим, что, обращаясь к статистике той или иной структуры по отдельности, могут сложиться разные представления о состоянии производственного травматизма в регионах, особенно это касается регионов с малой численностью населения. Так, например, судя по табл. 4.22, составленной по данным Роструда, в Ненецком АО в 2016, 2018, 2019 и 2020 г. не было зарегистрировано ни одного пострадавшего на производстве со смертельным исходом. В то же время, по данным СФР количество страховых случаев со смертельным исходом в указанные годы в этом субъекте составило соответственно 2–0–0–0 человек, а по данным Росстата численность пострадавших со смертельным исходом – 1–1–2–2. При этом в 2021 г. Роструд и СФР зафиксировали в этом регионе один случай с летальным исходом, а Росстат – ни одного[64].

На основе официальных данных (наиболее полные данные о числе травм со смертельным исходом по данным Роструда и числе умерших от внешних причин по данным Росстата) нами было рассчитано, что в целом по России на долю смертей в результате несчастных случаев на производстве с 2013 г. ежегодно приходится менее 1,5 % смертей от всех неестественных причин. Однако, несмотря на небольшое значение, все же это те случаи, которые, как и большинство других травматических смертей можно предвидеть и, следовательно, предотвратить, к тому же произошедшие среди относительно молодых людей, еще способных трудиться. На

[62] Завершено расследование уголовного дела по факту аварии на шахте «Северная» в Республике Коми (21.10.2019) // Следственный комитет Российской Федерации. – URL: https://sledcom.ru/news/item/1402125/ (дата обращения: 21.04.2024).

[63] Страшная «жатва» северных морей: за что гибнут рыбаки-дальневосточники? (01.02.2018) // ИА Регнум. – URL: https://regnum.ru/news/2375065?ysclid=lwumajg62v750433022 (дата обращения: 21.04.2024).

[64] ЕИСОТ. – URL: https://eisot.rosmintrud.ru/monitoring-uslovij-i-okhrany-truda (дата обращения: 26.09.2023).

протяжении 2011–2022 гг. на Севере России значение показателя ежегодно было выше, чем в среднем по РФ. В некоторых регионах – Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской обл., Чукотском и Ямало-Ненецком АО, в отдельные годы доля смертей в результате несчастных случаев на производстве в общем числе смертей от внешних причин смерти составляла более 5 %, максимальной в анализируемом периоде она была в Мурманской обл. в 2011 г. – 8,2 % (табл. 4.23).

В то время как уровень производственного травматизма, отражающий все зарегистрированные несчастные случаи, по данным выборочного обследования Росстата, с 2011 по 2022 г. в целом по России снизился на 52,4 %, уровень производственного травматизма со смертельным исходом за этот же период снизился только на 38,4 %. Ввиду того, что данный показатель подвержен ощутимым случайным колебаниям (по причине возможного значительного ежегодного изменения абсолютного числа погибших), особенно в малочисленных регионах, таких как Ненецкий и Чукотский автономные округа, и с учетом того, что ни в одном из регионов российского Севера не наблюдалось устойчивой тенденции к изменению уровня в ту или другую сторону, для анализа мы использовали его среднее значение за весь период. Так, усредненно за 12 лет уровень производственного травматизма со смертельным исходом в Архангельской области без НАО был ниже, чем по России в целом, в Ямало-Ненецком АО – равен, во всех остальных регионах Севера – выше (табл. 4.24).

Ко всему вышеизложенному следует привести не добавляющий оптимизма факт. По данным Росстата, в 2022 г. в России 36,1 % всех занятых трудились на работах с вредными и (или) опасными условиями труда. Среди регионов российского Севера наиболее низкий удельный вес численности работников, занятых на таких работах, зарегистрирован в Ханты-Мансийском АО – 32,6 % и в Республике Тыва – 37,7 %, во всех остальных он был в диапазоне от 42,1 – в Республике Коми до 58,3 % – в Магаданской области[65].

Обобщая сказанное, анализ смертности и травматизма от несчастных случаев на производстве в северных регионах является весьма сложной задачей, что связано с отсутствием в России единой системы учета и регистрации таких происшествий, а также принимая во внимание отмечаемый специалистами значительный недоучет производственных травм в стране.

[65] Условия труда, производственный травматизм (по отдельным видам экономической деятельности) / Условия труда // Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions (дата обращения: 30.03.2024).

Таблица 4.22

Численность пострадавших в результате несчастных случаев на производстве со смертельным исходом в северных регионах, 2011–2022 годы, человек (по данным Роструда)

Регион	Год											
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	**3220**	**2999**	**2757**	**2344**	**2089**	**2072**	**1722**	**1698**	**1613**	**1476**	**1655**	**1626**
Российский Север	**322**	**226**	**227**	**219**	**211**	**226**	**149**	**165**	**137**	**138**	**133**	**123**
Республика Карелия	19	12	6	9	11	7	4	4	3	4	7	5
Республика Коми	26	20	30	25	19	49	15	12	10	10	9	11
Республика Саха (Якутия)	23	32	31	31	17	25	26	16	17	14	19	13
Республика Тыва	3	9	4	6	6	4	5	10	13	7	3	3
Камчатский край	28	8	15	13	4	12	11	6	7	9	21	5
Архангельская область	22	21	23	15	18	14	12	7	16	27	7	10
Ненецкий АО			2	2	3	0	3	0	0	0	1	2
Магаданская область	20	4	4	16	12	7	10	8	11	9	10	5
Мурманская область	73	10	11	24	12	17	14	16	19	7	4	13
Сахалинская область	16	15	18	14	52	11	9	26	9	10	11	13
Ханты-Мансийский АО	47	67	42	32	40	38	29	41	18	29	26	34
Чукотский АО	5	4	7	3	6	4	4	8	4	2	7	3
Ямало-Ненецкий АО	40	24	34	29	11	38	7	11	10	10	8	6

Таблица 4.23

Доля смертей в результате несчастных случаев на производстве в общем числе смертей от внешних причин в северных регионах, 2011–2022 годы, %

Регион	Год											
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	**1,6**	**1,5**	**1,5**	**1,3**	**1,2**	**1,2**	**1,1**	**1,2**	**1,2**	**1,1**	**1,2**	**1,1**
Российский Север	**2,5**	**1,8**	**2,0**	**1,9**	**1,9**	**2,2**	**1,6**	**1,8**	**1,6**	**1,5**	**1,5**	**1,5**
Республика Карелия	1,7	1,2	0,7	1,0	1,3	0,9	0,6	0,6	0,5	0,6	1,0	0,8
Республика Коми	1,6	1,2	2,1	1,6	1,4	3,6	1,3	1,1	0,9	0,9	0,9	1,1
Республика Саха (Якутия)	1,3	2,0	2,0	2,1	1,2	1,9	2,0	1,4	1,6	1,2	1,7	1,2
Республика Тыва	0,3	0,9	0,4	0,6	0,7	0,5	0,7	1,5	1,9	1,1	0,4	0,4
Камчатский край	6,0	1,7	3,4	3,1	1,0	2,9	2,8	1,5	2,2	2,5	5,6	1,4
Архангельская область	1,0	1,1	1,3	0,8	1,1	0,8	0,8	0,5	1,2	1,9	0,5	0,9
Ненецкий АО			2,4	3,1	3,9	0,0	4,1	0,0	0,0	0,0	2,0	3,1
Магаданская область	7,3	1,5	1,5	5,9	4,7	2,6	4,7	4,2	4,5	4,1	4,7	2,3
Мурманская область	8,2	1,2	1,4	2,4	1,3	1,8	1,5	1,9	2,3	0,9	0,6	2,0
Сахалинская область	1,3	1,3	1,8	1,6	5,8	1,4	1,2	3,2	1,1	1,3	1,4	1,7
Ханты-Мансийский АО	2,8	4,2	2,7	2,1	3,0	3,0	2,3	3,5	1,5	2,3	2,4	3,3
Чукотский АО	4,2	3,1	6,5	3,0	7,3	3,7	3,4	6,4	4,3	1,7	6,0	2,8
Ямало-Ненецкий АО	6,1	3,7	5,7	5,0	1,9	6,3	1,3	2,4	2,3	2,1	1,6	1,3

Рассчитано по: ЕИСОТ. – URL: https://eisot.rosmintrud.ru/monitoring-uslovij-i-okhrany-truda (дата обращения: 20.06.2024); ЕМИСС. – URL: /www.fedstat.ru/ (дата обращения: 20.06.2024).

Таблица 4.24

Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом в северных регионах, 2011–2022 годы, на 1 тыс. работающих

Регион	Год												Среднее значение*
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
Архангельская обл. без НАО	0,051	0,041	0,085	0,043	0,059	0,049	0,026	0,022	0,065	0,134	0,051	0,029	0,055
Российская Федерация	**0,086**	**0,084**	**0,080**	**0,067**	**0,062**	**0,062**	**0,056**	**0,054**	**0,053**	**0,045**	**0,060**	**0,053**	**0,064**
Ямало-Ненецкий АО	0,107	0,092	0,103	0,058	0,046	0,061	0,049	0,058	0,047	0,057	0,073	0,019	0,064
Ханты-Мансийский АО	0,069	0,116	0,084	0,072	0,072	0,080	0,067	0,088	0,045	0,030	0,039	0,052	0,068
Республика Карелия	0,125	0,059	0,039	0,073	0,100	0,093	0,047	0,048	0,048	0,061	0,077	0,066	0,070
Республика Коми	0,064	0,066	0,143	0,068	0,049	0,252	0,076	0,025	0,013	0,054	0,057	0,029	0,075
Ненецкий АО	0,067	0,000	0,110	0,054	0,167	0,056	0,107	0,056	0,107	0,108	-	0,214	0,087
Сахалинская область	0,068	0,152	0,166	0,103	0,067	0,119	0,097	0,046	0,081	0,076	0,113	0,088	0,098
Мурманская область	0,236	0,224	0,051	0,105	0,070	0,083	0,105	0,122	0,144	0,022	0,051	0,082	0,108
Республика Саха (Якутия)	0,096	0,170	0,125	0,124	0,093	0,115	0,136	0,097	0,117	0,100	0,075	0,100	0,112
Камчатский край	0,201	0,051	0,208	0,107	0,035	0,198	0,172	0,076	0,088	0,076	0,273	0,072	0,130
Республика Тыва	0,123	0,448	0,044	0,184	0,085	0,083	0,131	0,118	0,363	0,245	0,298	0,043	0,180
Магаданская область	0,190	0,110	0,090	0,435	0,303	0,166	0,082	0,081	0,268	0,227	0,302	0,045	0,192
Чукотский АО	0,000	0,058	0,109	0,228	0,401	0,130	0,183	0,655	0,264	0,082	0,236	0,167	0,209

*Примечание: * – ранжировано по среднему значению уровня производственного травматизма со смертельным исходом.*

Тенденции смертности и травматизма в целом на Севере повторяют общероссийские, однако относительные показатели в большинстве случаев остаются выше, чем в среднем по России, что отчасти может быть связано с ресурсно-сырьевой специализацией северных регионов и, следовательно, более высокими рисками производственного травматизма. Однако подчеркиваем важность недопущения использования данного обстоятельства как оправдания более высоких значений без сравнительной оценки с учетом структуры занятости по видам экономической деятельности, что требует отдельных исследований. Вклад производственного травматизма в смертность населения от неестественных причин на российском Севере более существенный, чем в целом по РФ. Учитывая, что уровень смертности от внешних причин и ее доля в структуре смертности по причинам на Севере повсеместно высоки *(Попова, 2021, с. 157)*, здесь проблема приобретает особую значимость и требует особого внимания как со стороны работодателей, так и государства, значение северных территорий для которого неоценимо велико.

Глава 5
ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ НА КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

5.1. Сущность и понятие «миграция населения»

Из всех социально-демографических процессов миграция населения представляет наибольший интерес, она является объектом исследований широкого круга ученых. Как социально-экономическое явление, как процесс она многогранна и требует к себе самого пристального внимания: со стороны ученых, со стороны государственных служащих и топ-менеджеров крупных, градообразующих организаций.

Миграции всегда были присущи человеку. В поисках пищи, новых пастбищ и лесных угодий, выбора лучшей среды обитания человек кочевал по планете Земля, заселяя и осваивая все новые и новые территории. Потребность в перемене места жительства и познания новых миров сопровождали человека во все времена. Для каждого исторического периода были свои факторы и причины, побуждавшие человека мигрировать. «Первым природным фактором, вызвавшим миграции в планетарном масштабе, был Ледниковый период» *(Жеребцов, 2010)*. Затем многочисленные войны, засухи, эпидемии приводили к массовым перемещениям миллионов людей. С XIX в. на миграции населения начинают оказывать все большее влияние экономические факторы, а со второй половины XX и начала XXI в. на первый план выходят личностные мотивы, стремление человека удовлетворить свои не только экономические, но и социально-психологические потребности.

Миграция населения представляет собой сложное общественное явление, которое отличается значительным разнообразием. Это один из наиболее адекватных индикаторов социально-экономического благосостояния общества – своего рода способ голосования населения «ногами». Как правило, миграционные потоки ориентированы из менее развитых в более развитые страны и регионы, с высоким уровнем заработной платы и лучшими

социально-экономическими условиями. По примерным оценкам в различные виды миграции в мире ежегодно вовлечено около 2–3 % населения.

Один из ведущих специалистов в области демографии и миграции населения С. В. Рязанцев выделяет типы и классы миграции. Под типом миграции следует понимать миграционный поток, выделенный из общей миграции и представляющий собой таксономическую категорию, которая объединяет близкие по происхождению потоки мигрантов на основе одного крупного признака – отношения к границе, времени пребывания в новом месте жительства, влиянию государства на процесс регулирования миграции. Под классом миграции понимается одна из высших таксономических категорий миграции, выделенных на основе одного признака в рамках крупного признака, характеризующего тип миграции *(Миграционные процессы в России, 2014, с. 9–10)*.

Миграция населения занимает особое место среди социальных трансформаций XXI в. Она меняет рисунок расселения, вносит «возмущения» в социально-демографические структуры, создает или разрушает трудовой и демографический потенциал населения отдельных стран или целых континентов. Миграции стали оказывать сильнейшее влияние на политическую ситуацию в Европе, особенно после объявления так называемой «политики открытых дверей».

Для Севера России и Республики Коми миграции населения всегда играли решающую роль в освоении территорий и формировании населения *(Фаузер, 1992)*. Стоит подчеркнуть, что вплоть до 1990-х гг. они способствовали количественному росту населения, заселению и освоению новых территорий. С приходом рынка и распадом Союза ССР произошла трансформация направленности миграционных потоков – из фактора роста они стали фактором убыли населения. На первый план вышли задачи изучения факторов и причин – почему население в массовом порядке покидает Север *(Фаузер, 2008)*.

В течение нескольких столетий развитие научных взглядов на миграцию происходило в рамках тех или иных научных подходов: экономического, географического, исторического, демографического, системного, политического и др. Выбор подхода зависел от тех задач, которые стояли перед исследователями, и от характера исходного материала.

На основе анализа зарубежной и отечественной литературы В. А. Ионцевым была разработана классификация, включающая 17 основных научных подходов в изучении миграции населения, которые в свою очередь объединяли 45 научных направлений, теорий и концепций, из них 15 приходится на экономический подход, 5 – на социологический, 4 – на миграционный, 3 – на демографический, по 2 – на исторический, типологический,

политический и по одному – на остальные девять подходов. Однако следует обратить внимание, что не все научные подходы и направления нашли отражение в представленной классификации. Автор подчеркивает, что в классификацию были включены в первую очередь те направления, которые достаточно разработаны и широко используются в современном анализе, причем как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Кратко рассмотрим «Миграционный подход», он включает четыре научных концепции.

Мобильный переход. Основная идея данной концепции заключается в том, что существуют четко выраженные закономерности в увеличении территориальной мобильности, происходящие поэтапно (выделяют пять стадий перехода), и эти закономерности представляют существенный элемент процесса модернизации.

Миграционный переход. Концепция миграционного перехода основное внимание уделяет международной безвозвратной миграции, изменениям, которые в ней происходят по мере социально-экономического развития, и ее роли в демографическом развитии на различных стадиях перехода от аграрного к индустриальному обществу.

Миграциология – главная идея данного направления заключается в разработке общей теории миграционной подвижности населения, базирующейся на комплексном подходе в ее изучении и законе подвижности населения, в соответствии с которым миграционное движение по мере общественного прогресса все более становится социально-экономической необходимостью и в целом, как правило, усиливается *(Ионцев, 1999, с. 86, 114–115).*

Один из первых теоретиков глубоких исследований в области миграции был немец по рождению, но ставший натурализованным британским подданным – Эрнст Георг Равенштейн (1834–1913) – определил миграцию как постоянное или временное изменение места жительства человека, как непрерывный процесс, обусловленный взаимодействием четырех основных групп факторов: 1) действующих в начальном месте (стране) жительства мигранта; 2) действующих на стадии перемещения мигранта; 3) действующих в месте (стране) въезда мигранта; 4) факторов личного характера, под которыми понимается, прежде всего, система предпочтений личности, вся совокупность ее демографических характеристик и т. п.

Им же были сформулированы 11 миграционных законов, ставших определяющими для многих теорий в области миграции: 1) больше всего миграций осуществляется на короткие расстояния; 2) миграция происходит постепенно, шаг за шагом; 3) миграции на большие расстояния направляются в основном в крупные торговые или промышленные цен-

тры; 4) каждому миграционному потоку соответствует свой контрпоток; 5) городские жители менее подвижны в миграционном плане, нежели население в сельских районах; 6) во внутренних миграциях более активны женщины, в международной миграции – мужчины; 7) большинство мигрантов представляют взрослое население, семьи редко мигрируют за пределы своей страны; 8) рост крупных городов в большей степени обусловлен миграцией населения, нежели естественным в них приростом; 9) масштабы миграции возрастают с развитием промышленности и торговли и, особенно, с развитием транспорта; 10) большинство мигрантов из сельской местности направляются в крупные промышленные и торговые центры; 11) экономические причины миграции являются определяющими *(Ravenstein, 1885, p. 167–227)*.

Не потеряло своей актуальности изучение миграции населения и сегодня, поскольку она занимает особое место среди социальных трансформаций современного мира. Миграционные процессы являются на сегодняшний день одними из главных причин и факторов социальных изменений как в обществах-донорах, так и в обществах-реципиентах мигрантов *(Блинова, 2009, с. 13)*.

Существует, по крайней мере, две точки зрения на миграцию населения. Сторонники первой к миграции относят все территориальные перемещения, сторонники второй включают и социальные. Придерживаясь первой точки зрения, к территориальным перемещениям можно отнести: 1) все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей; 2) пространственные перемещения, совершающиеся между населенными пунктами и которые ведут к постоянной или временной смене места жительства; 3) такой процесс пространственного движения населения, который, в конечном счете, ведет к его территориальному перераспределению.

Если исходить из того, что перемещение и переселение – не синонимы, миграцию можно определить в узком и широком смысле слова. В узком смысле миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, что в буквальном смысле слова означает переселение.

В широком значении миграция представляет собой любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности. Трудовые миграции являются определяющими в общей совокупности территориальных перемещений; переселения – это конечный, законченный вид миграции.

В 1980-х гг. была сформулирована концепция, согласно которой миграция населения как сложный социально-экономический процесс состоит из трех стадий: 1) исходной или подготовительной, представляющей процесс формирования территориальной подвижности населения; 2) основной стадии, или собственно переселения населения; 3) заключительной или завершающейся стадии, выступающей как приживаемость мигрантов на новом месте *(Воспроизводство населения, 1987, с. 21–22, 26, 34)*.

Два десятилетия спустя был предложен иной подход к миграции, как к стремлению индивида улучшить свое материальное положение, удовлетворить возрастающие потребности. Исходя из этого, миграция определяется как естественное проявление мобильности человека, мотивированное его стремлением к улучшению условий своего существования, к более полному и надежному удовлетворению своих потребностей. При этом существенную роль играет уровень притязаний индивида и изначальная его способность вообще быть удовлетворенным чем-либо. Миграцию населения определяют как пространственную активность (перемещение) индивида, направленную на овладение ресурсами новых территорий и связанную с переменой места жительства. Последнее важно, так как материальные блага можно обретать и посредством иных видов мобильности. Таким образом, у миграции как общественного явления есть три параметра: 1) перемена индивидом координат своего пребывания (фактор мобильности); 2) намерение индивида улучшить свое материальное и (или) социальное положение (фактор потребностей); 3) стремление индивида обжиться на новом месте и считать его своей «второй родиной» (фактор стабильности) *(Бондырева, Колесов, 2004, с. 38–39)*.

Миграция населения воздействует на общественное развитие посредством осуществления своих функций. Функции – это те конкретные роли, которые играют миграции населения в жизнедеятельности общества. Выделяют три функции миграции населения. Первой функцией миграции является перераспределение населения, связанное с размещением производительных сил, распределением производственных мощностей и инвестиций между отдельными территориями страны. Вторая функция миграции – селективная. Суть ее в том, что неравномерное участие в миграции различных социально-демографических групп ведет к изменению качественного состава населения разных территорий. Третья функция – ускорительная. Территориальные перемещения способствуют изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности,

ее материальных, социальных и духовных потребностей, интеграции национальных культур *(Демографический понятийный словарь, 2003, с. 29–31)*.

Исследуя миграционную подвижность населения, необходимо рассмотреть факторы и причины миграции населения. Одним из первых наиболее полно понятие «фактор миграции» определил Л. Л. Рыбаковский, взяв за основу три термина, характеризующих три определенных явления: 1) вся окружающая нас среда (естественная и социальная) может быть объединена одним понятием – условия жизни; 2) среди них он выделяет условия, которые воздействуют на тот или иной процесс, и называет их факторами; 3) наконец, то, что вызывает конкретное действие, есть причина. Получается трехчленная схема: условия – факторы – причины.

В свою очередь все факторы могут быть разбиты на три группы. К первой группе относятся факторы, состоящие из таких компонентов условий жизни, которые либо невозможно изменить, либо, если и можно, то в течение очень длительного времени или с огромными затратами средств. Обычно второе и третье условия совпадают. Это характерно для природных условий, географического положения. Вторая группа включает факторы, которые могут быть изменены постепенно, в течение 10–15 лет. Третья группа – это факторы оперативного регулирования. Они могут меняться в течение одного-нескольких лет *(Воспроизводство населения, 1987, с. 134, 144)*. Заслуживает внимания подход к классификации факторов миграции, предложенный американскими исследователями Ф. Мартин и Дж. Уайдгрен. Они выделяют три разновидности факторов в зависимости от типа миграции: притягивающие факторы, отталкивающие и факторы сети *(Marin, Widgren, 2002, p. 8)*.

Стоит обратить внимание, что в отечественной «социологии миграции» также проводится различие между понятиями «фактор» и «причина». Факторы представляют собой объективные условия жизни, побуждающие человека мигрировать, а причины являются результатом субъективной оценки личностью данных условий. Эти две составляющие, а также третья – личностные психологические характеристики потенциального мигранта, являются неотъемлемой частью миграционного процесса, а точнее начальной его стадии – формирования территориальной подвижности населения *(Блинова, 2009, с. 38)*.

Что касается причин миграции, то они изучаются на макро- и микроуровнях. На макроуровне причины миграции исследуются на основе характеристик районов выхода и входа мигрантов. На этом уровне анализируют объем, интенсивность, направления миграционных потоков, их результативность. Задача изучения причин миграции на макроуровне состоит в том, чтобы оценить влияние различных причин – урбанизации, терри-

ториальной дифференциации и концентрации экономического роста. На макроуровне анализируется влияние территориальной дифференциации заработной платы, безработицы, стоимости жилья и услуг, климатических и экологических условий и др. *(Моисеенко, 2004, с. 166)*. Как правило, причины миграции изучаются с помощью анкетного опроса населения.

Акт миграции всегда вынужден, но «*только "нужда" эта бывает разной*. В качестве такой *"нужды"* могут быть внешние причины, например, резкое ухудшение условий жизни в данном месте в связи с какими-либо общественными событиями, неурожай и голод, политические преследования. Но нередко миграция происходит и по внутренним причинам: в связи с неспособностью индивида к адаптации в наличных условиях, завышенным уровнем притязаний, так что возможности данного места пребывания его не устраивают, отсутствием возможностей для положительной социальной динамики (отсутствие возможностей для карьеры). Короче, в основе миграции всегда лежит какая-либо неудовлетворенность индивида: своим местом и (или) своим положением. К примеру, многие способные люди уезжают из сельской местности в город в связи с невозможностью на селе получить высшее образование или найти престижную работу, реализовать себя на уровне своих способностей. Но это ведь не значит, что они не могли бы жить на прежнем месте и дальше: другие ведь живут. Но этих такая жизнь не удовлетворяет, и они мигрируют» *(Бондырева, Колесов, 2004, с. 43–44)*.

Рассматривая миграцию в пространственном измерении, относительно российских регионов, можно выделить два ее аспекта или две проблемы. Одна касается территорий исхода мигрантов, другая – принимающих сообществ. Важной проблемой для территорий исхода является вопрос – способствуют или препятствуют миграции их развитию. Если регион покидает молодежь, наиболее образованная и квалифицированная часть человеческих ресурсов, то это не будет способствовать его дальнейшему развитию, а наоборот, приведет к стагнации. Образно говоря, отдающие территории уменьшают свой человеческий капитал и трудовой потенциал.

Ситуация в принимающих сообществах может быть также неоднозначной. Принимающие регионы выигрывают, когда получают квалифицированные и высокообразованные человеческие ресурсы. Не вкладывая собственные финансовые ресурсы, они получают существенное приращение человеческого капитала и потенциал экономического роста. В случае же, когда регионы принимают человеческие ресурсы с низким образовательным уровнем и недостаточной квалификацией, они теряют перспективу роста. Можно выделить также часть регионов, куда направлены потоки переселенцев из районов Крайнего Севера и местностей к ним приравнен-

ных. В данных субъектах ухудшается возрастная структура, растет конкуренция за рабочие места для старших поколений, существенно возрастает нагрузка на социальную сферу.

Но можно выделить одно общее, что характерно для всех регионов и сообществ, подверженных миграционной эрозии. В них коренным образом меняются социально-демографические структуры населения, а приток представителей разных этнических групп создает проблему обеспечения стабильной совместной жизни в общем социуме *(Фаузер, Лыткина, Фаузер Г. и др., 2018)*. В местных сообществах появляются анклавы с отличительными жизненными позициями, уровнем потребностей и возможностями по их реализации. Это обстоятельство также не улучшает условия совместного проживания.

Для Республики Коми на протяжении веков миграция выполняла важную селективную функцию. Суть ее в том, что неравномерное участие в миграции различных социально-демографических групп ведет к изменению качественного состава населения, как в местах выхода мигрантов, так и в местах их вселения *(Фаузер, Рожкин, 2000, с. 115)*. Особенно существенна взаимосвязь между миграцией и этническими процессами. Чем ближе этнический облик населения разных мест, тем активнее миграционные связи между этими местами. Чем активнее миграционные процессы, тем быстрее идут этнические изменения. Результатом взаимодействия представителей разных народов является ассимиляция. Обычно в научной литературе под этнической ассимиляцией понимается переход, включения одних народов, их частей или отдельных представителей в состав других народов, их «растворение» в этих народах *(Переведенцев, 1975, с. 26)*. Материалы проводимых переписей населения позволяют во всей полноте изучать ассимиляционные процессы.

Влияние миграции в XV–XIX вв. проявилось в изменении численности населения, интенсивности демографических процессов, «размывании» однородности национального состава, деформировании половозрастной структуры, в возникновении смешанных семей и т. д. В XX в. миграции способствовали формированию в республике трудового потенциала, рабочих кадров высшей квалификации *(Фаузер, Фаузер Вл., 2011; Фаузер, Назарова, Фаузер Вл., 2010)*. Чтобы оценить истинное значение миграции в формировании населения республики необходимо хотя бы в общих чертах проследить ее проявления в исторической ретроспективе.

Заселение современной территории республики своими корнями уходит во времена нижнего палеолита. К периоду мезолита и раннего неолита она становится постоянно обитаемой *(Подоплелов, 1972, с. 6; Подоплелов, Фаузер, Загайнова, 1990)*. Схема продвижения предков современных финно-угорских

народов, в том числе и коми – традиционна. Осваивались пригодные к возделыванию сельхозугодия вдоль северных рек и леса, богатые дичью. По мере концентрации населения, истощения сельхозугодий, истребления зверя и дичи в лесу, а также под воздействием соседних народов шла дальнейшая колонизация современной территории республики в сторону Большеземельской тундры. Постоянные контакты с соседними народами вели, с одной стороны, к взаимопроникновению культур и некоторой ассимиляции, а с другой, к росту территориальной подвижности коми народа. Количественно измерить роль миграции в формировании населения Коми края до XVI в. можно лишь довольно условно *(Фаузер, 1992, с. 5)*.

В последующем, благодаря писцовым, переписным и дозорным книгам, появляются первые данные о лицах, прибывших в Коми край, а также тех, кто ушел, «сбежал» или был мобилизован на службу, работу в иные губернии России. В XVIII–XIX вв. эти материалы дополняются наблюдениями летописцев, проведенными ревизскими сказками, церковным учетом родившихся и умерших, что позволяет достаточно точно выделить две составляющие общего прироста населения: естественный и миграционный.

Первые обобщения и наиболее обоснованные исследования по территориальному движению населения в Коми крае до XX в. содержатся в работах Л. Н. Жеребцова и И. Л. Жеребцова *(Жеребцов Л., Жеребцов И., 1984; Жеребцов, 1987; Жеребцов, 1989)*. По данным И. Л. Жеребцова *(Жеребцов, 1989)*, в середине XVII – начале XVIII в. во внешних миграциях участвовали 2645, во внутренних – 1181 человек (всего – 3826). В последующие 50 лет (1720–1770 гг.) Коми край покинули не более 700 человек, интенсивность же внутренней миграции не спадала. В указанной работе без общей количественной оценки объема миграции определены факторы, направления и тенденции миграции населения в феодальный период развития Коми края. Главной причиной, влияющей на подвижность населения в XIV – середине XVI в., являлись охота и рыболовство, так как в поисках пропитания население было вынуждено перемещаться в необжитые места. Подвижность населения предопределяла и колонизация русскими западной части Коми края.

В конце XVI – начале XVIII в. главным фактором территориальной подвижности населения стали земельная недостаточность и нехватка продуктов питания из-за низкой урожайности культур. Открытие путей в Сибирь расширило направления миграционных потоков. Наряду с продвижением населения по направлению течения рек с юга на север повышается интенсивность миграции с запада на восток. Коми край стал «отдавать» население, в этот период только в Сибирь, на Дальний Восток и Каму переселились более 2 тыс. человек *(Володарский, 1977, с. 164)*. Одновре-

менно возросло число мигрантов, прибывших в Прилузье, Сысольскую землю, бассейн р. Вычегды ниже устья Сысолы. Их численность превысила 5 тыс. человек. Одной из особенностей движения населения Коми края в XVII–XVIII вв. явились массовые крестьянские миграции, которые тормозили рост его населения и, соответственно, развитие производительных сил. Уход крестьян ослаблял складывающуюся хозяйственную общность отдельных районов края *(Лашук, 1972, с. 214, 215)*.

С середины XVIII в. начинается третий этап миграции населения. Его главная особенность заключается в том, что он протекал в период разложения феодализма и становления товарно-денежных отношений, возникновения на территории Коми края первых промышленных предприятий и притока на них рабочих из соседних губерний. Для внутренней миграции была характерна колонизация Ижмы и средней Печоры.

Нельзя упускать из виду и то, что наряду с притоком населения наблюдалась постоянная его «утечка» в Сибирь, на Печору, Урал и т. д. В этот же период произошли три войны, две из них невиданные в мире по числу потерь и разрушений хозяйства, небывалый голод, которые значительно уменьшили число населения *(Сан-Антус, 1928, с. 8)*.

Если допустить, что численность населения, приведенная в работе И. Л. Жеребцова *(Жеребцов, 1987)*, и величина коэффициентов естественного прироста *(Володарский, 1977; Колесников, 1973; Рашин, 1956)* близки к истине, то можно получить предполагаемую численность населения на определенную дату, исходя из фактической численности за предыдущий период, т. е. условный ряд численности населения при разных режимах его воспроизводства. Например, при расчете численности населения на 1727 г. за исходную величину бралась его численность за 1678 г. Затем при разных коэффициентах естественного прироста рассчитывалась численность населения по формуле сложных процентов.

Исходя из вышесказанного и данных табл. 5.1, можно утверждать, что до 1897 г. из Коми края шел отток населения при коэффициентах естественного прироста от 9 ‰ и выше. Исключение составляет лишь период 1678–1727 гг., когда население края могло увеличиваться за счет притока извне при коэффициенте естественного прироста менее 11 ‰. С 1897 по 1926 г. население Коми края увеличивалось за счет как естественного, так и миграционного прироста. В то время край притягивал жителей соседних областей, потому что в нем было меньше разрухи, слабее сказалась экономическая депрессия, характерная для экономики России, да и бывшие выходцы из Коми старались вернуться на родину. В целом, можно заключить, что вплоть до начала XX в. миграции не способствовали количественному росту населения края, хотя в качественном отношении и в развитии

отдельных промыслов сыграли определенную положительную роль *(Фаузер, 1992, с. 6–8)*.

Кроме того, миграции оказали существенное влияние на все структуры населения, начиная от этнической и кончая генетической. Такое воздействие на количественные и качественные характеристики населения края обусловлено различием структуры мигрантов по прибытию и выбытию, а также особенностями состава населения районов выхода. О причинах слабого заселения северных территорий Европейского Севера до XX в. достаточно полно написано в работе П. Е. Терлецкого *(Терлецкий, 1945)*. В то же время В. И. Коротаев отмечал, что освоение северных территорий в хозяйственных целях больше осуществлялось иностранцами и те всячески чинили препятствия для коренного населения, к тому же они были более предприимчивы, а значит и добычливыми, и зажиточными. Хотя правительство принимало меры, чтобы Русский Север был закреплен за Россией *(Коротаев, 1998, с. 48, 49)*.

В теоретическом аспекте требует отдельного рассмотрения колонизация. Изложение хотелось бы начать словами В. О. Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизуется». Имеется параллель между миграцией и колонизацией. Колонизация – это процесс заселения и освоения территории, ее «окультуривание», ассимиляция как аборигенного населения, так и влияние местной культуры на колонистов. Колонизация осуществляется, или происходит, в форме добровольной или принудительной миграции. В этом плане они представляют двуединый процесс – переселения, заселения и освоения территории *(Фаузер, Жеребцов, 2023, с. 3)*.

В научной литературе «колонизации» дается следующее определение: «колонизация, заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель страны ("внутренняя колонизация"), а также основание поселений за ее пределами ("внешняя колонизация")». Со времени Великих географических открытий европейская колонизация других районов мира сопровождалась насильственным подчинением местного населения во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки. С конца XVI в. началось освоение Сибири и Дальнего Востока. В XVI–XVII вв. заселялись южные районы Европейской России, в XVIII в. – Северное Причерноморье. Переселенчество из центральных районов Европейской России в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток и Северный Кавказ усилилось в начале XX в. *(Российский энциклопедический словарь, 2001, с. 709)*.

Таблица 5.1

Численность населения Коми края в 1646–1926 годах, ее расчетная динамика и сальдо миграции при меняющемся естественном приросте, человек

Годы	Численность населения	Коэффициент естественного прироста, ‰							
		9	10	11	12	13	14	15	16
Расчетная численность населения при соответствующем коэффициенте естественного прироста									
1646	24 700	24 700	24 700	24 700	24 700	24 700	24 700	24 700	24 700
1678	29 100	32 901	33 690	35 054	36 180	37 340	38 540	39 775	41 050
1727	49 400	45 140	47 390	49 739	52 210	54 800	57 510	60 357	63 340
1784	67 500	82 323	87 100	92 160	97 500	103 150	109 120	115 423	122 090
1858	125 000	130 994	140 960	151 666	163 180	175 550	188 850	203 138	218 490
1897	170 600	177 282	184 270	191 516	199 050	206 860	214 980	223 401	232 150
1926	255 500	221 219	227 670	234 295	241 110	248 120	255 320	262 721	270 330
Сальдо миграции при расчетной численности и соответствующем коэффициенте естественного прироста									
1646–1678	29 100	-3801	-4860	-5954	-7080	-8240	-9440	-10 775	-11 950
1678–1727	49 400	4260	2010	339	-2810	-5400	-8110	-10 957	-13 940
1727–1784	67 500	-14 823	-19 600	-24 660	-30 000	-35 650	-41 620	-47 923	-54 590
1784–1858	12 500	-5994	-15 960	-26 666	-38 180	-50 550	-63 850	-78 138	-93 490
1858–1897	170 600	-6682	-13 670	-20 916	-28 450	-36 260	-44 380	-52 801	-61 550
1897–1926	255 500	34 281	27 830	21 205	14 390	7380	180	-7221	-14 830

Колонизация осуществляется через переселенческую политику, административное управление, миссионерскую деятельность и т. д. В результате колонизации происходят распространение в колонии культуры метрополии и интеграция колонизуемой территории и ее населения в общегосударственное пространство или в пространство колониальной империи. Колонизация приводит к разнообразным этническим процессам (*сепарации, метисации, ассимиляции и т. д.*). В районах колонизации могут также формироваться новая культура и идентичность, что приводит со временем к обособлению от метрополий, возникновению самостоятельных политических образований *(Демографическая энциклопедия, 2013, с. 381)*.

Политика царской России по присоединению Севера, Сибири и Дальнего Востока носила колониальный характер. Следует отметить, что и Скандинавские страны, США и Канада также стремились использовать северные территории, не учитывая интересов коренных жителей. Практически повсеместно на Севере насаждалась христианская религия, подменявшая исторически сложившиеся традиции и обряды; благодаря школьному образованию и другим мерам широко распространялся государственный язык, с каждым годом снижая долю говоривших на языке предков.

Колониальная политика преследовала обычные для своего времени цели: расширение территории, пополнение казны за счет развития пушного промысла, горнодобывающей и лесной промышленности, поиск морских путей в Японию, Корею и Китай. Обычной была и политика в отношении аборигенных народов, которая означала для них принятие ясачных и иных повинностей *(Витязева, Котырло, 2007, с. 12)*.

Колонизация и колониализм зародились в недрах феодализма, когда начинает зарождаться капиталистический уклад, который не только несет с собой более утонченную эксплуатацию, но и ведет к новым, невиданным по масштабам захватам чужих земель, к их варварской эксплуатации и беспощадному истреблению населения. С самого появления капитализму сопутствуют войны и колониальное ограбление целых народов.

Колониализм, система политического, экономического и духовного порабощения империалистическими государствами народов колоний и зависимых стран. Колониальная система сложилась к XX в. с переходом капитализма в монополистическую стадию и завершением территориального раздела мира между крупнейшими империалистическими державами.

Колониализму присущи наиболее жестокие формы капиталистической эксплуатации в сочетании с широким использованием внеэкономического принуждения к труду. Неотъемлемыми чертами колониализма были абсолютное ухудшение положения коренного населения, подавление нацио-

нальной культуры, насильственные переселения, сохранение традиционного типа воспроизводства населения (высокие смертность и рождаемость) *(Демографический энциклопедический словарь, 1985, с. 194)*.

Против колониальной политики выступал и В. И. Ленин: «Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.!», – провозглашает Ленин в статье «События на Балканах и в Персии», написанной в октябре 1908 г. *(Ленин, с. 354–365)*.

Во второй половине XX в. начался обратный процесс – возвращение в метрополию репатриантов – деколонизация, в определенные моменты она может носить существенный и даже напряженный для страны возвращения характер. Так, деколонизация вызвала приезд во Францию с 1956 г. более 1,5 млн репатриантов, включая возвращение в 1962 г. из Алжира 650 тыс. человек *(Демографическая энциклопедия, 2013, с. 381)*.

География колониального движения выглядит следующим образом. «В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно средством *колонизации*; господствующее племя славянское выводит поселения свои все далее и далее в глубь востока. Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени – славянскому – сухим путем. Мы видим с самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о населении пустынных пространств, о построении городов; сперва населялись страны юго-западные, потом колонизация шла далее на северо-восток» *(Соловьев, 1989, с. 186)*.

Объединяет русскую и западноевропейскую колонизацию то, что первыми на колонизируемые территории приходили вооруженные люди. Однако на захваченных западноевропейскими колониальными державами территориях проживали сотни тысяч и даже миллионы коренных обитателей; были уничтожены цивилизации инков, ацтеков, майя. В отличие от этого, на землях, присоединяемых к России, численность населения относительно масштабности этих территорий была невелика, и, как отмечает Л. Л. Рыбаковский, интересы переселяющегося в Сибирь и на Дальний Восток населения из центральных и западных районов России не вступали в противоречие с хозяйственными интересами коренных жителей, как правило, проживавших в северных местностях и занимавшихся не земледелием, а рыбным промыслом, оленеводством, охотой и т. д.

Процесс колонизации имеет четкие временные границы. Началом является время присоединения новой территории, после чего наступает ее заселение колонистами – выходцами из страны, которая захватила или присоединила населенные или прежде пустующие земли к своему государству. Совсем иное дело – установление временных границ окончания процесса колонизации той или иной местности. По мнению Л. Л. Рыбаковского, границей окончания процесса колонизации является то время, когда на смену основному компоненту увеличения численности жителей осваиваемой территории – переселению – приходит другой компонент – естественный прирост населения. С этого времени начинаются нормальное демографическое развитие и дальнейшее освоение данной территории *(Рыбаковский, 2018, с. 41–43)*.

Заселение северных и арктических территорий с позиции описательно-исторического подхода происходило в форме колонизации *(Фаузер, Лыткина, Смирнов, 2020)*. Переселения и колонизация играли первостепенно важную роль не только в экономической, но и в культурной и политической истории всех времен и народов. Отличие русского переселения от наблюдаемых в других странах заключается в том, что избытки русского населения переселялись не в чужестранные государства, а в местности, входящие в состав русской государственной территории. Русский переселенец не чувствовал себя покидающим отечество *(Кауфман, 1905, с. 3, 6, 7)*. Различие между колонизацией и переселением состоит в том, что переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной *(Давидов, 1911, с. 24)*.

Наиболее существенной предпосылкой успешной колонизации является право государства на естественные богатства страны, т. е. прежде всего на землю. Но при заселении территорий, где проживает аборигенное население, встает необходимость примирить противоположные интересы и вести земельную политику так, чтобы не обидеть ни тех, кто хочет сохранить свою землю, ни тех, кто хочет ее приобрести *(Гинс, 1913, с. 5, 6, 10)*. Стоит обратить внимание на монографию А. Эткинда «Внутренняя колонизация: Имперский опыт России», где автор описывает, как Российская Империя овладела чужими территориями и осваивала собственные земли, колонизируя многие народы, включая и самих русских *(Эткинд, 2022)*.

Ведущим фактором колонизации и последующего освоения северных территорий были и остаются богатейшие природные ресурсы. Отсчёт истории русской колонизации Севера начинается с IX в., когда новгородцы приступили к освоению земель, примыкающих к бассейнам Северной Двины и Печоры. Первоначально новгородцы имели к этим территориям, богатым разнообразными природными и промысловыми ресурсами, лишь фискальный интерес. Обложив данью проживавшие на них коренные северные

народы, они не создавали здесь стационарные поселения. Исключение составили основанные новгородцами Тотьма и Вологда, впервые упоминаемые соответственно в 1137 и 1147 г. После образования Новгородской Республики (1136 г.) им отводилась роль опорных пунктов колонизации обширных северо-восточных владений. С этой миссией Вологда и Тотьма успешно справлялись до конца XIV в., когда они попали под власть Великого княжества Московского. Кроме новгородцев, в колонизации территорий Кольского, Карельского, Двинского и Печорского Севера, где с давних пор проживали угро-финские племена, принимали участие выходцы из других древнерусских земель, из которых позднее сложились этнографические группы русских – двиняне, важане, поморы, усть-цилёмы и пустозёры, ставшие старожилами Европейского Севера и составившие основу его городского населения *(Обедков, 2005, с. 3)*.

Присоединение Сибири и Дальнего Востока было позже, оно началось в конце XVI – начале XVII в. и завершилось в середине XIX в. *(Окладников, 1981, с. 6)*. Здесь проявляется другая черта колонизации территорий, захваченных западноевропейскими колониальными державами, которая состояла в том, что они уже изначально становились местами ссылки, т. е. такая форма колонизации была присуща и России, но в меньших масштабах. Известно, что в заселении Сибири (позже Дальнего Востока) присутствовала криминальная форма. С конца XVI в. Сибирь становится местом ссылки. В XVII в. ссыльные появились уже на берегах р. Лена. В том же веке в составе ссыльных были уже не только политические, но и уголовные преступники. Доля ссыльных в составе русского населения Сибири в середине XVII в. составляла 11,5 %, в начале XVIII в. – 8,6 %. С началом заселения Приамурского края ссылка из Забайкалья перемещается в этот район. Однако ссыльных поселенцев там было немного. В целом доля ссыльных в населении азиатской России к наступлению нового столетия была в 1,7 раза больше, чем доля казаков. Тем не менее относительно основной массы переселенцев, преимущественно крестьянства, их доля была в 15–16 раз меньше *(Рыбаковский, 2018, с. 44–45)*.

Присоединение Сибири и Дальнего Востока произошло позже, оно началось в конце XVI – начале XVII в. и завершилось в середине XIX в. *(Окладников, 1981, с. 6)*. Используя *демографический подход*, можно заключить, что к началу XX в. процесс колонизации российских окраин, в том числе Арктики был завершен. Динамику численности населения стал определять естественный прирост населения *(Российская и Мировая Арктика, 2022, с. 26–27)*.

Завершая теоретический раздел, обратим внимание еще на один вопрос – полезна ли миграция или вредна для некоторых социумов и какое

количество мигрантов является оптимальным или, наоборот, избыточным. Однозначного ответа здесь нет. Местное, коренное население имеет свою точку зрения, как и уроженцы третьего и последующих поколений, мигранты первого-второго поколений – свою позицию *(Лыткина, 2011)*. Многое зависит и оттого, насколько быстро мигранты вливаются в состав коренного населения, какие блага они ему принесли. Не праздный и такой вопрос, а какое право и имеет ли такое право коренное население регулировать иммиграцию. Если мигранты вытесняют коренных жителей с их территории, то, безусловно, – да, если же они ассимилируют или ассимилируются, то, конечно же, – нет. Кроме всего прочего, коренные жители сами порой явились на эти земли в очень далеком прошлом и сами являются либо полукровками, либо народом, пришедшим сюда издалека. Тогда право «управлений» является спорным или сомнительным. На эти и другие вопросы попытался ответить в монографии «Исход: как миграция изменяет наш мир» выдающийся экономист Пол Коллиер *(Коллиер, 2017, с. 80–83)*.

Завершить этот раздел можно словами В. Л. Шейниса: «Не существует таких весов, на которых можно было бы взвесить негативные и позитивные последствия колониализма и вывести точный баланс».

5.2. Влияние миграций на численность человеческих ресурсов

Результативность и влияние миграции на половозрастную структуру и образовательный уровень населения российского Севера. По России в целом и ее северным регионам наблюдается разнонаправленная динамика. В России уже четверть века идет миграционный прирост населения и, скорее всего, он сохранится в ближайшие годы, поскольку демографический потенциал ближнего зарубежья еще до конца не исчерпан *(Гришанова, Кожевникова, Рыбаковский, 2016)*. За 1990–2022 гг. механический прирост в России без учета Республики Крым и г. Севастополь составил 12 091,0 тыс. человек, но естественная убыль была значительно больше – 15 783,7 тыс., что дало отрицательный прирост населения – 3692,7 тыс. человек.

На Севере России демографическая динамика и результативность миграционного обмена отличаются от российских трендов. В трех из четырех выделенных периодов естественный прирост был положительным, что обеспечило общий ЕП в 387,4 тыс. человек, или в среднем 11,7 тыс. человек в год. Миграции, наоборот, уменьшали численность населения российского Севера. За 1990–2022 гг. механическая убыль составила 2690,8 тыс. человек. Но это в целом по Северу. Если рассмотреть тренды отдельно по азиатской и европейской частям, то динамика будет у них различаться. На Европейском Севере и естественный, и механический приросты имели все

периоды отрицательную величину. При этом если в естественном приросте нет определенного тренда, то в механической убыли он четко – идет снижение среднегодовой убыли населения с 59,0 тыс. в 1990–1999 гг. до 24,9 тыс. человек в 2020–2022 гг.

Азиатский Север, благодаря автономным округам, где экономика ориентирована на нефтегазовый сектор, имел положительное воспроизводство населения и ниспадающую миграционную убыль населения. Так, если в 1990–1999 гг. среднегодовая миграционная убыль по Азиатскому Северу составляла 80,8 тыс., то в 2020–2022 гг. прирост – 3,0 тыс. человек. Это обеспечило Азиатскому Северу с 2000 г. положительный общий прирост населения (табл. 5.2).

В целом можно отметить, что с 1990 по 2022 г. Россия имела положительный среднегодовой механический прирост в 366,4 тыс. человек. В этот же период российский Север терял в год 81,5 тыс. человек, в том числе Европейский – 45,8 тыс. и Азиатский Север – 35,7 тыс. человек. Конкретные направления миграционных потоков в разрезе территорий выбытия и прибытия рассмотрены на муниципальном уровне на примере арктических территорий *(Фаузер, Смирнов, 2020; Смирнов, 2022б)* и России в целом *(Смирнов, 2022а)*, а также на региональном уровне *(Смирнов, 2024)*.

Миграции, помимо прямого влияния на численность населения, выполняют селективную функцию, как в местах вселения мигрантов, так и в местах их исхода. Кроме этнической – это относится к половой и возрастной структурам. Российский Север все годы отличался более высокой долей мужчин по сравнению с Российской Федерацией. Это было обусловлено миграционной составляющей формирования населения, спецификой производства и особыми условиями труда. Более обжитой Европейский Север по доле мужчин приблизился к российским показателям, а по переписи населения 2021 г. доля мужчин оказалась ниже среднероссийской. На Азиатском Севере до 1989 г. сохранялся мужской перевес, но в последующие годы и там доля мужчин стала ниже 50 %. Объяснить это можно тем, что определяющим фактором в половой структуре становится, наряду с миграционным оттоком, повышенная мужская смертность (табл. 5.3).

Таблица 5.2

Прирост (убыль) населения российского Севера, 1990–2022 годы, человек

Регионы	Период	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		Общий	Естественный	Механический	Естественный	Механический
Российская Федерация*	1990–1999	-774953	-5 435 057	4 660 104	-543 506	466011
	2000–2009	-4 056 626	-7 133 350	3 076 724	-713 335	307672
	2010–2019	2 664 786	-924 468	3 589 254	-92447	358926
	2020–2022	-1 525 942	-2 290 851	764909	-763 617	254970
	1990–2022	-3 692 735	-15 783 726	12 090 991	-478 295	366394
Российский Север	1990–1999	-1 276 673	121 294	-1 397 967	12 130	-139 797
	2000–2009	-510855	12 815	-523 670	1281	-52 367
	2010–2019	-423488	279 911	-703 399	27 991	-70 340
	2020–2022	-92 419	-26 649	-65 770	-8883	-21 923
	1990–2022	-2 303 435	387 371	-2 690 806	11 739	-81 540
Европейский Север	1990–1999	-682849	-92 972	-589 877	-9297	-58 988
	2000–2009	-526778	-173496	-353 282	-17 350	-35 328
	2010–2019	-536128	-41 505	-494 623	-4151	-49 462
	2020–2022	-143126	-68 492	-74 634	-22 831	-24 878
	1990–2022	-1 888 881	-376 465	-1 512 416	-11 408	-45 831
Азиатский Север	1990–1999	-593824	214 266	-808 090	21 427	-80 809
	2000–2009	15 923	186 311	-170 388	18 631	-17 039
	2010–2019	112 640	321 416	-208 776	32 142	-20 878
	2020–2022	50 707	41 843	8864	13 948	2955
	1990–2022	-414554	763 836	-1 178 390	23 147	-35 709

*Примечание (здесь и табл. 5.3–5.5): * – без учета Республики Крым и г. Севастополь.*

Таблица 5.3

Удельный вес мужчин в общей численности населения регионов российского Севера, переписи населения 1939–2021 годов, %

Регион	Год							
	1939**	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Российская Федерация*	**47,2**	**44,6**	**45,5**	**46,0**	**46,7**	**46,6**	**46,2**	**46,5**
Российский Север	50,6	48,9	49,7	49,8	50,2	48,5	47,9	47,4
Европейский Север	49,5	47,9	48,8	48,9	49,3	47,6	46,9	46,2
Республика Карелия	51,5	45,6	47,0	47,0	47,6	46,3	45,6	44,8
Республика Коми	48,6	52,1	50,2	50,6	50,6	47,9	47,2	46,3
Архангельская область	48,3	46,4	47,8	47,9	48,7	47,1	46,7	46,3
Ненецкий АО	63,8	47,3	49,9	51,8	51,7	49,5	48,7	48,1
Мурманская область	52,7	47,8	50,6	49,7	49,8	48,8	47,7	47,2
Азиатский Север	**53,6**	**50,5**	**57,0**	**51,1**	**51,0**	**49,4**	**48,8**	**48,3**
Республика Саха (Якутия)	54,5	50,8	50,0	50,3	50,4	48,9	48,6	48,3
Республика Тыва	–	48,9	49,4	49,2	49,1	47,4	47,4	47,2
Камчатский край	55,9	50,5	53,5	52,4	52,1	50,9	49,6	48,8
Магаданская область	…	55,8	52,1	51,3	51,5	49,1	48,7	48,6
Сахалинская область	52,8	49,6	50,6	50,2	50,2	48,5	48,1	47,7
Ханты-Мансийский АО – Югра	47,7	47,0	50,4	52,2	51,3	49,7	49,0	48,2
Чукотский АО	54,9	57,3	55,1	52,5	52,6	52,6	50,1	49,7
Ямало-Ненецкий АО	51,2	47,8	50,9	53,5	52,4	50,3	49,6	48,8

*Примечание: ** – данные за 1939 г. не включают территории, не входившие в состав Союза ССР.*

Доля мужчин по регионам зависит от многих факторов: от степени освоенности территории, отраслевой специализации, результативности миграционных процессов. В 1939 г. три региона имели долю менее 50 %: Республика Коми, Архангельская область и Ханты-Мансийский АО. В Ненецком АО доля мужчин составляла 63,8 %, наибольшая среди регионов Севера в рассматриваемые переписи населения. В 1959 г. число регионов, имеющих мужчин менее половины численности, увеличилось, и только пять регионов имели долю мужчин от 50,5 до 57,3 %: республики Коми и Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Чукотский АО. В 1989 г. к ним присоединились Сахалинская область, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В 2010 г. только Чукотский АО имел мужской перевес – 50,1 %, который сохранялся с 1939 г. По данным переписи населения 2021 г., все регионы российского Севера имели женский перевес.

Если посмотреть в статике, то можно отметить, что на Севере выше доля детей и лиц в трудоспособном возрасте, но ниже доля лиц старших

возрастов. Это преимущество особенно заметно на Азиатском Севере, на Европейском Севере оно постепенно сводится на нет. Рассматривая возрастную структуру в динамике, можно увидеть, что идет увеличение доли лиц старших возрастов за счет уменьшения доли детей и трудоспособной части. Также можно отметить, что возрастная структура населения Европейского Севера близка к российской, что свидетельствует о завершенности здесь процесса формирования населения. Азиатский Север медленно, но стареет: уменьшилась доля детей с 29,8 % в 1979 г. до 22,3 % в 2021 г. и в 3 раза увеличилась доля лиц старше трудоспособного возраста – с 5,2 до 16,7 % (табл. 5.4).

Таблица 5.4

Удельный вес возрастных групп в общей численности населения российского Севера, переписи населения 1979–2021 годов, %

Год	Возраст населения	Российская Федерация	Российский Север	Европейский Север	Азиатский Север
1979	Моложе трудоспособного	23,3	27,6	25,9	29,8
	Трудоспособный	60,4	64,4	63,9	65,0
	Старше трудоспособного	16,3	8,0	10,2	5,2
1989	Моложе трудоспособного	24,5	29,3	27,0	31,5
	Трудоспособный	57,0	61,8	60,6	63,1
	Старше трудоспособного	18,5	8,9	12,4	5,4
2002	Моложе трудоспособного	18,2	21,2	18,7	23,5
	Трудоспособный	61,3	66,2	64,9	67,5
	Старше трудоспособного	20,5	12,6	16,4	9,0
2010	Моложе трудоспособного	16,2	19,2	16,7	21,2
	Трудоспособный	61,6	64,9	63,2	66,4
	Старше трудоспособного	22,2	15,9	20,1	12,4
2021*	Моложе трудоспособного	16,8	20,6	18,1	22,3
	Трудоспособный	58,4	59,3	56,6	61,0
	Старше трудоспособного	24,8	20,1	25,3	16,7

Анализируя возрастную структуру в северных регионах, отметим следующее. Во-первых, здесь выше доля лиц моложе трудоспособного возраста – 20,6 % (РФ – 16,8 %). Отдельно можно выделить Республику Тыва – 32,8 %, Республику Саха (Якутия) – 24,0 %, Ямало-Ненецкий АО – 22,9 % и Ненецкий АО – 22,5 %. В этих регионах молодая возрастная структура населения поддерживается более высоким уровнем рождаемости. Во-вторых, выделяется повышенная доля трудоспособных – 59,3 % (РФ – 58,4 %). Особенно высока она в Чукотском АО – 63,8 %, Ямало-Ненецком АО – 64,4 % и Ханты-Мансийском АО – 61,9 %. В-третьих, на Севере ниже российского уровня доля лиц старших возрастов – 20,1 % (РФ – 24,8 %). Только

в Республике Карелия (28,3 %) и Архангельской области (26,8 %) она выше российского уровня. Меньше всего пожилых людей в Республике Тыва – 10,6 %, в Ямало-Ненецком АО – 12,7 %, в Чукотском АО – 13,8 % и Республике Саха – 16,4 % (табл. 5.5).

Наряду с негативным влиянием на численность населения миграции в то же время способствовали поддержанию на Севере более молодой возрастной структуры. Анализ миграционных потоков показывает, что в период с 2005 по 2022 г. среди прибывших шло увеличение доли молодых возрастов с 14,5 до 17,7 %. В структуре выбывших увеличилась доля старших возрастов с 10,2 до 11,6 %. Структура миграционной убыли по возрастным группам также показывает свое положительное влияние на возрастную структуру населения. Так, миграционная убыль молодежи (–2946 человек) и трудоспособного населения (–22 529 человек) сменилась приростом в количестве 2938 чел. и уменьшением убыли на 6295 человек соответственно (табл. 5.6).

В миграционных потоках, направленных на освоение новых территорий, удовлетворение социально-экономических потребностей, поиск престижной работы и получение образования, как правило, преобладают лица молодых возрастов и имеющие высокий уровень образования. В потоках вынужденного убытия все наоборот, преобладают представители старших возрастных групп, менее квалифицированные работники. Сальдо миграции это подтверждает – северные территории получают в последнее время менее квалифицированные кадры, а отдают более образованные. В 2005 г. отрицательное сальдо миграции в обмене мигрантами, имеющими неполное и высшее образование, составляло 25,7 %, а в 2022 г. – уже 179,0 %, в том числе на Европейском Севере – 27,8 и 58,7 %, на Азиатском Севере – 23,5 и 177,8 % соответственно (поиск достойной работы и высокой зарплаты). Увеличилась доля мигрантов со средним и начальным профессиональным образованием – с 31,7 до 74,3 %. Одновременно изменилась направленность миграционных потоков населения, имеющих среднее общее (полное) и основное общее образование с оттоком 12 012 и 845 человек соответственно в 2005 г. на прирост 4249 и 1531 человек в 2022 г. В миграционном обмене незначительный удельный вес лиц с начальным общим и не имеющих образования сменился с –0,6 на 1,9 % (табл. 5.7).

Таблица 5.5

Удельный вес возрастных групп в общей численности населения российского Севера, переписи населения 1979–2021 годов, %

Регион	1979 г.			1989 г.			2002 г.			2010 г.			2021 г.		
	Возраст населения														
	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного
Российская Федерация*	**23,3**	**60,4**	**16,3**	**24,5**	**57,0**	**18,5**	**18,2**	**61,3**	**20,5**	**16,2**	**61,6**	**22,2**	**16,8**	**58,4**	**24,8**
Российский Север	**27,6**	**64,4**	**8,0**	**29,3**	**61,8**	**8,9**	**21,2**	**66,2**	**12,6**	**19,2**	**64,9**	**15,9**	**20,6**	**59,3**	**20,1**
Европейский Север	**25,9**	**63,9**	**10,2**	**27,0**	**60,6**	**12,4**	**18,7**	**64,9**	**16,4**	**16,7**	**63,2**	**20,1**	**18,1**	**56,6**	**25,3**
Республика Карелия	24,8	62,4	12,8	25,6	58,4	16,0	18,0	62,9	19,1	16,0	61,2	22,8	17,1	54,6	28,3
Республика Коми	26,9	65,4	7,7	28,0	62,1	9,9	19,8	66,1	14,1	17,7	64,7	17,6	18,8	57,4	23,8
Архангельская область	25,2	61,4	13,4	26,6	58,0	15,4	18,7	62,7	18,6	16,7	61,6	21,7	17,9	55,3	26,8
Ненецкий АО	29,5	63,4	7,1	30,9	61,4	7,7	25,4	63,0	11,6	22,7	63,0	14,3	22,5	58,7	18,8
Мурманская область	26,5	67,1	6,4	27,4	64,0	8,6	18,1	68,4	13,5	16,2	65,5	18,3	18,2	59,5	22,3
Азиатский Север	**29,8**	**65,0**	**5,2**	**31,5**	**63,1**	**5,4**	**23,5**	**67,5**	**9,0**	**21,2**	**66,4**	**12,4**	**22,3**	**61,0**	**16,7**
Республика Саха (Якутия)	31,8	62,1	6,1	32,6	61,0	6,4	26,5	63,5	10,0	23,3	64,0	12,7	24,0	59,6	16,4
Республика Тыва	38,8	54,8	6,4	37,3	54,9	7,8	31,9	59,0	9,1	30,5	59,7	9,8	32,8	56,6	10,6
Камчатский край	27,8	67,9	4,3	28,2	66,5	5,3	18,8	68,9	12,3	17,1	65,6	17,3	19,4	60,7	19,9
Магаданская область	27,6	69,0	3,4	28,8	66,7	4,5	19,1	69,8	11,1	16,8	66,5	16,7	17,0	63,0	20,0
Сахалинская область	26,5	65,9	7,6	27,2	62,7	10,1	18,6	66,5	14,9	16,7	63,7	19,6	16,1	59,9	24,0
Ханты-Мансийский АО – Югра	29,1	67,5	3,4	33,2	63,3	3,5	22,8	70,4	6,8	20,4	69,0	10,6	21,6	61,9	16,5
Чукотский АО	31,0	67,6	1,4	30,6	67,5	1,9	23,2	70,1	6,7	22,4	67,3	10,3	22,4	63,8	13,8
Ямало-Ненецкий АО	28,8	67,8	3,4	32,8	65,2	2,0	24,9	70,5	4,6	22,0	70,2	7,8	22,9	64,4	12,7

Таблица 5.6

Возрастной состав мигрантов российского Севера, 2005, 2010, 2022 годы, %

Регионы	2005 г.			2010 г.			2022 г.		
	Возраст мигрантов								
	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного
Прибывшие									
Российская Федерация	13,8	73,8	12,4	13,5	74,9	11,6	19,7	69,5	10,8
Российский Север	14,5	78,0	7,5	15,4	77,2	7,4	17,7	71,3	11,0
Европейский Север	12,5	78,7	8,8	14,6	75,9	9,5	16,6	72,5	10,9
Азиатский Север	15,7	77,6	6,7	15,7	77,9	6,4	18,3	70,7	11,0
Выбывшие									
Российская Федерация	13,8	74,2	12,0	13,8	74,4	11,8	19,0	70,5	10,5
Российский Север	13,5	76,3	10,2	12,8	74,9	12,3	15,9	72,5	11,6
Европейский Север	12,3	77,2	10,5	12,2	75,0	12,8	15,9	72,5	11,6
Азиатский Север	14,3	75,7	10,0	13,2	74,8	12,0	15,9	72,5	11,6
Миграционный прирост (убыль)									
Российская Федерация	12,7	66,7	20,6	10,0	81,0	9,0	72,2	-4,1	31,9
Российский Север	-8,9	-68,5	-22,6	-3,6	-66,5	-29,9	16,9	-93,4	-23,5
Европейский Север	-11,7	-72,3	-16,0	-7,5	-73,2	-19,3	-8,4	-71,5	-20,1
Азиатский Север	-5,8	-64,3	-29,9	2,2	-56,7	-45,5	46,4	-118,8	-27,6

Таблица 5.7

Сальдо миграции населения в возрасте 14 лет и старше по уровню образования, 2005 и 2022 годы, %

Уровень образования	Миграционный прирост, убыль (–)							
	Российская Федерация		Российский Север		Европейский Север		Азиатский Север	
	2005 г.	2022 г.	2005 г.	2022 г.	2005 г.	2022 г.	2005 г.	2022 г.
Всего имели образование	100,0	100,0	-100,0	-100,0	-100,0	-100,0	-100,0	100,0
В том числе: высшее профессиональное (высшее)	18,0	7,5	-20,5	-92,8	-24,4	-37,8	-16,5	-70,4
неполное высшее профессиональное	3,3	12,1	-5,2	-86,2	-3,4	-20,9	-7,0	-107,4
среднее профессиональное (среднее специальное)	33,2	33,9	-31,7	-69,8	-34,2	-38,6	-29,2	-22,6
начальное профессиональное	–	4,9	–	-4,5	–	-0,0	–	-8,6
среднее общее (полное)	30,7	26,9	-39,2	111,3	-27,7	2,3	-50,8	211,7
основное общее (среднее общее неполное)	11,6	11,8	-2,8	40,1	-8,9	-2,2	3,3	85,2
начальное общее (начальное) и не имеющие образования	3,2	2,9	-0,6	1,9	-1,4	-2,8	0,2	12,1

Генетическая структура населения. Проследить изменение генетической структуры позволяют переписи населения, в переписных листах которых задавались сопоставимые вопросы о «месте рождения», «месте рождения и проживания», «продолжительности проживании в месте постоянного жительства». Эти показатели хорошо демонстрируют миграционную подвижность населения и интенсивность связей между отдельными субъектами России *(Воспроизводство населения, 1987, с. 37).*

Общее представление о подвижности населения дает показатель, распределяющий все население на родившихся в субъекте и приезжих. С 2002 по 2021 г. в целом по России и ее северным территориям незначительно, но увеличилась доля тех, кто является уроженцем региона проживания, исключение составили Ненецкий и Чукотский автономные округа. Самая высокая доля местных уроженцев в 2021 г. зафикисирована в Республике Тыва – 97,3 %. Ниже, чем в целом по Северу, доля местных уроженцев была в Магаданской и Мурманской областях, Камчатском крае и Чукотском АО. Менее половины местных уроженцев – в Ямало-Ненецком АО – 44,8 % и Ханты-Мансийском АО – 44,7 %. Можно заключить, что в этих субъектах по-прежнему велика роль внешней миграции при формировании населения.

Второй показатель позволяет оценить миграционный отток местных уроженцев за пределы региона. Здесь можно отметить два момента: 1) величина этого показателя с 2002 по 2021 г. оставалась практически стабильной, 2) только примерно четвертая часть северян покидает регион своего рождения. Самая низкая миграционная подвижность у родившихся в Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах и в республиках Тыва и Саха – более 85 % проживают в субъекте, где родились. Существенно снизилась доля покидающих Ненецкий АО: с 25,6 % в 2002 г. до 12,7 % в 2021 г., и Сахалинскую область: с 39,7 % в 2002 г. до 25,3 % в 2021 г. В особом ряду стоит Магаданская область, где 48,1 % местных уроженцев покидают область.

Третий показатель позволяет оценить самую устойчивую часть постоянного населения – долю непрерывно проживающих в месте постоянного жительства с рождения, обратная ему величина – доля внутренних и внешних мигрантов в составе населения. Этот показатель раскрывает распространенность «отсутствия миграционного опыта», степень оседлости, «привязанность к территории рождения». В 1979 г. 53,9 % россиян принимали участие в миграциях. К 2002 г. миграционная подвижность снизилась – более половины населения России не принимало участие в миграциях (55,7 %). В целом можно отметить, что миграционная активность северян с 1979 по 2002 г. снижалась, а к 2010 г. вновь возросла. Частичное снижение связано с иной методологией переписи 2002 г., опре-

деления постоянного населения и сроков непрерывного проживания от 6 мес. до года, которое повлекло сокращение параметров постоянного населения, а рост с исключением в 2010 г. методологического пояснения переписи 2002 г., когда непрерывность постоянного проживания не считается нарушенной при переезде из одного сельского населенного пункта в другой в пределах одного и того же административного района или при переезде в пределах одного города. Исключение составляют Ханты-Мансийский АО, где росла доля постоянного населения за счет детей мигрантов, и Ямало-Ненецкий, где шло уменьшение постоянного населения, а затем последовало его увеличение. В 2021 г. во всех регионах российского Севера значительно увеличился вес населения непрерывно проживающего в месте постоянного жительства с рождения, особенно в Сахалинской области – на 27,8 п. п., Республике Тыва – на 24,6 п. п. и Республике Саха – на 22,5 п. п. (табл. 5.8).

Данные табл. 5.8 позволяют рассчитать объемы внутренних миграций местных уроженцев. Их можно получить, сравнив показатели тех, кто «родился и проживает в данном субъекте», с теми, кто «непрерывно проживает в месте постоянного жительства с рождения». Разница между этими показателями дает долю внутренних перемещений.

В 2010 г. доля внутренних перемещений по России составляла 42,8 %, в 2021 г. она уменьшилась до 12,2 %, по российскому Северу – 39,5 %, уменьшилась до 25,0 %. Больше всего внутренних перемещений совершают уроженцы Ханты-Мансийского АО – 49,0 % и Ямало-Ненецкого АО – 44,4 %. Доля внутренних перемещений незначительна в Сахалинской области – 5,4 % и Камчатском крае – 10,4 %. Внутренней миграции практически нет в Магаданской области – 1,3 % в 2010 г., и отсутствовала в 2021 г. Феномен низкой доли внутренней миграции или ее отсутствие можно объяснить, с одной стороны, особенностями географического положения регионов (удаленностью и отсутствием внутренних транспортных артерий), а с другой – высокой концентрацией населения в столичных городах (Магадан – 66,7 %, Петропавловск-Камчатский – 56,5 %). В такой ситуации любой сбой в экономике административных центров провоцирует внешнюю миграцию.

Таблица 5.8

Распределение населения по месту рождения и месту непрерывного проживания с рождения в регионах российского Севера, переписи населения 1979–2021 годов*, %

Регион	Удельный вес родившихся в субъекте в общей численности населения, указавших территорию проживания			Удельный вес родившихся в субъекте и на момент переписи проживающих на территории рождения			Удельный вес населения, непрерывно проживающего в месте постоянного жительства с рождения			
	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	1979 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация	**91,7**	**91,9**	**94,8**	**90,7**	**89,0**	**79,2**	**46,1**	**55,7**	**46,2**	**67,0**
Российский Север	**58,5**	**63,3**	**73,0**	**76,3**	**76,9**	**80,3**	**35,1**	**43,8**	**37,4**	**55,3**
Европейский Север	**69,5**	**74,0**	**80,7**	**77,6**	**76,8**	**78,5**	**38,6**	**50,6**	**40,0**	**58,3**
Республика Карелия	69,9	73,6	80,8	78,7	79,5	83,2	38,9	49,1	38,2	57,7
Республика Коми	65,5	70,9	81,1	77,7	74,7	75,6	35,5	48,1	38,0	58,4
Архангельская область	79,1	82,0	86,7	75,3	76,7	78,1	44,1	57,6	43,3	62,4
Ненецкий АО	71,5	71,0	73,2	74,4	90,1	87,1	47,8	55,9	44,3	61,7
Мурманская область	48,5	53,6	62,4	66,4	64,1	68,8	33,5	43,8	38,2	52,8
Азиатский Север	**47,9**	**53,8**	**67,2**	**73,8**	**76,1**	**81,4**	**30,8**	**37,6**	**35,3**	**53,1**
Республика Саха	72,4	78,5	86,8	79,7	81,0	85,2	35,9	52,6	41,1	63,6
Республика Тыва	91,4	93,9	97,3	84,3	84,3	87,5	54,0	61,4	43,8	68,4
Камчатский край	51,6	57,4	70,2	62,6	63,7	71,6	30,1	44,3	41,7	61,2
Магаданская область	46,2	53,4	68,0	35,7	37,6	51,9	22,2	37,1	36,3	57,7
Сахалинская область	63,8	68,0	81,9	60,3	60,4	74,7	33,9	49,5	41,5	69,3
Ханты-Мансийский АО	20,8	31,1	44,7	93,3	94,3	86,9	19,0	20,3	29,2	37,9
Чукотский АО	46,1	36,9	60,1	61,8	61,9	73,4	22,5	42,9	31,3	51,7
Ямало-Ненецкий АО	27,5	31,0	44,8	93,0	90,4	81,6	29,2	25,8	27,6	37,2

*Примечание: * – 2002–2021 гг. – население частных домохозяйств, указавшее продолжительность проживания в месте постоянного жительства.*

5.3. Образовательный потенциал человеческих ресурсов

По мнению ведущих специалистов в области экономики труда, в XXI в. успех развития отдельных организаций, регионов и страны в целом будет определять наличие лучших ресурсов труда. При этом их превосходство выражается не через физические параметры, а лучшими профессиональными навыками. «В пользу важности качества ресурсов труда говорит тот факт, что развитые страны мира получают до 40 % ВНП через систему образования и базирующиеся на ней наукоемкие отрасли» *(Самойлов, 2004, с. 17)*. Согласно расчетам Всемирного банка, именно человеческие ресурсы, с учетом дохода на труд, считаются основным компонентом богатства в различных регионах мира, на них приходится от 40 до 80 % его общей величины *(Новый взгляд на богатство, 2003; Экономика сохранения биоразнообразия, 2002)*. В богатстве человеческим ресурсам соответствует доля 68–76 %, при том, что произведенным активам (физическому капиталу) – 19–30 %, а природный капитал составил только 2–5 % *(Бобылев, 2005, с. 41–61)*.

На фоне важности ресурсов труда для северной экономики демографическая компонента демонстрирует нисходящую динамику. Поэтому обретает актуальность исследовательский вопрос – насколько улучшение качественных характеристик человеческих ресурсов способно компенсировать снижение их количества?

Ключом к ответу на поставленный вопрос может стать «*многомерная демография*». Это подход, разработанный В. Лутцем в рамках предложенной им единой демографической теории, которая объединяет три направления: демографический метаболизм (смена поколений), демографический переход и демографический дивиденд *(Lutz, 2021)*. Подход многомерной демографии добавляет в демографический анализ дополнительные размерности, такие как образование, навыки и статус занятости. Многомерный взгляд на демографию не противоречит классическому определению демографии как научной дисциплины об изменениях численности и структур населения. Таких структур может быть множество, помимо пола и возраста. Таким образом, В. Лутц помещает демографию «в центр количественного анализа социальных и экономических изменений и устойчивого развития» *(Калмыкова, 2022, с. 162)*.

В данном разделе человеческие ресурсы северных регионов России рассматриваются в шести измерениях: территория, год, пол, возраст, образовательный уровень и статус занятости. Добавление последних двух размерностей отличает исследование от традиционной демографии. Образование – важнейшая качественная характеристика человеческих ресурсов,

а статус занятости показывает, какая часть накопленного обществом образовательного потенциала используется в трудовой деятельности. Будут рассмотрены качественные характеристики и методология многомерного анализа человеческих ресурсов российского Севера. Результаты исследования представлены в двух ракурсах: для всего населения и для занятого населения. Более детально, для сравнения, рассмотрены два региона, находящихся на разных стадиях освоения природных ресурсов: Республика Коми и Ханты-Мансийский АО.

Образование как качественная характеристика человеческих ресурсов. Уровень образования, наряду со здоровьем, доходами, создаваемым валовым продуктом, является всеобъемлющей качественной характеристикой многих категорий рынка труда. Например, Н. М. Римашевская при оценке человеческого потенциала использовала образование, здоровье и благосостояние населения *(Римашевская, 2001)*. Человеческий капитал оценивается в стоимостном выражении – через отдачу от инвестиции в человека – с использованием показателей образования, навыков, здравоохранения, культуры и др. Этот подход продуктивен, но вызывает сложности при анализе регионов на большом временном промежутке из-за недостаточности статистических данных, сложности учета инфляции, изменений методики статистических наблюдений и других причин.

Наиболее формализована оценка *индекса человеческого развития*. Индекс разработан под руководством М. Уль-Хака и чаще всего определяется через три показателя: ожидаемую продолжительность жизни, продолжительность обучения и валовой продукт на душу населения *(Stanton, 2007)*. Однако последний показатель в условиях Севера России не является оптимальным индикатором как уровня жизни, так и производительности труда из-за высокого удельного веса сырьевых отраслей экономики. Из поля зрения выпадают предпринимательская активность и развитие инноваций, а величина показателя в основном определяется объемом добычи, что может быть слабо связано с уровнем развития человеческих ресурсов *(Приоритеты научно-технического, 2020, с. 385–400)*.

В исследовании качество человеческих ресурсов оценивается через призму образовательного уровня[66]. Образовательный уровень населения имеет решающее значение при оценке социально-экономического потенциала региона. Это связано с растущей интеллектуализацией труда, повышением требований к его квалификации. Почему выбрана именно эта каче-

[66] Действующие образовательные уровни установлены Федеральным законом Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. – http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007?pageSize=50 (дата обращения: 21.03.2024).

ственная характеристика населения? Во-первых, образовательный уровень хорошо фиксируется переписями населения, что упрощает его изучение. Во-вторых, это один из наиболее комплексных индикаторов социально-экономического развития общества. Повышение образовательного уровня населения способствует росту благосостояния и ожидаемой продолжительности жизни, позволяет обществу лучше адаптироваться к изменениям климата, нивелировать негативные эффекты миграционного оттока и демографического старения, стимулирует предпринимательскую активность и диверсификацию рынков труда *(Lutz, Cuaresma, Sandersom, 2008)*.

Повышение образовательного уровня населения способствует возникновению новых отраслей экономики *(Петров, 2018)*, формированию на северной периферии экономики знаний *(Пилясов, 2015а)*. В западноевропейских северных странах реализуется подход к внедрению региональных инноваций «умная специализация», состоящий в том, что территории должны сосредоточить усилия на поддержке тех сфер, где они обладают региональными сравнительными преимуществами, в целях развития критической массы инноваций уже в рамках глобальной конкурентоспособности *(Healy, 2017, с. 11; Jungsberg, Herslun, Nilsson et al., 2020)*. Перспективные отрасли требуют кадров с определенным образованием.

Имеется устойчивая взаимосвязь образования и миграции, поскольку на российском Севере именно миграция является ключевым фактором динамики численности населения, а точнее его убыли *(Население северных регионов, 2016)*. Социологические исследования показывают, что «высшее образование, считавшееся во второй половине XX в. эксклюзивной моделью социального успеха, в XXI в. превратилось в магистральный путь, причем отсутствие университетского диплома для современной молодежи, в том числе в глубинке, стало маркером социального неудачника» *(Ильин, 2022, с. 19–20)*. Люди мигрируют для продолжения обучения или для поиска подходящей работы после получения образования. Причем сегодня более 80 % населения России предпочитают, чтобы их дети получали именно высшее образование *(Кузьминов, Юдкевич, 2021)*. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, наибольшую долю населения с высшим образованием в возрасте от 25 до 64 лет в 2021 г. имели: Канада – 61,99 %, Россия – 56,73 %, Япония – 55,66 %, Ирландия – 53,71 %, Республика Корея – 51,71 %, США – 50,32 %, Люксембург – 50,30 % и Великобритания – 50,15 %; самой низкой она была в Индии – 12,95 %[67].

[67] Adult education level. OECD. – URL: https://data.oecd.org/eduatt/adult-education-level.htm (дата обращения: 20.05.2024)

Исследователи среди факторов, способных удерживать в регионе молодых людей, называют развитую систему образования, высокий уровень брачности, рекреационные возможности и социальную инфраструктуру *(Москвина, 2019, с. 99)*. В зарубежных северных регионах также акцентируют внимание на сложности привлечения населения после получения высшего образования. Среди проблем образовательной сферы в контексте миграции выделяют: ограниченную доступность высшего образования, низкий средний уровень образования населения, неудобное пространственное расположение вузов, нехватку кадров в управлении образованием, малое разнообразие рабочих мест и сложность поиска подходящей работы выпускниками вузов *(Kull, Refsgaard, Sigurjonsdottir et al., 2020, с. 223, 230, 234)*.

Источники данных и методы изучения образовательного состава. Анализ основан на итогах переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг.[68] Из них были получены данные о численности населения по полу, 5-летним возрастным группам, уровню образования и статусу занятости в северных регионах. Причем использовались максимально детализированные данные – в разрезе всех изучаемых признаков одновременно. Неполнота и определенная несопоставимость сведений затрудняет анализ характеристик человеческих ресурсов в динамике. В каждой последующей переписи растет число людей, которые не указали уровень образования или статус занятости. Так, доля не указавших уровень образования составила 0,8, 3,8 и 19,6 % в 2002, 2010 и 2021 гг. соответственно. Поэтому было решено распределить население, не указавшее возраст, образование или занятость, пропорционально населению, для которого эти показатели известны.

Подход многомерной демографии выбран потому, что он, во-первых, позволяет одновременно анализировать количественные и качественные характеристики населения, имеющие на Севере разнонаправленную динамику; во-вторых, обладает высокими объяснительными и прогностическими возможностями, поскольку фокусируется на продвижении поколений по возрастной пирамиде.

В исследовании применялся метод составных (многомерных) возрастных пирамид, на которых по горизонтальной оси, помимо пола, отмечаются дополнительные демографические структуры. Подобные пирамиды широко используются учеными из австрийского Центра демографии и глобального человеческого капитала Витгенштейна под руководством В. Лутца. В частности, ими разработаны пирамиды в разрезе образова-

[68] Росстат: официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.01.2024).

тельных уровней *(Lutz, Goujon, KC et al., 2018)*, образования и экономической активности *(Marois, Bélanger, Lutz, 2020)*, образования с поправкой на навыки *(Lutz, Reiter, Özdemir et al., 2021)*. Такие возрастные пирамиды позволяют одновременно анализировать количественные и качественные характеристики населения в разрезе половозрастных групп. При изучении нескольких переписей они наглядно демонстрируют трансформации в разных когортах населения. Многомерные возрастные пирамиды в нашем исследовании реализованы с помощью библиотеки Plotly[69] на языке программирования Python; разработан алгоритм, подобный пакету wcde[70] на языке R, созданном в Центре Витгенштейна Г. Абелем.

Для оценки итоговых изменений в накопленном уровне человеческих ресурсов требуется показатель, который позволит сравнивать между собой разные образовательные уровни. Наиболее подходящий показатель – среднее число лет обучения – часто используется в изучении человеческого развития стран и территорий. Суммируя число лет обучения по всем жителям, можно получить значение общей длительности обучения населения, которое с некоторой условностью соответствует общему образовательному потенциалу общества. В анализируемый отрезок времени менялась образовательная структура населения и количество лет обучения. Во-первых, начальное профессиональное образование вошло в состав среднего профессионального согласно ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. В переписи населения 2021 г. отдельно выделена подкатегория квалифицированных рабочих и служащих, которая в нашем исследовании приравнивается к начальному профессиональному образованию. Во-вторых, начиная с 2010 г., высшее образование в итогах переписей подразделяется на три уровня: бакалавриат, специалитет и магистратура. В-третьих, согласно вышеуказанному закону, утратил силу ФЗ № 125 от 22.08.1996 «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» и с 2013 г. последним уровнем профессионального образования стало высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации.

Показатель числа лет обучения в оценке образовательного потенциала имеет ряд ограничений. Во-первых, разные уровни образования и разные регионы могут обеспечивать разный прирост знаний. Во-вторых, формальное получение образования – не единственный источник знаний и навыков. Не учитываются качество образования, сила семейных связей, здоровье и другие факторы *(Ханушек, Вёссманн, 2022, с. 35–36)*.

---

[69] Plotly Python Graphing Library: официальный сайт. – URL: https://plotly.com/python/ (дата обращения: 05.07.2023).

[70] WCDE: официальный сайт. – URL: https://guyabel.github.io/wcde/ (дата обращения: 05.07.2023).

Авторы используют категорию «образовательный потенциал» в узком смысле слова – число лет обучения, в широком смысле слова он включает – накопленные поколениями знания и профессиональный опыт, которые воспроизводятся через систему образования; совокупность знаний, умений, навыков и опыта конкретного индивидуума, позволяющая заниматься определенным видом профессиональной деятельности; совокупность знаний, умений, навыков, возможностей, предоставляемых образованием для наиболее эффективного функционирования общественной системы[71].

Уровень образования населения российского Севера. С 2002 по 2021 г. в образовательном потенциале населения российского Севера произошли позитивные сдвиги. Увеличилась доля лиц с высшим образованием (первые пять позиций), соответственно 17,0–25,9–30,6 % (Россия: 19,3–28,0–29,2 %), превзойдя Российскую Федерацию (далее – РФ) в 2021 г. Незначительно снизилась доля лиц с профессиональным образованием (-4,5 п. п., РФ – -0,8 п. п.) и существенно – со средним общим (полным) и ниже, соответственно 37,2–33,5–28,1 %, в 2021 г. по сравнению с 2002 г. – -9,1 п. п., (РФ: 40,4–35,2–31,3 %). Таким образом, такая же картина наблюдается в целом по РФ; сократилось население без образования в самой старшей возрастной группе – 70 лет и старше – с 47,2 до 5,6 % (табл. 5.9).

Изменение образовательной структуры населения сказалось на государственных расходах на образование, которые отличаются по образовательным уровням. Так, в 2020 г. на одного обучающегося по программам дошкольного образования приходилось в год 134,6 тыс. руб. бюджетных средств, общего – 109,0 тыс. руб., среднего профессионального – 135,1 тыс. руб., высшего – 393,3 тыс. руб. *(Индикаторы образования, 2022, с. 177)*. Взвесив эти величины, по данным переписи 2021 г., можно оценить средние затраты на один человеко-год обучения населения российского Севера в 145,8 тыс. рублей, а по РФ – 144,5 тыс. руб.

Образовательный состав населения российского Севера по переписи населения 2021 г. представлен следующим образом. Кадры высшей квалификации (58,4 тыс. человек) и население с высшим образованием (1,3 млн человек) сосредоточены в основном в регионах Европейского Севера, на Урале и в Якутии. Больше всего людей с высшим образованием в крупнейших по численности регионах: Ханты-Мансийском АО (286,1 тыс. человек), Республике Саха (170,8 тыс.), Архангельской области (147,8 тыс.). Меньше всего – в Ненецком и Чукотском автономных округах (6,7 и 10,0 тыс. человек соответственно). Во всех регионах среди людей с высшим образованием преобладают выпускники специалитета

[71] Рысбеков Ю. Х. Образовательный потенциал (определения). – URL: http://cawater-info.net/bk/11–2.htm (дата обращения 21.03.2024).

(от 63,2 % – в Тыве до 74,1 % – в Архангельской области). Кадры высшей квалификации в большей степени тяготеют к Европейскому Северу, чем люди с высшим образованием. Это связано с наличием в европейской части таких научно-образовательных центров, как Архангельск, Сыктывкар, Петрозаводск, Мурманск и Апатиты (табл. 5.10).

Среднее профессиональное образование среди ответивших имеют 2,0 млн человек. Не имеют образования вообще 12,1 тыс. человек от 15 лет и старше, а неграмотными из них являются 4,1 тыс. человек. Если по населению с высшим образованием лидировали ХМАО и Якутия, то по населению со средним профессиональным – ХМАО (362,6 тыс. человек) и Архангельская область (325,5 тыс.), за ними следует Республика Саха – 251,3 тыс. человек. Интересны различия между самыми слабозаселенными регионами Севера – Ненецким и Чукотским автономными округами. В последнем больше населения со средним профессиональным, средним общим и основным общим образованием, а в Ненецком – с начальным общим и без образования. Это свидетельствует о различиях в возрастном составе населения европейской и азиатской Арктики. Следует отметить, что у 1,2 млн жителей российского Севера уровень образования не указан, при этом распределено такое население между регионами очень неравномерно. Так, в Ханты-Мансийском АО это почти треть (31,3 %) от общего числа жителей соответствующего возраста, а в Чукотском АО – всего 0,7 % (табл. 5.11).

По удельному весу кадров высшей квалификации в 2021 г. лидируют азиатские регионы: Магаданская область, Республика Саха (Якутия) и Чукотский АО. По доле населения с высшим и неполным высшим образованием лидирует Ямало-Ненецкий АО (37,5 %). За ним следуют также азиатские регионы: Ханты-Мансийский АО (32,8 %), Магаданская область (31,6 %) и Камчатский край (31,1 %). На последнем месте находится Архангельская область (22,8 %), хотя в 2010 г. это была Республика Тыва (18,3 %). Удельный вес населения со средним профессиональным образованием, напротив, выше в европейских регионах: Архангельской области (47,0 %), Республике Коми (44,9 %), Карелии (44,5 %). Наивысшая доля населения без среднего полного образования в Ненецком АО (17,2 %), Чукотском АО (15,5 %) и Тыве (14,7 %). Следует отметить, что во всех северных регионах сократилась доля наименее образованного населения (табл. 5.12).

Таблица 5.9

Распределение населения российского Севера и Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше по уровню образования, переписи населения 2002–2021 годов, %

Срок обучения, лет	Уровень образования			Уровень образования			Уровень образования		
	2002 г.	РС	РФ	2010 г.	РС	РФ	2021 г.	РС	РФ
20	Послевузовское	0,2	0,3	Послевузовское	0,6	0,6	Кадры высшей квалификации	1,2	1,3
17	–	–	–	Магистр	0,5	0,5	Магистратура	1,8	1,8
16	Высшее	14,1	15,9	Специалист	19,7	21,3	Специалитет	18,9	17,1
15	–	–	–	Бакалавр	0,9	1,0	Бакалавриат	6,7	6,6
14	Неполное высшее	2,7	3,1	Неполное высшее	4,2	4,6	Неполное высшее	2,0	2,4
13	Среднее профессиональное	31,0	27,5	Среднее профессиональное	34,0	31,2	Специалист среднего звена	26,4	25,8
12	Начальное профессиональное	14,8	12,8	Начальное профессиональное	6,6	5,6	Квалифицированный рабочий, служащий	14,9	13,7
11	Среднее (полное) общее	18,1	17,7	Среднее (полное) общее	18,5	18,2	Среднее общее	17,4	18,9
9	Основное общее	13,5	13,9	Основное общее	11,0	11,0	Основное общее	9,0	10,1
4	Начальное общее	5,0	7,8	Начальное общее	3,6	5,4	Начальное общее	1,5	2,1
0	Не имеют образования	0,6	1,0	Не имеют образования	0,4	0,6	Не имеют образования	0,2	0,2

Составлено по (здесь и табл. 5.14, 5.15): переписи населения 2002–2021 гг. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 05.06.2024).

Таблица 5.10

Население российского Севера от 15 лет и старше, имеющее высший уровень образования, перепись населения 2021 года, человек

Регион	Указавшие уровень образования	Кадры высшей квалификации	Высшее образование	В том числе по уровням			Неполное высшее образование
				магистратура	специалитет	бакалавриат	
Российская Федерация	**102 873**	**1 382**	**26 123**	**1 854**	**17 528**	**6 740**	**2 434**
Российский Север	**4 808 310**	**58 414**	**1 277 772**	**82 580**	**886 486**	**308 706**	**94 751**
Европейский Север	**2 001 747**	**25 557**	**474 664**	**29 167**	**342 878**	**102 619**	**33 173**
Республика Карелия	392 749	4 946	93 795	5 255	67 150	21 390	7 323
Республика Коми	468 224	6 504	108 354	6 646	76 413	25 295	7 773
Архангельская область	692 929	7 695	147 776	9 400	109 476	28 900	10 148
Ненецкий АО	26 995	239	6 722	363	4 692	1 667	474
Мурманская область	447 845	6 412	124 739	7 866	89 839	27 034	7 929
Азиатский Север	**2 806 563**	**32 857**	**803 108**	**53 413**	**543 608**	**206 087**	**61 578**
Республика Саха (Якутия)	642 227	10 443	170 788	11 719	119 505	39 564	12 734
Республика Тыва	219 775	1 831	49 401	2 623	31 207	15 571	3 397
Камчатский край	201 908	2 684	57 987	3 400	40 956	13 631	4 838
Магаданская область	106 229	1 823	30 755	1 927	19 796	9 032	2 820
Сахалинская область	366 680	3 035	93 721	4 907	61 295	27 519	9 562
Ханты-Мансийский АО	936 102	9 758	286 064	20 355	192 960	72 749	20 885
Чукотский АО	37 277	541	9 996	438	7 294	2 264	615
Ямало-Ненецкий АО	296 365	2 742	104 396	8 044	70 595	25 757	6 727

Таблица 5.11

Население российского Севера от 15 лет и старше по образовательным уровням, перепись населения 2021 года, человек

Регион	Среднее профессиональное	Среднее общее	Основное общее	Начальное общее	Не имеющие образования	Из них неграмотные	Уровень образования не указан
Российская Федерация	**40 643**	**19 486**	**10 373**	**2 185**	**248**	**74**	**21 064**
Российский Север	**1 991 738**	**846 677**	**451 554**	**75 337**	**12 067**	**4 102**	**1 199 443**
Европейский Север	**906 725**	**320 408**	**200 634**	**35 668**	**4 918**	**1 936**	**454 777**
Республика Карелия	174 823	63 583	41 171	6 570	538	150	54 628
Республика Коми	210 414	75 283	49 871	8 246	1 779	643	139 144
Архангельская область	325 497	109 897	77 444	12 606	1 866	838	155 579
Ненецкий АО	11 256	3 670	3 968	541	125	47	5 653
Мурманская область	195 991	71 645	32 148	8 246	735	305	105 426
Азиатский Север	**1 085 013**	**526 269**	**250 920**	**39 669**	**7 149**	**2 166**	**744 666**
Республика Саха (Якутия)	251 309	132 454	54 768	7 966	1 765	621	127 331
Республика Тыва	81 836	51 110	28 476	3 117	607	203	12 019
Камчатский край	84 605	33 321	15 880	2 020	573	75	36 374
Магаданская область	40 184	20 356	8 880	1 064	347	93	8 187
Сахалинская область	147 363	67 814	40 133	4 094	958	344	29 175
Ханты-Мансийский АО	362 624	168 960	70 639	15 403	1 769	386	427 172
Чукотский АО	13 381	6 972	5 286	414	72	51	244
Ямало-Ненецкий АО	103 711	45 282	26 858	5 591	1 058	393	104 164

Составлено по: переписи населения 2021 г. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 05.06.2024).

Таблица 5.12

Население российского Севера от 15 лет и старше по образовательным уровням, переписи населения 2010 и 2021 годов, %

Регион	Послевузовское и высш. квал.		Высшее и неполное высшее		Среднее профессиональное		Среднее (полное)		Остальные уровни	
	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация	**0,6**	**1,3**	**27,4**	**27,8**	**36,8**	**39,5**	**18,2**	**18,9**	**17,0**	**12,4**
Российский Север	**0,6**	**1,2**	**25,1**	**28,5**	**40,6**	**41,4**	**18,5**	**17,6**	**15,2**	**11,2**
Европейский Север	**0,5**	**1,3**	**22,3**	**25,4**	**43,0**	**45,3**	**16,6**	**16,0**	**17,6**	**12,1**
Республика Карелия	0,4	1,3	22,6	25,7	41,8	44,5	16,6	16,2	18,6	12,3
Республика Коми	0,5	1,4	21,6	24,8	43,1	44,9	16,3	16,1	18,5	12,8
Архангельская область	0,6	1,1	20,3	22,8	44,3	47,0	15,1	15,9	19,7	13,3
Ненецкий АО	0,9	0,9	18,6	26,7	42,9	41,7	12,5	13,6	25,1	17,2
Мурманская область	0,6	1,4	26,1	29,6	42,0	43,8	19,2	16,0	12,1	9,2
Азиатский Север	**0,7**	**1,2**	**27,6**	**30,8**	**38,5**	**38,7**	**20,2**	**18,8**	**13,2**	**10,6**
Республика Саха (Якутия)	1,0	1,6	26,2	28,6	36,5	39,1	22,4	20,6	13,9	10,0
Республика Тыва	0,7	0,8	18,3	24,0	38,0	37,2	22,2	23,3	20,8	14,7
Камчатский край	0,4	1,3	28,8	31,1	40,6	41,9	17,1	16,5	13,1	9,1
Магаданская область	0,4	1,7	30,0	31,6	35,5	37,8	22,1	19,2	12,1	9,7
Сахалинская область	0,4	0,8	23,0	28,2	40,1	40,2	20,2	18,5	16,4	12,3
Ханты-Мансийский АО	0,7	1,0	29,9	32,8	39,1	38,7	19,8	18,0	10,6	9,4
Чукотский АО	0,3	1,5	24,9	28,5	36,1	35,9	20,7	18,7	18,0	15,5
Ямало-Ненецкий АО	0,6	0,9	31,6	37,5	38,5	35,0	17,4	15,3	11,8	11,3

Составлено по (здесь и табл. 5.13): переписи населения 2010 и 2021 гг. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 05.06.2024).

Общее число жителей с ученой степенью на российском Севере за 2010–2021 гг. уменьшилось на 2852 человека, или на 19,0 %. Причем число докторов наук сократилось в меньшей степени на 266 человек, или на 12,8 %. На городские населенные пункты приходится 95,3 % людей с ученой степенью. Из оставшихся почти треть (160 человек) проживает на сельских территориях Якутии. Среди кандидатов наук на Севере больше женщин (57,9 %), а среди докторов – мужчин (55,2 %). Но как среди кандидатов, так и среди докторов удельный вес мужчин сокращается. Еще в 2010 г. 46,9 % кандидатов наук и 64,0 % докторов были мужчинами. Возрастной состав людей с учеными степенями изменяется в сторону постарения. Если в 2010 г. лидировала возрастная группа 30–39 лет, на которую приходились 24,5 % остепененных, то в 2021 г. лидирует группа от 40 до 49 лет (27,5 %). Наибольшие опасения вызывает резкое сокращение доли кандидатов и докторов наук в возрасте от 20 до 29 лет – с 7,1 до 1,9 %. В региональном разрезе по числу кандидатов и докторов лидирует Якутия, на которую приходится 19,9 % остепененных. За ней следуют Ханты-Мансийский АО (18,2 %), Архангельская область (12,4) и Карелия (11,6). Меньше всего людей с ученой степенью в Ненецком АО (0,2 %), Чукотском АО (0,4) и Магаданской области (2,4) (табл. 5.13).

Таблица 5.13

Население российского Севера, имеющее ученые степени по разным основаниям, переписи населения 2010 и 2021 годов, человек

Показатели	Кандидаты и доктора наук		Из них			
			кандидаты наук		доктора наук	
	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
Всего	**15 014**	**12 162**	**12 934**	**10 348**	**2 080**	**1 814**
В том числе:						
городское население	–	11 594	–	9 860	–	1 734
сельское население	–	568	–	488	–	80
Пол:						
мужчины	7 395	5 354	6 063	4 353	1 332	1 001
женщины	7 619	6 808	6 871	5 995	748	813
Возрастные группы, лет:						
20–29	1 071	231	988	186	83	45
30–39	3 679	2 141	3 492	1 928	187	213
40–49	3 193	3 342	2 847	3 034	346	308
50–59	3 456	2 536	2 851	2 192	605	344
60–69	2 072	2 237	1 580	1 785	492	452
70 и более	1 543	1 675	1 176	1 223	367	452

Окончание таблицы 5.13

Регион:						
Республика Саха (Якутия)	2 934	2 417	2 491	2 067	443	350
Ханты-Мансийский АО	2 533	2 211	2 173	1 895	360	316
Архангельская область без НАО	2 061	1 509	1 783	1 307	278	202
Республика Карелия	1 702	1 415	1 470	1 195	232	220
Мурманская область	1 474	1 159	1 288	971	186	188
Республика Коми	1 686	1 146	1 450	969	236	177
Сахалинская область	615	599	516	473	99	126
Ямало-Ненецкий АО	646	546	584	498	62	48
Камчатский край	515	442	448	374	67	68
Республика Тыва	404	359	358	307	46	52
Магаданская область	365	290	300	233	65	57
Чукотский АО	51	43	46	40	5	3
Ненецкий АО	28	26	27	19	1	7

Примечание: ранжировано в порядке убывания числа кандидатов и докторов наук в 2021 г.

Трансформация качественного состава населения Севера. В межпереписной период с 2002 по 2021 г. продолжалось сокращение численности населения российского Севера с 8301 тыс. человек до 7455 тыс., убыль составила 846 тыс. человек, одновременно увеличилась доля населения старше 60 лет с 13,3 до 23,2 %. Как видим, в результате нисходящей демографической динамики объем ресурсов труда существенно уменьшился, а значительная часть вышла из трудоспособного возраста. Гипотеза исследования состоит в том, что возможность компенсировать влияние миграционного оттока населения путем увеличения среднего образовательного уровня на Севере России практически исчерпана. Для раскрытия роли образовательной компоненты в развитии человеческих ресурсов воспользуемся двумя показателями: средней длительностью обучения человека на протяжении всей жизни (количество лет) и накопленным образовательным потенциалом (суммарная длительность обучения, млн человеко-лет).

Образовательный потенциал всего населения. Средняя длительность обучения населения российского Севера выросла за анализируемый период с 11,9 до 12,9 лет – на 1 год. В сельской местности рост выше – 1,3 года, чем в городах – 0,9 лет. Если в 2002 г. у мужчин и женщин отмечалось одинаковое число лет обучения, то к 2021 г. у женщин оно стало на 0,4 года больше, в сравнении с мужчинами. Высокий прирост зафиксирован в старших возрастных группах начиная с 55 лет, наибольший – у тех, кому за 70 лет, –

4,3 года. В разрезе северных субъектов значительнее всего (на 1,4 года) увеличилась средняя длительность обучения населения Ненецкого АО, который в 2002 г. находился на последнем месте. В 2002 г. лидером стал Ханты-Мансийский АО, в 2021 г. его догнали Мурманская область и Камчатский край и превзошел Ямало-Ненецкий АО.

Распределение образовательного потенциала в определенной степени отражает распределение населения по социально-демографическим структурам и территориям проживания. Так, на городское население приходится 82,6 % суммарной длительности обучения (человеко-лет), и, скорее всего, эта доля продолжит расти. Аналогичная ситуация в распределении по полу – доля женщин в образовательном потенциале составляет 54,2 %, и она постоянно увеличивалась. Из возрастных групп по вкладу в образовательный потенциал в 2002 г. лидировало население 40–44 лет, в 2010 г. – 25–29 лет, а 2021 г. – 35–39 лет. Если посмотреть, как менялся вклад каждой возрастной группы, то можно отметить следующее. С 2002 по 2021 г. возрастные когорты 15–29 лет уменьшили свой вклад, когорты 30–39 лет – увеличили, 40–54 лет – сократили, население старше 55 лет значительно увеличило свой вклад в образовательный потенциал. Наглядно представить произошедшие трансформации можно путем обращения к поло-возрастно-образовательной пирамиде (рис. 5.1). Красный указатель на примере когорты 15–19 лет показывает, как население, постепенно перемещаясь «вверх» по пирамиде, меняется под влиянием смертности, миграции и обучения. С 2002 по 2021 г. (когда население перешло в возрастную группу 35–39 лет) у выделенной когорты существенно сократилась численность, но повысился уровень образования.

Среди субъектов РФ лидером является Ханты-Мансийский АО, его вклад в образовательный потенциал в 2002 г. – 17,5 %, в 2010 г. – 19,7 %, в 2021 г. – 23,0 %, за ним следуют Архангельская область и Республика Саха (Якутия) (2010–2021 гг.). В 2002 г. третье место занимала Республика Коми, а четвертое – Мурманская область, Республика Саха (Якутия) была лишь на пятом месте (табл. 5.14).

Таблица 5.14

Длительность обучения и суммарный образовательный потенциал населения российского Севера по разным основаниям, переписи населения 2002–2021 годов

Показатели	Средняя длительность обучения, лет			Суммарная длительность обучения, млн человеко-лет		
	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Все население	**11,9**	**12,5**	**12,9**	**79,7**	**80,8**	**77,2**
В том числе:						
городское	12,1	12,7	13,0	65,4	66,4	63,8
сельское	10,8	11,4	12,1	14,4	14,5	13,5
Пол:						
мужчины	11,9	12,3	12,6	38,1	37,7	35,4
женщины	11,9	12,6	13,0	41,6	43,1	41,8
Возрастные группы, лет:						
15–19	9,7	9,7	9,3	7,4	4,5	3,9
20–24	12,2	12,7	12,3	8,5	8,5	4,5
25–29	12,6	13,3	13,4	8,7	9,5	5,6
30–34	12,8	13,3	13,6	8,0	8,9	8,6
35–39	12,9	13,2	13,7	8,3	8,2	9,3
40–44	12,8	13,2	13,5	10,2	7,2	8,2
45–49	12,7	13,0	13,4	9,3	8,2	7,4
50–54	12,6	12,8	13,2	7,5	8,5	6,2
55–59	12,3	12,6	13,1	3,4	6,8	6,2
60–64	11,1	12,4	12,8	3,5	4,5	6,3
65–69	9,8	11,5	12,7	2,2	1,8	4,9
70 и более	7,7	9,3	12,0	2,7	4,0	6,2
Регион:						
Ханты-Мансийский АО	12,3	12,9	13,0	14,0	15,9	17,7
Архангельская область без НАО	11,5	12,1	12,6	12,4	12,1	10,3
Республика Саха (Якутия)	11,9	12,5	12,9	8,5	9,4	9,9
Республика Коми	11,7	12,2	12,7	9,8	9,2	7,7
Мурманская область	12,1	12,6	13,0	9,0	8,5	7,2
Республика Карелия	11,6	12,2	12,7	7,0	6,7	5,7
Ямало-Ненецкий АО	12,3	12,9	13,1	4,8	5,3	5,3
Сахалинская область	11,8	12,3	12,7	5,4	5,2	5,0
Камчатский край	12,2	12,7	13,0	3,6	3,4	3,1
Республика Тыва	11,3	11,9	12,5	2,4	2,6	2,9
Магаданская область	12,1	12,7	12,9	1,8	1,7	1,5
Чукотский АО	11,9	12,3	12,7	0,5	0,5	0,5
Ненецкий АО	11,2	11,8	12,6	0,4	0,4	0,4

Примечание: ранжировано в порядке убывания суммарной длительности обучения в 2021 г.

Образовательный потенциал занятого населения. Рассмотрим формирование образовательного потенциала у занятого населения по тем же двум показателям. Анализ средней длительности обучения показал, что она незначительно, но выше, чем у всего населения, но это и закономерно, поскольку из расчетов исключено менее образованное население старших возрастов. Средняя длительность обучения у занятого населения выросла с 2002 по 2021 г. в меньшей степени, чем у всего населения российского Севера, как и по большинству регионов, за исключением Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Длительность обучения выше у городского населения и у женщин. По возрастным группам в 2002 г. лидировали возраста 30–39 и 55–59 лет, в 2010 г. – 25–34 лет и в 2021 г. – 35–39 лет. Среди субъектов в 2021 г. лидировали Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Республика Саха (Якутия), Мурманская область и Камчатский край.

Суммарная длительность обучения занятого населения северных регионов постоянно уменьшалась, следуя за убылью населения. Однако если численность занятого населения в 2021 г. к уровню 2002 г. составила 94,1 %, то образовательный потенциал – 96,5 %, что свидетельствует о накоплении знаний. В 2021 г. суммарная длительность обучения составила 49,5 млн человеко-лет, что на 3,5 % меньше, чем в 2002 г. и на 7,8 %, чем в 2010 г. На городское население приходится 85,7 % накопленных знаний, и эта доля постоянно росла. Если в 2002 г. более половины длительности обучения приходилось на мужчин, то начиная с 2010 г. стали лидировать женщины. Из возрастных групп наибольший вклад у жителей Севера в возрасте от 35 до 39 лет, а почти половина суммарного образовательного потенциала приходится на население в возрасте от 30 до 44 лет. По субъектам РФ, как и в предыдущем случае, лидирует Ханты-Мансийский АО (24,6 %). За ним следуют Республика Саха и Архангельская область (12,9 и 11,7 % соответственно). У занятых мужчин образовательный потенциал составляет 69,5 % от суммарного, а у женщин – 59,6 %. Удельный вес суммарной длительности обучения занятого населения в суммарной длительности обучения всего населения с 2002 по 2021 г. уменьшился с 64,4 до 64,1 %. Исключением стали Магаданская (рост 8,9 п. п.) и Сахалинская (7,7) области, Республика Тыва (8,4) и Камчатский край (6,1).

Еще сильнее на распределение суммарного образовательного потенциала влияет возрастной состав. В группе 15–19 лет только 8,1 % суммарного образовательного потенциала приходится на занятое население, в группе старше 70 лет – 5,8 %. Наибольшие значения (свыше 80 %) демонстрируют возрастные группы от 25 до 54 лет. У городского населения 66,4 % суммарного образовательного потенциала приходится на занятое население, что выше, чем у сельского (табл. 5.15). Наглядно представить произошедшие

трансформации позволяет поло-возрастно-образовательная пирамида занятого населения (рис. 5.2).

Таблица 5.15

Длительность обучения и суммарный образовательный потенциал занятого населения российского Севера по разным основаниям, переписи населения 2002–2021 годов

Показатели	Средняя длительность обучения, лет*			Суммарная длительность обучения, млн. человеко-лет		
	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.
1	2	3	4	5	6	7
Все население	**12,9**	**13,3**	**13,6**	**51,3**	**53,7**	**49,5**
В том числе:						
городское	13,0	13,5	13,7	43,3	45,5	42,4
сельское	12,3	12,5	12,9	8,1	8,2	7,2
Пол:						
мужчины	12,6	13,0	13,3	26,3	26,4	24,6
женщины	13,1	13,6	13,9	25,1	27,3	24,9
Возрастные группы, лет:						
15–19	11,1	11,2	10,9	1,2	0,5	0,3
20–24	12,5	13,0	12,7	5,5	5,3	2,7
25–29	12,9	13,6	13,6	6,9	7,8	4,7
30–34	13,1	13,6	13,8	6,5	7,5	7,4
35–39	13,1	13,4	13,9	6,9	7,1	8,2
40–44	13,0	13,4	13,7	8,5	6,3	7,3
45–49	12,9	13,2	13,6	7,5	7,1	6,7
50–54	12,9	13,1	13,5	5,2	6,3	5,0
55–59	13,1	13,1	13,4	1,7	3,7	3,7
60–64	12,7	13,2	13,4	0,9	1,6	2,3
65–69	12,2	13,0	13,4	0,3	0,4	0,9
70 и более	11,2	12,8	13,7	0,1	0,2	0,4
Регион:						
Ханты-Мансийский АО	13,0	13,5	13,7	9,9	11,5	12,2
Архангельская область без НАО	12,7	13,1	13,4	7,4	7,5	5,8
Республика Саха (Якутия)	12,9	13,4	13,6	5,5	6,2	6,4
Республика Коми	12,8	13,2	13,5	6,1	5,8	4,6
Мурманская область	12,9	13,4	13,6	6,0	5,7	4,7
Республика Карелия	12,8	13,2	13,5	4,2	4,0	3,1
Ямало-Ненецкий АО	13,0	13,5	13,9	3,6	4,1	3,8
Сахалинская область	12,8	13,1	13,3	3,2	3,4	3,4
Камчатский край	13,0	13,4	13,6	2,3	2,3	2,2

Окончание таблицы 5.15

1	2	3	4	5	6	7
Республика Тыва	12,9	13,2	13,5	1,1	1,3	1,5
Магаданская область	12,8	13,3	13,5	1,2	1,2	1,1
Чукотский АО	12,6	12,9	13,3	0,4	0,4	0,4
Ненецкий АО	12,3	12,8	13,5	0,2	0,3	0,3

*Примечания: * – начиная с 2001 г. все вновь поступающие в школу обучаются только по 11-летней программе. Последние школьники, обучавшиеся 10 лет, были выпущены в 2010 г.*
Ранжировано в порядке убывания общей длительности обучения в 2021 г.

Сравнительный анализ развития человеческих ресурсов Республики Коми и Ханты-Мансийского АО. Почему были выбраны именно эти два субъекта? На Европейском Севере Республика Коми стала относиться к районам «нового» промышленного освоения в XX в., по отношению к своим соседям: начало освоения – 1930–1950-е гг., бурное развитие – 1960–1980-е гг., угасающее – 1990–2000-е гг. В Сибири выбран Ханты-Мансийский АО – это растущий регион нового хозяйственного освоения. Опыт рассмотрения жизненного цикла Республики Коми может стать возможным сценарием развития для сибирских регионов, где в основе экономики лежат добывающие отрасли. Сделаем некоторые сравнения двух отобранных субъектов.

В Республике Коми валовая добавленная стоимость (далее – ВДС) в 2020 г. была обеспечена двумя видами экономической деятельности, на которые приходилось более 10,0 %: «Добыча полезных ископаемых» – 32,8 % (в среднем по РС – 38,7 %), «Обрабатывающие производства» – 11,2 % (РС – 9,6 %). В ХМАО валовую добавленную стоимость обеспечивала одна отрасль – «Добыча полезных ископаемых» – 61,5 %, незначительная доля приходилась на «Строительство» – 7,4 % (РС – 6,6 % и РК – 6,5 %) и на «Транспортировку и хранение» – 6,5 % (РС – 6,3 % и РК – 6,8 %). Как видим, ВДС в ХМАО обеспечивает «Добыча полезных ископаемых», ее доля превышает северный показатель на 22,8 п. п., в Республике Коми наоборот, ниже на 5,9 п. п. Наглядно сравнение двух показателей 2005 г. В Республике Коми «Добыча полезных ископаемых» снизилась на 1,5 п. п., а в ХМАО – на 13,4 п. п.; «Обрабатывающие производства» в Республике Коми снизились на 0,5 п. п., а в ХМАО увеличились на 1,1 п. п. О стадии экономического развития можно судить и по доле строительной отрасли. В Республике Коми с 2005 по 2020 г. она уменьшилась с 7,0 до 6,5 %, в ХМАО, наоборот, возросла с 3,2 до 7,4 % (в 2020 г. РФ – 5,8 %, РС – 6,6 %). Как видим из представленных данных, ХМАО постепенно приближается к показателям Республики Коми и российского Севера в целом.

Следующее сравнение сделаем по распределению «среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности». Можно предположить, что оно будет существенно отличаться от отраслевого распределения по ВДС. В Республике Коми больше всего занятых в «Торговле оптовой и розничной; ремонте автотранспортных средств и мотоциклов» – 13,9 %, на «Транспортировке и хранении» – 10,7 % и в «Образовании» – 10,3 %; на «Обрабатывающие производства» приходится 8,7 %, «Строительство» – 6,9 %, «Добычу полезных ископаемых» – 5,9 %. В ХМАО иное распределение занятых. Он по-прежнему является регионом экстенсивного развития, на «Добыче полезных ископаемых» занято 21,7 %, в «Торговле оптовой и розничной; ремонте автотранспортных средств и мотоциклов» – 12,2 %, на «Транспортировке и хранении» и в «Строительстве» – по 10,3 %, на «Обрабатывающих производствах» – 5,9 % (РФ – 14,1 % и РС – 8,4 %). Анализ структуры валовой добавленной стоимости и занятых экономической деятельностью показывает, что Республика Коми относится к освоенным территориям, а ХМАО – к территориям, где продолжается освоение.

Сравним эти субъекты по образовательной составляющей. В ХМАО средняя длительность обучения у всего населения все годы была выше, чем в Коми, но к 2021 г. разрыв стал минимальным – 0,3 года. В ХМАО средняя длительность обучения все годы была выше уровня российского Севера, в Республике Коми – ниже. В Коми суммарная длительность обучения сократилась за анализируемый период на 21,4 %, в то же время в Ханты-Мансийском АО она выросла на 26,4 %. Средняя длительность обучения у занятого населения была выше, чем у всего населения, другие тенденции схожи с ранее рассмотренными. Обращают на себя внимание различия во вкладе в суммарный образовательный потенциал разных возрастных групп. Если в Ханты-Мансийском АО на возрастную группу старше 70 лет приходится 5,2 % суммарного образовательного потенциала, то в Республике Коми – 9,8 %, это объясняется разной возрастной структурой населения. Продемонстрировать произошедшие трансформации в двух рассмотренных регионах можно на примере поло-возрастно-образовательной пирамиды (рис. 5.3).

Использование инструментария многомерной демографии позволило рассмотреть изменение структуры человеческих ресурсов 13 северных регионов России одновременно в шести измерениях: тип поселения, пол, возраст, образовательный уровень, статус занятости и год. Благодаря этому удалось оценить степень влияния отдельных демографических компонент на качество, количество и состав человеческих ресурсов.

Исследование показало, что несмотря на то, что в 2002–2010 гг. численность населения 15 лет и старше сократилась на 3,3 %, потери были компенсированы ростом качественных характеристик населения. Среднее число лет обучения выросло с 11,9 до 12,5 лет. Одновременно с этим, благодаря росту продолжительности жизни, увеличилась занятость в старших возрастах. В результате общее число человеко-лет обучения занятого населения возросло с 51,3 до 53,7 млн. Однако уже в этот период ситуация в отдельных регионах стала ухудшаться: Республика Коми потеряла 5,1 % образовательного потенциала занятого населения, Мурманская область – 4,8 %, Республика Карелия – 3,5 %. В то же время более, чем на 10 % улучшился показатель в Республике Тыва и в трех автономных округах: Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Ненецком.

В следующий межпереписной период (2010–2021 гг.), несмотря на продолжившийся рост средней образованности населения (с 12,5 до 12,9 лет), этого уже было недостаточно, чтобы компенсировать влияние миграционного оттока, постарения населения и сохранения высокой смертности в трудоспособных возрастах у мужчин. Удельный вес населения 60 лет и старше при его низком уровне занятости в образовательном потенциале Севера увеличился с 10,5 до 22,5 %. Общий образовательный потенциал занятого населения сократился с 53,7 до 49,5 % или на 4,2 млн человеко-лет обучения, при снижении доли в суммарном потенциале всего населения на 2,3 п. п. Расходы на подготовку такого количества человеческих ресурсов в ценах 2020 г. превысили бы 600 млрд руб. В региональном разрезе самая отрицательная динамика сохранилась и даже усугубилась на Европейском Севере. Республики Коми, Карелия, Мурманская и Архангельская области потеряли от 17,3 до 23,6 % своего образовательного потенциала занятого населения, необходимого для дальнейшего эффективного развития северных регионов. Высокий рост сохранился только в Тыве – 17,8 %.

Причины сокращения численности человеческих ресурсов на Севере коренятся в истории его освоения. Он быстро прирастал населением за счет миграций в годы индустриализации, а после рыночной перестройки экономики население убывало из-за разрушения прежних хозяйственных связей, снижения относительного уровня и качества жизни на Севере. Возможности для улучшения ситуации есть в нескольких направлениях. Необходимо сохранить и развивать существующие центры высшего и среднего профессионального образования, обеспечивающие прирост образовательного потенциала. В последние годы число вузов неуклонно сокращалось. Требуется и диверсификация рынков труда, чтобы Север мог обеспечивать занятость не только в добывающей и социальной сферах.

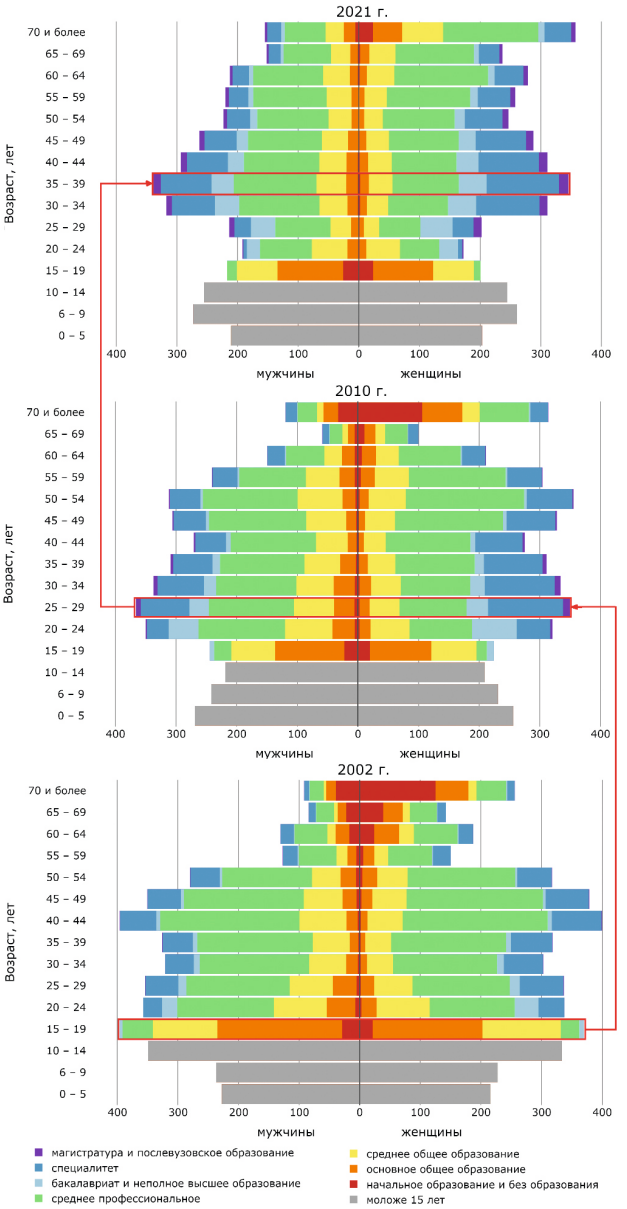

Рис. 5.1. Население российского Севера по уровню образования, полу и возрастным группам, переписи населения 2002–2021 гг., тыс. человек

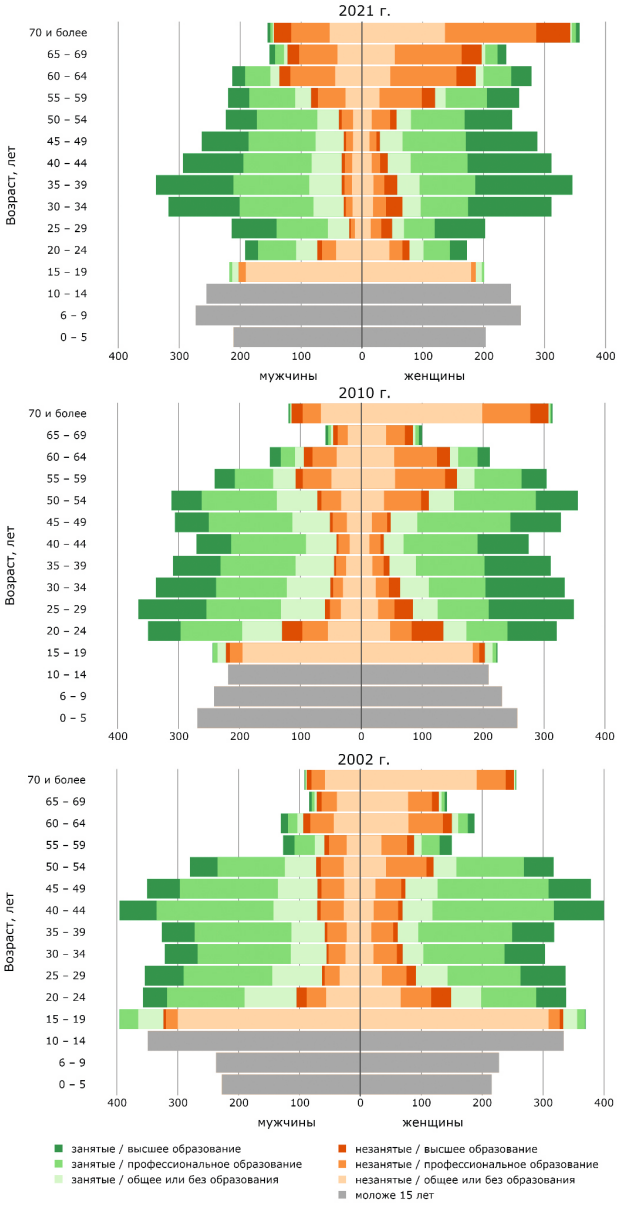

Рис. 5.2. Население российского Севера по уровню образования, статусу занятости, полу и возрастным группам, переписи населения 2002–2021 гг., тыс. человек

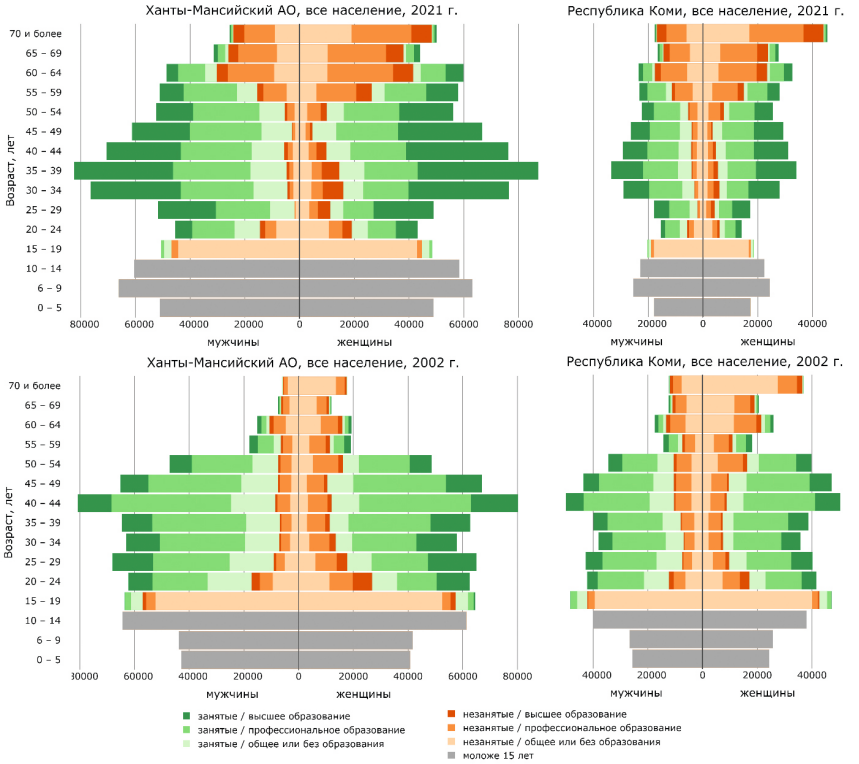

Рис. 5.3. Население Ханты-Мансийского АО и Республики Коми по уровню образования, статусу занятости, полу и возрастным группам, переписи населения 2002 и 2021 гг., человек

Представленные в исследовании поло-возрастно-образовательные пирамиды продемонстрировали, как по степени изменения половозрастной структуры населения, влияния миграции и смертности, по мере продвижения «вверх» по пирамиде возрастные когорты характеризуются уже другой численностью, другой образовательной структурой и уровнем занятости. Это позволяет делать прогнозные оценки о количестве ресурсов труда и их образовательном потенциале, как в целом по российскому Северу, так и в разрезе северных субъектов, и предусматривать меры по обеспечению человеческими ресурсами выполнения программ стратегического развития регионов.

Теоретическая ценность полученных результатов состоит в том, что выявленные закономерности описывают изменения структуры человеческих ресурсов, характерные не только для северных, но и для большинства периферийных регионов России. Показано, что количественные характеристики человеческих ресурсов сокращаются, а возможности для быстрого увеличения качественных за счет образования скоро будут исчерпаны. Уровень образования во всех возрастных когортах скоро будет примерно одинаковым, что станет серьезным ограничением для экономического развития регионов, увеличит пространственные диспропорции.

Глава 6

ЭТНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

6.1. Национальные республики российского Севера

Значительным демографическим и трудовым потенциалом для формирования человеческих ресурсов российского Севера и Арктики обладают четыре статусных этноса, республики которых входят в российский Север – Республика Тыва, и частично в Арктику – республики Карелия, Коми и Саха (Якутия). Особый статус этих народов, следует из названий республик, у карел и коми особая роль этих народов прописана в конституциях регионов.

Предваряя изложение материала, сделаем одно методическое пояснение. В число северных регионов входят 24 субъекта РФ, 13 из них – полностью, а 11 – частично[72]. Республика Тыва входит в «Перечень» из 13 регионов, входящих полностью. Поэтому, несмотря на территориальную удаленность от российского Севера, она включена в число исследуемых регионов. На пространстве российского Севера статусные республики уникальны как по живущему населению, так и по запасам угля, нефти, газа, леса, редкоземельных металлов и ряду других полезных ископаемых. Для того, чтобы иметь представление о республиках, приведем краткие исторические справки об их становлении и развитии.

[72] Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР: Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111170030 (дата обращения: 20.02.2024).

Республика Карелия[73]**.** Первые достоверные сведения об этническом составе населения датируются концом I тыс. н. э. В тот период территория принадлежала племенам финно-угорской группы. Карелы заселяли Северное Приладожье и Карельский перешеек, на участке между Онежским и Ладожским озерами обосновались вепсы, а в северной части жили представители саамского народа. В районе северо-восточной части Обонежья и у Беломорского побережья активно заселялись славяне.

С возникновением Киевской Руси территории подверглись ассимиляции со стороны славянских народов. XI в. оказался переломным в истории края – Карелия стала частью Новгородской республики в статусе автономного региона. В 1277 г. карелы вместе с вепсами приняли православие. На следующий год после похода новгородской дружины регион получил название Корельская земля, а его главной административной единицей стал г. Корела (ныне Приозерск).

В 1478 г. территория отошла к Русскому государству, а владения новгородских феодалов стали государственной собственностью. На стыке XVI и XVII вв. Швеция осуществляла массированную экспансию на восток. В 1610 г. скандинавы начали осаду г. Корела и сумели сломить героическое сопротивление обороняющихся войск только спустя 6 месяцев. В результате ожесточенных боев был заключен Столбовский договор, по которому Россия отдала шведам Карельский перешеек.

В целом XVII в. ознаменовался стремительным развитием железоделательного производства. Большая часть выпускаемых изделий продавалась на Тихвинской ярмарке. Большое значение в экономике региона приобрела Шунгская ярмарка (Заонежье). Пик экономического процветания края приходится на период правления Петра I. Эпоха великого царя запомнилась в истории Карелии следующими событиями: появление в Олонецком районе четырех горных заводов, продукция которых использовалась для обеспечения русской армии в Северной войне со шведами; создание Петровского завода, положившего начало Петрозаводску с населением более 230 тыс. человек; развитие лесной промышленности с использованием передовых на то время лесопилок с паровыми двигателями – крупные объемы древесных материалов поставлялись в столицу Империи и шли на экспорт; возвращение в состав русских земель Карельского перешейка согласно Ништадтскому мирному договору.

В 1940 г. была создана Карело-Финская ССР, но 16-я союзная республика просуществовала только до 1956 г. из-за изменившихся отношений

[73] Краткая история Карелии. – URL: https://wiki-karelia.ru/articles/istoriya-kraya/istoriia-kareliis-drevneishikh-vremen/ (дата обращения: 20.03.2024).

между СССР и Финляндией. С появлением советской власти по всему краю прошла массовая реконструкция лесопильных заводов. Это привело к зарождению мебельного производства, созданию целлюлозно-бумажного комбината в Кондопоге и Сегеже. Был модернизирован Онежский завод, выпускающий лесную технику.

В середине 1970-х гг. начались экономический спад и ухудшение социальной обстановки. Основной причиной упадка называют плохую организацию административного аппарата, который не смог приспособиться к изменению внешних условий и найти эффективные решения в условиях дефицита источников развития. Тенденция к спаду, как и на остальной территории Советского Союза, продолжилась в 1980-х гг. После распада СССР весной 1992 г. Карелия стала полноценным субъектом РФ. Спустя полгода прошел национальный конгресс с участием представителей трех народов – финнов, карелов и вепсов. На собрании решались актуальные вопросы, касающиеся прав национальных меньшинств и культурного развития.

В настоящее время основными источниками дохода регионального бюджета являются металлургические заводы и деревообрабатывающие комбинаты. Активными темпами развивается туристическая отрасль. В планах социально-экономического развития значатся перспективные проекты, направленные на возрождение ряда отраслей промышленности, реставрацию объектов архитектуры и создание условий для благоприятного инвестиционного климата.

Республика Коми. Предки коми на рубеже III–II тыс. до н. э. жили среди предков прибалтийско-финских, финно-волжских и угорских родов. После распада этой общности, приблизительно в середине II тыс. до н. э., формируются археологические культуры, в которых можно увидеть черты предков финно-пермских народов (коми и удмуртов). В X в. поселения зырян располагались вдоль рек Вычегды, Сысолы и Выми. В Средние века земли коми входили в состав владений Новгородской республики, в конце XV в. отошли к Московскому государству. Важнейшим товаром, вывозившимся за пределы территории, была пушнина. В XVIII в. появляются промышленные предприятия, связанные с соляным промыслом и металлургией, позже – с кожевенной промышленностью и смолокурением. Во второй половине XIX в. возникает пароходное сообщение по Вычегде и Печоре *(История Коми, 2011; От первобытных стоянок, 2007)*.

После февральских событий 1917 г. появились идеи национального самоопределения коми народа, что в конечном итоге привело к тому, что 22 августа 1921 г. Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета принял декрет об образовании в составе РСФСР Авто-

номной области Коми (Зырян) с административным центром в г. Усть-Сысольск. Впервые коми народ, разбросанный по нескольким губерниям и уездам, был объединен в единое административно-территориальное образование со статусом автономии. За короткий в масштабах истории временной период, в 1920-е гг., коми народ создал свой новый алфавит, литературный язык, национальную культуру, литературу и школу, сформировал национальную интеллигенцию.

В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. Коми автономная область была преобразована в Коми Автономную Советскую Социалистическую республику. Была принята Конституция, образованы Верховный Совет Коми АССР и Совет народных комиссаров Коми АССР. 23 ноября 1990 г. Коми АССР была преобразована в Коми ССР, а 26 мая 1992 г. – в Республику Коми.

В 1930–1950-е гг. на территории Коми автономии располагались многочисленные исправительно-трудовые лагеря системы ГУЛАГа НКВД – МВД СССР и спецпоселки, через которые прошли сотни тысяч наших соотечественников *(Фаузер, Лыткина, Фаузер Г., 2018б)*. Эти люди ценой тяжелого труда, вместе с народом республики, заложили основы ее экономического базиса. В этот период построена Северо-Печорская железная дорога, заложены основы современной угольной, нефтяной, газовой и лесной промышленности *(Топливный сектор Республики, 2002)*.

В годы Великой Отечественной войны стояла задача перестроить всю работу государственного аппарата, промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства на военный лад. Всего через военкоматы республики ушли на защиту Отечества 169,6 тыс. человек, из них около 100 тыс. было призвано из мест заключения. В Печорском угольном бассейне были построены и сданы в эксплуатацию 17 шахт, изменения произошли и в добыче нефти и газа, в переработке этих видов сырья *(Фаузер, Климочкина, 2007)*.

В послевоенный период 1946–1960-х гг. продолжался ввод новых производственных мощностей. Были построены 23 шахты в Печорском угольном бассейне *(Витязева, 2004)*, десятки леспромхозов, узкоколейных железных дорог, сплавконтор и ремонтно-механических мастерских, нефтешахт, электростанции, объекты местной и пищевой промышленности.

Были образованы новые северные города: Воркута (1943), Ухта (1943), Печора (1949), Инта (1954), Сосногорск (1957), Микунь (1959), Вуктыл (1984), Усинск (1984), Емва (1985) *(Фаузер, 2023, с. 260)*. Сформировалась современная социальная инфраструктура, получили динамичное развитие образование, наука, культура и искусство. В 1960–1980-х гг. республика превратилась в огромную строительную площадку. В 1969 г. была создана

новая отрасль народного хозяйства союзного значения – целлюлозно-бумажная промышленность *(Задорожный, Залевский, Фаузер, 2011)*.

Республика в период с 1990–2020 гг. характеризовалась резким сокращением производства практически всех отраслей. Трансформация советской хозяйственной системы к рыночным условиям привела к росту социальной напряженности, огромному межрегиональному миграционному оттоку. В структуре промышленности выросла доля нефтедобычи, сократился вклад добычи угля, лесозаготовок, обрабатывающих производств. К 2020 г. на нефтегазодобывающий Усинск приходилась треть объема отгруженных товаров Республики Коми. Относительно небольшим был спад в производстве бумаги и электроэнергетике. Численность населения региона за три десятилетия снизилась более чем на треть – до 820,5 тыс. человек. В 1993 г. впервые со времен Второй мировой войны смертность превысила рождаемость. Продолжились процессы урбанизации при снижении удельного веса коми национальности в населении региона. Наибольшая убыль зафиксирована в северных угледобывающих территориях. В Воркуте количество угольных шахт снизилось с 13 до 5, в Инте добыча угля прекращена. Вырос удельный вес столичного городского округа (Сыктывкара) в населении – с 18,6 до 31,7 % *(Смирнов, Лыткина, 2022)*.

Республика Тыва[74, 75]**.** В 1758 г. тувинские земли вошли в состав маньчжурской империи Цин. До 1912 г. Тува находилась под управлением этого государства. В XVIII–XIX вв. установился натуральный обмен между тувинцами и русскими казаками и крестьянами, в 1838–1839 гг. на территории региона русскими основаны Спасский и Никитинский золотые прииски. После подписания Пекинского трактата 1860 г. русские получили право на беспошлинную торговлю на территории современной Тывы, с 1863 г. туда направлялись регулярные торговые караваны (прежде всего минусинскими купцами, богатыми крестьянами-старообрядцами). С 1870–1980-х гг. основывались русские фактории, с середины 1880-х гг. – стационарные русские поселения: Туран (первым в 1885), Уюк, Севи, позднее поселки Атамановка, Знаменка, Никольское.

С начала XX в. усилилась русская крестьянская колонизация в регионе, которая несколько осложнялась необходимостью получать разрешение китайской администрации на въезд и приобретение земельного участка.

[74] Большая российская энциклопедия 2004–2017. Тыва. Кызласов И. Л. (Исторический очерк: история до 15 в.); З. Ю. Доржу (Исторический очерк: история с 15 в.) – URL: https://old.bigenc.ru/geography/text/4212361 (дата обращения: 20.03.2024).

[75] Республика Тыва: официальный сайт. – URL: https://rtyva.ru/content/2022/33161/ (дата обращения: 19.06.2024).

После Синьхайской революции 1911–1912 гг. в Китае Российская империя стала наращивать свое влияние в Урянхайском крае.

С 1912 г. приток переселенцев в регион значительно расширился. Пророссийским настроениям способствовало изгнание цинских властей из Внешней Монголии (в том числе наместника, управлявшего Урянхайским краем), а также начавшиеся выступления аратов против китайских торговцев. 15 (28) февраля 1912 г. нойоны и чиновники ряда хошунов провели съезд, на котором приняли обращение к российскому императору. В нем говорилось о решении объявить Урянхайский край самостоятельным под покровительством России.

Официально Урянхайский край стал протекторатом России в соответствии с резолюцией императора Николая II от 04 (17) апреля 1914 г., на докладной записке министра иностранных дел С. Д. Сазонова по вопросу о принятии населения пяти хошунов края под российское покровительство начертал: «Согласен».

В середине 1921 г. тувинские революционеры, поддержанные РСФСР, приняли решение о провозглашении национального суверенитета Тувы, была образована независимая Народная Республика Танну-Тува. Были приняты Конституция, флаг, герб, утверждены золотой запас, бюджет и полномочные представительства в СССР и МНР.

С 1926 г. – Тувинская Народная Республика (ТНР). Государство было признано СССР в 1924 г. и Монгольской Народной Республикой (МНР) в 1926 г., но не было признано Китаем и большинством стран мира, полагавших Туву частью Китая. В 1932 г. Туве были переданы из состава МНР населенные тувинцами территории к югу от хребта Танну-Ола – современные Монгун-Тайгинский, Овюрский, Тес-Хемский и Эрзинский кожууны.

22 июня 1941 г. Тувинская Народная Республика вступила во Вторую мировую войну на стороне СССР, таким образом, ТНР стала первым государством, официально выступившим союзником Советского Союза в борьбе против гитлеровской Германии. 25 июня 1941 г. Тувинская Народная Республика объявила войну Германии.

17 августа 1944 г. VII сессия Малого Хурала Тувинской Народной Республики приняла декларацию о вхождении ТНР в состав Союза Советских Социалистических Республик и обратилась с ходатайством в Верховный Совет СССР принять Тувинскую Народную Республику в состав СССР на правах автономной области РСФСР. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 11 октября 1944 г. удовлетворил ходатайство и предложил Верховному Совету РСФСР принять Тувинскую Народную Республику в состав РСФСР на правах автономной области.

К моменту добровольного вхождения в состав СССР Тувинской Народной Республики применение методов социалистического планирования не было чем-то принципиально новым для Тувы, встраивание нового субъекта страны в систему плановой экономики прошло без каких-либо сложностей.

В период Второй мировой войны были приняты меры по расширению старых и открытию новых промышленных предприятий, на которых создаются новые цеха для выполнения военных заказов, открывается швейкомбинат, лесозавод, кожевенный завод, ремонтно-механический завод.

Уже в 1940–1950-е гг. было признано и затем неоднократно подтверждено, что отраслями специализации экономики в перспективе должны стать *горнодобывающие производства*. В результате масштабных геологоразведочных работ были открыты месторождения железных руд, коксующихся и энергетических углей, асбеста, цветных металлов, каменной соли, в том числе Кызыл-Таштыгское полиметаллическое, Хову-Аксынское медно-никель-кобальтовое, Терлиг-Хаинское ртутное, Ак-Сугское медно-молибденовое, Улуг-Танзекское тантал-ниобиевое месторождения и рудопроявления железных руд, углей, асбеста, каменной соли и др.

В сентябре 1964 г. введена в эксплуатацию первая очередь горно-обогатительного комбината «Туваасбест». В 1970 г. начал работать комбинат «Тувакобальт» на базе Хову-Аксынского месторождения *(Бегзи, 2017)*.

Основной отраслью народного хозяйства Тувинской АССР является сельское хозяйство, в большинстве районов единственной отраслью. Природные и социально-экономические условия, многовековой опыт местного населения определили исторически сложившуюся специализацию народного хозяйства Тувы на мясо-шерстном скотоводстве. За пределы республики вывозилась продукция животноводства (мясо, живой скот, кожа, шерсть).

Сектор реальной экономики развивался довольно высокими темпами, однако отставал от социальной сферы. В условиях директивно-плановой экономики задачи рентабельности производства в качестве первоочередных не ставились. Многие предприятия были планово-убыточными и получали дотации через отраслевые механизмы перераспределения. Впоследствии это во многом определило остроту проблем и глубину промышленного спада в Туве. Не нашли кардинального решения транспортная и энергетическая проблемы. Несмотря на значительные усилия со стороны республики и в целом благожелательное отношение к проблемам Тувы партийно-советского руководства СССР, не удалось добиться строитель-

ства железной дороги. Тува оставалась энергозависимым регионом с долей собственного производства электроэнергии не более 10 %.

В 1993 г. был принят вариант Конституции республики 1993 г. с новым названием республики: *Республика Тыва* (тувинский язык был указан как «тыва язык»). В действующей Конституции республики 2001 г. наименования «Республика Тыва» и «Тува» стали равнозначны.

Период после 2000 г. характеризуется наступлением экономической стабилизации и переходом к развитию. Отмечается ежегодный рост валового регионального продукта, объема промышленного производства, валовой продукции сельского хозяйства, доходов бюджета и уровня жизни населения.

Республика Саха (Якутия)[76]. Окончательное формирование саха произошло на основе смешения пришлых тюркоязычных племен с местными палеоазиатскими родами, а также с пришлыми монголоязычными хоринцами и тунгусами. Распространение скотоводства внесло значительные изменения в хозяйственную жизнь региона. Предки якутов сумели сохранить и развить коневодческо-скотоводческую структуру своего хозяйства в экстремальных условиях Севера, привнесли в регион ремесленное производство (кузнечное, ювелирное, гончарное и др.), строительство жилищ постоянного типа. Уже к началу XVII в. якутские роды жили в бассейнах Индигирки и Яны, продвинув в арктические районы Якутии культуру разведения крупного рогатого скота и табунного коневодства. Параллельно шло формирование особой этнографической группы северных якутов-оленеводов, перенявших от местных тунгусских и юкагирских племен способы ведения хозяйства в условиях тундры и лесотундры.

Историческое значение в судьбах коренных народов края сыграло вхождение Якутии в состав Российского государства. В первой четверти XVII в. казаки-землепроходцы достигли берегов р. Лены. Основанные русскими зимовья и остроги: Якутск, Жиганск, Верхоянск, Зашиверск, Среднеколымск и другие стали форпостами продвижения русских колонистов на северо-восток Азии, Дальний Восток и на северо-запад Америки. Эта дата считается датой присоединения Якутии в состав Российского государства. В 1638 г. был образован Якутский уезд, позднее преобразованный в Якутскую провинцию (1775 г.) и Якутскую область (1784 г.) Иркутской губернии.

Важным событием в истории края стало открытие в 1840–60-х гг. месторождений золота (притоки рек Олекмы и Витим) и зарождение золотодобывающей промышленности, сопровождающееся возникновением

[76] История Якутии. 100 лет ЯАССР 1922–2022. – URL: https://100yakutia.ru/istoriya-yakutii/47-istoriya-yakutii (дата обращения: 20.03.2024).

компаний, банков, проникновением иностранного капитала, оживлением торговли, изменениями в структуре регионального рынка и сдвигами в социальной, этнической и демографической структурах населения.

Революционные события 1917 г. привели в Якутии, как и повсеместно в России, к политическому размежеванию общества. 27 апреля 1922 г. был подписан Декрет об образовании Якутской Автономной Советской Социалистической республики в составе РСФСР. Эта дата стала днем создания государственности якутского народа.

По окончании гражданской войны экономическая и общественно-политическая ситуация в республике нормализировалась. В апреле 1923 г. в районе рек Томмот и Орто-Сала начала работать первая золотопоисковая партия. В 1924 г. был организован первый Якутский государственный золотопромышленный трест. С открытием Алданских приисков Якутская АССР заняла ведущее место по добыче золота в стране. Алдан стал первенцем индустриализации Якутии.

Великая Отечественная война вызвала уход на фронт значительной части трудоспособного населения, резкое сокращение, а по ряду видов и прекращение поступления технического оборудования, сырья и продовольствия. Якутия продолжала давать стране золото, пушнину, рыбу. В условиях военного времени местная государственная и кооперативная промышленность осваивали новые виды изделий, необходимых для труда и жизнеобеспечения населения.

1 августа 1954 г. был найден алмаз первой в Советском Союзе кимберлитовой трубки «Зарница». 13 июня 1955 г. была открыта трубка «Мир», 15 июня 1955 г. – трубка «Удачная», положившие начало алмазодобывающей промышленности в СССР. Для создания энергетической базы алмазодобывающей промышленности в Якутии в 1955–1964 гг. шло строительство Вилюйской ГЭС – первой в мире гидроэлектростанции на вечной мерзлоте. Другим важным событием для экономики республики стала разработка Нерюнгринского месторождения коксующегося угля. С 1975 г. началось формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса. Для перевозки угля в Южной Якутии была построена железная дорога.

Процесс реформирования российского общества, начатый в середине 1980-х гг., привел к тому, что 27 сентября 1990 г. на второй сессии Верховного Совета ЯАССР была принята Декларация о государственном суверенитете Якутской-Саха ССР. Образование и деятельность суверенной республики открыли перед Якутией принципиально новые пути и перспективы политического, экономического и культурного развития.

С начала 1990-х гг. в республике осуществлялся переход к рыночной экономике в русле общероссийских процессов. В результате разделения собственности, либерализации цен, приватизации предприятий произошли кардинальные изменения в социально-экономическом устройстве и производственных отношениях. В настоящее время развитие экономики республики все больше определяется разными формами собственности, воздействием рыночных регуляторов, внедрением рыночных механизмов.

6.2. Демографический потенциал национальных республик российского Севера

Основу человеческих ресурсов российского Севера и Арктики составляют старожильческое население, мигранты первого поколения и вахтовые работники. Это те ресурсы труда, которые сегодня работают на северных и арктических предприятиях и могут принять участие в освоении новых месторождений. Есть еще два недооцененных ресурса, имеющих существенный потенциал при формировании человеческих ресурсов российского Севера и Арктики, – это статусные северные этносы: карелы, коми, тувинцы и якуты, а также коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. В таком ракурсе они еще не рассматривались. Проанализируем две последние компоненты формирования человеческих ресурсов российского Севера и Арктики отдельно, включив: 1) демографический потенциал статусных северных этносов с 1926 по 2021 г.; 2) недостаточно привлеченные в индустриальное развитие Севера и Арктики коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

С 1926 по 2002 г. численность статусных этносов увеличилась на 461 766 человек (рост 187,5 %), затем она стала уменьшаться и к 2021 г. сократилась на 87 591 в основном за счет уменьшения численности карел и коми. В общей численности в 2021 г. на якутов приходилось 52,0 %, на тувинцев – 31,0 %, на коми – 14,1 % и на карел – 2,9 %. Из четырех северных этносов только тувинцы и якуты демонстрировали восходящую динамику, у тувинцев рост численности составил 285,5 %, а у якутов – 198,9 %. Коми этнос увеличивал свою численность 63 года – с 1926 по 1989 г., прирост составил 100 297 человек, в последующие 32 года (1989–2021) численность коми сократилась на 164 453 человека (43,6 % от численности 1989 г.). Однако наибольшие потери в численности имели карелы, с 1926 по 2021 г. их стало меньше на 74 880 человек, или 25,7 % от исходной численности 1926 г. (табл. 6.1). На рис. 6.1 представлена динамика статусных этносов, особенно наглядно – при сравнении коми и якутов.

Таблица 6.1

Численность представителей статусных национальностей, проживающих в национальных республиках российского Севера, переписи населения 1926–2021 годов, человек

Национальность	Год								
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Карелы	100 781	108 571	85 473	84 180	81 274	78 928	65 651	45 570	25901
Коми	191 245	231 301	245 074	276 178	280 798	291 542	256 464	202 348	127 089
Тувинцы	–	–	97 996	135 306	161 888	198 448	235 313	249 299	279 789
Якуты	235 926	233 273	226 053	285 749	313 917	365 236	432 290	466 492	469 348
Всего	527 952	573 145	654 596	781 413	837 877	934 154	989 718	963 709	902 127

Источник: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php (дата обращения: 01.08.2024); Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 01.08.2024).

Можно отметить такую положительную тенденцию для статусных этносов, как их локализацию в своих национальных образованиях. В настоящее время наиболее сконцентрировано проживают на этнической родине следующие этносы: в Республике Саха (Якутия) – якуты составляют 98,1 %, в Республике Тыва – тувинцы – 94,7 %, в Республике Коми – коми – 88,6 % (от их численности в населении России). В большей мере живут вне своих национальных образований карелы – 20,1 %, но по сравнению с 1939 г. доля проживающих в Республике Карелия увеличилась на 36,4 п.п. (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Доля титульных этносов, проживающих в национальных республиках российского Севера от их общей численности в населении России, переписи населения 1939–2021 годов, %

Регион	Титульный этнос	Год							
		1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Республика Карелия	карелы	43,5	52,1	59,6	61,0	63,2	70,3	74,9	79,9
Республика Коми	коми	55,7	86,8	87,6	87,7	86,7	87,4	88,7	88,6
Республика Саха (Якутия)	якуты	96,4	95,7	96,8	96,1	96,1	97,4	97,6	98,1
Республика Тыва	тувинцы	–	98,1	97,3	97,9	96,3	96,7	94,5	94,7

Источник (здесь и табл. 6.3): переписи населения 1939–2021 гг.

Представляет научный и практический интерес анализ представительства коренных этносов в структуре населения своих национально-территориальных образований за относительно длительный период времени – 1939–2021 гг. Республика Тыва представлена с 1959 г., что связано с ее вхождением в состав Союза ССР 17 августа 1944 г. Коренные / титульные этносы северных регионов России показывают разнонаправленную динамику по занимаемой доле в этнической структуре населения своих субъектов (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Доля титульных этносов в национальных республиках российского Севера, переписи населения 1939–2021 годов, %

Регион	Год образования	Титульный этнос	Год							
			1939	1959	1970	1979	1989	2002*	2010*	2021*
Республика Карелия	1920	карелы	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2	7,4	5,5
Республика Коми	1921	коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3	23,7	22,2
Республика Саха (Якутия)	1922	якуты	56,3	46,4	43,0	36,9	33,4	45,7	49,9	55,3
Республика Тыва	1944	тувинцы	–	57,0	58,6	60,5	64,3	77,0	82,0	88,7

*Примечание: * – в процентах к численности лиц, указавших национальную принадлежность.*

Анализируя представленные данные, можно отметить, что для двух этносов: карелов и коми переломным был 1959 г., когда их доля в составе населения сократилась примерно в 2 и более раза (к 1939 г.), затем их доля

продолжала уменьшаться, но не так интенсивно. Шло плавное уменьшение доли якутов в этнической структуре населения Республика Саха (Якутия): с 1939 по 1989 г., а затем ее рост до 2021 г., когда якуты стали составлять более половины населения своей республики. В стратегических документах развития Республики Саха (Якутия) ставятся амбициозные задачи, в их числе 1) перешагнуть за миллион жителей и 2) чтобы в населении республики якутов стало более половины ее жителей. Только тувинцы показали завидную динамику, как абсолютного роста своей численности, так и увеличения своей доли в этнической структуре (31,7 п. п.).

В российской Арктике в 2021 г. проживало всего 51 863 представителя четырех статусных этносов (31 087 якутов, 14 814 коми, 5484 карел и 478 тувинцев). В территориальном разрезе в 18 округах и районах они превышают 10 % от указавших национальность, а в четырех районах Якутии – 50 %: Абыйский МР (81,4 %), Среднеколымский МР (79,9 %), Верхоянский МР (78,9 %), Момский МР (62,3 %). В 44 округах и районах из 75 на статусные национальности приходится менее 1 % населения. Это районы Архангельской и Мурманской областей, города Западной Сибири и Чукотка (рис. 6.2). На неарктических территориях проживают 94,3 % представителей четырех статусных этносов Севера. Учитывая неблагоприятную экономическую ситуацию во многих регионах ближнего Севера, их жители могут рассматривать Арктику в качестве перспективного рынка труда.

В целом можно заключить, что статусные этносы российского Севера в новой России снизили свой демографический потенциал, в первую очередь за счет карел и коми. В то же время якуты и тувинцы по-прежнему имеют достаточный потенциал для обеспечения человеческими ресурсами северных и арктических регионов нового хозяйственного освоения. Также статусные этносы проживают в основном на этнической родине и сохраняют традицию жить и работать на земле предков. На фоне значительного оттока старожильческого населения и сокращения внешнего притока населения этот ресурс может представлять интерес для хозяйствующих субъектов. Необходимо лишь изменить к ним свое отношение и механизм экономических стимулов.

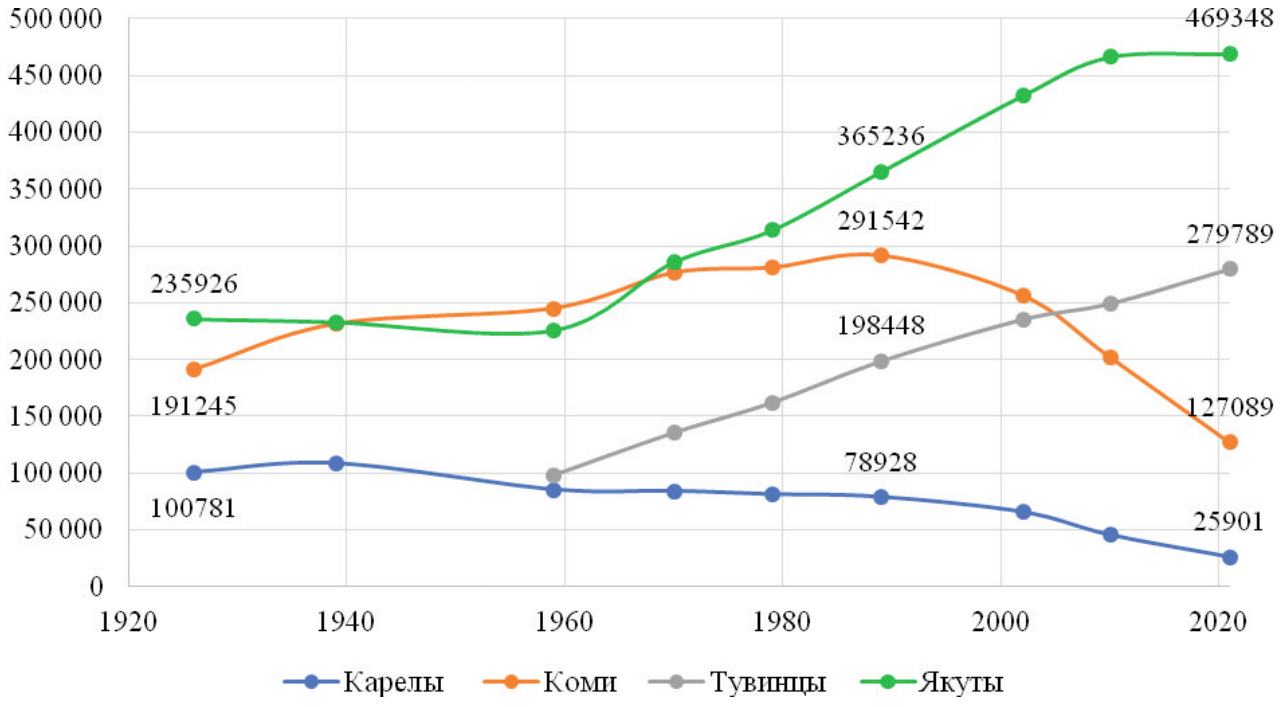

Рис. 6.1. Численность представителей статусных национальностей, проживающих в национальных республиках российского Севера, 1926–2021 гг., человек

Источник: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php (дата обращения: 01.08.2024); Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 01.08.2024).

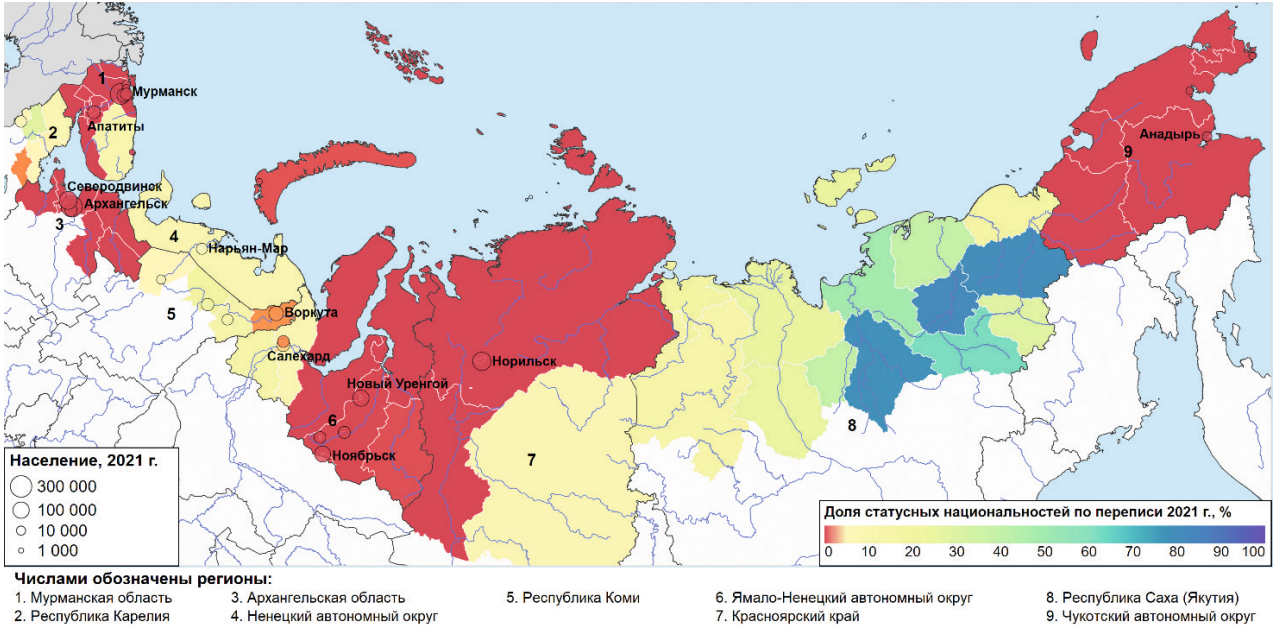

Рис. 6.2. Удельный вес четырех статусных национальностей Севера (карелы, коми, тувинцы и якуты), 2021 г., %

Источник: сайт Росстата, перепись населения 2021 г. (данные территориальных органов Росстата).

6.3. История формирования перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

В 90 странах мира проживает более 476 млн представителей коренных народов, что составляет 6,2 % населения планеты. Их представляют более 5 тыс. различных групп. Практически в каждой стране, на каждом континенте живут представители коренных народов. Коренные народы (indigenous peoples) – это термин международного права. Как правило, под ним понимаются народы, столкнувшиеся с колонизацией или завоеванием и потому оказавшиеся меньшинством (или «недоминирующей» частью населения) внутри государства, сформированного пришлой доминирующей группой. Четких общепринятых характеристик понятия, т. е. термина «коренные народы» в международном праве нет ввиду ряда причин: 1) коренные народы являются представителями разных рас, культур, языковых групп, религий и живут фактически на всех обитаемых континентах; 2) они находятся на разных этапах социального, экономического и культурного развития.

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) дает следующее определение: «*коренной народ состоит из нынешних потомков народов, которые проживали на нынешней территории всей или части какой-либо страны в момент, когда на нее прибыли из других частей мира лица другой культуры и этнического происхождения, которые покорили их и поставили в зависимое и колониальное положение путем завоевания, колонизации и других средств; в настоящее время эти народы живут более в соответствии с их особыми обычаями и социальными, экономическими и культурными традициями, чем с институтами страны, частью которой они являются, при государственной структуре, которая основывается главным образом на национальных, социальных и культурных особенностях других господствующих слоев населения*».

В ходе колонизации новых территорий, начавшейся в XV в. и продолжавшейся до XX в., большинство коренных народов, и в первую очередь коренные малочисленные народы планеты, оказались под угрозой исчезновения (вымирания) *(Любавский, 1996)*. Коренные народы, как записано в резолюции 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2007 г., «стали жертвами исторических несправедливостей в результате, среди прочего, их колонизации и лишения их своих земель, территорий и ресурсов, что препятствует осуществлению ими, в частности, своего права на развитие в соответствии с их потребностями и интересами» *(Слепцов, 2021)*.

Российское государство на протяжении веков проводило активную политику колонизации окраинных территорий, предпринимало адми-

нистративные меры по их закреплению под свою юрисдикцию *(Фаузер, Жеребцов, 2023)*. Для привлечения чиновников на окраинные территории им предоставлялись особые преференции[77]. Не оставалось без внимания и аборигенное население, был разработан и принят: «Устав об управлении инородцев» (1822)[78]. Со временем он был трансформирован в «Положение об инородцах» (1892)[79]. В указанных документах довольно полно представлено отношение государства к этим территориям и народам их населяющим, прописаны льготы и охранные мероприятия, исключающие произвол чиновников. Кроме того, в Положении отмечается, что «все обитающиеся в Архангельской губернии и Сибири инородные племена, по степени их гражданского образования и образу жизни, а именно, по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания, разделяются на три разряда: 1) на оседлых, 2) кочевых и 3) бродячих».

С закреплением Россией своего права на окраинные территории стали проводиться этнографические экспедиции для описания народов, заселяющих современные территории Севера, Сибири и Дальнего Востока. Здесь ценным источником являются этнографические зарисовки участников Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) – команды П. Скобельцына. Геодезисты «собрали материалы о численности и расселении народов (бурят, эвенков, якутов, коряков, юкагиров, камчадалов, эвенов), их хозяйственной деятельности и материальной культуре, промыслах, особенностях этнической пищи. Отметили взаимосвязь характера питания людей с хозяйственно-культурным типом, степенью оседлости. Так, у кочевников в основе питания лежит мясомолочная модель, а у оседлых охотников – мясо таежных животных. Большую роль в питании играют дикоросы: ягоды и корнеплоды диких растений».

Приводится интересный факт, что уже в первой половине XVIII в. «охотники выезжали на соболиные промыслы очень далеко от своих селений, что косвенным образом показывает широкое распространение пушного ясака. Ленские якуты промышляли белых медведей и песцов. Отдельные территориальные группы коряков и тунгусов отличались от других народов оленеводством, приморские же группы коряков активно

[77] Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского // Свод законов Российской империи [в 16 т.]. – Т. 3 / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. – СПб.: Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1912. – С. 330–343.

[78] Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. – Т. 38, № 29126. – С. 394–416.

[79] Положение об Инородцах // Свод Законов Российской Империи. Т. 2, ч. 1. – СПб., 1897. – С. 303–338.

занимались тюленьим и китовым морским зверобойным промыслом. На реках Шилке и Горбице отмечены некоторые группы тунгусов-коневодов».

В области межэтнических отношений отмечен познавательный факт: «некоторые территориальные группы нерчинских тунгусов, не имевших к моменту описания своего домашнего скота для выездов на далекие соболиные промыслы, вынуждены были работать в хозяйстве русских, а те за них платили обязательный ясак государству» *(Березницкий, 2012, с. 188–189).*

Комплексные экспедиции были продолжены в XIX–XX вв. В число задач входило изучение этнического состава населения северных окраин, поскольку имело место много разночтений при описании того или иного народа, особенно это стало актуальным при разработке программ и материалов первых российских переписей населения, при установлении системы льгот и гарантий. Главным научным учреждением в области этнографии коренных народов становится Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

В царский период и на заре советской власти не было строгих научных обоснований по выделению этнических групп, определению этнонимов. В писцовых книгах фактически отсутствуют сведения о национальном составе населения. Встречаются лишь отдельные указания на этническую принадлежность. В определенной мере этот пробел восполняется при помощи анализа зафиксированных в книгах фамилий и прозвищ жителей, но полной картины эти материалы, конечно, дать не могут. В ревизских сказках нет сведений о национальном составе населения.

Программа переписи 1897 г. имела существенные недостатки, поэтому ряд признаков не точно отражал состав населения. Отсутствие вопроса о национальности не позволило определить точную численность отдельных национальностей. Замена вопроса о национальной (этнической) принадлежности вопросом о языке привела к увеличению численности 44 основных народов страны. Такая постановка вопроса была обусловлена недостаточной этнографической и лингвистической изученностью населения, особенно в окраинных областях России, незавершенностью процессов этнической консолидации, неустойчивостью этнонимов и др. Всего при окончательной разработке переписи было выделено 146 языков и наречий и в соответствии с этим 146 самостоятельных народностей. В действительности этнических общностей, также как языков и наречий, в России того времени было значительно больше. Основным формуляром переписи 1920 г. был личный листок. Он включал 18 вопросов, в том числе по национальности и родному языку *(Сквозников, Жеребцов, Фаузер и др., с. 25, 41, 46, 55)*. Особенностью программы личного листка переписи 1926 г.

была постановка вопроса о народности вместо национальности, чем преследовалась цель дать более детальную картину этнографического состава населения страны. Термин «народность» подчеркивал, по мнению организаторов переписи, племенное происхождение опрашиваемых, как они сами его определяют *(История переписей населения, 2009, с. 34–35)*.

В Российской Федерации, многонациональной стране, насчитывается, согласно последней переписи населения 2021 г., 194 национальности, в том числе список национальностей учитывает 145 групп и 49 входящих в них подгрупп (в 2010 г. – 145 групп и 48 подгрупп; количество подгрупп увеличилось за счет подгруппы «алюторцы», по которой в 2010 г. данные не выявлены). Перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения по вопросу «Ваша национальная принадлежность» насчитывает более 1660 самоназваний (в 2010 г. – 923). Однако, по мнению академика В. А. Тишкова, в России проживает один народ – российский, который имеет сложный этнический состав. А сколько из реально существующего этнического многообразия ученые, политики и активисты могут «сделать народов», это вопрос открытый *(Тишков, 2023)*.

В ниже приводимом материале приложим усилия по наведению «исторического» порядка в трансформации Перечня этнических групп, включенных в состав «коренных малочисленных народов Севера», а затем «Сибири и Дальнего Востока», сделаем оценку демографической динамики в переписях советского и постсоветского периодов.

При анализе демографической динамики КМНС методологическую основу исследования составил принцип историзма, позволивший проследить последовательность законодательных инициатив государства по формированию единого списка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемно-хронологический метод изучения исторической действительности позволил оценить состояние КМНС с начала XX до первой четверти XXI в., статистические и демографические методы позволили проследить демографическую динамику каждого из 40 этносов.

В разделе использованы общепринятые подходы. *Статистический подход* наиболее широко распространен в демографических исследованиях. Он включает получение статистической информации о населении, обработку полученных данных, построение временных рядов и распределений, анализ закономерностей, а также вычисление показателей воспроизводства населения. На той же информационной базе и методах обработки базируется *описательно-исторический подход*, применяемый для определения общей численности населения и его структуры в отдельные исторические периоды применительно к мировому населению, населению отдельных

стран или частей света. *Экономико-социально-материальный подход* применяется на государственном уровне практически во всех северных государствах с целью нивелировать суровые природно-климатические условия Севера и Арктики, оторванность от «материка» и сложные производственные условия. Применение данного подхода позволяет привлечь человеческие ресурсы в северные и арктические территории, формировать там стабильные производственные коллективы *(Фаузер, Лыткина, Смирнов, 2020)*.

В каждой стране используется своя терминология, предлагается набор критериев выделения из этнического многообразия страны – коренные народы. На протяжении веков все автохтонное население окраинных территорий России называли по-разному: «туземцами», «аборигенами», «дикими народами», «тунгусами», «людьми не равного уровня», «иноверцами», «инородцами» или «ясачными (ясашными)», а в советский период – туземными народностями и племенами северных окраин, малыми (малочисленными) народностями Севера и в сокращенном варианте – народами Севера *(Кряжков, 2010, с. 21)*, ближе к действительности в царский период было «ясачные инородцы», поскольку для «российского правительства абориген был источником дохода – ясака» *(Мурашко, 2011, с. 96)*.

В законодательстве Российской Федерации используют термины «коренные малочисленные народы» и «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». Слова и выражения «аборигены» (лат. *aborigines, ab origine* – «от начала»), «автохтоны», «туземцы», «коренное население» семантически близки к термину «коренные народы», однако в юридических документах и текущей практике не используются. Также можно отметить, что в обиходе историков и этнографов по-прежнему используются главным образом два термина – «аборигены» и «коренные жители», очень редко – «автохтоны». Последний был очень популярным в 1950-е гг., теперь стал достоянием биологии *(Бромлей, Подольный, 1990, с. 201)*.

В настоящей работе предпочтение отдается терминам «коренные народы», «этносы», поскольку «нация – это повседневный плебисцит гражданско-политипического самоопределения жителей страны, тогда как этнос – это форма культурного самоопределения общностей. Стремление к этнокультурному самоопределению народов не ослабевает в условиях глобализации. Ныне все заметнее становится процесс возрождения интереса к этнической и религиозной идентичности. Особенно значимо это возрождение для этнических меньшинств и малочисленных народов» *(Паин, 2024, с. 21–22)*, что в полной мере относится к КМНС в XXI в.

Традиционное понятие «народности Севера», введенное в законодательство двумя декретами ЦИК и Совнаркома в 1925 и 1926 гг., является

скорее метафорой, чем точным научным термином, – подобно «американским индейцам», это словосочетание объединяет множество самых различных народностей, с различными (в прошлом) типами хозяйственной деятельности, различной материальной и духовной культурой, мифологией, языками. Антропологически коренные жители Севера представляют довольно далеко расходящиеся подтипы монголоидной расы; некоторые из них ближе по строению лица к американским индейцам *(Вахтин, 1993, с. 6)*.

Законодательная инициатива выделения коренных народов Севера в отдельные группы и практика их учета в переписях населения имеют длительную историю. В центре внимания национальной политики, проводимой советским правительством с первых дней своего правления, стали туземные народы окраинных территорий. 25 октября 1926 г. Всероссийский Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров РСФСР принимают Декрет «Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин Р.С.Ф.С.Р.»[80].

Основная цель Декрета состояла «в защите прав и интересов трудящихся туземцев северных окраин, а также в целях вовлечения их в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского Правительства, для поднятия их хозяйства и культурных условий жизни организуются органы туземного управления среди народностей и племен северных окраин Р.С.Ф.С.Р., ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни и занимающихся, главным образом, охотой, рыболовством и оленеводством, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским звероловством, поскольку, однако, эти народности и племена не выделены в особые республики и области».

Настоящее Положение распространяется на нижеследующие народности и племена северных окраин Р.С.Ф.С.Р.:

а) Архангельской губернии – самоеды;

б) Автономной области Коми – самоеды;

в) Уральской области – вогулы, остяки, самоеды, юраки;

г) Сибирского края – самоеды (всех родов), остяки-самоеды, юраки, долгане (догоны), енисейцы (кето), орды затундринских обществ, карегассы, сойоты-оленеводы, тунгусы (всех родов), орочоны;

д) Автономной Якутской С.С.Р. – тунгусы (всех родов), ламуты, орочоны, юкагиры, чуванцы, омоки, чукчи;

е) Дальне-Восточного края – юраки, гольды, ольчи, самогиры, манегры, солоны, бирары, пегидальды (омгунцы), орочоны, орочи, гиляки, даурцы, менджу, тазы, чуванцы, коряки, чукчи, ительмены (камчадалы),

[80] Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин: Постановление ВЦИК и СНК от 25.10.1926 // СУ РСФСР. – 1926. – № 73. – Ст. 575.

карагийцы, олюторы, эскимосы (всех родов, например, айваны, пиеки и др.), алеуты, кереки;

ж) Автономной Бурято-Монгольской С.С.Р. – тунгусы (всех родов).

Таким образом в Постановлении было упомянуто 36 этнонимов, проживающих в семи регионах северных окраин (табл. 6.4).

В п. 2 Положения ВЦИК РСФСР поручалось по представлению исполнительных комитетов Архангельской губернии, Коми и Уральской областей, Сибирского и Дальне-Восточного краев, а также ЦИК Автономной Якутской и Бурято-Монгольской С.С.Р. «определить границы районов освоения каждой мелкой народностью». Как видим, Положение определяло два основополагающих принципа: определяло носителей права и территории, на которых действует это право. По второму положению до настоящего времени идут споры и дискуссии: как справедливо отмечено, «по роковому стечению обстоятельств месторождения полезных ископаемых совпадают с местами рождения, проживания и промыслов аборигенных народов. За долгие годы освоения нанесен большой ущерб оленьим пастбищам: до 40 % их деградировали и выведены из оборота. Свою «лепту» внесли геологи, военные, многие организации, разрушающие и захламляющие Север» *(Абрютина, 2012, с. 215)*.

Обратим внимание, что в первом временном Положении 1926 г. в четырех регионах были выделены «самоеды». Поначалу *самоедами* (также *«самоядь»*, *«самоедины»*) называли только ненцев – самый крупный самодийский народ, но впоследствии это название стало использоваться и в качестве собирательного названия всех самодийских народов: ненцев, энцев, нганасан, селькупов и саянских самодийцев: исчезнувших (камасинцы, койбалы, маторцы, карагасы) и существующих (сойоты), говорящих (или говоривших) на языках самодийской группы, образующих вместе с языками финно-угорской группы уральскую языковую группу. Название *самодийские народы*, или *самодийцы*, было предложено в 1938 г. советским лингвистом Г. Н. Прокофьевым вместо прозрачного по значению с точки зрения русского языка и потому обидного слова *самоеды (Народы Сибири, 1956)*.

Следующим шагом на пути формирования Перечня малочисленных народов стало выделение этнических групп для подготовки переписи населения 1926 г. Был составлен «Перечень народностей для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 года»[81], он включал 194

[81] Перечень народностей для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 года // Демоскоп Weekly. – 2006. – № 267–268. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arxiv05.php (дата обращения 23.01.2024).

Таблица 6.4

Перечень коренных туземных народностей и племен северных окраин РСФСР, согласно «Временного Положения…», их учет в переписи населения 1926 года и современные этнонимы

Этнонимы коренных народов Севера			
1. Алеуты*	10. Карагийцы	19. Омоки *(исчезнувшее в XVIII в. племя юкагиров)*	28. Сойоты-оленеводы* *(саяты, малочисленный народ в Бурятии)*
2. Бирары *(группа эвенков)*	11. Карегассы*	20. Орды затундринских обществ	29. Солоны *(группа эвенков, живущая в северо-восточном Китае)*
3. Вогулы* *(манси)*	12. Кереки *(крайне малочисленный народ на Чукотке)*	21. Орочи* *(малочисленный народ в Приамурье)*	30. Тазы *(малочисленный народ в Приморье)*
4. Гиляки* *(нивхи, малочисленный народ, коренное население Приамурья и Сахалина)*	13. Коряки*	22. Орочоны* *(родственный эвенкам народ в Китае, внутренней Монголии)*	31. Тунгусы* *(всех родов) (эвенки)*
5. Гольды* *(нанайцы)*	14. Ламуты* *(эвены)*	23. Остяки* *(ханты)*	32. Чуванцы* *(коренной малочисленный народ на Чукотке, близок к юкагирам)*
6. Даурцы	15. Манегры* *(племя эвенков)*	24. Остяки-Самоеды*	33. Чукчи*
7. Долгане* *(догоны)*	16. Менджу	25. Пегидальды *(омгунцы)*	34. Эскимосы* *(всех родов, например, айваны, пиеки и др.)*
8. Енисейцы* *(кето)*	17. Ольчи* *(ульчи, малочисленный народ в Приморье)*	26. Самогиры* *(самагиры, нанайское племя в Приамурье)*	35. Юкагиры*
9. Ительмены* *(камчадалы)*	18. Олюторы	27. Самоеды* *(ненцы)*	36. Юраки* *(ненцы)*

*Примечания: *отмечены 25 северных народов, учтенных переписью населения 1926 г.; курсивом приведены современные этнонимы северных народов.*

Источники: Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина: официальный сайт. – URL: https://xn – e1aaejmenocxq.xn – p1ai/node/13938 (дата обращения 08.02.2024); Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин: Постановление ВЦИК и СНК от 25.10.1926 // СУ РСФСР. – 1926. – № 73. – Ст. 575.

различных этнонима; те, кто не указал народность, или она была указана неточно, были отнесены к «прочим народам». Из этого перечня 25 этносов были учтены переписью 1926 г. как народности Севера (см. табл. 6.4).

Официально на законодательном уровне Перечень народностей Севера из 26 этносов был закреплен в 1957 г. в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера»[82]. В Постановлении отмечается, «что на основе ленинской национальной политики нации и народности Крайнего Севера – якуты, коми, алеуты, долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, ороки (уйльта с 2010 г.), орочи, саами, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юкагиры достигли успехов в своем экономическом и культурном развитии». Как видим, выделены две нации и 26 народностей. «Хотя коми и якутов обычно не включают в список малочисленных народностей Севера по причине того, что эти народы относительно многочисленны и, в отличие от других, имеют свою национальную автономию. Однако положение, в котором они находятся, в некоторых отношениях сходно с положением малочисленных народностей Севера» *(Вахтин, 1993, с. 11–12)*. В очередной раз перечень народностей Севера в количестве 26 этносов был подтвержден Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 7 февраля 1980 г. № 115[83]. Последним официальным документом, содержащим перечень 26 малочисленных народов Севера, является совместное Постановление Кабинета Министров СССР и Совмина РСФСР от 11 марта 1991 г. № 84[84].

В последующие годы под влиянием общественности, академических институтов и органов местного управления Правительство Российской Федерации принимает ряд Постановлений по расширению Перечня народностей Севера.

До переписи 1989 г. число учитываемых коренных этносов разнилось: в 1959 г. был переписан 21 этнос (в состав других национальностей вклю-

[82] О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16.03.1957 № 300. – URL: https://docs.cntd.ru/document/765714380 (дата обращения: 18.01.2024).

[83] О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера: Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 07.02.1980 № 115. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20744#adZUuGUd4s5J2iI7 (дата обращения: 15.02.2024).

[84] О дополнительных мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера на 1991–1995 годы: Постановление Кабинета Министров СССР, Совмина РСФСР от 11.03.1991 № 84. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=102010891 (дата обращения: 02.05.2024).

чены: долганы, негидальцы, ороки, чуванцы, энцы), в 1970–1979 гг. – 23 (не вошли ороки, чуванцы, энцы). Не выделение этих этносов в самостоятельные народы повлияло на демографическое измерение их численности, оценку режима воспроизводства.

О сложности (или непоследовательности) выделения северных этносов в отдельные / самостоятельные группы отмечали многие исследователи. Так, в одной из первых этнографических работ П. Е. Терлецкий описывает разночтения в самоидентификации коренных народов Севера. Например, «в итогах переписи 1897 г. значительная группа (около 500 человек) есейских якутов числилась тунгусами (прежнее название эвенков). В итогах переписи 1926 г. значительная часть эвенов (ламутов) восточной части Сибири зарегистрирована эвенками (тунгусами). Допущены были ошибки в отношении южной группы расселения селькупов, зарегистрированных хантами (остяками) и т. п. Несмотря на то, что многие ненцы в дореволюционное время числились коми-ижемцами, они при переписи 1926 г. показали себя ненцами. Национальное самосознание долган, несмотря на то, что все они считают своим родным языком якутский, сохранилось, и даже, более того, долганы, ранее считавшиеся (по языку) якутами, при переписи 1926 г. показали себя долганами» *(Терлецкий, 1951, с. 88, 90)*.

На проблемы определения (самоидентификации) «национальности» у северных народов указывал Д. Д. Богоявленский. От переписи к переписи многие люди изменяют то, что в переписных листах называлось «Ваша национальность». Этнографы говорят в таких случаях о «смене этнической идентификации». Среди народов Севера такие процессы довольно заметны. Например, дети из смешанных семей, где, как правило, мать «коренная», а отец «некоренной», записанные в одной переписи по национальности матери, в следующей, повзрослев, указывают национальность отца. А в третьей переписи снова говорят о принадлежности к национальности матери.

Кроме того, вступают в дело и методические факторы: одна перепись выделяет данный народ, другая – «прячет» его в большем, родственном. К примеру, Перепись 1926 г. учла около 700 чуванцев, в 1939 г. их тоже учли как отдельный народ («этели»), но не выделили, а отнесли к «прочим северным народностям». А в переписях 1959, 1970 и 1979 гг. всех, назвавших себя чуванцами, в разработке относили к чукчам. И этнографы назвали это «этнической консолидацией». А бывает и наоборот. Применительно к народам севера: тех же чуванцев в 1979 г. относили к чукчам, а в 1989 г. сочли отдельным народом (около 1,4 тыс. человек). Или, например, энцев, которых в итогах всех российских / советских переписей переписывали как ненцев и только с 1989 г. начали выделять как отдельный народ (200 человек) *(Богоявленский, 2012)*.

В. А. Тураев предложил все факторы, влияющие «на численность коренных народов, подразделять как на демографические факторы, так и недемографические факторы (миграция, ассимилятивные процессы, административное вмешательство, погрешности переписей). Например, в списке народов Севера не было "камчадалов", которыми считали себя метисные группы охотского побережья Магаданской области Местные власти, желая закрепить за ними права коренных народов, предложили людям изменить этническую принадлежность. Большинство охотских камчадалов стали ительменами. Погрешности переписей особенно отражались на численности эвенков и эвенов. Их этнонимы похожи, что ведет к ошибкам при записи национальности. В 1970 и 1979 гг. за счет эвенов оказалась завышена численность эвенков в Хабаровском крае, в 1989 г. по этой же причине было завышено число эвенов. К ним приписали много *женщин-эвенкиек*, которые нередко определяют свою национальность как *эвенка*, погрешности переписей связаны с похожестью этнонимов. Отмечены и другие этнографические погрешности, например, камчадалы и тазы в 1979 и 1989 гг. не учитывались, ороки (уйльта) в 1979 г. учитывались как орочи, чуванцы в 1979 г. учитывались в составе чукчей» *(Тураев, 2019, с. 146–147)*.

Об особенностях и российском опыте этнической статистики коренных малочисленных народов Севера можно найти в статье В. В. Степанова. Он подробно рассмотрел переписи 1939–1989 гг. и отметил причины, по которым отдельные этносы не были указаны в переписях. Так, в переписи 1939 г. в советском государстве получилось 97 «народов», в 1959 г. – 126, в 1970 г. – 122, в 1979 г. – 126[85], в 1989 г. – 128 (в российских переписях в 2002 г. – 182, в 2010 г. – 193, в 2021 г. – 194). Происходило это не только потому, что этническая идентичность людей изменчива или потому, что менялись взгляды специалистов на проблему, но также из-за политических пристрастий властей. За годы советских переписей список этнических групп был сокращен не столько как отражение результатов естественной ассимиляции, сколько в угоду пропагандируемому тезису о «слиянии социалистических наций» *(Степанов, 2008)*.

Не обошел своим вниманием эту проблему академик В. А. Тишков: «при малочисленности и территориальной ограниченности таких групп достаточно одного-двух "пассионарных" лоббистов, чтобы организовать кампанию в пользу признания той или иной в чем-то отличительной группы населения или некогда существовавшего локального самоназвания с перспективой включения таковой в официальный список коренных малочисленных народов. Так, например, корякский лингвист и этнограф

[85] Д. Д. Богоявленский (2012) приводит другие цифры: 1939 г. – 99, 1959 г. – 121 и 1979 г. – 123.

М. И. Попов (Татха) долго добивался признания в качестве отдельного народа этнографической группы среди коряков под названием «алюторцы», которых в переписи 2002 г. было зафиксировано 12 человек, а в переписи 2010 г. ни одного алюторца обнаружено не было. В обход академического заключения Правительство РФ приняло решение о включении алюторцев в список, и вот результат – в переписи 2021 г. уже обнаружилось 97 алюторцев» *(Тишков, 2023, с. 201)*. Продолжение этой темы «о проблеме постановки вопроса о национальности в переписях населения» нашло отражение в коллективной статье *(Бубликов, Варшавер, Степанов, 2023)*.

В переписях 1926–2021 гг. происходила существенная трансформация выделения северных этносов в определенные группы: по родственному языку, роду деятельности, культуре и т. д. В табл. 6.5 представлены пояснения, к какой группе относился тот или иной этнос при проведении очередной переписи населения. Эта таблица приведена для того, чтобы показать, чем «грешат» динамические ряды малочисленных народов и из-за чего отдельные этносы демонстрируют то рост, то убыль.

Таблица 6.5

Этнонимы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в переписях населения

Этнонимы	Пояснения
Алеуты	1939 г. – отнесены к другим народам Севера
Алюторцы	1926–2002 гг. – переписаны как коряки
Долганы	1939–1959 гг. – переписаны как якуты
Ительмены	1926 г. – переписаны как камчадалы, 1939 г. – отнесены к другим народам Севера
Камчадалы	1939 г. – отнесены к другим народам Севера, 1959–1979 гг. – в зависимости от родного языка как ительмены или русские, 1989 г. – переписаны как русские
Кереки	1926–1989 гг. – переписаны как коряки
Кеты	1926 г. – енисейцы, 1939 г. – отнесены к другим народам Севера
Кумандинцы	1939–1989 гг. – переписаны как алтайцы
Манси	1926 г. – вогулы
Нанайцы	1926 г. – голды и самогиры
Нганасаны	1926–1939 гг. – нет данных
Негидальцы	1939–1959 гг. – переписаны как эвенки
Ненцы	1926 г. – самоеды и юраки
Нивхи	1926 г. – гиляки
Ороки	1939 г. – переписаны как нанайцы, 1959 г. – переписаны как орочи, 1970–1979 гг. – как другие национальности, 2002 г. – ульта (ороки), 2010–2021 гг. – уйльта

Окончание таблицы 6.5

Орочи	1939 г. – переписаны как удегэ
Саамы (саами)	1926 г. – лопари
Селькупы	1926 г. – остяко-самоеды
Сойоты	1939 г. – переписаны как тувинцы, 1959–1979 гг. – очевидно, переписаны как буряты, 1989 г. – как другие национальности
Тазы	1926 г. – переписаны как удэхэ, 1939 г. – переписаны как удегэ, 1959 г. – переписаны как удегейцы, 1970–1989 гг. – как другие национальности
Теленгиты	1926 г. – теленгеты, 1939 г. – переписаны как ойроты, 1959–1989 гг. – переписаны как алтайцы
Телеуты	1939 г. – переписаны как ойроты, 1959–1989 гг. – переписаны как алтайцы
Тофалары	1926 г. – карагас, 1939 г. – отнесены к другим народам Севера
Тубалары	1926 г. – переписаны как черневые татары, 1939 г. – нет данных, 1959–1989 гг. – переписаны как алтайцы
Тувинцы-тоджинцы	1959–1989 гг. – не выделялись в составе тувинцев
Удэгейцы	1926 г. – удехэ, 1939 г. – удэге
Ульчи	1926 г. – ольчи, 1939 г. – переписаны как нанайцы
Ханты	1926 г. – остяки
Челканцы	1926 г. – нет данных, 1939 г. – переписаны как ойроты, 1959–1989 гг. – переписаны как алтайцы
Чуванцы	1939 г. – отнесены к другим народам Севера, 1959–1979 гг. – переписаны как чукчи
Чулымцы	1926–1939 гг. – переписаны как татары, 1959–1979 гг. – в зависимости от родного языка как хакасы или татары, 1989 г. – переписаны как татары
Эвенки	1926 г. – тунгусы, орочоны и манегры
Эвены	1926 г. – ламуты
Энцы	1926–1979 гг. – переписаны как ненцы
Эскимосы	1939 г. – отнесены к другим народам Севера
Юкагиры	1939 г. – отнесены к другим народам Севера

Источники: 1926–1959 гг., 2002 г. – Перечень имен народов, выделявшихся при разработке материалов Всесоюзных / Всероссийских переписей 1926–2002 гг., и их численность // Демоскоп Weekly. – URL: https://web.archive.org/web/20220217094243/http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения 20.02.2024); 1970–1979 гг. – Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – 747 с. – С. 3; Демографическая энциклопедия, 2013.

Несколько штрихов об истории терминологии относительно северных народностей. В Перечне 1926 г. речь шла о «народностях и племенах северных окраин», о «туземных народностях», в Постановлении 1957 г. упоминаются «народности Севера». В 1993 г. с принятием Конституции

Российской Федерации в ст. 69 законодательно было закреплено понятие «коренные малочисленные народы». Изменение государственной национальной политики в ходе рыночных реформ в России способствовало формированию нового понимания правового статуса малочисленных народов Севера. В постперестроечный период название «малые народности Севера» меняется на «коренные малочисленные народы Севера» *(Штыров, 2012, с. 14)*. Официальный список 26 КМНС в 1993 г. дополнили «шорцы, телеуты, кумандинцы»[86], доведя список до 29 этносов.

Новым шагом в развитии коренных народов стал 2000 г., когда Правительством Российской Федерации был принят «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации»[87]. В этот список вошли «тувинцы-тоджинцы» – особая этническая группа тувинцев, компактно проживающая в Тоджинском кожууне Республики Тыва, относящаяся к малочисленным народам Сибири. Список северных народностей увеличился до 30.

Завершающим становится 2006 г., когда был определен «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»[88]. Данный перечень сформирован на основе списка 30 малочисленных народов Севера, который дополнили «алюторцы, вепсы, камчадалы, кереки, сойоты, тазы, теленгиты, тубулары, челканцы и чулымцы». Полный список малочисленных народов и места их основного проживания представлены в табл. 6.6.

Таблица 6.6

Единый перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

Единый перечень 2006 г., в ред. 2021 г.	Территории компактного проживания (статусные территории)	Единый перечень 1957 г.
Алеуты	Камчатский край	Алеуты
Алюторцы	Камчатский край	–
Вепсы	Респ. Карелия, Ленинградская обл., Вологодская обл.	–
Долганы	Красноярский край, Респ. Саха (Якутия)	Долганы
Ительмены	Камчатский край, Магаданская обл.	Ительмены

[86] Об отнесении шорцев, телеутов, кумандинцев к малочисленным народам Севера: Постановление Совета Национальностей Верховного Совета РФ от 24.02.1993 № 4538–1 // Ведомости РФ. – 1993. – № 13. – Ст. 465.

[87] О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 № 255 // СЗ РФ. – 2000. – № 14. – Ст. 1493.

[88] Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2006 № 536-р // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 17. – Ст. 1905.

Продолжение таблицы 6.6

Камчадалы	Камчатский край, Магаданская обл.	–
Кереки	Чукотский АО	–
Кеты	Красноярский край	Кеты
Коряки	Камчатский край, Чукотский АО, Магаданская обл.	Коряки
Кумандинцы	Алтайский край, Респ. Алтай, Кемеровская обл.	–
Манси	Ханты-Мансийский АО, районы Тюменской обл., Свердловская обл., Респ. Коми	Манси
Нанайцы	Хабаровский край, Приморский край, Сахалинская обл.	Нанайцы
Нганасаны	Красноярский край	Нганасаны
Негидальцы	Хабаровский край	Негидальцы
Ненцы	Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО, районы Архангельской обл., Красноярский край, Ханты-Мансийский АО, Респ. Коми	Ненцы
Нивхи	Хабаровский край, Сахалинская обл.	Нивхи
Орочи	Хабаровский край, Магаданская обл.	Орочи
Саамы	Мурманская обл.	Саамы
Селькупы	Ямало-Ненецкий АО, районы Тюменской обл., Томская обл., Красноярский край	Селькупы
Сойоты	Респ. Бурятия	–
Тазы	Приморский край	–
Теленгиты	Респ. Алтай	–
Телеуты	Кемеровская обл.	–
Тофалары (тофа)	Иркутская обл.	Тофалары
Тубалары	Респ. Алтай	–
Тувинцы-тоджинцы	Респ. Тыва	–
Удэгейцы	Приморский край, Хабаровский край	Удэгейцы
Уйльта	Сахалинская обл.	Ороки
Ульчи	Хабаровский край	Ульчи
Ханты	Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, районы Тюменской обл., Томская обл., Респ. Коми	Ханты
Челканцы	Респ. Алтай	–
Чуванцы	Чукотский АО, Магаданская обл.	Чуванцы
Чукчи	Чукотский АО, Камчатский край, Респ. Саха (Якутия)	Чукчи
Чулымцы	Томская обл., Красноярский край	–
Шорцы	Кемеровская обл., Респ. Хакасия, Респ. Алтай	–
Эвенки	Респ. Саха (Якутия), Красноярский край, Хабаровский край, Амурская обл., Сахалинская обл., Респ. Бурятия, Иркутская обл., Забайкальский край, Томская обл., Тюменская обл.	Эвенки

Окончание таблицы 6.6

Эвены (ламуты)	Респ. Саха (Якутия), Хабаровский край, Магаданская обл., Чукотский АО, Камчатский край	Эвены
Энцы	Красноярский край	Энцы
Эскимосы	Чукотский АО, Камчатский край	Эскимосы
Юкагиры	Респ. Саха (Якутия), Магаданская обл., Чукотский АО	Юкагиры

Источник: ВПН-2021. Т. 5, табл. 17. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.06.2024).

В связи с тем, что общее количество коренных этносов Севера увеличилось с 26 до 40 народов, для сопоставимости результатов переписей населения В. Г. Логинов предлагает «рассматривать представителей КМНС в разрезе трех отдельных групп: 1) 26-ти народов, которые традиционно к ним относились; 2) 2-х народов, представленных «вепсами и шорцами», данные о численности которых имеются в материалах всесоюзных переписей населения; 3) народы, получившие статус в 2000-е гг.» *(Логинов, 2019, с. 143).*

6.4. Динамика численности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока за 1926–2021 годы

Относительно малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока постоянно шли дискуссии на предмет их вымирания. В массовом сознании населения СССР существовало представление о том, что «малочисленные народы Севера» находятся на грани исчезновения. Такой прогноз висит над этими народами почти два столетия. Еще в XVII в. европоцентристская наука провозгласила неизбежное вымирание «диких народов» при столкновении с «белой цивилизацией» *(Богоявленский, 2005)*.

Подробно эта проблема с XVIII по XX в. рассмотрена В. В. Подмаскиным. Он отмечает, что «столкновение коренных народов Севера с "индустриальной цивилизацией" привело к изменению у них традиционного уклада жизни и системы питания, ухудшению здоровья. Камчадалы проявляют значительную чахлость потому, что половина их носит примесь русской бродячей крови, испорченной пьянством, разгулом и дурными болезнями. Отрицательное влияние на здоровье аборигенов оказали пища и одежда пришлых людей, а также их пристрастие к курению табака и водке. Поэтому сегодня существует проблема не только потери самобытных национальных культур, но и, в ряде случаев, физического выживания популяции. Поставленная многими исследователями проблема "вымирания инородцев" до сих пор во многом остается нерешенной» *(Подмаскин, 2012, с. 103)*.

Вот еще одна точка зрения: «сегодня, в начале 1990-х гг., все малочисленные народности Севера находятся в тяжелейшем экономическом, социальном и культурном положении, положении настолько серьезном, что его часто обозначают термином "этническая катастрофа". Эта катастрофа постигла коренное население Севера в результате контакта с современной индустриальной цивилизацией. Однако для коренного населения Севера последствия этого контакта отягощены еще и непродуманной, некомпетентной, а иногда и преступной политикой, которую в течение нескольких десятилетий проводило в отношении них государство.

Несмотря на тяжелое положение, коренные народности Севера все еще существуют. Они по-прежнему живут на своих исконных землях; они по-прежнему во многом сохраняют свои уникальные культуры и языки. И они по-прежнему сохраняют право называться людьми и иметь все права, предусмотренные законами России и международными документами – такими, как Декларация прав человека» *(Вахтин, 1993, с. 7)*.

В XX в. на эту проблему действующая власть смотрит более оптимистично (или иначе): «в прошлом многие из этих народностей не имели письменности, вели преимущественно кочевой образ жизни и были обречены на вымирание». Зато сегодня «имеют большие возможности для дальнейшего развития своей экономики и культуры»[89].

Согласиться или опровергнуть выдвинутый тезис о вымирании (депопуляции) северных этносов можно было бы имея в наличии коэффициенты воспроизводства населения (рождаемость, смертность и их результат – естественный прирост / убыль). Но сделать это в настоящее время невозможно, поскольку в 2010 г. был прекращен выпуск бюллетеня «Экономические и социальные показатели районов проживания коренных малочисленных народов Севера». Единственным и доступным источником информации являются периодически проводимые переписи населения *(Фаузер, 2023, с. 23–25)*. Однако В. Г. Логинов нашел методический прием, как восполнить этот пробел *(Логинов, 2024, с. 234–235)*.

Рассмотрим динамику численности малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с первой переписи Союза ССР 1926 г. до российской переписи населения 2021 г. в расширенном составе, с учетом перечня из 40 этносов, по которым имеется сопоставимая статистика.

В проведенных переписях населения было представлено разное количество этносов: в 1926 г. их было учтено 30 (в том числе согласно законодательству – 25), в 1939 г. – 14 (12), в 1959 г. – 23 (21), в 1970 и 1979 гг. – по

[89] О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16.03.1957 № 300. – URL: https://docs.cntd.ru/document/765714380 (дата обращения: 18.01.2024).

25 (23), в 1989 г. – 28 (26), в 2002 г. – 39 (30), в 2010 г. – 39 и в 2021 г. – 40. Каждый народ с 1926 по 2021 г. демонстрировал разную динамику: от роста до убыли. Из 40 народов 12 этносов почти все годы демонстрировали положительную динамику: долганы, кереки, манси, ненцы, сойоты, тубалары, тувинцы-тоджинцы, ханты, челканцы, чукчи, эвенки и юкагиры. Другие народы имели рост до определенной переписи: орочи до 1979 г.; до 1989 г. – алеуты, вепсы, коряки, нганасаны, негидальцы, удэгейцы, ульчи, чуванцы и шорцы; до 2002 г. – камчадалы, кеты, кумандинцы, нанайцы, нивхи, уйльта, саамы, селькупы, тазы, телеуты, тофалары, чулымцы, энцы и эскимосы; до 2010 г. – ительмены, теленгиты и эвены; алюторцы были впервые зафиксированы переписью населения 2021 г. (табл. 6.7).

По переписи населения 2021 г. численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока составила 262 615 человек, 11 этносов имеют численность населения более 5 тыс. человек, 17 этносов – от 1 до 5 тыс. и 12 этносов имеют численность населения менее 1 тыс. человек. Наиболее многочисленными коренными этносами являются: ненцы (49,8 тыс. человек), эвенки (39,4), ханты (31,6), эвены (ламуты) (20,0), чукчи (16,2), манси (12,3), нанайцы (11,7) и шорцы (10,6). Самыми малочисленными в полном смысле этого слова стали алюторцы – 97 и кереки – 23 человека, но если первые проживают на своей этнической родине в Камчатском крае – 91,8 %, то у кереков другая картина – 73,9 % от их общей численности проживает за пределами Чукотского АО. В целом можно отметить, что основная часть коренных этносов проживает на своей этнической родине – 73,7 %, на прилегающих, северных территориях – 13,5 %, оставшиеся либо на северных – 4,7 %, либо на территориях за пределами северной зоны – 8,1 %.

Более подробно рассмотрим динамику численности малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по итогам последней переписи советского периода (1989 г.) и переписей новой России (2002–2021 гг.), проведем сравнение двух эпох. В целом по всем народам динамика положительная. Список из 26 народностей Севера дал прирост населения с 1989 по 2021 г. 39 253 человека (рост 121,6 %), новый перечень из 40 народностей показал прирост 53 211 человек (рост 125,4 %). Основной прирост – за счет 26 этносов из первого списка – 73,8 %. По демографической динамике все КМНС можно разбить на пять групп.

Таблица 6.7

Численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, переписи населения 1926–2021 годов, человек

Народности	Год								
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Алеуты	353	…	399	410	489	644	540	482	399
Алюторцы	…	…	…	…	…	…	…	-	97
Вепсы	32 784	31 449	16 170	8057	7550	12 142	8240	5936	4687
Долганы	656	…	…	4718	4911	6584	7261	7885	8182
Ительмены	…	…	1096	1255	1335	2429	3180	3193	2622
Камчадалы	4217	…	…	…	…	…	2293	1927	1564
Кереки	…	…	…	…	…	…	8	4	23
Кеты	1428	…	1017	1161	1072	1084	1494	1219	1096
Коряки	7438	7339	6168	7367	7637	8942	8743	7953	7498
Кумандинцы	6335	…	…	…	…	…	3114	2892	2456
Манси	5754	6295	6318	7609	7434	8279	11 432	12 269	12 308
Нанайцы	5860	8411	7919	9911	10 357	11 883	12 160	12 003	11 668
Нганасаны	…	…	721	823	842	1262	834	862	693
Негидальцы	683	…	…	495	477	587	567	513	483
Ненцы	17 560	24 716	22 845	28 487	29 487	34 190	41 302	44 640	49 787
Нивхи	4076	3857	3690	4356	4366	4631	5162	4652	3863
Ороки [в 2002 г. – ульта (ороки), 2010–2021 гг. – уйльта]	162	…	…	…	…	179	346	295	269
Орочи	646	…	779	1037	1040	883	686	596	530
Саами	1717	1829	1760	1836	1775	1835	1991	1771	1550
Селькупы	1630	2604	3704	4249	3518	3564	4249	3649	3491
Сойоты	229	…	…	…	…	…	2769	3608	4380
Теленгиты	3415	…	…	…	…	…	2399	3712	2916
Тазы	…	…	…	…	…	…	276	274	236
Телеуты	1898	…	…	…	…	…	2650	2643	2241

Окончание таблицы 6.7

Тофалары	2829	…	476	570	576	722	837	762	721
Тубалары	…	…	…	…	…	…	1565	1965	3675
Тувинцы-тоджинцы	…	…	…	…	…	…	4442	1858	7293
Удэгейцы	1357	1701	1395	1396	1431	1902	1657	1496	1328
Ульчи	723		2049	2410	2494	3173	2913	2765	2481
Ханты	22 306	18 447	19 246	21 007	20 743	22 283	28 678	30 943	31 600
Челканцы	…	…	…	…	…	…	855	1181	1314
Чуванцы	704	…	…	…	…	1384	1087	1002	903
Чукчи	12 331	13 830	11 680	13 500	13 937	15 107	15767	15 908	16 228
Чулымцы	…	…	…	…	…	…	656	355	382
Шорцы	12 601	16 044	14 938	15 950	15 182	15 745	13 975	12 888	10 581
Эвенки	38 804	29 599	24 583	25 051	27 278	29 901	35 527	38 396	39 420
Эвены	2044	9675	9023	11 819	12 215	17 055	19 071	21 830	19 975
Энцы	…	…	…	…	…	198	237	227	203
Эскимосы	1292	…	1111	1265	1460	1704	1750	1738	1659
Юкагиры	443	…	440	593	801	1112	1509	1603	1813
Прочие народы Севера	…	11 824	…	…	…	…	…	…	…
Все 40 КМНС	192 275	187 620	157 527	175 332	178 407	209 404	252 222	257 895	262 615
из них 26 КМНС	135 013	128 303	126 419	151 325	155 675	181 517	208 980	218 652	220 770

Примечание (здесь и табл. 6.8): «…» – явление было, но сведения отсутствуют.

Источники: 1926–2002 гг. – Перечень имен народов, выделявшихся при разработке материалов Всесоюзных / Всероссийских переписей 1926–2002 гг., и их численность // Демоскоп Weekly. – URL: https://web.archive.org/web/20220217094243/http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 20.02.2024); 2010 г. – ВПН-2010. Т. 4. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.06.2024); 2021 г. – ВПН-2021. Т. 5, табл. 17. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.06.2024).

Первая группа включает 11 народностей, показавших положительную динамику, прирост составил 51 348 человек. В этой группе наибольший рост продемонстрировали юкагиры – 163,0 %, манси – 148,7, ненцы – 145,6 и ханты – 141,8 %. В этой же группе в период 2002–2021 гг. увеличение имели тубалары – 234,8 %, сойоты – 158,2 % и челканцы – 153,7 %.

Вторая группа, самая многочисленная, включающая 13 народностей, показывала постоянную убыль населения. Семь народов из списка 26 этносов за 1989–2021 гг. дали убыль в 3893 человек, а из списка 40 народностей за 2002–2021 гг. убыль составила 11 354 человека. Самое значительное уменьшение произошло у вепсов – 3553, шорцев – 3394 и коряков – 1245 человек.

В третью группу вошли 12 народностей, имевших рост численности населения (2002–2010 гг.), а затем ее убыль. Так, с 1989 по 2010 г. прирост по этой группе составил 9767 человек, а в период 2010–2021 гг. она уменьшилась на 5018 человек. Высокая убыль наблюдалась у кетов, нивхов, уйльтов и саамов. *В четвертой группе* кереки, тувинцы-тоджинцы и чулымцы после убыли продемонстрировали рост своей численности. *И, наконец, особняком стоят нганасаны*. Их численность уменьшилась в период с 1989 по 2002 г. на 428 человек, затем она увеличилась на 28 и вновь уменьшилась на 169 человек (табл. 6.8).

Таблица 6.8

Группировка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по динамике численности населения, переписи населения 1989–2021 годов, человек

Перечень народностей – 40 этносов	Год			
	1989	2002	2010	2021
Положительная динамика – 11	**117 456**	**146 665**	**158 398**	**168 804**
Алюторцы	…	…	–	97
Долганы	6 584	7 261	7 885	8 182
Манси	8 279	11 432	12 269	12 308
Ненцы	34 190	41 302	44 640	49 787
Сойоты	…	2 769	3 608	4 380
Тубалары	…	1 565	1 965	3 675
Ханты	22 283	28 678	30 943	31 600
Челканцы	…	855	1 181	1 314
Чукчи	15 107	15 767	15 908	16 228
Эвенки	29 901	35 527	38 396	39 420
Юкагиры	1 112	1 509	1 603	1 813
Отрицательная динамика – 13	**45 402**	**46 741**	**41 367**	**35 387**
Алеуты	644	540	482	399
Вепсы	12 142	8 240	5 936	4 687

Окончание таблицы 6.8

Камчадалы	…	2 293	1 927	1 564
Коряки	8 942	8 743	7 953	7 498
Кумандинцы	…	3 114	2 892	2 456
Негидальцы	587	567	513	483
Орочи	883	686	596	530
Тазы	…	276	274	236
Телеуты	…	2 650	2 643	2 241
Удэгейцы	1 902	1 657	1 496	1 328
Ульчи	3 173	2 913	2 765	2 481
Чуванцы	1 384	1 087	1 002	903
Шорцы	15 745	13 975	12 888	10 581
Рост – убыль – 12	**45 284**	**52 876**	**55 051**	**50 033**
Ительмены	2 429	3 180	3 193	2 622
Кеты	1 084	1 494	1 219	1 096
Нанайцы	11 883	12 160	12 003	11 668
Нивхи	4 631	5 162	4 652	3 863
Уйльта [в 2002 г. – ульта (ороки)]	179	346	295	269
Саами	1 835	1 991	1 771	1 550
Селькупы	3 564	4 249	3 649	3 491
Теленгиты	…	2 399	3 712	2 916
Тофалары	722	837	762	721
Эвены	17 055	19 071	21 830	19 975
Энцы	198	237	227	203
Эскимосы	1 704	1 750	1 738	1 659
Убыль – рост – 3	**…**	**5 106**	**2 217**	**7 698**
Кереки	…	8	4	23
Тувинцы-тоджинцы	…	4 442	1 858	7 293
Чулымцы	…	656	355	382
Убыль – рост – убыль – 1	**1 262**	**834**	**862**	**693**
Нганасаны	1 262	834	862	693
Всего – 40 народов	**209 404**	**252 222**	**257 895**	**262 615**
Из них 26	**181 517**	**208 980**	**218 652**	**220 770**

Составлено по: данные табл. 6.7.

На государственном уровне забота о «Малочисленных и редких народах» проводится и в Республике Казахстан. Самыми малочисленными и редкими народами, проживающими на территории Казахстана, являются алеуты, абазины, вепсы, долганы, ижорцы, коми, крымчаки, ливы, манси, нанайцы, ненцы, негидальцы, нивхи, орочи, рутульцы, селькупы, тувинцы, удэгейцы, ульчи, цахуры, чуванцы, чукчи, эвенки и японцы.

Что примечательно, из 24 редких этносов 15 входят в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и один в статусные северные народы – коми. Максимальной численность малочисленных и редких народов зафиксирована в 1979 г. – 2328 человек, минимальной в 2009 г. – 405 человек. Статусный северный этнос коми постоянно демонстрировал нисходящую динамику, в 1970 г. – 1538 человек, в 2021 г. – 246 человек (в 2009 г., скорее всего, был технический сбой). Три малочисленные северные народности больше в Казахстане не проживают: алеуты, негидальцы и ульчи (табл. 6.9).

Таблица 6.9

Малочисленные и редкие народы, проживающие на территории Казахстана, переписи населения 1970–2021 годов, человек

Народности	Год					
	1970	1979	1989	1999	2009	2021
Все национальности	**13 026 274**	**14 709 508**	**16 222 324**	**14 981 281**	**16 009 597**	**19 186 015**
Указавшие национальность	13 026 274	14 709 508	16 222 324	14 981 281	16 009 597	19 161 209
В том числе:						
Алеуты	1	9	6	8	4	–
Абазины	60	119	97	64	27	43
Вепсы	27	33	44	30	1	8
Долганы	17	18	56	25	3	7
Ижорцы	3	19	5	15	1	2
Коми	1538	1345	1237	387	15	246
Крымчаки	42	87	61	20	35	1
Ливы	–	–	7	3	49	10
Манси	14	36	37	8	32	4
Нанайцы	19	48	35	19	14	4
Ненцы	52	108	72	83	7	47
Негидальцы	4	–	6	1	6	–
Нивхи	5	11	16	8	4	3
Орочи	19	27	8	4	3	7
Рутульцы	8	52	249	113	82	113
Селькупы	7	8	13	3	2	3
Тувинцы	85	182	129	35	37	37
Удэгейцы	7	33	19	47	2	5
Ульчи	1	4	11	3	1	–
Цахуры	31	68	31	17	2	5
Чуванцы	–	–	22	375	25	1
Чукчи	16	4	24	19	5	3

Окончание таблицы 6.9

Эвенки	42	93	47	30	2	11
Японцы	26	24	19	35	46	36
Всего	**2024**	**2328**	**2251**	**1352**	**405**	**596**
% от указавших национальность	**0,016**	**0,016**	**0,014**	**0,009**	**0,003**	**0,003**

Источники: 1970–2009 гг. – Национальный состав, вероисповедание и владения языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2009 г. // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – URL: https://stat.gov.kz/ru/national/2009/general/ (дата обращения: 20.05.2024); 2021 г. – Национальный состав, вероисповедание и владения языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2021 г. // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – URL: https://stat.gov.kz/ru/ (дата обращения: 20.05.2024).

Возникает вопрос к историкам и этнографам Казахстана: когда и как КМНС попали в Казахстан и какой вид деятельности они ведут сегодня, сохранили ли родные языки, а также и ряд других вопросов *(Фаузер, 2024)*.

Что ждет завтра коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации? Конечно, многое из того, что происходит на Севере, не могло не произойти. Не могли не приехать туда новопоселенцы; не могло не начаться промышленное освоение; не мог не оказывать влияние на местные языки русский язык; не мог не пойти процесс культурной конвергенции. Это происходит везде, во всем мире, и пытаться делать вид, что этих процессов можно избежать – наивно *(Вахтин, 1993, с. 78)*. Достаточно подробно, с углублением в мировую историю, А. Эткинд показал «природу зла и влияния государства» на территории с богатыми природными ресурсами, ареалами проживания автохтонных народов Севера и Арктики *(Эткинд, 2023)*.

Выше уже отмечалось, что на демографическую динамику малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока оказывают влияние как демографические факторы (рождаемость, смертность, миграция), так и недемографические. Ниже основное внимание уделим недемографическим факторам.

Д. Д. Богоявленский к числу основных факторов снижения численности коренных народов относит ассимиляционные процессы. Народы Севера ассимилировались, главным образом, русскими, а в Якутии – якутами. В 1960-е гг. «ассимиляционные потери» составляли около 12 % естественного прироста народов Севера, в 1970-х гг. они составили около 70 % сильно уменьшившегося естественного прироста, а в 1980-х – снова около 12 %

(Богоявленский, 2005). Можно предположить, что в настоящее время ассимиляция еще выше, так как закрытие этнических поселений и переселение коренных этносов в русские поселения только увеличит число смешанных браков. Любой народ, проживающий в среде более крупного этноса, подвергается ощутимой ассимиляционной эрозии, что является одной из причин их «относительного» уменьшения, избежать этого невозможно.

Известно, что каждый из этносов-народов имеет наглядный и вместе с тем непременный внешний признак: самоназвание – собственное имя, этноним. Подчеркнем – именно самоназвание. Дело в том, что имена, даваемые этносу иными народами, нередко существенно отличаются от этнонима-самоназвания *(Бромлей, Подольный, 1990, с. 17)*. Несмотря на то, что большинство народов определилось со своим «самоназванием», им довольно часто приходится доказывать свою национальность. «В Камчатском крае чиновничий произвол доходил до абсурда: чтобы подтвердить свою национальность, женщину судья мог попросить спеть на родном языке; чиновники требуют, чтобы заявители жили, как их предки, в чумах, хотя алеуты и алюторцы в чумах никогда не жили, а жили в землянках» *(Харючи, 2012, с. 39)*. Вопрос «документального подтверждения национальной принадлежности граждан к коренным малочисленным народам остается нерешенным до сегодняшнего дня» *(Тодышев, 2012, с. 238–239)*. А паспортная реформа 1997 г. только усугубила эту проблему, исключив графу «национальность», исчезла она и из других документов, выдаваемых органами ЗАГСа.

К недемографическим факторам можно отнести и «проблему суицида коренных народов, которая во многом обусловлена этнокультурными факторами. Добровольный уход из жизни, вытекающий из культурной традиции, особенностей психики и мировоззрения, был широко распространен на Чукотке. Северные этносы отличала склонность к самоубийству как средству ухода от возникающих проблем. Для них характерна и повышенная чувствительность к стрессовым ситуациям, которых в 1990-е гг. оказалось в избытке. Злоупотребление алкоголем только усугубило положение дел» *(Тураев, 2019, с. 159)*. На рост суицида повлияло и насильственное переселение из родовых поселений. В результате этого «науканские эскимосы полностью утратили традиционный быт, хозяйственную деятельность, что привело к утрате смысла существования, повлекшей за собой, в свою очередь, повальное пьянство и высокий процент самоубийств» *(Вахтин, 1993, с. 52)*.

Серьезное влияние на здоровье аборигенного населения начинают оказывать климат и интенсивные разрушения и загрязнения природы. «Часть загрязнений на Севере – это бытовые отходы, причем повсеместно: и в маленьких тундровых общинах, и в больших городах. Как правило,

в северных поселениях нет очистных сооружений, и нечистоты сбрасываются в водоемы, откуда берут воду, где ловят рыбу и так далее. Но решающую роль в разрушении и загрязнении природной среды играют нефте-, газо-, золотодобывающие предприятия» *(Абрютина, 2012 с. 215)*.

Для северных народов образование является решающим фактором сохранения родного языка, этнической самобытности, этнического самосознания. Однако «в большинстве регионов обучение родному языку завершается на уровне начальной школы». Данные по этнорегиональному образованию показывают, что родные языки народов Севера не являются языками обучения и преподаются в северных школах в трех основных формах: учебный предмет (от 1 до 3 часов в неделю), факультативный курс (от 1 до 2 часов в неделю), кружковые внеклассные занятия (1 час в неделю)» *(Гашилова, Набок, 2012, с. 194–196)*.

Необходимо остановится еще на одном факте. Согласно Федерального закона № 82-ФЗ[90], к КМН относятся народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Если взять карелов, то уже с 2010 г. их численность была меньше установленной законом – 45 570, а в 2021 г. – 25 901 человек. Если остановиться на самом большом этносе среди КМНС – ненцах, то они, наоборот, демонстрируют восходящую динамику: 2010 г. – 44 640 и 2021 г. – 49 787 человек, не так далек 50-ти тысячный рубеж. Возникает вопрос – менять статус этих народов или вносить поправки в Федеральный закон № 82-ФЗ? Представляется справедливым и лучшим исходом сохранить статус ненцам и придать статус «малочисленных» карелам.

Необходимо обратить внимание и на то, что возрастает роль коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в связи с экстенсивным экономическим освоением арктических территорий *(Фаузер, Смирнов, Фаузер Г., 2024, с. 24–25)*, а также расширением военного присутствия России в Арктике. Так, по мнению В. Лексина и Б. Порфирьева: «Размещение небольших, но технически оснащенных и располагающих современными транспортными средствами контингентов военнослужащих на постоянной основе было бы целесообразно не в «чистом поле», а в предельной близости к имеющимся населенным пунктам. Это позволило бы занять часть местного населения производительным трудом по гражданскому обслуживанию военных объектов, организовать питание военнослужащих

[90] О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102059473 (дата обращения: 01.03.2024).

продуктами местного производства (свежие мясо и рыба), решить проблемы медицинского обслуживания местного населения в особо сложных случаях, использовать в допустимых пределах для местных нужд военную транспортную инфраструктуру» *(Лексин, Порфирьев, 2015, с. 57)*.

Теперь осталось ответить на вопрос: вымирают или нет коренные малочисленные народы Севера? В одной из ранних работ мы дали ответ, рассматривая демографическую динамику финно-угорских народов *(Фаузер, 2005)*. В целом уже было отмечено, что с 1989 по 2021 г. прирост коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока составил 53 211 человек. Прирост продемонстрировали 14 этносов из 40. Из 262 615 человек на этносы с позитивной динамикой приходится 176 502 человека, или 67,2 %. Ответ – «выживают» или нет: формально вроде следует сказать «да», а по сути – «нет», так как число народностей с отрицательной динамикой составляет 26 из 40. Особую тревогу вызывают два этноса: кереки – 23 человека и алюторцы – 97 человек, и 10 народностей, имеющих численность населения менее 1 тыс.

Какое будущее предрекают этим народам? Наиболее вероятны следующие сценарии: 1) коренные народы будут ассимилированы более крупными этносами; любой народ, проживающий в среде более крупного этноса, подвергается ощутимой ассимиляционной эрозии, что является одной из причин их «относительного» уменьшения; 2) произойдет «демографическая катастрофа», и из 40 этносов сохранят свою численность или необходимый демографический потенциал для воспроизводства 10–15 народностей; 3) на едином российском пространстве будет проживать единая нация – «российский народ». Перспективы демографической динамики финно-угорских народов под влиянием ассимиляционных процессов подробно рассмотрены в работе *(Фаузер, Лыткина, Фаузер Г., 2018а)*. Финский ученый Сеппо Лаллукка отметил неизбежность, которая ждет многонациональное общество, где происходит «давление на сглаживание этнических различий» *(Лаллукка, 1997)*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии нашли отражение многие проблемы, связанные с человеческими ресурсами. В ходе изложения материала авторы проводят грань между категориями «человеческие ресурсы» и «управление человеческими ресурсами». Подробно этот вопрос рассмотрен в первой главе, здесь лишь еще раз подчеркнем, что категория «человеческие ресурсы» шире категории «трудовые ресурсы», поскольку она включает реальные и потенциальные ресурсы труда для экономики. Категория «управление человеческими ресурсами» применяется на уровне компании / организации с целью улучшить не только результаты ее деятельности, но также обеспечить благополучие индивида и общества в целом.

Человеческие ресурсы рассмотрены на примере 13 северных регионов, полностью отнесенных к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним, и отнесенных к ним частично. Подробно представлены льготы и гарантии для жителей северных территорий. Представляет интерес история районирования, которая описывается трансформацией деления страны – от окраинных территорий к районам Крайнего Севера, а от них – к сухопутным территориям Арктической зоны Российской Федерации. Авторы делают выводы, что проведенное районирование привело к «конфликту интересов» и желанию губернаторов увеличить «северность», а в новых реалиях – «арктичность» своих территорий, для получения особых льгот и преференций.

В монографии выявлены острые проблемы воспроизводства населения, показаны этапы роста и сокращения рождаемости, приводятся аргументы в пользу проводимой демографической политики, способствующей как улучшению режима воспроизводства населения, так и повышению качества жизни. Отдельно рассмотрены подростковая рождаемость и проблема абортов у несовершеннолетних детей. Обращается внимание на производственный травматизм, отрицательно влияющий на трудовой потенциал и здоровье работающего населения.

Новым шагом в изучении человеческих ресурсов стало применение *многомерной демографии*. Данный подход, наряду с основными демогра-

фическими показателями (пол, возраст), подверженными вариациям во времени и пространстве, предполагает рассматривать дополнительные характеристики населения: образование и участие в рабочей силе. Такой взгляд на демографические процессы позволяет раскрыть исследовательский вопрос – в какой степени негативные тенденции в количественных характеристиках человеческих ресурсов могут быть компенсированы качественными – ростом уровня образования и занятости населения *(Фаузер, Смирнов, 2024, с. 397–399)*.

Проведено сравнение средней длительности обучения всего и занятого населения. Для оценки величины накопленного образовательного потенциала в стоимостном выражении использовались показатели суммарной длительности обучения и затрат на образование. Расчеты показали, что если в 2002–2010 гг. на российском Севере суммарная продолжительность обучения занятого населения сократилась только в трех из 13 регионов и в трех осталась на уровне 2002 г., то в 2010–2021 гг. сократилась уже в семи и в трех осталась на уровне 2010 г. Общие потери образовательного потенциала человеческих ресурсов составили 4,1 млн человеко-лет обучения. С одной стороны, это вызвано сокращением общей численности населения и его трудоспособной части, а с другой – переходом повсеместно на бакалавриат, что сократило число лет обучения, магистерские программы не смогли восполнить этот пробел.

Для восполнения образовательного потенциала человеческих ресурсов в ценах 2020 г. понадобилось бы более 600 млрд рублей бюджетных средств. Произошедшие трансформации наглядно продемонстрированы поло-возрастно-образовательными пирамидами. Исследование показало, что потенциал нивелирования негативных демографических тенденций на российском Севере за счет улучшения качественных характеристик практически исчерпан. Полученные результаты найдут применение при разработке мероприятий демографической и социально-трудовой политики, а также при построении демографических прогнозов.

Человеческие ресурсы впервые рассматриваются в этническом аспекте с выделением: а) демографического потенциала статусных северных этносов национальных республик (карел, коми, тувинцев и якутов), б) коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Анализ показал, что из четырех этносов только тувинцы и якуты демонстрируют постоянную восходящую демографическую динамику. Из 40 КМНС только 14 имеют итоговую положительную динамику. Во многих работах отмечается, что «критической» для малых этносов является численность населения менее 5 тыс. человек. Относительно коренных малочисленных этносов можно отметить следующее: 11 этносов имеют численность более 5 тыс.

человек, 17 этносов – от 1 до 5 тыс. и 12 этносов – менее 1 тыс. человек *(Фаузер, Смирнов, Фаузер Г., 2024, с. 294)*.

Еще раз подчеркнем, что численность 40 коренных малочисленных народов и четырех статусных северных этносов составляет 1 164 742 человека – это существенный демографический и трудовой потенциал для обеспечения человеческими ресурсами хозяйствующих субъектов российского Севера и Арктики. В перспективе предстоит изучить проблемы традиционной занятости КМНС и возможность их привлечения в индустриальные / высокодоходные отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

Абрютина Л. И. Между двух огней. Влияние социальных и экологических факторов на здоровье коренных малочисленных народов Севера // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. – С. 210–221.

Агранат Г. А. Российский Север: противоречия и надежды // ЭКО. – 2000. – № 1. – С. 48–67.

Аджиев М. Э. Размышления о границах Севера // Природа. – 1976. – № 10. – С. 29–41.

Акъюлов Р. И. Воспроизводство человеческих ресурсов региона в условиях модернизации экономики: дис. … д-ра экон. наук. – Екатеринбург, 2012. – 416 с.

Акъюлов Р. И. Социально-экономическая политика в сфере воспроизводства человеческих ресурсов региона: теория, методология, практика / Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т экономики. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. – 283 с.

Антонов Ю. Т., Шамаева В. С., Слепцова А. Д. Проблемы ранней (подростковой) беременности // International Journal of Medicine and Psychology. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 74–77.

Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. – 8-е изд. / пер. с англ.; под ред. С. К. Мордовина. – СПб.: Питер, 2004. – 832 с.

Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами: 10-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – 848 с.

Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами: пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 328 с. – (Серия «Менеджмент для лидера»).

Архангельский В. Н. Оценка демографической результативности мер помощи семьям с детьми в России // Демография и социальная экономика. – 2014. – № 1. – С. 108–120.

Бегзи А. Д. Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 4. – С. 94–108.

Беневоленская З. Э. Политическая поляризация «Север-Юг» и правовые проблемы реформы управления государственным имуществом в России // Власть Закона. – 2013. – № 3 (15). – С. 44–64.

Березницкий С. В. Исследования геодезиста П. Н. Скобельцына в Сибири в XVIII в. (к 280-летию Второй Камчатской экспедиции) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 году. – СПб., 2012. – С. 183–192.

Бирюков С. Проект «20 агломераций». Шанс для провинциальной России? // Агентство политических новостей. – 2010. – URL: http://www.apn.ru/publications/article23519.htm (дата обращения: 05.05.2024).

Блинова М. С. Современные социологические теории миграции населения. – М.: КДУ, 2009. – 160 с.

Бобылев С. Н. Развитие человеческого потенциала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2005. – № 1. – С. 41–61.

Богоявленский Д. Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 55–61.

Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп. – 2012. – № 531–532. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php (дата обращения: 25.03.24).

Богоявленский Д. Д. Смертность от внешних причин в России с 1970 года // Демоскоп Weekly. – 2001. – № 29–30. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/029/tema01.php (дата обращения: 20.07.2024).

Бондарева Н. Н. Технологическая конкуренция между арктическими государствами с учетом вызовов и угроз освоения Арктики (на примере корпоративного уровня стран ЕС) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 288–301.

Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление): учеб.-метод. пособие. – М.; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – 294 с.

Борисова Л. А. Основные тенденции управления человеческими ресурсами в современных условиях // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2021. – № 1. – С. 13–21.

Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Человечество – это народы. – М.: Мысль, 1990. – 391 с.

Бубликов В. В., Варшавер Е. А., Степанов В. В. Деконструкция переписей населения: комментарии и рассуждения // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 4. – С. 212–242.

Буравой М., Райт Э. О. Социологический марксизм // Социология. – 2011. – № 2. – С. 43–57.

Бурханова Ф. В. Региональные научно-технические проблемы Севера и их значение для создания долгосрочной программы развития Северо-Востока страны // Сборник тезисов докладов. – Магадан, 1980. – Вып. 12. – С. 3–8.

Бурый О. В., Дмитриева Т. Е. Теоретические и практические вопросы создания самодостаточных арктических поселений // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – Сыктывкар, 2015. – № 3(23). – С. 141–148.

Бухтияров И. В., Измеров Н. Ф., Тихонова Г. И., Чуранова А. Н. Производственный травматизм как критерий профессионального риска // Проблемы прогнозирования. – 2017. – С. 140–149.

Ванкевич Е. В. Управление человеческими ресурсами современной организации: теория и практика: монография / Е. В. Ванкевич [и др.]; под науч. ред. Е. В. Ванкевич. – Витебск: УО «ВГТУ», 2020. – 269 с.

Вартанова М. Л. Аборты среди несовершеннолетних как медико-социальная проблема // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – № 30 (4). – С. 580–586.

Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. – СПб.-Париж: Издательство Европейского Дома, 1993. – 96 с.

Вашаломидзе Е. В. Передовые практики организации и внедрения дистанционных форм занятости // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 52 (3). – С. 122–129.

Витязева В. А. Печорский угольный бассейн. – Сыктывкар, 2004. – 208 с. (Коми НЦ УрО РАН; Комиссия по изучению естественных производительных сил при Главе РК).

Витязева В. А., Котырло Е. С. Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2007. – 292 с.

Вишневский А. Г., Васин С. А., Зайончковская Ж. А. Демографический и трудовой потенциал населения России // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д. С. Львова. – М.: Экономика, 1999. – 181 с.

Власова К. В., Некрасова И. В. Проблема отношений «Север-Юг» в начале XXI века // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей. – Киров: Вятский государственный университет, 2017. – С. 5819–5828.

Власова Т. А., Тимохина О. А. Историческая трансформация и современные тренды теории и практики управления персоналом // Мировые цивилизации. – 2021. – № 1. – С. 13–21.

Володарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – М.: Наука, 1977. – 263 с.

Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР / В. А. Борисов, Г. П. Киселева, Ю. М. Лукашук, А. Б. Синельников; отв. ред. Л. Л. Рыбаковский; АН СССР, Ин-т социол. исслед. – М.: Наука, 1987. – 205 с.

Гаврильева Т. Н., Архангельская Е. А. Северные города: общие тренды и национальные особенности // ЭКО. – 2016. – № 3. – С. 63–79.

Гашилова Л. Б., Набок И. Л. Этнорегиональное образование на Севере: пути развития и модернизации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. – С. 191–201.

Гинс Г. К. Переселение и колонизация. Вып. 2: Земельная политика в колониях. – СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. – 65 с.

Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И., Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 183 с.

Грэхем Х. Т., Беннетт Р. Управление человеческими ресурсами: учеб. пособие для вузов / пер. с англ.; под ред. Т. Ю. Базарова и Б. Л. Еремина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 598 с.

Гурова И. М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 128–147.

Давидов Д. А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии. Известия Восточного института. – 1911. – Т. 37, вып. 1. – 187 с.

Демографическая энциклопедия / редкол.: А. А. Ткаченко, А. В. Аношкин, М. Б. Денисенко и др. – М.: ООО Издательство «Энциклопедия», 2013. – 944 с.

Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Д. В. Юрков, Г. Н. Фаузер, Т. С. Лыткина; отв. ред. В. В. Фаузер. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. – 215 с. (Б-ка демографа, вып. 21).

Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.

Демографический энциклопедический словарь / ред. кол.: Д. И. Валентей (гл. ред.). – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.

Джой-Меттьюз Д. Развитие человеческих ресурсов / Д. Джой-Меттьюз, Д. Меггинсон, М. Сюрте; [пер. с англ.] – М.: Эксмо, 2006. – 432 с.

Дикке Г. Б. Медикаментозный аборт: руководство для врачей / под ред. проф. В. Е. Радзинского. 2-е изд. – М.: МЕДпресс-информ, 2017. – 344 с.

Докторович А. Б. Человеческий потенциал // Социальная политика: энциклопедия / под ред. Н. А. Волгина и Т. С. Сулимовой. – М.: Альфа-Пресс, 2006. – 411 с.

Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке: пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. – 272 с.

Дубровина Е. В. Медико-социальная трансформация травматической смертности в период экономических реформ (на примере Кировской области): автореф. дис. … канд. мед. наук: 14.00.23 / Дубровина Елена Васильевна. – Москва, 2004. – 22 с.

Жеребцов И. Л. Динамика населения Коми края в эпоху феодализма (II половина XVI – середина XIX века): Сер. препринтов «Науч. докл.» /АН СССР, Коми фил.; Вып. 161. – Сыктывкар, 1987. – 15 с.

Жеребцов И. Л. Изменение климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования: Научный сборник. Минск: Белорусский государственный университет, 2010. – Т. 5. – С. 64–72.

Жеребцов И. Л. Миграция населения Коми края в период феодализма: Сер. препринтов «Науч. докл.» / АН СССР, УрО, Коми науч. центр; Вып. 220. – Сыктывкар, 1989. – 21 с.

Жеребцов Л. Н., Жеребцов И. Л. Численность населения Коми края в XVI–XVII вв. // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. – Сыктывкар, 1984. – С. 64–76.

Журавлев Н. Ю. Миграционное поведение студенчества северного города // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2021. – Т. 1 (2). – С. 182–193.

Задорожный В. Н., Залевский В. А., Фаузер В. В. Республика Коми: социально-экономическое развитие / отв. ред. докт. экон. наук, проф. В. В. Фаузер. – М.: Экон-информ, 2011. – 150 с.

Замятина Н. Ю. Антропология зональности: природа и культура в пространственной дифференциации человеческой деятельности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 4 (47). – С. 174–185.

Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. – 2018а. – № 31. – С. 5–27.

Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Региональный консалтинг: Приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. – СПб.: Маматов, 2017. – 195 с.

Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Российская Арктика: К новому пониманию процессов освоения. – М.: ЛЕНАНД, 2018б. – 400 с.

Захаров П. Н., Щербаков А. С. Актуальные вопросы теоретических подходов к определению сущности человеческих ресурсов // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. – 2022. – № 1 (31). – С. 5–12.

Захарова О. Д. Факторы демографические // Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. –352 с.

Зверева Н. В. Действенность мер демографической политики в области рождаемости: оценки населением // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2013. – № 9. – С. 15–27.

Зубаревич Н. В. Развитие российских агломераций. Тенденции, ресурсы и возможности управления // Общественные науки и современность. – 2017. – № 6. – С. 5–21.

Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

Иванов О. И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). – СПб.: Скифия-принт, 2013. – 336 с.

Иванова Т. Л., Кретова А. В., Фучеджи А. И. Комплексный анализ системы понятий теории управления человеческими ресурсами в контексте их исторической и методологической трансформации // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 2, № 7. – С. 5–16.

Измеров Н. Ф., Тихонова Г. И., Чуранова А. Н., Горчакова Т. Ю. Условия, охрана труда и производственный травматизм в России // Здравоохранение Российской Федерации. – 2013. – № 1. – С. 3–7.

Ильин В. И. Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке) // Мир России. Социология. Этнология. – 2022. – Т. 31, № 4. – С. 6–32.

Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 532 с.

Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.

Исаев А. А., Исаева Л. А., Котоманова К. А. Проблемы развития человеческого потенциала в Дальневосточном федеральном округе // Креативная экономика. – 2014. – № 3 (87). – С. 3–10.

Исаева Л. А. Расширенное воспроизводство человеческого потенциала – императив сегодняшнего дня. – 2022. – № 12. – С. 433–437.

История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. – 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар: «Анбур», 2011. – 688 с.

История переписей населения в России. – Сборник информационных материалов / Челябинскстат. – Челябинск, 2009. – 66 с.

Калмыкова Н. М. Нужна ли демографии единая теория? // Демографическое обозрение. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 160–166.

Каратыгина Е. Н., Краснопольский Б. Х. Целевые программы развития районов Севера. – М.: Наука, 1985. – 152 с.

Каратыгина Е. Н., Краснопольский Б. Х. Энергоэкономическое районирование зоны Севера СССР и Магаданской области // Межотраслевые и отраслевые проблемы развития народного хозяйства Магаданской области. – Магадан, 1981.

Кауфман А. А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. – 443 с.

Кашепов А. В. Структура занятости в экономике по видам деятельности и основным профессиональным группам // Социально-трудовые исследования. – 2020. – Т. 38 (1). – С. 19–30.

Кашепов А. В. Трансформация структуры занятости населения в регионах Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2023. – Т. 3, № 4. – С. 137–152.

Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск, 1973. – 439 с.

Колин К. К. Человеческий потенциал и инновационная экономика // Вестник Российской Академии естественных наук. – 2003. – Т. 3, № 4. – С. 16–22.

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 384 с.

Коновалов А. М. Реализация государственной политики Российской Федерации в Арктике программно-целевым методом // Современные производительные силы. – 2012. – С. 21–33.

Коротаев В. И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. – Архангельск: Издательство ПГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 192 с.

Краткий политический словарь / под ред. Л. А. Оникова, Н. В. Шишлина. – М.: Политиздат, 1989. – 623 с.

Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. – М.: Норма. 2010. – 560 с.

Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Университеты в России: как это работает. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 616 с.

Лаас Н. И. Перспективы развития удаленной занятости и особенности построения карьеры в условиях развития рынка удаленной работы // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – 12 (2). – С. 37–42.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. – СПб.: «Европейский Дом», 1997. – 392 с.

Ларюшева Т. М., Баранов А. Н., Лебедева Т. Б. Эпидемиология беременности у подростков // Экология человека. – 2014. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiologiyaberemennosti-u-podrostkov (дата обращения: 21.04.2024).

Лашук Л. П. Формирование народности коми. – М., 1972. – 292 с.

Лексин В., Порфирьев Б. Новое обустройство Арктики: вызов и социально-экономический ресурс будущего России // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 6. – С. 54–60.

Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Российская Арктика сегодня: содержательные новации и правовые коллизии // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 4. – С. 1117–1130.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 17. – С. 354–365.

Логинов В. Г. Коренные малочисленные народы Севера: динамика и особенности воспроизводства // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 136–149.

Логинов В. Г. Коренные малочисленные этносы Арктики: ретроспективный анализ демографического развития // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 229–240.

Лутохина Э. А., Козловский В. В. Мировая экономика: социально ориентированный подход. – М.: ИВЦ Минфина, 2007. – 400 с.

Лыткина Т. С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14, № 1. – С. 87–109.

Лыткина Т. С. Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере республик Дагестан и Коми) // Россия и современный мир. – 2008. – № 2 (59). – С. 181–189.

Лыткина Т. С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – № 3. – С. 130–154.

Лыткина Т. С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – № 3. – С. 33–47.

Лыткина Т. С. Экономическое поведение новых бедных в условиях социальной трансформации: дис. … канд. социол. наук: 22.00.03: защи-

щена 15.06.2005. – М.: Институт социологии РАН, 2005. – 175 с.: Библиогр. С. 165–175.

Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. – 2019. – Т. 28, № 3. – С. 27–47. – DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47.

Лыткина Т. С., Фаузер В. В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. XIX, № 1 (84). – С. 90–109.

Лыткина Т. С., Ярошенко С. С. Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России. – 2019. – Т. 28, № 1. – С. 101–123.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А. Я. Дегтярев; вступ. ст. А. Я. Дегтярева, Ю. Ф. Иванова, Д. В. Карева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 688 с.

Малов В. Ю., Тарасова О. В. Север против юга: ресурсы наши прибыль ваша? // Интерэкспо. – 2012. – Т. 1, № 3. – С. 139–148.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 920 с.

Миграционные процессы в России / под. ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2014. – 383 с.

Михайлов А. С., Горочная В. В., Хвалей Д. В., Гуменюк И. С. Специфика инновационного развития приморских регионов России: дивергенция севера и юга // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 105–126.

Мкртчян Н. В. Региональные столицы России и их пригороды. Особенности миграционного баланса // Известия РАН. Серия географическая. – 2018. – № 6. – С. 26–38.

Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. – М., Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004. – 285 с.

Москвина В. А. Моделирование межрегиональной мобильности выпускников вузов в России // Прикладная эконометрика. – 2019. – Т. 56. – С. 99–122.

Мурашко О. А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // Арктика: экология и экономика. – 2011. – № 3 (3). – С. 90–105.

Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. Г. Меликьян. – М., 1994. – 640 с.

Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР (Серия «Народы мира: Этнографические очерки»),1956. – 1083 с.

Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / В. Я. Сквозников, И. Л. Жеребцов [и др.]; науч. ред.

и сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. – 175 с.

Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н., Залевский В. А.; отв. ред. д. э.н., проф. В. В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 236 с. (Б-ка демографа; вып. 17).

Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. – 2020. – Т. 5, № 2(18). – С. 47–82.

Нечаева Э. В. Актуальные проблемы реформирования здравоохранения Республики Коми. М., 2002. – С. 44–67.

Николаев Н. А. «Человеческие ресурсы» в системе понятий менеджмента и экономики труда // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2019. – № 2. – С. 7–14.

Новикова Н. И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник угроведения. – 2016. – № 3 (26). – С. 124–137.

Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития / Д. Диксон, Ж. Бэккес, К. Гамильтон. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2003. – 128 с. – (Серия исследований и монографий по экологически устойчивому развитию).

Нужная Т. Г., Нужный В. П., Шмаков Д. Н. Здоровье человека на Севере. Патогенез артериальной гипертонии у пожилых людей вследствие нарушения дистолической функции левого желудочка сердца // Север: арктический вектор социально-экологических исследований. Сыктывкар, 2008. – С. 118–129.

Обедков А. П. Образование городов как фактор русской колонизации евразийского Севера в дореволюционный период. – Сыктывкар, 2005. – 16 с.

Окладников А. П. Открытие Сибири. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 223 с.

Окольский М. Здоровье и смертность // Доклад конференции по народонаселению. ООН, Европейская экономическая комиссия. – Женева, 23–26 марта 1993 г. – URL: E / CONF. 84/RM, EUR/WP.3. – 60 с.

От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века / И. Л. Жеребцов, Н. П. Безносова, Д. В. Вишнякова и др. – Сыктывкар, 2014. – 296 с.

Охрана труда – основа будущего сферы труда. Опираясь на столетний опыт / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М.: МОТ, 2019. – 75 с.

Оценка ресурсной эффективности использования возобновимого природного капитала северного региона / Т. Е. Дмитриева, А. А. Максимов, В. А. Носков [и др.]. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2021. – 236 с.

Паин Э. А. Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России // Мир России. – 2024. – Т. 33, № 1. – С. 6–28.

Панова С. А., Синьковская И. Г. Психологические аспекты подростковой беременности и юного материнства // Мир человека. – 2022. – № 1 (50). – С. 74–78.

Пашкова Е. Ю. Человеческий потенциал в системе государственного управления // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2021. – № 19. – С. 33–35.

Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. – М., 1975. – 231 с.

Петров А. Н., Збеед С. О., Кавин Ф. А. Арктическая экономика знаний: географические аспекты производства новых знаний и технологий в Арктике // Арктика и Север. – 2018. – № 30. – С. 5–22.

Петросян А. Н., Шевчук Е. И., Кириллов П. Л., Мозгунов Н. А. Географические особенности старения населения России // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6 (2). – С. 55–83.

Пилясов А. Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания. – М.: Либроком, 2015а. – 544 с.

Пилясов А. Н. Российский Арктический фронтир: парадоксы развития // Регион: экономика и социология. – 2015б. – № 3 (87). – С. 3–36.

Пилясов А. Н. Суверенитет как экономико-географический феномен (на примере трендов развития Арктической зоны РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2017. – Т. 62, № 3. – С. 280–299.

Пирожков С. И. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 1. Демографический и трудовой потенциал. – Киев: Нац. торг.-экон. ун-т, 2008. – 934 с.

Подмаскин В. В. Медико-демографические последствия этнокультурных контактов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Вестник ДВО РАН. – 2012. – № 2. – С. 102–110.

Подоплелов В. П. Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1972. – 61 с.

Подоплелов В. П., Фаузер В. В., Загайнова Г. В. Население Коми АССР. – Сыктывкар, 1990. – Серия препринтов «Научные доклады; вып. 231». – 20 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 38. СПб.: Типография II отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1355 с.

Попова Л. А. Резервы увеличения продолжительности жизни населения северных регионов России // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика: сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции (г. Якутск, 29 сентября 2021 г.) / [отв. ред. Е. Э. Григорьева]. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2021. – С. 94–103.

Попова Л. А. Уровень и структура смертности населения России в условиях пандемии // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы VII междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 28 марта – 1 апреля 2022 г.). – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022. – С. 123–129.

Попова Л. А., Зорина Е. Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 228–242.

Попова Л. А., Шишкина М. А. Влияние современной российской демографической политики на тенденции и перспективы рождаемости населения. – Сыктывкар, 2017. – 128 с.

Портер М. Конкуренция. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. – 495 с.

Приоритеты научно-технологического развития регионов: механизмы реализации / Ю. Г. Лаврикова, В. С. Бочко, Е. А. Захарчук [и др.]; Институт экономики УрО РАН. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2020. – 603 с.

Проблемы народонаселения и мировое развитие: (капиталистические и развивающиеся страны) / А. П. Судоплатов и др.; ред.: А. П. Судоплатов и А. С. Первушин; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Экон. фак., Центр по изучению проблем народонаселения. – М.: Издательство МГУ, 1986. – 128 с.

Проблемы современного социального развития народностей Севера: сб. статей / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. В. И. Бойко и др.; [вступ. ст. В. И. Бойко]. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1987. – 254.

Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на российском Севере / отв. ред. В. Н. Лаженцев. – М.; Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. – 346 с.

Прохорова М. П., Лебедева Т. Е., Седых Д. В., Седых И. В. Удаленная занятость в России: состояние и перспективы // Московский экономический журнал. – 2020. – № 4. – С. 460–466.

Рамонов А. В., Васин С. А. Внешние причины и травматизм: источники информации, методы и показатели оценки потерь // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 535–536. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit011.php (дата обращения: 20.07.2024).

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / под ред. ак. С. Г. Струмилина. – М.: Государственное статистическое изд-во, 1956. – 352 с.

Римашевская Н. М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 3. – С. 34–48.

Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Г., Янчук Ю. Н. Изменение посемейной структуры населения как следствие «новой» пронаталистской политики в России // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов: Матер. Всеросс. науч.-практ. конфер. Вып. 1. – М., 2012. – С. 87–94.

Розинская Н. А., Розинский И. А. «Дачная перспектива» удаленной занятости // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 2. – С. 87–106.

Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер; отв. ред. проф. В. В. Фаузер. – М.: Политическая энциклопедия, 2022. – 215 с.

Российский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М., 2001.

Рыбаковский Л. Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 38–47.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М.: Наука, 1987. – 199 с.

Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. III квартал 2023 года. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 46 с.

Самойлов В. А. Модернизация образования и человеческий капитал // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 11. – С. 16–20.

Сан-Антус. Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми (К вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. – 1928. – № 1. – С. 7–12.

Селин В. С. Экономические процессы и их правовое регулирование в Арктике // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: материалы VIII Международной научно-практической

конференции (Апатиты, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е. П. Башмаковой, Е. Е. Торопушиной. – Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. – С. 126–130.

Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.

Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ.; под ред. и с послеслов. Р. М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с. – («Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).

Сигарева Е. П. «Несовершеннолетняя» рождаемость: состояние и проблемы // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. – М.: Издательство ООО «Объединенная редакция», 2020. – С. 138–140.

Синельников А. Б. Влияние семейной и демографической политики на брачность и рождаемость // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика: Матер. Всеросс. науч.-практ. конфер. Вып. 1. – М., 2013. – С. 127–135.

Скавронская Т. В., Леус А. И., Федосеева Л. А. Распространенность артериальной гипертонии среди работников предприятий газовой промышленности в районе Крайнего севера // Кардиология. – 2005. – Т. 45, № 3. – С. 84–85.

Сквозников В. Я., Жеребцов И. Л., Фаузер В. В., Безносова Н. П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). – Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. – 175 с.

Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза. 2-е изд. – М.: Наука, 1982.– 208 с.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М.: Новое Литературное обозрение, 2019. – 509 с.

Слепцов А. Н. Родовая община коренных малочисленных народов Севера в системе управления традиционным природопользованием // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 568–581.

Смирнов А. В. Демография российской Арктики в цифровую эпоху / отв. ред. В. В. Фаузер. – М.: Изд.-во «Экон-Информ», 2023а. – 239 с.

Смирнов А. В. Межрегиональные миграционные потоки в России: сетевой подход // AlterEconomics. – 2024. – Т. 21, № 2. – С. 286–301.

Смирнов А. В. Прогнозирование миграционных процессов методами цифровой демографии // Экономика региона. – 2022а. – Т. 18, вып. 1. – С. 133–145.

Смирнов А. В. Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования. – 2023б. – № 4. – С. 39–50.

Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1 (161). – С. 129–153.

Смирнов А. В. Цифровые следы населения как источник данных о миграционных потоках в российской Арктике // Демографическое обозрение. – 2022б. – Т. 9, № 2. – С. 42–64.

Смирнов А. В. Человеческое развитие и перспективы формирования экономики знаний в российской Арктике // Арктика: экология и экономика. – 2020. – № 2(38). – С. 18–30.

Смирнов А. В., Лыткина У. В. Экономическая специализация и демографическое развитие населенных пунктов северного региона // Население и экономика. – 2022. – № 6 (2). – С. 14–34.

Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики: проблема сохранения и развития. – М.: «Наука», 2007. – 201 с.

Соколова А. К., Нечаева Т. Ю. Проблема «Север-Юг»: ее проявления и пути разрешения // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. – М.: МГУДТ, 2016. – С. 73–75.

Соколова Ф. Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. – 2015. – № 21. – С. 151–164.

Сокур А. В., Колмыкова Т. С., Мищенко В. А. Современные тренды и технологии управления человеческими ресурсами // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 191–202.

Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1989. – 768 с.

Сорокин П. А. Современное состояние России // Новый мир. – 1992. – № 4. – С. 181–203.

Стаканова О. В., Шкаратан О. И. Принципы изучения социальных факторов // Рабочий и инженер: социальные факторы эффективности труда / под ред. О. И. Шкаратана. – М.: Мысль, 1985. – 271 с.

Степанов В. В. Российский опыт этнической статистики коренных малочисленных народов Севера // Демоскоп Weekly. – 2008. – № 319–320. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit03.php (дата обращения: 25.03.24).

Струмилин С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы // Проблемы экономики труда: Т. 3. – М.: Наука, 1964. – 576 с.

Стукалов И. Е., Фаузер В. В. Управление профессиональной подготовкой кадров с учетом демографической динамики. – Сыктывкар: СыктГУ, 2005. – 95 с.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

Суринов Н. Н. Управление человеческими ресурсами: понятие, функции и научные подходы // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 61–7. – С. 28–30.

Терентьева М. А. Занятость в неформальном секторе экономики в северных регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – № 4. – С. 206–216.

Терлецкий П. Е. Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР // Советская этнография. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Вып. 1. – С. 88–99.

Терлецкий П. Е. Проблемы заселения Крайнего Севера. – М.; Л.: Главсевморпути, 1945. – 10 с.

Тихонова Г. И., Чуранова А. Н. Многолетний анализ особенностей учета несчастных случаев на производстве в России // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 142–164.

Тишков В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 4. – С. 183–211.

Ткачев А. В., Добродеева Л. К., Бичкаева Ф. А. Особенности здоровья человека на Севере // Север как объект комплексных региональных исследований. – Сыктывкар, 2005. – С. 151–177.

Тодышев М. А. О проблемах документального подтверждения принадлежности граждан к коренным малочисленным народам // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. – С. 238–253.

Тонких Н. В. Влияние дистанционной занятости на разные сферы жизни: субъективные оценки россиянок // Экономическая социология. – 2023. – № 24 (5). – С. 66–92.

Топливный сектор Республики Коми: направления и методы регулирования развития / коллектив авторов. – Сыктывкар, 2002. – 416 с. (Коми НЦ УрО РАН).

Трудовые ресурсы. Социально-экономический анализ / под ред. В. Г. Костакова. – М.: Экономика, 1976. – 191 с.

Тулаева С. А., Тысячнюк М. С. Между нефтью и оленями. О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в российской Арктике и Субарктике // Экономическая социология. – 2017. – Т. 18, № 3. – С. 70–96.

Тураев В. А. Социально-демографические процессы у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1989–2010 гг. // Россия и АТР. – 2019. – № 2. – С. 145–164.

Управление персоналом: энциклопедический словарь / под ред. А. Я. Кибанова. – М.: Инфра-М, 1998. – 453 с.

Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / под ред. В. В. Щербины. – М.: Изд-во Независимого ин-та гражд. общества, 2004. – 520 с.

Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. – СПб.: Питер, 2002. – 1200 с.

Управление человеческими ресурсами: учеб. / под ред. И. А. Максимцева, Н. А. Горелова. – М.: Юрайт, 2014. – 526 с.

Усачев В. И. Трудовой потенциал пореформенной России: социально-демографические аспекты. – М.: Экон-Информ, 2008. – 319 с.

Уткин Э. А., Сатабаев К. Т., Сатабаева Н. К. Инновации в управлении человеческими ресурсами предприятия. – М.: ТЕИС, 2002. – 304 с.

Фаузер В. В. Влияние абортов на демографическую динамику населения Республики Коми // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления: материалы V всероссийской межведомственной научно-практической конференции с международным участием (г. Воронеж, 10–12 ноября 2022 г.) / под общ. ред. Р. Е. Рогозиной. – Воронеж: Издательство «Цифровая полиграфия», 2022а. – С. 404–408.

Фаузер В. В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Серия препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1992. – Вып. 293. – 32 с.

Фаузер В. В. Методические подходы к исследованию коренных народов: российская практика // Экономика: стратегия и практика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 6–18.

Фаузер В. В. Методология оценки ресурсов труда Республики Коми // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «Экономические науки» – 2022б. – № 3 (55). – С. 5–16.

Фаузер В. В. Научные категории, характеризующие ресурсы труда // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2022: Сборник статей Восьмой Всерос. научно-практической конференции (с международным участием) (21–23 сентября 2022 г., Сыктывкар): в 2 ч. – Иркутск: ООО «Максима», 2022в. – Ч. I. – С. 155–161.

Фаузер В. В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2010. – № 1 (1). – С. 105–111.

Фаузер В. В. Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. … докт. экон. наук: 08.00.05: защищена 15.03.1996 / Фаузер Виктор Вильгельмович. – М.: ИСПИ РАН, 1996. – 328 с.: Библиогр.: С. 303–319.

Фаузер В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение. – Ижевск: ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; Вып. 22).

Фаузер В. В. Теоретические и концептуальные подходы к развитию Севера России // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). – 2008. – № 4. – С. 90–120.

Фаузер В. В. Финно-угорские народы: история демографического развития. – Сыктывкар, 2005. – 24 с.

Фаузер В. В., Альжанова Ф. Г. Роль северности в демографической динамике: Арктика, Север, Казахстан (международные сравнения) // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2022: Сборник статей Восьмой Всеросс. научно-практической конференции (с международным участием) (21–23 сентября 2022 г., Сыктывкар): в 2 ч. – Иркутск: ООО «Максима», 2022. – Ч. I. – С. 58–66.

Фаузер В. В., Жеребцов И. Л. Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты. – Сыктывкар, 2023. – 36 с. (Б-ка демографа; Вып. 23).

Фаузер В. В., Климашевская Е. В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 176 с.

Фаузер В. В., Климочкина Н. И. Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция / отв. ред. проф. Н. Д. Цхадая. – Ухта: УГТУ, 2007. – 150 с. (Б-ка демографа; Вып.9).

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 3. – 158–174.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 4. – С. 1370–1382.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Ассимиляционные процессы в регионах финно-угорской языковой группы России // Демографическая история России и регионов. Межрегиональный научный сборник. Выпуск 2: Динамика численности городского и сельского населения России. – Сыктывкар, 2018а. – С. 123–145.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное

управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. – 2015. – № 3. – С. 151–168.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России // Арктика и Север. – 2017. – № 9. – С. 90–127.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. / отв. ред. д-р экон. наук, профессор В. В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 168 с. (Б-ка демографа; Вып. 18).

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Роль принудительных миграций в формировании населения северных и арктических регионов России // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера: Сборник статей Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2018б. – Ч. I. – С. 250–257.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н., Смирнов А. В. Влияние миграций на численность и трансформацию социально-демографических структур населения российского Севера // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2018. – № 4 (36). – С. 10–20.

Фаузер В. В., Назарова И. Г., Фаузер Вл. В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / отв. ред. д. т. н., профессор Н. Д. Цхадая. – М.: Экон-Информ, 2010. – 175 с. (Б-ка демографа; Вып. 13).

Фаузер В. В., Новиков Ю. С., Задорожный В. Н., Болотов С. П. Управление организационными изменениями в современных компаниях: вопросы теории и практики. – СПб.: Издательский центр экономического факультета СПбГУ, 2009. – 180 с.

Фаузер В. В., Рожкин Е. Н. Влияние миграции на этнический состав населения Республики Коми // Проблемы региональной экономики. – 2000. – № 5–7. – С. 182–198.

Фаузер В. В., Смирнов А. В. Международные и российские подходы к изучению устойчивого развития городского пространства: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 85–102.

Фаузер В. В., Смирнов А. В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. – 2020. – № 4 (40). – С. 4–18.

Фаузер В. В., Смирнов А. В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. – 2018а. – № 3 (31). – С. 6–22.

Фаузер В. В., Смирнов А. В. Многомерная демография: новый подход к оценке человеческих ресурсов российского Севера // Экономика региона. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 395–411.

Фаузер В. В., Смирнов А. В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. – 2018б. – № 7. – С. 112–130.

Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение // Арктика: экология и экономика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 111–122.

Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Городские агломерации в системе расселения Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 77–96.

Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – № 1. – С. 64–79.

Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Этнический потенциал формирования человеческих ресурсов российской Арктики // Арктика: экология и экономика. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 286–300.

Фаузер В. В., Стукалов И. Е. Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ. – М.: Экон-Информ, 2009. – 310 с.

Фаузер В. В., Фаузер Вл. В. Социально-трудовые отношения: демографическое измерение. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 200 с.

Фаузер В. В., Черных А. И. Профессиональное и дополнительное образование: историко-социологический анализ. – Сыктывкар: КГПИ, 2006. – 124 с.

Фаузер В. В., Черных А. И. Социально-демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов Республики Коми. – Сыктывкар: КГПИ, 2007. – 262 с.

Фаузер Вл. В. Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05; защищена 11.11.2010 / Владимир Викторович Фаузер. – М.: ИСПИ РАН, 2010. – 164 с.

Федосеев В. А. Проблемы формирования межотраслевых горнопромышленных комплексов и их роль в развитии и размещении производительных сил полярных районов СССР (на примере Кольского региона): автореф. дис. … д-ра экон. наук. – М., 1980.

Федотовская Т. А. Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Серия: Основные проблемы социального развития России – 38. Ч. 1. – 2001. – № 8 (139). – С. 52–62.

Филимонова И. В., Брострем В. О., Кобозева Д. Л. Нестабильность социально-трудовых отношений и проблемы занятости в период распространения пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – № 29 (спецвыпуск). – С. 658–661.

Хакназаров С. Х. К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры // Арктика и Север. – 2018. – № 30. – С. 120–133. – DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.120.

Халдеева Н. В. Трудовые отношения в районах Крайнего Севера: теория и практика правового регулирования: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 448 с.

Ханушек Э., Вёссманн Л. Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 349 с.

Харченко В. И., Акопян А. С., Михайлова Р. Ю., Михайлов А. Ю. Уровень смертности в России в сравнении с развитыми странами // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 1. – С. 78–92.

Харючи С. Н. Исторические предпосылки и современные тенденции развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. – С. 33–43.

Хэнди Ч. Время безрассудства / пер. с англ.; под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

Человеческий потенциал для инновационной экономики / под ред. д. э.н. С. А. Иванова. – СПб.: ГУАП, 2011. – 188 с.

Человеческий потенциал как критический ресурс России / отв. ред. Б. Г. Юдин. – М.: ИФ РАН, 2007. – 175 с.

Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения: сборник научных трудов / под ред. Б. Г. Юдина. – М.: Институт человека РАН, 2002. – 266 с.

Штыров В. А. Государственная политика в области обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. – С. 8–22.

Щербакова Е. М. Заболеваемость населения России, 2017–2018 годы // Демоскоп Weekly. – 2019. – № 807–808. – URL: http://demoscope.ru/weekly/2019/0807/barom01.php (дата обращения: 26.09.2023).

Эдиев Д. М. Теория и приложения демографических потенциалов: автореф. дис. … канд. физ.-мат. наук / Д. М. Эдиев. – М., 2008. – 36 с.

Экономика сохранения биоразнообразия / под ред. А. А. Тишкова; науч. редакторы-составители: д. э. н. С. Н. Бобылев, д. э. н. О. Е. Медведева, к. э. н. С. В. Соловьева. – М.: Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия Российской Федерации», Институт экономики природопользования, 2002. – 604 с.

Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. П. П. Меликьяна, Р. П. Колосовой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 623 с.

Эренбург Р. Дж., Смит Р. С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М., 1996. – 800 с.

Эткинд А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 5-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 448 с.

Эткинд А. М. Природа зла. Сырье и государство. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 504 с.

Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы / под общ. ред. Н. К. Харлампьевой. – Архангельск: САФУ, 2017. – 325 с.

Юсупова И. В. Региональные аспекты совершенствования государственной политики занятости (на примере Республики Коми): автореф. дис. … канд. экон. наук. – Казань, 2014. – 33 с.

Юшков А. О., Одинг Н. Ю., Савулькин Л. И. Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики. – 2017. – № 9. – С. 63–82.

Ярошенко С. С. Женская работа и личное благополучие. Технологии исключения в постсоветской России // Экономическая социология. – 2013. – Т. 14, № 5. – С. 23–59.

Ярошенко С. С. Лишние люди, или о режиме исключения в постсоветском обществе // Экономическая социология. – 2017. – № 18 (4). – С. 60–90.

Alvesson M., Melin L. Major discrepancies and contradictions in organizational culture // 3rd International Conference on Organizational Symbolism and Corporate Culture. Milan, 1987.

Bolotova A., Stammler F. How the North became home. Attachment to place among industrial migrants in Murmansk region / Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts (eds. Southcott C., Huskey L.). 2010. Pp. 193–220.

Burawoy M. The Roots of Domination: Beyond Bourdieu and Gramsci // Sociology. 2012. No. 46 (2). Pp. 187–206.

Chaika E. E., Mizerovskaya U. V. Modern features and tendencies of population settlement in the Far Eastern regions of the Russian Far North // Population and Economics. 2021. Vol. 5 (1). Pp. 20–39.

Decent Work and the Sustainable Development Goals: A Guidebook on SDG Labour Market Indicators, Department of Statistics (STATISTICS). Geneva: ILO, 2018. 83 p.

Dörre K. Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation // Socialist Studies/Études socialistes. 2010. Vol. 6. No. 2. Pp. 43–74.

Frost P. J., Moore L. F., Louis M. R., Lundberg C. C., Martin J. Introduction: ten empirical studies of culture, in P. J. Frost, L. F. Moore, M. R. Louis, C. C. Lundberg and J. Martin (eds), Reframing Organizational Culture, Newbury Park, CA: Sage Publications, 1991.

Hamilton L. C., Saito K., Loring P. A., Lammers R. B. Climigration? Population and Climate Change in Arctic Alaska // Population and Environment. 2016. Vol. 38 (2). Pp. 115–133.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005. 256 p.

Harvey D. Spaces of Capital: Towards a Critical Geography, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 22 p.

Healy A. Innovation in Circumpolar Regions: New Challenges for Smart Specialization // The Northern Review. 2017. Vol. 45. Pp. 11–32.

Heleniak T., Bogoyavlenskiy D. Arctic Populations and Migration. In: Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. – Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. Pp. 53–104.

Huskey L. Challenges to Economic Development: Dimensions of "Remoteness" in the North // Polar Geography. 2005. Vol. 29 (2). Pp. 119–125.

Jungsberg L., Herslun L. B., Nilsson K. et al. Local smart specialisation: An approach to increasing preparedness in rural communities with resource-based industries in the Northern Periphery // European Journal of Spatial Development. 2020. Vol. 18 (1). Pp. 1–25.

Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V. Internal migration and population concentration in Russia: age-specific patterns // Geo Journal. 2022. Vol. 87. Pp. 4741–4762.

Karlsdóttir A., Heleniak T., Kull. M., Stjernberg M. Demography. In: State of the Nordic Region 2020. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2020. Pp. 25–62.

Kull M., Refsgaard K., Sigurjonsdottir H. R. et al. Attractive Rural Municipalities in the Nordic countries: Jobs, People and Reasons for Success from 14 Case Studies. Stockholm: Nordregio, 2020. 240 p.

Lutz W. Advanced Introduction to Demography. Cheltenham, UK; Northampton, USA: Edward Elgar Publishing, 2021. 224 p.

Lutz W., Cuaresma J. C., Sanderson W. The demography of educational attainment and economic growth // Science. 2008. № 319 (5866). Pp. 1047–1048.

Lutz W., Goujon A., KC S., Stonawski M., Stilianakis N. Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century: 2018 assessment for 201 countries. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 598 p.

Lutz W., Reiter C., Özdemir C. et al. Skills-adjusted human capital shows rising global gap // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. Vol. 118 (7). Pp. 1–5.

Luxemburg R. The Accumulation of Capital; trans. From Ger. A. Schwarzschild – London, New York: Routledge, 1951. 482 p.

Marin P., Widgren J. International migration: facing the Challenges // Population bulletin. 2002. Vol. 52. № 1.

Markov A., Solonin I., Bojko E. Heart rate variability in workers of various professions in contrasting seasons of the year // International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health (Int J Occup Med Environ Health). 2016. № 29 (5). Pp. 793–800.

Marois G., Bélanger A., Lutz W. Population aging, migration, and productivity in Europe // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020 – Vol. 117 (14). Pp. 7690–7695.

Ott J. S. The Organizational Culture Perspective, Pacific Grove, CA: Brooks / Cole, 1989.

Parshukova O., Potolitsyna N., Shadrina V., Chernykh A. Features of selenium metabolism in humans living under the conditions of North European Russia // International Archives of Occupational and Environmental Health. 2014. № 87. P. 607–614.

Petrov A. N., Welford M., Golosov N. et al. The "second wave" of the COVID-19 pandemic in the Arctic: Regional and temporal dynamics // International Journal of Circumpolar Health. 2021. Vol. 80 (1). Pp. 1–12.

Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical. 1885. Vol. 48. Pp. 167–227.

Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. London: The Belknap press of Harvard University. 2014. 298 p.

Schein E. N. What is culture? In P. J. Frost, L. F. Moore, M. R. Louis, C. C. Lundberg and J. Martin (eds). Reframing Organizational Culture. Newbury Park. CA: Sage Publications. 1991.

Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L., Orttung R., Zamyatina N. Dealing with the Bust in Vorkuta, Russia // Land Use Policy. 2020. Vol. 93. No. 103908.

Smircich L. Concepts of culture and organization analysis // Administrative Science. 1983. No 28 (3). Pp. 339–358.

Stanton E. The Human Development Index: A History. – Amherst: Political Economy Research Institute, 2007. 37 p.

Treivish A. I. Geographical space as a mediator between population and economy // Population and Economics. 2019. Vol. 3 (1). Pp. 5–20.

Watts M. Empire of Oil: Capitalist Dispossession and the Scramble for Africa // Monthly Review. 2006. Vol. 58 (4).

Watts M. Petro-Insurgency or Criminal syndicate? Conflict and violance in the Niger delta // Review of African political economy. 2007. № 114. Pp. 637–660.

WHO/ILO joint estimates of the work-related burden of disease and injury, 2000–2016: global monitoring report. Geneva: World Health Organization and the International Labour Organization, 2021. 79 p.

Zamyatina N., Goncharov R., Poturaeva A., Pelyasov A. The sandwich of Russian space: How different spaces differentiate themes in regional science // Regional Science Policy & Practice. 2020. Vol. 12 (4). Pp. 559–577.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ ... 3

Глава 1
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ... 6

1.1. Категории и характеристики ресурсов труда в советский и постсоветский периоды ... 6
1.2. Определения и подходы к оценке человеческих ресурсов ... 21
1.3. Методология оценки ресурсов труда для экономики ... 31
1.4. Занятость в итогах переписей населения и выборочных обследованиях рабочей силы ... 38
1.5. От традиционных к новым формам занятости ... 54

Глава 2
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В СТРАТЕГИЯХ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ... 62

2.1. Стратегии природопользования: целеполагание и осознание проблемы ... 62
2.2. Территориальные особенности современного природопользования ... 78

Глава 3
СЕВЕР И АРКТИКА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ ... 94

3.1. История районирования и установления преференций для Севера России ... 94
3.2. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики ... 107
3.3. Численность и расселение населения Севера России ... 115

Глава 4
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ... 135

4.1. Рождаемость населения в северных регионах России ... 135
4.2. Проблемы подростковой рождаемости на российском Севере ... 149
4.3. Уровень и структура смертности населения на российском Севере ... 161
4.4. Смертность и травматизм от несчастных случаев на производстве в регионах российского Севера ... 178

Глава 5
ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ НА КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ 195

5.1. Сущность и понятие «миграция населения» 195
5.2. Влияние миграций на численность человеческих ресурсов 211
5.3. Образовательный потенциал человеческих ресурсов 223

Глава 6
ЭТНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА 247

6.1. Национальные республики российского Севера 247
6.2. Демографический потенциал национальных республик российского Севера 256
6.3. История формирования перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока 262
6.4. Динамика численности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока за 1926–2021 годы 277

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 289

ЛИТЕРАТУРА 292

Для заметок

Научное издание

Виктор Вильгельмович Фаузер
Лариса Алексеевна Попова
Татьяна Степановна Лыткина
Андрей Владимирович Смирнов
Галина Николаевна Фаузер
Ирина Александровна Панарина
Назар Юрьевич Журавлев
Екатерина Анатольевна Чупрова

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЯ, ТРУД, ОБРАЗОВАНИЕ

Рекомендовано к изданию Ученым советом ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (выписка из протокола № 5 от 11.06.2024).

Монография подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста». (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Редактор – К. А. Попова
Перевод английского текста – Е. С. Кузьмина
Оригинал-макет, дизайн обложки – С. Ф. Камалова
Компьютерный набор – И. А. Панарина, Е. А. Чупрова

В оформлении обложки использованы иллюстрации, сгенерированные при помощи искусственного интеллекта.

Подписано в печать 21.10.2024.
Формат 60x90 1/16. Уч.-изд. л. 21,0. Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 6105-24.

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая 24

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru